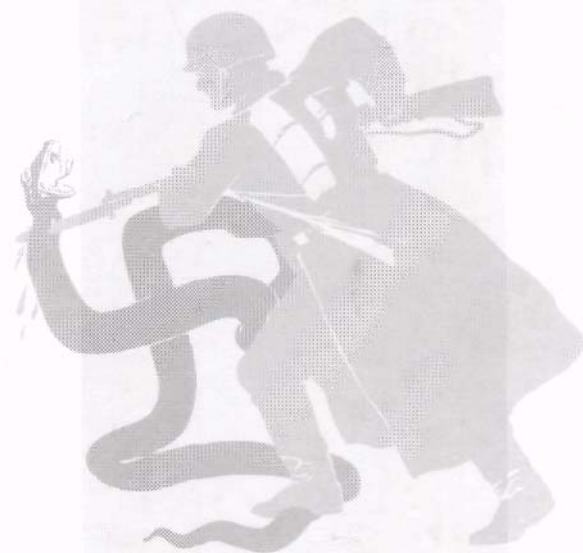

НАЦИЯ И КУЛЬТУРА
НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ОБРАЗ ВРАГА

О-Г-И

РОССИЯ/RUSSIA

ОБРАЗ ВРАГА

О-Г-И Москва

2005

УДК 316.7
ББК 60.56

Издание осуществлено при финансовой поддержке

Международного фонда Ирины Альберта

(Fondazione Internazionale Irina Albert!)

Пользуемся случаем выразить благодарность
профессору Витторио Страде за большую помощь
в выпуске альманаха

Продюсеры Витторио Страда, Дмитрий Ицкович

Составитель Л. Гудков

Подготовка текста к изданию Н. Конрадова

Художник серии Н. Козлов

Дизайн обложки М. Авцин

Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. — М.: ОГИ, О-23 2005. — 334, [2] с, 16 л. ил. —
(Нация и культура: Новые исследования: Россия/Russia).

ISBN 5-94282-159-3

В этом сборнике представлены материалы «круглого стола», организованного информационно-политическим каналом Полит.ру и издательством ОГИ в ноябре 2002 г., а также тексты, написанные специально для альманаха. Масонский заговор и антисемитизм, соседи по квартире и шпионы, хазары и «лица кавказской национальности» — сборник объединяет статьи, описывающие эти и другие болевые концепты российской идеологии XVIII—XX в. на разнообразном материале — доносах и кинохронике, плакатах и бюрократических документах, социологических опросах и публицистических выступлениях

УДК 316.7 ББК 60.56

ISBN 5-94282-159-3

© Авторы статей, 2005

©ОГИ, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

Лев Гудков (Москва)

*Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром
и механизм социокультурной интеграции* 7

Дуглас Смит (Сиэтл)

*У истоков русской масонфобии. Пер. Кирилла Основата,
Дарьи Хитровой* 80

Йоханан Петровский-Штерн (Чикаго)

*«Враг рода человеческого»: антинаполеоновская пропаганда
и «Протоколы сионских мудрецов»* 102

Михаил Долбилов (Воронеж)

*Полонофобия и политика русификации
в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг.* 127

Алексей Назаров (Москва)

*Трансформация образа врага в советских хроникальных
кинофотодокументах июня-декабря 1941 года.* 175

Клаус Вашик (Бохум)

*Метаморфозы зла: немецко-русские образы врага
в плакатной пропаганде 30—50-х годов. Пер. Аркадия Перлова* 191

Илья Утехин (Санкт-Петербург)

*Происки «постороннего»
(из материалов по жилищному вопросу)* 230

Виктор Шнирельман (Москва)

*«Отмстить неразумным хазарам...»: Хазарский миф
и его создатели* 248

Алексей Левинсон (Москва)

*«Кавказ» подомною: Краткие заметки по формированию
и практическому использованию «образа врага» в отношении
«лиц кавказской национальности»* 276

Галина Зверева (Москва)

*Чеченская война в дискурсах массовой культуры России:
формы репрезентации врага* 302

ЛЕВ ГУДКОВ (МОСКВА) ИДЕОЛОГЕМА «ВРАГА»¹

"Враги" как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции

ПЕРВОНАЧАЛЬНО мой интерес к проблематике «врага» был вызван чисто техническими задачами — необходимостью прояснить для себя, как работают механизмы негативной мобилизации. Социологические исследования «Советский простой человек», которые ведутся уже более 12 лет рабочей группой во ВЦИОМе, показывают, что процессы медленного и длительного институционального разложения советской системы сдерживаются (и отчасти подавляются) особой природой советского человека, сформированного взаимодействием с репрессивными и контролирующими структурами общества и адаптированного к ним. Такой вывод означает, что удобная посылка о «захвате власти» большевиками и установлении «оккупационного» советского режима, очень устраивающая сегодня русских националистов (и в некотором роде либералов, считавших, что можно продолжить русскую сюиту кадетов с прерванного места), неверна, поскольку советский порядок так или иначе воспроизводится по меньшей мере на протяжении жизни полутора поколений. Сегодня уходит из жизни поколение людей, родившихся уже после революции и Гражданской войны. Следовательно, имелись условия согласо-

¹ В основе статьи лежит выступление «Риторика „врага“ в советском тоталитарном искусстве и литературе» на конференции «Эпоха тоталитаризма. Игнасио Силоне и литературная культура и политика в 1920—1930 гг.» (Ак-вила, 29—30 апреля — Пешина, 1 мая 2001 г.). В сокращенном виде доклад опубликован: GUDKOV L. La retoricadel «nemico» nell'arteenella litteratura totalitarie sovietica //1 viaggi di ERODOTO. Trimestrale di culture storica. Milano. Ottobre 2000 — marzo 2001.43/44. P. 30—39. После обсуждения исходного текста с Ю. А. Левадой и Б.В. Дубиным, высказавшими крайне важные для меня критические замечания и соображения, стала очевидной необходимость расширения контекста рассмотрения проблемы. Я хочу, пользуясь случаем, выразить им свою благодарность и признательность.

вания повседневных интересов жизнеобеспечения, передачи социального и культурного опыта, основных представлений о реальности, нормах взаимодействия, ценностях и благах, а значит, шли процессы социализации и обучения, включения в общий порядок согласованного существования. Можно сказать, отвлекаясь от множества других обстоятельств, что советский порядок должен был быть признанным населением уже только в силу длительности его существования. Как известно, само по себе насилие (какова бы ни была его природа или интенсивность) не может обеспечить сохранение и воспроизводство репрессивного режима в течение длительного времени. Для этого власть должна получить массовое признание, а население — адаптироваться к условиям, которые задаются существованием подобной системы, т. е. выработать ответные навыки взаимодействия с управляющими органами, психологические и социально-регулятивные механизмы принятия этого режима власти или идентификации с ним. В нашем случае легитимация и внутреннее оправдание советской власти заключались, помимо прочего, в специфическом сочетании культуры страха и надежды, в соединении официального культа героизма и самоотверженности с этикой заложничества, производными которых были повседневные комплексы внутренней зависимости и пассивности, неопределенность и партикуляристская диффузность индивидуальной, личной идентичности, маниловская мечтательность и социальная незрелость (патернализм, подростковые агрессивность и некритичность в отношении к дальним и ближним) и т. п.

Крах социально-экономической организации советской системы, как выяснилось позже, совершенно не означал одновременного распада или даже наступления критического уровня дисфункций других социальных и культурных институтов тоталитарного общества. Несомненно, процессы очевидных изменений идут, но столь же несомненно, что их значительная часть представляет собой реконфигурацию оставшихся институтов, иную композицию социальных групп, при том что сами эти группы и люди, их составляющие, изменились не принципиально. Как свидетельствуют социологические исследования ВЦИОМа последнего десятилетия (в том числе международные сравнительные исследования национальной идентичности других бывших «социалистических» обществ центрально- и восточноевропейских стран), базовые ценности и представления советского человека обладают чрезвычайной устойчивостью. Меняется слой «внешних», оперативных механизмов взаимодействия и средств ориентации, характеризующихся

значительным потенциалом адаптации к непосредственным переменам, но фундаментальные структуры базовой социальной лично-

8

ста и, соответственно, формы социальной организации остаются, насколько можно судить, по существу, «советскими»².

Поэтому нам не остается ничего другого, как только изучать, описывать и понимать те социальные и культурные механизмы, которые обеспечивают ретрансляцию наиболее значимых в данном отношении смысловых структур и представлений. И здесь следует обратить внимание прежде всего на чрезвычайно интересный (так врачи говорят об аномальной форме рака) в социологическом смысле социально-антропологический эффект: пластичность социальной природы человека связана не с его продуктивными способностями и готовностью к инновации, а с практическим имморализмом в сочетании с редуцированными традиционалистскими представлениями о социальном мире, организованном по модулю «свои — чужие». В их ряду идеологема «врага» играет особую роль.

Как всякая «ядерная» метафора, методически организующая вокруг основного и самоочевидного представления разноплановые понятийные контексты, семантический комплекс значений «врага» устанавливает функциональные связи между пониманием социального целого («мы»), репрезентативной для этого целого властью и характером человека, входящего в это «мы» (т. е. акцентирует те социальные нормы и ценности, которыми оно конституировано и управляемо); указывает прямо или опосредованно на символические характеристики его прошлого и будущего, ресурсы, партнеров и тому подобные элементы картины социальной реальности. Соответственно, не только структура образов врага, но даже само по себе выдвижение на первый план риторики врага уже может служить симптомом важнейших социальных процессов — массовой консолидации мобилизационного типа, блокировки инновации, консервации архаических представлений и ритуалов.

Мониторинговые исследования динамики массового сознания, проводимые нами во ВЦИОМе, показали становившуюся все более явной после 1994 г. взаимосвязь между высокими самооценками публики, вновь утверждавшейся в своем великом прошлом и необыкновенных национальных достоинствах, и нарастающей ксенофобией и изоляционизмом, невротическим отказом от сравнения себя и других стран, особенно тех, которые считаются «нормальными», т. е. благополучными. Масштабный и продолжительный социально-экономический кризис, свидетельствовавший о внутреннем сопротивлении общества различным усилиям трансформировать государственную экономику в рыночную, повлек за собой

² О некоторых особенностях подобной адаптации в ситуации институциональных разрывов см.: ГУДКО В. Л., ДУБИН Б. «Нужны знакомства»: особенности социальной организации в условиях социальных дефицитов // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 3. С. 24—39.

не только дискредитацию самих политиков-реформаторов, но и вялую ностальгию, оживление фобий и страхов советского времени, в том числе и разнообразных представлений об угрозах безопасности страны, заговорах против нее и т. п. Как ни слабы были сами по себе эти движения массового сознания, но их было достаточно для разложения «демократической» элиты.

Политическая жизнь после 1995 г. медленно и неуклонно упрощалась, теряя нюансы различных групповых мнений и выстраиваясь как конфронтация «Ельцин — Зюганов» (поддержка власти нового или старого образца), которой все в большей мере подчинялись все иные структуры интересов. Так или иначе, но в результате ни один из новых институциональных проектов — парламентаризм, многопартийность, независимый суд, контроль над силовыми структурами и т. п. — не был реализован, хотя и не был полностью забыт. Вторая война в Чечне была почти неизбежной после финансового кризиса 1998 г. — реванш был необходимым условием самосохранения не только для генералов, но и для ревитализации всей управляющей системы общества. Достаточно было возникновения лишь одного, но экстремального фактора угрозы (взрывы в городах), чтобы власть окончательно утратила свои расходящиеся определения новая «демократическая»/старая «коммунистическая» и стала единой — «путинской».

Восстановление на публичной сцене «врага» (не только мятежных «варваров» — бандитов-чеченцев, но и американцев, НАТО и др.), его присутствие в качестве «горизонта» происходящего, стало условием повышения всеобщего массового тонуса в 1999—2000 гг. Антизападный рессантимент в большой мере способствовал приходу к власти лидеров, вышедших из спецслужб и армии: КГБ, МВД, ВПК и других силовых структур, составлявших костяк милитаризованного советского общества. В 1989 г., в ходе общенациональных исследований общественного мнения,

проводимых ВЦИОМ, на вопрос: «Как Вы думаете, есть ли сегодня у нашей страны враги?» — только 1 % опрошенных назвали какие-то персонажи или силы (перечислю их в порядке убывания частоты упоминаний — бюрократическая мафия, коммунисты, националисты, русские нацисты, спекулянты, реже — США, НАТО, ЦРУ, еще реже — жители Кавказа, евреи, китайцы, мусульмане и др.). При этом самая большая группа ответов (47%) сводилась к варианту: «Зачем искать врагов, если все беды заключаются в нас самих?» Спустя 10 лет, в 1999—2002 гг., 65—70% опрошенных уверенно отвечали: да, у России есть враги (и называли: чеченцы, НАТО, исламские фундаменталисты, демократы, Китай и др.). Чем выше уровень ненависти и ущемленной агрессивности (повод мог быть самый разный — бомбардировки Сербии авиацией НАТО, теракты в российских городах, «унижение России» из-за «неправильного судейства» в Солтлейк-Сити, из-

10 за поражения наших футболистов в Японии и проч.), тем выше доверие к президенту, армии и спецслужбам, тем уверенней и оптимистичней чувствует себя российское общество. Шовинистический лозунг «Россия — для русских!», который в начале 90-х гг. еще вызывал известное смущение у большей части опрошенных, сегодня утратил свою скандальность. За последние пять лет число так или иначе поддерживающих его увеличилось в полтора раза: с 43 до 60—65% (шокированных этим призывом вдвое меньше — 25%). В августе 2002 г., уже после объявления официальной версии гибели АЛЛ «Курск», 17% взрослых россиян (а это около 18 млн!) продолжали верить, что катастрофа была результатом вражеской диверсии. Так восстанавливается распадающаяся структура идентичности³.

Было бы сильным упрощением для социолога полагать, что активизация роли врага в общественном мнении является результатом навязанной пропаганды, идеологического манипулирования, или, как сейчас говорят, «пиара». Сама уверенность в могуществе подобных технологий представляет собой всего лишь парафраз теории заговора, иное выражение «конспиративного мышления», близкое по типу к идеологеме врага. Абсурдность такой посылки становится очевидной, если перенести ее в контекст развитых демократий, например, в условия британских выборов. Никакая пропаганда не может быть действенной, если она не опирается на определенные ожидания и запросы массового сознания, если она не адекватна уже имеющимся представлениям, легендам, стереотипам понимания происходящего, такого рода мифологическим структурам. Внести нечто совершенно новое в массовое сознание — дело практически безнадежное. Поэтому рост значимости представлений

о враге всегда является производным усилий и движений с двух сторон — заинтересованных и относительно рационализированных интерпретаций господствующих элит и аморфных, разнородных массовых взглядов, объяснений, верований, суеверий, символов, традиционных элементов идентификации.

Актуализация образа врага означает, что само общество начинает испытывать сильные социальные напряжения, источники которых с трудом опознаются и рационализируются. Речь в данном случае не идет о конкретных неприятностях или частных действующих лицах — противнике, оппоненте, социально опасном лице, т. е. предсказуемых и понимаемых по своим мотивам действиях. Для того чтобы этот актер стал «врагом», он должен получить ряд генерализованных характеристик: неопределенность и непредсказуемость, асоциальную силу, не знающую каких-либо нормативных

³ Гудков Л. К проблеме негативной идентичности // Мониторинг общественного мнения. 2000. № 5; Гудков Л. Отношение к США в России и проблема антиамериканизма // Там же. 2002. № 2.

11

или конвенциональных ограничений. При появлении «врага» не работают или отходят на задний план обычные системы позитивных вознаграждений и стимулов взаимодействия: признание общих ценностей, индивидуальных удач и групповых достижений, подчеркивание общих благ и символов. В такой тревожной и неясной ситуации общих страхов, унижения и проч. начинают оживать архаические интегративные механизмы, заставляющие людей сильнее, чем обычно, чувствовать свою близость, солидарность перед лицом реальных или мнимых коллективных опасностей.

Я говорю «архаические» потому, что для современного, сложно устроенного, упорядоченного, обладающего значительным ресурсом безопасности и многократными системами внутренней и внешней защиты общества подобные ситуации неспецифичны⁴. Дело не просто в армии или полиции, а в том, что ни армия, ни полиция не являются сегодня для таких обществ

центральными, представительскими институтами, символически обозначающими основные ценности всего целого. В качестве таковых выступают совершенно иные публичные институты: свободный рынок, парламентская или научная дискуссия, искусство как выражение автономной субъективности, спорт или гражданская благотворительность и т. п. Каждый из них дает свою собственную проекцию «современного общества», а набор или композиция этих проекций и служат общей характеристикой данного социума, интегрируемого благодаря всей системе символических коммуникаций и обменов. Напротив, в архаических социумах проблема существования целого непосредственно связана с условиями обеспечения физического выживания и защиты их членов. Поэтому, если мы видим, что силовым структурам придается статус центральных символических институтов социума, то это может означать либо псевдомодерный характер данного общества, имитирующего государственные или социальные формы западного оригинала, либо экстраординарное, экстремальное состояние общества, вызванное введением военного или чрезвычайного положения, крупномасштабными террори-

⁴ Чтобы сразу избежать возможных недоразумений, подчеркну: я не отношу нынешнюю Россию (тем более — СССР) к «современным» обществам, несмотря на ряд их общих характеристик (прежде всего высокий уровень военно-промышленного развития), аналогичных собственно современным обществам. Дело не в них, а в принципиальных различиях институциональной структуры и базовой личности, обеспечивающих воспроизводство обеих систем. Это эффект гомоморфности, а не идентичности: ихтиозавр, акула и дельфин выглядят очень похожими на рисунках, но это разные типы животных. Еще формалисты предлагали для аналогичных целей различать «синхронистов» и «современников». См.: Шкловский В. Современники и синхронисты // Русский современник 1924. № 3. С. 232-237.

12

стическими актами и т. п. особыми обстоятельствами. Длительное сохранение такого состояния в этих обществах грозит радикальной деформацией его основных институтов и ограничением их функций, как это было, например, в 1920-х годах в Италии или несколько позже — в Германии. Эффективность риторики врага означает собственно не «изобретение» факторов угрозы, а лишь актуализацию находящихся в культурном «депо», на периферии общества давних, общеизвестных и «отработанных» представлений, обычно выступающих лишь в качестве средств первичной социализации, мифологических структур массовой идентичности. Поэтому трудности концептуального или аналитического толка связаны с пониманием причин перенесения подобных представлений, играющих важную роль для сохранения низовой и относительно примитивной идентичности, на более высокие уровни организации, их влияния на более сложные социальные взаимодействия, на эволюцию институциональных структур. Иначе говоря, постановку проблемы следовало бы, пусть даже в целях интеллектуального эксперимента, перевернуть: происходит не навязывание «массе» идеологических конструкций «врага», а давление возникающей в определенных условиях «массы» на формы организации общества, подчинение «элиты» менталитету масс (образу морали, принципам солидарности, ценностным мотивациям). Использование идеологемы врага для массовой мобилизации или в целях легитимации социальной системы представляет собой специфический «сброс» институциональной «сложности», блокировку модернизационного развития, плебейское упрощение или уплощение социокультурной организации общества. Вопрос, следовательно, заключается в том, при каких условиях и под влиянием каких обоюдных интересов возникает этот процесс взаимодействия, какова логика его развертывания и затухания, каковы культурные ресурсы и социальные последствия.

Хотя феномены массовой актуализации «врага» в обществах разного типа возникали много раз на протяжении XX в. (мировые войны, этнические чистки, террористические акты и прочее), но наиболее характерны они именно для тоталитарных режимов — от советского коммунизма, итальянского фашизма, германского нацизма и вплоть до режимов типа Саддама Хусейна или иранских аятолл.

К ТЕОРИИ ВРАГА

Прежде всего необходимо уточнить, что понимается под «врагом», поскольку обычно сборники материалов такого рода дают скорее иллюстративные описания, нежели определения и типологические построения. Например, основательная коллекция образов врага в военной пропаганде, изданная С. Кином, опирается на такие «ар-

13

хетипы» врага, как «чужой», «агрессор», «варвар», «преступник», «враг бога», «смерть», «достойный противник», «насилъник», «мучитель или палач» и проч.⁵

Как бы семантически ни различались те или иные виды образов или топики «врагов», их главная функция — нести представления о том, что является *угрозой самому существованию группы* (обществу, организации, с которой идентифицирует себя субъект и адресат риторических обращений — автор, читатель или зритель), ее базовым ценностям. Смертельная опасность, исходящая от «врага», является важнейшим признаком подобных смысловых или риторических конструкций. Этим «враг» отличается от других, хотя и близких, персонажей символического социального театра — «чужого», «постороннего» или «маргинала».

Маргинал представляет собой самый распространенный среди эстетических и фикциональных конструкций социальный тип действующего. Этот любопытный и часто описываемый в науке персонаж (точнее, набор различных персонажей — от плута до ми-Фанта) интересен тем, что сочетает значения (ценности и нормы) двух групп или миров — того, откуда он пришел, и другого, где он стремится стать «своим», получить признание, освоиться и адаптироваться (что ему не удастся до тех пор, покуда он «маргинал», и что составляет собственно тематические коллизии изображения)⁶. Чуждость маргинала, демонстрация социальной дистанции между своими и не-своими, двумерность и прочие свойства еще не предполагают угрозы для группы «своих» — маргинал здесь всегда заведомо слабее в социальном плане, чем «свой».

От маргинала необходимо отличать «Другого» («иной»), главное назначение которого — служить условием артикуляции позитивных значений «своих», типичных в своих ролевых или статусных определениях. В качестве «Другого» может быть и «свой», но выходящий за рамки «нормы» (ролевых определений взрослости или социальной дееспособности): ребенок, больной или умирающий, старик, робот, собака, лошадь и проч. «Другой» близок к семантике «маргинала», но отличается от него тем, что этот персонаж почти всегда полупосторонний или временный, периодически возникаю-

⁵ См.: *Faces of the Enemy: Reflections on the Hostile Imagination* / Ed. by Sam Keen. San Francisco: Harper & Row, 1986.

⁶ См., напр., ставшие образцовыми социологические описания «маргинала» у Г. Зиммеля в его «Социологии» и «Социальной дифференциации»

(S i m m e l G. *Stranger* // *The sociology of Georg Simmel* / Ed. by K. Wolff. N. Y.: Free Press, 1950.. P. 402-408) или этюд «Посторонний» («Stranger») у А. Шют-ца (Schutz A. *Stranger: An Essay in Social Psychology* // *Collected Papers.* / Ed. by A. Arvid Brodersen. The Hague: Martinus Nijhoff, 1964. Vol. II.: *The Studies in Social Theory.* P. 91-105).

щий актер. Его функция — указать изнутри, т. е. в ценностной перспективе общепринятых значений группы, на культурные границы «мы-группы», зоны «своих», пределы «наших». Способ реализации этой функции заключается в выявлении или разметке характерной неполноты ролевых определений, ценностных конфликтов и норм действия и связанных с этим напряжений в группе. «Чужой» же отмечает внешние границы «своих», пределы понимания и идентичности группы. «Чужим» действующий может быть только по отношению к закрытым группам, куда доступ очень жестко регулируется или просто закрыт: в качестве барьеров могут служить расовые или этнические предрассудки и нормы, накладывающие известные запреты на поведение, этно-конфессиональные границы, социальные барьеры между кастами или сословиями — короче, любые аскриптивные или близкие к ним по жесткости социальные определения. Поэтому, хотя при те-матизации «чужого» и возникает мотив насилия, он не является здесь ведущим. В конструкциях «чужого» насилие имеет дополнительный или частный характер (что может иногда выражаться как комическое или неадекватное применение насилия), тогда как в образах врага тема насилия становится одной из главных. (Поэтому враг обычно сливается с темой войны или агрессии, что несколько сбивает интерпретаторов.)

Типологически враги могут различаться не только по характеру и масштабам угрозы, которую они несут (погибель души, уничтожение нации, культуры, прошлого или будущего, природы, близких, сверхценной идеи, достоинства и проч.), но и по тому виду авторитета, который отвечает за существование или благополучие группы, противостоит врагу или нейтрализует его действия.

Иначе говоря, конкретизация врага предполагает различные корреляции с властью, воплощающей тот или иной институциональный аспект существования группы или сообщества. Сатане соответствует святой или священник, народу — нашествие, военная агрессия, Галилею — Савонарола, врачу — эпидемия и т. п.

От врага можно защититься, укрыться, уйти или победить его. Но в любом случае враг представляет собой апеллятивный фактор, мобилизующий всех членов сообщества к солидарности и сплочению вокруг власти или группового авторитета, который гарантирует условия

безопасности и избавления от угрозы уничтожения.

Враги могут подразделяться и по уровню институциональной дифференциации: враги низшего уровня — это враги «прямого действия», их много, и они неразличимы, они эквивалентны массе сообщества. Враги «второго», «третьего» и более высоких уровней — это враги, чьи действия носят опосредованный и институциональный или символический характер. Они представляют собой угрозу либо отдельным социальным институтам, их ресурсам, либо

15

культурным программам или даже символическим структурам группы или сообщества, затрагивающим условия ее воспроизводства в будущем.

Чем выше уровень угрозы, тем сложнее и избирательнее поведение врага, тем больше позитивных значений втягивается в его конструкцию. Поэтому враг не только внушает страх, он может быть привлекателен, соблазнителен, по крайней мере, амбивалентен⁷. Те латентные ценностные значения, которые образуют второй, третий план, «бэкграунд» врага, чаще всего разворачиваются либо в семантике контркультурных явлений, либо в образах предателей и отступников, либо в образах «царства зла», «вражеского мира». Враг, указывая «слабым» или неустойчивым индивидам иные, недопустимые в группе возможности действия и ценности, подрывает внутреннюю дисциплину и верность сообществу, значимость единых норм, целей группы или императивы выживания. В самых сложных случаях враг представляет собой угрозу только тем, кто управляет сообществом, кто регулирует основные сети отношений, кто контролирует доступ к «киному», к запрещенным ресурсам или стратегиям поведения.

Однако любые конкретные формы действия для того, чтобы получить квалификацию в качестве «вражеских», должны восприниматься как символически иллюстративные, пониматься как пример «действия многих», т. е. включать в себя методическое требование неопределенной генерализации и соотнесения с общим контекстом всего социального целого. В этом плане «враг» — способ проявления значений целого, конституции «массы». Другими словами, диагноз «наличия врага» предполагает формирование двойной генерализирующей установки: во-первых, возникает подозрительность, недоверие или, правильнее, бдительность как принцип социальной организации, а во-вторых, задается «горизонт» сознания «наши», т. е. социально бескачественное определение массы (своих как «не-врагов»).

ПРЕДЫСТОРИЯ «ТОТАЛЬНОГО» ВРАГА

Для традиционного общества категория «враг» имеет довольно устойчивое, конкретное или предметное значение, с трудом отделяемое от семантики «чужого» или «потустороннего», «запредельного», от персонификации хтонических сил. Не случайно, что только

⁷ Как правило, в таком случае он воплощает в себе возможности ценностной реализации, закрытые для индивида в обычной жизни, — богатства, безнаказанности, власти, свободы, компенсации, утверждения, мести и проч. Ср.: «Злодеяние в наши дни обладает болезненной притягательностью» (BORKENAU F. The totalitarian enemy. London, 1940.P.231).

16

в христианстве «враг» получает психологическую и социально-моральную «генерализацию» и становится универсальным символом зла — «врагом рода человеческого». Иначе говоря, до начала процессов массовизации, т. е. до разрушения сословного, закрытого общества и формирования общества массового, проблематика «врага» не получала сколько-нибудь широкого распространения. За исключением церкви, фактически не было такого института, который нуждался бы в соответствующем социальном механизме идентификации и консолидации и был бы в состоянии выработать подобные смысловые представления. Феодалные войны при всей своей жестокости были довольно упорядоченными и ритуализированными периодическими столкновениями; архаические набеги других племен или даже территориальные завоевания, при всем их катастрофическом характере для сообщества, не давали оснований для универсализации представлений о противнике и не меняли общей картины реальности.

Ситуация в этом плане начала меняться лишь в Новое время — с началом формирования массового общества и его специфических интегративных систем — национальной (и «классовой») идеологии. Первый же пример резкой массовизации — период Французской революции — дал и первые образцы генерализованных представлений о «враге», точнее — «враге народа», а также непосредственно связанную с ними практику массовой мобилизации (в духе «Марсельезы» и робеспьеровской риторики «культы высшего Разума») и логически вытекающих из нее массовых репрессий — якобинского террора. «Враги» стали катализатором не только утверждения первого национального мифа, национальной идеологии, но и появления первых эскизов концепции

национального государства и его институтов (как представительских, так и репрессивных, или позднее — репродуктивных, необходимых для защиты национальной культуры, языка, школы и т. п.)⁸.

Разрушение сословного порядка (Старого режима) обернулось возникновением принципиально нового социального состояния — слабо управляемой плазмы массового рессантимента и возмущения, которое не могло быть удержано еще не сформировавшимися, толком не сложившимися институциональными структурами

⁸ Безусловно, можно без особого труда найти те или иные протоформы генерализации противника, превращения его в моральное и метафизическое воплощение зла. Причем, скорее всего, это будет такой универсальный институт, как, например, католическая церковь, уничтожить которую в свое время требовал Вольтер («раздавить гадину!»). Но мобилизационный потенциал таких призывов и воззваний все же следует признать как довольно умеренный или слабый.

17

популистской республиканской демократии. Закрепление их могло быть обеспечено только крайне противоречивым в каждой своей точке процессом — выносом «врага» вовне, за пределы «национального сообщества», т. е. развертыванием цепи европейских войн и, соответственно, появлением авторитарного национального лидера. Так миф Наполеона снял проблему внутреннего «врага» (может быть, как всякий авторитаризм Нового времени?), перевел ее в другой план, развернув в виде противостояния Франции — новой национально-государственной формации, республиканской или императорской — и множества ее внешнеполитических противников, ее «исторических» врагов. Демонизация Наполеона была лишь формой освоения разрыва с традиционным обществом.

Развитие семантики «врага» на протяжении девятнадцатого века можно считать продуктом процессов массовизации, формирования структур массового общества, прежде всего — бюрократизации различных сфер социальной жизни. И здесь важнейшими социальными институтами стали: армия нового типа (переход от рекрутирования к всеобщей воинской повинности и системе всеобщей мобилизации), ставшая предпосылкой промышленных войн уже XX в.; система массовых политических партий; национальная массовая школа (и достижение к концу века массовой грамотности населения во Франции и Германии)⁹; появление средств массовой коммуникации (вплоть до миллионных тиражей у некоторых иллюстрированных изданий); промышленное производство и транспортная инфраструктура.

Однако, в отличие от позитивной и систематической рационализации складывающихся или подлежащих генерализации социальных отношений и практик (правовых, психологических, образовательных, технических, медицинских, гигиенических и т. п.), генерализация и распространение представлений о «враге» не были продуктом собственно бюрократических институтов, как это должно было бы быть на первый взгляд. Бюрократические институты, чье функционирование немыслимо без уравнивающего всех проце-

⁹ См., например, классическую работу М.Л. Острогорского о массовых политических партиях (1898), описывавшего структуру и национальные особенности политических партий в разных странах. Среди прочего, он отмечал значение грамотности как условия действенности партийной пропаганды. «Система народного обучения, так давно ожидаемая и введенная в 1876 г. [в Великобритании], широко распространила образование в стране, она довела число неграмотных до поразительного уровня (неграмотные избиратели составляют 4% в Англии), но она недостаточно развила интеллектуальные способности. Часто говорят, что акт 1870 г. — «неудача», что он создал только поверхностных читателей вместо знающих образованных людей» (Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН, 1997. С. 190).

18

дурного и юридического формализма, непрерывности и последовательности, предполагают ориентацию на стабильность, предсказуемость последствий. Они опираются на позитивные установки в отношении реальности и социальных партнеров, культивируя рациональное отношение к действительности, веру в возможность постепенного и методичного, технологического преобразования ее или улучшения жизни в соответствии с намерениями действующего. Здесь (по внутренним, организационно-функциональным или чисто технологическим причинам) не возникает проблематики разрыва, кризиса, а соответственно, и потребности в акцентировании существования экзистенциального или смертельного «врага». Напротив, подобные представления вырабатывались теми идеологами или лидерами радикальных движений и организаций, которые не имели шансов реализации своих программных целей через легальные институциональные каналы (если они, естественно, предполагали участие в политической конкуренции). Но общественно-политическая ситуация в пореформенной России

была именно таковой — и сохранение абсолютизма, и характер патримониальной правительственной бюрократии не допускали никаких возможностей легального политического действия, если не считать таковыми выборы в дворянские собрания и земскую деятельность. Становящееся все более очевидным и значимым влияние этих массовых бюрократических институтов порождает у слабых идеологов склонность к радикализации своих программ, к поиску экстраинституциональных путей к самоутверждению и достижению власти. В определенном смысле конструируемые ими образы всемогущего «врага», пусть даже и скрытого (идея тайного «мирового заговора» или «сговора» власть имущих), становятся отражением осознания все большей значимости проблемы «массы», тотальной правомочности и компетенции формирующихся массовых социальных институтов. Речь идет о появлении не только революционных партий, но и радикально-консервативных образований неопределенного статуса (задолго до «Союза русского народа»), шовинистических аморфных объединений, эксплуатирующих разного рода комплексы, нереалистические надежды или страхи различных депримируемых социальных групп.

Появление и выработка символических «врагов» становятся формой партикуляристской реакции на процессы массовизации, вызванные модернизационными изменениями в традиционных обществах. Для наших целей можно очень грубо представить себе эти изменения (в действительности являющиеся крайне сложными и исторически многообразными) как два типа процессов: классическая модернизация (английского или в еще более чистом виде — американского развития) и «традиционализирующая» модернизация (российского, индийского, индонезийского и т. п. развития).

19

Первый тип представляет собой инновационное развитие (рационализацию и универсализацию) определенных аспектов уже сложившихся социальных отношений, их культивирование, рафинирование, «облагораживание» в соответствии с некоторыми идеальными представлениями (как правило, религиозно-философскими)¹⁰. Подчеркну: универсализации в духе буржуазного либерализма подлежат уже существующие «модерные» отношения (своего рода «затравочные кристаллы» модернизации). Это очень важное обстоятельство: социальная (правовая, политическая, моралистическая и проч.) рефлексия — например, американских федералистов — стремится учитывать исторический опыт европейского деспотизма, подавления религиозных и экономических свобод (от римской античности до конца восемнадцатого века). Создавая, проектируя новые институциональные отношения, либерализм XIX в. стремился нейтрализовать возможные негативные последствия гипертрофии любых авторитетов (соответственно, любых социальных групп), выступающих с претензиями на абсолютность своих ценностей и интересов. Поэтому в самой «конституции» общества (его системе взаимных сдержек и противовесов) уже закладывался принцип компромисса, конкуренции, дискуссии, соглашений и т. п., блокирующий идею тотальности «врага», по крайней мере в обычных мирных условиях жизни. И действительно, на протяжении XIX и первой половины XX в. в этих странах в большей или меньшей степени утвердилось понимание «государства» как института, технически обслуживающего нужды «общества». Из силы, стоящей над обществом или «борющейся» с обществом, государство стало институциональной структурой, контролируемой обществом. Само же «общество» (его образец — society, Gesellschaft и т. п.) осознавалось как совокупность разнородных групп, корпораций, образований, индивидов, солидарных друг с другом во многих отношениях. Оно представлялось не иерархически выстроенной пирамидой сословий, не «народом», подчиняющимся, подданным «короне», а «сообществом» (почти по типу «торгового общества», синдиката, союза, конфедерации организаций или научного «сообщества»). Важно, что конституирующие подобный союз ценности и представления носят вполне позитивный характер. (Исходно — это союз свободной аристократии, заключающей то или иное соглашение, хартию, устанавли-

¹⁰ Это то, что вслед за М. Вебером, описывавшим этот процесс рационализации как «судьбу» современного западного общества, позднее стали называть «модернизацией». Подчеркивая составляющие этого процесса, помимо типа личности, на которую решающее воздействие когда-то оказал тип религиозного воспитания, Вебер в качестве столь же значимых источников современного рационального капитализма называет рациональное право, рациональную науку, технологию, бюрократию.

20

вающей свою конституцию.) Базовые элементы могут прорабатываться и универсализироваться по аналогии с некими идеальными представлениями (в том числе — моделями прошлого или

будущего), но всегда они, как минимум, исходят из нормативных определений партнеров как дееспособных, готовых к взаимодействию — таких же, как «мы» — и контролируются ими. В отличие от классической модели, другие типы — «запаздывающая» или «догоняющая», «традиционализирующая» модернизация — проводятся совершенно другими социальными институтами и элитами, другим образом (часто — властно-принудительным), и в других целях. Как правило, ее агенты, ориентируясь на успехи модернизирующихся стран Европы, стремятся «пересадить» ряд социальных феноменов на свою почву, добиться схожего успеха путем направленного заимствования необходимых социальных форм. Это либо все, что связано с армией и войной, либо то, что рассматривается как необходимые факторы реализации имперских амбиций — образование, торговля, наука, транспорт и проч. Этот процесс проходит под контролем властей, при консервации (более или менее удачной) других сфер и систем социальных отношений. То, что составляет суть модернизации первого типа (либерализм, свобода, индивидуализм), здесь рассматривается как угроза существующему порядку и обеспечивающим его структурам и институтам. Поэтому власть или выступает здесь непосредственным агентом модернизации (создает армию нового типа — ориентированную уже на промышленную, массовую войну), или поддерживает соответствующие силы, корпорации и группы, благоприятствует им (дворянское предпринимательство, государственно-зависимая буржуазия, патерналистский капитализм и т. п.). Массовизация здесь является производным от решения задач не-модерного плана (необходимости форсированной милитаризированной индустриализации, централизации управления, империализма и проч.). Степень массовизации (и сами зоны «массового») могут быть самыми разными (например, в кайзеровской Германии или в императорских России или Японии), но для нас в данном случае важен сам процесс — медленно идущее разложение границ, перегородок между сословиями и традиционными локальными или профессионально-ремесленными сообществами, смешение прежде разделенных групп, а значит — и растущая атомизация общества, появление внесословной или внекорпоративной плазмы (наемных работников, «пролетариата», «разночинцев» и т. п.), объединяемых не только подданством и происхождением, но и все в большей мере по этноконфессиональным или этнонациональным признакам. Именно в этих случаях в процесс массовизации начинают включаться представления о «враге», потенциальной угрозе для «всех», задающей единство негативной солидарности. Для «догоняющей» или «запаздывающей» модернизации враг начинает играть роль

21

основного механизма интеграции возникающей социальной плазмы, ее организации, консолидирования «от противного». В социальном плане это означает особую символическую роль таких институтов, как армия и полиция (особенно — тайная). Армии придаются в этом случае образцовые для других институциональных структур функции. Она не только задает модель базовой «национальной» личности, но и становится важнейшим каналом социальной мобильности, механизмом поддержания иерархического порядка в обществе, распределения престижа и т. п. Точно так же и полиция, помимо собственно правоохранительных, наделяется множеством расширенных функций, главной из которых является сохранение и обеспечение всего режима мобилизации. Собственно правовые или правоохранительные (криминологические) задачи отходят на второй план, а на первый выходит репрессивно-идеологическая деятельность — профилактика, надзор, контроль (например, «общественное воспитание», наблюдение над нравами, культурой, досугом, экономическим поведением и т. п.). Суд как институт «правосудия» теряет при этом свое значение и отходит на задний план.

Поэтому с большой долей уверенности можно утверждать, что для любой формы «догоняющей» модернизации характерным является дефицит ценностей, особенно таких, которые конституируют частную, индивидуальную, субъективную повседневную и т. п. жизнь. Этот дефицит остро переживается как кризис идентичности культуры, как ее внутренние «разрывы», беспочвенность культурной элиты. Он компенсируется либо утопиями «нового общества» и человека (страна квалифицируется как «молодая», «небывалая», «страна-подросток»), либо возвращением к «традиции», национальным «возрождением», консервативной защитой отечества, веры, морали и т. п. Чаще обе версии как-то сочетаются и переплетаются друг с другом или представляют собой фазы легитимации режима — от утопии нового к утопии прошлого. Но в любом случае «догоняющая» модернизация предполагает либо авторитарные, либо тоталитарные типы социальной организации общества. Комплекс национальной или социальной неполноценности (невротический кризис идентичности) компенсируется агрессивностью и демонстративной (внешнеполитической), и социально-репрессивной, ориентированной на поиск внутренних врагов. Отсюда — повышенное

значение защитно-оборонных рефлексов, распространенность доношительства и бдительности. Глубоко традиционалистскому способу разделения социальной реальности по принципу «своих» и «чужих», фундаментальному для любых отношений в архаике, подчиняются любые другие типы социальных действий — от моральных представлений (двойная племенная или трайболистская этика для «своих» и для всех прочих) до профессиональных или правовых отношений. Такая систе-

22

ма способствует не просто консервации образов врага, но известной его сакрализации (демонизации), превращения в основные механизмы поддержания сегрегированной или дихотомической реальности. Уже только само это деление означает, что вводятся или удерживаются формы подавления обобщенных позитивных систем gratification, универсальных ценностей.

Сохранение старого порядка (сословного строя), а соответственно, жестких критериев оценки и отношения к людям по принципу «благородства», статусной принадлежности и возможностей (профессиональной занятости, доходов и проч.) означает ограничение, и часто репрессивное, социальной мобильности — как вертикальной (общественной, политической или предпринимательской карьеры), так и горизонтальной (свободы перемещения и выезда и проч.). Вместо признания личного достижения, личного успеха и индивидуальных способностей — прежде всего, готовности к интенсивной и методической работе, самодисциплине — и прочих базовых принципов модерности, в традиционалистском социуме на первом месте стоят аскриптивные признаки сословного статуса («благородства»), корпоративной морали, предписанных форм занятий и т. п."

Поэтому разложение этой структуры организации социума — и главное, существующих в головах людей нормативных представлений о сословно-иерархической природе человека — сопровождается, во-первых, чувством нарастания анархии, во-вторых, усилением значения «Запада» как обобщенного представления «анти-мы», чужого или враждебного России. «Россия» формируется, в свою очередь, именно как антитеза «Западу» — конструируются значения «особого пути», «самобытности», «русскости», «соборности» и проч.

Национальное самосознание («национальная культура») утверждается и развивается по мере массовизации российского общества и включения в понятие «общество» все новых и новых социальных или сословных категорий, именно в модусе негативного отношения к «современному» как «чужому», «враждебному», «западному». Сакрализированный и генерализованный до неопределенно-

¹¹ Не стоит полагать, что эти ограничения относятся только к XIX в. На протяжении всего советского времени действовали жесткие ограничения в работе, доступе к образованию, мобильности, политических правах для различных партикуляристских групп (этнических, конфессиональных, по происхождению, месту жительства — например, для крестьян, по родству и проч.). В какой-то мере они сохраняются и сегодня, в репрессивно-ограничительной политике властей по отношению к разным этническим группам и, соответственно, в массовом сознании. В этом смысле говорить о «модерности» современного российского общества следует с большой осторожностью.

23

сти «враг» становится доминирующим фактором конституции русского имперского (и одновременно — этнонационального) партикуляристского сознания, культуры. Разумеется, этот процесс, подталкиваемый институциональным влиянием военной реформы, переходом к мобилизационной системе, идет довольно медленно и ускоряется лишь в ситуациях войн или военно-колониальных действий (на Балканах, в Средней Азии, позднее — на Дальнем Востоке войной с Японией), первых массовых еврейских погромов, революции, но главное, конечно, в ходе Первой мировой войны.

«БЕСЫ» ДОСТОЕВСКОГО И ЭТИКА РЕВОЛЮЦИОННОГО НИГИЛИЗМА

Достоевский одним из первых в России постарался понять своеобразие этих процессов и оценить последствия массовизации. В отличие от многих современных ему авторов романов о «нигилистах», «социалистах» и «революционерах», он смог соединить в «Бесах» разные тематические линии актуальных событий пореформенной России. По сути дела, предвосхищая позднейшие социально-психологические разработки тоталитаризма¹², он постарался смоделировать возникновение и развитие нескольких проблемных узлов: а) генезис революционного организатора, провокатора и неформального лидера, травматический опыт его социализации; б) ресурсы и типы солидарности в тайных организациях; в) процесс провокации, течение

социального кризиса в условиях провинциальной традиционалистской среды; г) идеологию и функцию «врага» и насилия как организационных принципов массового общества; д) моральные аспекты «нигилизма» как «низости», массовости, беспочвенности, ущемленности. Разумеется, этим не исчерпывается содержание романа, да и рассмотреть все интересующие нас моменты нет возможности в настоящей статье. Проследим лишь наиболее важные для основной темы нашего социологического анализа.

Если переложить, переинтерпретировать образы романа в категориях социологии, то мы получим следующую картину. Глубокая провинция. Бессобытийная скука. Рутинная жизнь повседневных отношений, от хозяйственных до семейных. «Общество», представленное в виде карикатуры — привычно придурковатых, необразованных, небогатых чиновников и помещиков, обедневших после реформы, подлежит попечительскому надзору губернатора и полицейских. Делом (профессией, предпринимательством,

¹² Психоаналитические этюды Э. Фромма (анализ некрофильской личности Гитлера), некоторые идеи В. Райха, исследования авторитарной личности группы Т. Адорно и многое другое.

24

службой и т. п.) заняты лишь мелкие фигуры второго ряда, никаким человеческим достоинством не наделенные. Основные герои маются в поисках самоопределения и занятий. Около них болтаются великовозрастные юноши разного чина, побывавшие за границей и оттуда взглянувшие на российскую жизнь, сравнившие ее с тамошней и потому загрустившие. Никаких шансов. Сознание необходимости и даже неизбежности модернизации страны сталкивается с явным пониманием социальной и интеллектуальной недееспособности верхних классов общества, в первую очередь — правительственной бюрократии и аристократии, неадекватно оценивающих происходящее, сопротивляющихся любому политическому действию. Именно безделье и упорная косность тех, кто должен представлять общественное целое, дискредитировали социальный порядок в глазах национально-романтически настроенной молодежи. Апатия и пассивность, неразвитость гражданского общества, его глубокая и спесивая провинциальность провоцировали у полубразованной, внешне затронутой европеизацией молодежи склонность к разного рода авантюрам и анархическим проектам.

Именно здесь и возникла та новая плазма (деклассированной, разночинской, интеллигентской) «массы», угрозу которой и пытался осмыслить Достоевский. «Масса», т. е. специфическое социальное состояние, не тождественна «народу», «низам», мещанству и прочему, поскольку порядок и уклад жизни этих сословий диктуется традиционными предписаниями и нормами. «Масса» в данном случае структурируется лишь негативным отторжением от «властей» и отчуждением, дистанцированием от «народа» и удерживается лишь сознанием «врага» («правительства», «чужести» социального порядка, «Запада» и проч.). Порождающим началом становится здесь именно отталкивание, дистанцирование, негативная идентификация, хотя сами по себе фокусы «негативного» могут быть самыми различными и сменять друг друга — от российской отсталости (соответственно, культа позитивизма и «европейскости» как «современности») до дряхлеющей, мещанской Европы (и России как хранилища нравственного, национального, живого и проч.).

Наиболее интересной для нас становится модель нигилистической личности — младшего Верховенского. Структура такой личности определена рессентиментными комплексами и социализационными травмами: ребенок поставлен в условия сильнейшего диссонанса между театральным западническим идеализмом отца и тем, что тот — приживал у богатой помещицы, бездельник и краснобай, трусливый добряк и эгоист, он фактически брошен родителями, должен самостоятельно адаптироваться к холодному и жесткому, лишенному «сантиментов» порядку вещей, диктуемому чужими

25

людьми. Травма изживается резкой ценностной девальвацией, самоутверждением через унижение других, имеющим отчасти садомазохистский характер, цинизмом и компенсаторным комплексом власти, потребностью в игровой провокации, втягивании других в преступление и удовольствием от переживаний вины другими, моральных мучений жертв интриг и т. п.

Подобный лидер, приходящий к власти, может создать вокруг себя сеть социальных отношений, скрепленных не только надеждой и романтическими идеалами, но и репрессиями, взаимным страхом и круговой порукой. «Высшее благо» — неопределенное счастье и благополучие большинства (в пределе — всего народа или даже человечества), отодвинутое в предвосхищаемое будущее, становится источником разрешительных санкций на насилие и преступление в

настоящем, которые тем самым получают инструментальный, а не ценностный характер. Чувство вины, которое может (должно) возникать у членов тайной террористической организации, перверсивным образом трансформируется в чувство жертвы (т. е. людей, сознательно вынужденных брать на себя черную и неблагодарную работу революционного насилия, жертвующих своей совестью, человеческими чувствами доброты, милосердия и проч., — можно вспомнить здесь характерные позднейшие рассуждения партийных вождей о том, что революции не делаются в «белых перчатках»). А из этого сознания обрекающих себя на подобную роль возникает и чувство избранничества, «гордыня», сознание своего превосходства над окружающими, освобождающее от любой ответственности и утверждающее человека в собственной значительности по мере успеха дела.

Сознание «избранничества» и «жертвенности» растет и укрепляется по мере усиления становящегося все более отвлеченным и теоретически-абстрактным представления о правительстве как «враге», его демонизации, наделения свойствами и характеристиками «первоначала» или «первопричины» общественных бед и несчастий. Это становится техническим обоснованием индивидуального или персонально направленного террора — в противном случае эта тактика выглядела бы совершенно иррациональной. Так «сила» через некоторые сомнительные итерации рассуждения превращается в оправдание любых действий и обоснование последующего террора¹³.

Такая структура социальной органи-

¹³ Этот тип рассуждения был полностью воспроизведен лидерами большевиков во время октябрьского переворота 1917 г., в период террора, военного коммунизма и во все последующие годы развертывания массовых репрессий, став обоснованием соотношения политики и морали: «Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата (ЛЕНИН В. И. Поли. собр. соч. Т. 41. С. 309); «нрав-

26

зации окажется, конечно, разрушительной по отношению к традиционным институтам, конвенциям и моральным установлениям, но в то же время дает совершенно новый ресурс — свободу неконвенциональных средств действия, имморализм, решительность в достижении целей. Такой лидер не связан никакими «ло-яльностями» в отношении к членам группы, используя их для утверждения своего статуса, усиления влияния и т. п. В принципе, подобные структуры не создают современных сообществ, но разрушают существующие.

Достоевский явно переоценивал силу и, соответственно, угрозу, идущую от социалистов или анархистов. Это, впрочем, было свойственно и российскому правительству, испытывавшему совершенно неадекватный страх перед «конспиративной организацией» политических авантюристов, и самим «революционерам», точно также самодовольно преувеличивавшим свою роль и значение. Дело не просто во взаимном невежестве разных социальных акторов в тогдашней России, являвшемся производным от неразвитости структуры публичности, в низком уровне рефлексии, ее подцензурности. Дело во взаимной «заинтересованности», потребности в наличии «врага», проявляемой и властями, и полуобразованным сообществом, публикой, массой, в том, что «враг» становится источником и принципом организации представлений о национальном обществе и его развитии. «Враг» здесь — и социалисты, и масоны, и Европа, и евреи с поляками и т. п. «Враг» как «горизонт» текущих процессов блокирует саму возможность компромисса, взаимодействия, процедурно-переговорного процесса или парламентского решения принципиальных вопросов.

ственность — это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидающего новое общество коммунистов» (Там же. С. 311); «для коммуниста нравственность вся в этой сплоченной борьбе против эксплуататоров. Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем» (Там же. С. 313). Примерно то же самое повторял и Л. Троцкий в работе «Терроризм и коммунизм» (1920). Суть его позиции сводилась к следующему: разгон Учредительного собрания и расстрелы заложников исторически оправданы. Идея демократии — всего лишь политическая ложь, парламентские системы изжили себя и выражают интересы лишь мелкой буржуазии. Вопросы классовой борьбы решаются не голосами большинства, а насилием. В революционную эпоху все определяется борьбой за власть, а не мнением большинства. Отвергать террор означает отвергать социализм. Тем самым любые моральные и иные ценности оказываются производными от поддержки новой власти и солидарности с ее текущими установками. Очень схожие тезисы высказывал и Б. Муссолини в своих речах в 1920-х гг. о тотальном государстве и Новой Италии.

27

Подобная конфронтация до определенного момента служила средством консервации модернизирующегося (таким образом) общества, но только до момента еще более общего

противостояния — Первой мировой войны¹⁴. Институциональная система российского общества развалилась во время войны без участия «революционеров». Дело не в самих революционерах — «потрясателях и ниспровергателях», как их называл Н. Лесков, а в том, что они обратили внимание образованного общества на негативный характер взаимосвязей между массовизацией (которая совершенно не идентична феноменам люмпенизации, пролетаризации, как можно было бы думать) и социальной организацией, построенной по принципу «родовых заслуг» перед властью как единственным источником социально-политического признания. Как только аристократия (и зависимая от нее власть) теряет свой социальный, моральный и культурный авторитет в обществе, социальная структура начинает работать как «понижающий трансформатор», подавляя импульсы к развитию, достижению, социальному идеализму. С этого момента все целое оказывается крайне непрочным, поскольку интеграция обеспечивается только инерцией существования и механизмами систематического ценностного снижения человеческих качеств «базовой личности».

Такая социальная система, в отличие от современного капитализма, т. е. модернизации первого типа, может существовать только как репрессивная структура, но вместе с тем — легитимизи-¹⁴ Трудно удержаться от параллелей как с недавним прошлым, с событиями 1989—1991 гг., так и с началом XX столетия. Через тридцать лет после выхода в свет «Бесов» такой аналитик, как Макс Вебер, оценивая ход событий революции 1905 г., предупреждал о назревающем взрыве, вызванном сочетанием многих факторов: политическая и конституционная недееспособность патримониальной бюрократии и царя, в условиях растущего напряжения между «импортируемыми» «самыми модернизационными формами крупнокапиталистического предпринимательства» (вынужденного вместе с тем развиваться на основе архаического крестьянского коммунизма) будет усиливать самые радикальные тенденции в социалистическом рабочем движении, порождать «враждебные свободе» организации (столь же) современного толка. При всем сочувствии к демократическим силам в России («Никогда, судя по всему, борьба за свободу не велась в таких тяжелых условиях, как в России, нигде не было такой безоглядной готовности к мученичеству, по отношению к которой каждый немец, еще чувствующий в себе остаток идеализма своих отцов, должен испытывать глубокую симпатию» [WEBER M. Russlands Oebergang zum Scheinkonstitutionalismus // Weber M. Politische Schriften Tübingen, 1958. S. 110]) он все же полагал, что эти нерешенные проблемы приведут к большой европейской войне. И был, как оказалось, безусловно прав.

28
рующая насилие, делающая его апологию базовым антропологическим принципом. Анализ Достоевского социально-антропологических механизмов интеграции «нового человека» — взаимосвязи нигилистического «бесчестия»¹⁵ («единства в подлости»), эксплуатации утопического романтизма, практика устрашения и криминально-политического заложничества, возможная только при слабости или пассивности гражданского общества, т. е. при отсутствии системы институциональных посредников, и сегодня вполне сохраняет свое значение. Возникновение всех известных тоталитарных режимов было возможно только в условиях ослабленности недифференцированного общества, при использовании силовых провокаций как основы авторитета новых движений или новых форм социальной организации, декларативном антитрадиционализме и т. п. Разложение старого порядка и массовизация (которую он не совсем адекватно расценивал как анемическое или циничское «бесчестие») могли быть, по его убеждению, компенсированы лишь реставрацией социально-органического единства православной власти и «народа» — не меньшей фикции «массы», чем «нравственная» патерналистская власть и «одряхлевший», «мещанский» Запад — «чужая цивилизация современности». Прослеживаемая Достоевским идеологическая связь симметричных «врагов» (являющихся искаженными проекциями друг друга): «угрозы с Запада» и консервативной утопии русского православного фундаментализма — стала этноконфессиональной почвой для формирования русского национального самосознания. У Достоевского эти драмы были чем-то вроде лабораторных испытаний, экспериментальным «проигрыванием» возможных ролевых и социальных коллизий. Реальные изменения захватили центральные институциональные структуры только во время и после Первой мировой войны, в России раньше, в Европе несколько позже (в двадцатые—тридцатые годы).

Идея массовой мобилизации (национальной, этноконфессиональной или социально-классовой), консолидации «от противного» в экстремальных обстоятельствах могла быть уравновешенной

¹⁵ Эта тематика вывернутой, плебейской, антиаристократической гордости, циничской, но неизменно рессантиментной спеси чрезвычайно важна при рассмотрении проблематики негативной идентичности. По идее, она должна была бы быть отдельной линией сквозного литературного исследования, которое, начинаясь с Достоевского, связывало бы общим анализом Платонова, Шаламова, Шукшина и кончалось бы вырожденными фигурами нынешних интеллектуальных недорослей, вроде российских постмодернистов,

сочетающих Мазоха с Прохановым, или эпигонов вроде Сорокина или Курицына, живущих мелкими литературными провокациями, сродни заборной прозе.

29

только идеей политического действия (участия, убеждения, конкуренции, ответственности)¹⁶. Однако это явление присуще только интенсивно модернизирующимся обществам первого типа. Именно здесь лежит точка бифуркации процессов массовизации. Не случайно поэтому становление системы легальных политических партий и появление радикальных организаций (социалистических, анархических, террористических, антисемитских¹⁷ и других) приходится примерно на одно и то же время — 1870-е гг.

На появление идеологических систем, подготавливающих массовую этническую мобилизацию (идеология пандвижений — пангерманизма, панславизма, антисемитизма), указывает Х. Арендт в своих «Истоках тоталитаризма» и подробно разбирает его¹⁸. Она

¹⁶ См. старомодный, но не потерявший своей силы фрагмент Острогорского о партиях «старого типа»: «Согласно хорошо известной формуле

Э. Бёрка, партия является «совокупностью людей, которые объединяются для того, чтобы направить свои общие усилия на пользу национального интереса, на основе одного принципа, которому они все сочувствуют». Как бы ни было эластично это определение, данное великим борцом за систему партий, оно ставит партии довольно точные границы: партии являются частной группировкой, ее основой является взаимное согласие относительно определенного принципа и ее целью является осуществление одного или многих объектов общественного интереса. ...Вскоре эти принципы вошли в национальное сознание и находились под защитой создавшейся с тех пор новой власти, перед которой покорно склонились все партии. — власти общественного мнения» (ОСТРОГОРСКИЙ М. Указ. соч. С. 564, 565).

¹⁷ О первых (в том числе народовольцах, эсерах и т. п.) в России достаточно много писалось. Меньше известна история идеологического антисемитизма, хотя и само появление понятия «антисемитизм» и первого антисемитского периодического издания в Берлине «Antisemitische Blätter»

А. Штрёкера (1878) падает именно на это время. «Немецкое антисемитское объединение» возникает несколько позже — в 1886 г. в Касселе.

¹⁸ См.: Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: Центрком, 1996. Ср.: «Трайбализм пандвижений с его идеей «божественного происхождения» одного народа обязан частью своей большой привлекательности презрению к либеральному индивидуализму, идеалу человечества и достоинству человека. От человеческого достоинства ничего не остается, если ценность индивида зависит только от случайного факта рождения немцем или русским; но вместо этого новая связь — чувство взаимоподдержки среди всех сочленов одного народа, которое и в самом деле способно смягчить обоснованные страхи современных людей относительно того, что могло бы с ними случиться, если бы, при существующей изоляции индивидуумов в атомизированном обществе, они не были бы защищенными просто своей численностью и сильными единообразной общей спайкой» (Там же. С. 322).

30

подчеркивает, что «враждебность к государству как институту пронизывает теории всех пандвижений»¹⁹, и связывает резкое усиление влияния «утрированного племенного сознания» («эмоционального горячего пандвижений»)²⁰ с кризисом партийных систем в Европе после Первой мировой войны: «враждебность пандвижений к партийной системе потребовала практического воплощения, когда после Первой мировой войны эта партийная система перестала работать и классовая система европейского общества развалилась под тяжестью все прибывающих масс, совершенно деклассированных ходом событий. Тогда на передний план вышли уже не просто пан-движения, но их тоталитарные преемники, которые за несколько лет определили политику всех других партий настолько, что те стали либо антифашистами, либо противобольшевистскими, либо теми и другими»²¹.

После Первой мировой войны, собственно, и начинается концептуализация функции «врага». «Враг» утверждается в качестве условия новых форм (тотальной) политической консолидации (например, у К. Шмитта), и как важнейший элемент негативной идентификации, играющий ведущую роль при формировании тоталитарных движений (например, у Ф. Боркенау).

ТОТАЛЬНЫЙ «ВРАГ» КАК ПРИНЦИП ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В КОНЦЕПЦИИ КАРЛА ШМИТТА

В своей знаменитой статье «Понятие политического», много раз переиздававшейся им и дорабатывавшейся²², Шмитт отталкивается от дефиниции врага у Гегеля, подчеркивавшего, что за признанием врага стоит потенция «нравственного отрицания чужого» в его «непосредственной и живой тотальности». Способность к борьбе с врагом (который в этом плане может быть только

врагом какого-то надличного целого, т. е. определенного народа) лишена каких-либо субъективных или частных моментов, аффектов, пристрастий. Это «свободная и безличная ненависть», задающая, конституирующая,

•АРЕНДТ Х. Указ. соч. С. 325.

²⁰ Там же. С. 327.

²¹ Там же. С. 354.

²² См.: Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1, № 1. С. 35-67 (перевод и комментарии А.Ф. Филиппова); далее цитируется с указанием номера страницы в тексте. См. также: Филиппов А.Ф. Политологические взгляды Карла Шмитта и их влияние на современную западную политическую науку // Философские основания теорий международных отношений. М.: ИНИОН, 1987. Вып. 1. С. 59-95.

31

вызывающая к жизни объективное социальное целое. В определенном плане такой подход к трактовке природы социальных образований противостоит позициям сторонников критического рационализма, позитивистов или неокантианцев, «идеально-типическому» подходу понимающей социологии или политологии. Их методология настаивает на требованиях интеллектуальной ответственности, проверяемости, корректности интерпретации. В отличие от них, Шмитт продолжает романтическую традицию ценностного постулирования, децизионизма, «холизма». Диалектическая игра единичного и целого (нации, класса и проч.) оказывается крайне важной для всех позднейших гегельянцев, противников буржуазного индивидуалистического либерализма²³. Все они — от марксистов («Гегель пропутешествовал через Карла Маркса к Ленину и далее в Москву»²⁴) до философов «консервативной революции», апологетов национального социализма — пытались дать более рафинированную, в сравнении с национал-социализмом, версию борьбы наций.

Для Шмитта «враг» становится предпосылкой политического самосознания и консолидации (естественно, как органического целого). «Политическое мышление и политический инстинкт теоретически и практически подтверждают себя в способности различать

²³ Шмитт последовательно рассматривает антропологию либерализма как ограничение абсолютности и суверенности власти (государства). «Гуманитарное понятие человечества XVIII века было полемическим отрицанием существовавшего тогда аристократически-феодального или сословного строя и его привилегий... В этом универсальном обществе не будет больше народов как политических единств, не будет и борющихся классов и враждебных групп» (Шмитт К. Указ. соч. С. 55); «человечество как таковое не может вести никакой войны, ибо у него нет никакого врага» (Там же. С. 54). Для него совершенно очевидна связь между верой

в «естественное добро» и отрицанием государства, с одной стороны, и, напротив, с другой — самоочевидный для либерала тезис, что добро — всего лишь аргумент, с помощью которого государство ставится на службу обществу для контроля субъективного произвола и индивидуального зла. Шмитт приводит слова Т. Пейна, что общество — это результат наших разумно упорядоченных потребностей, а государство — результат наших грехов. Поэтому, полагает он, либерализм никогда не может дать теории политики, а всегда лишь — «либеральную критику политики» (лежащую в русле идеологии «прогресса», интеллектуального и морального усовершенствования человечества). «Систематическая теория либерализма касается почти исключительно только внутривнутриполитической борьбы против государственной власти и дает ряд методов сдерживания и контроля этой власти для защиты индивидуальной свободы и частной собственности, для того чтобы сделать государство „компромиссом“» (Там же. С. 63).

²⁴ Шмитт К. Указ. соч. С. 59.

32

друга и врага. Высшие точки большой политики суть одновременно те мгновения, когда враг в конкретной четкости прозревается как враг» (с. 61). Это и призывы Клейста к убийству французов (риторически повторенные И. Эренбургом), и уничтожающие выпады Ленина против капитализма, и проч., и проч. Поэтому он расценивал «врага» только как предельное коллективное представление, как «общественного врага», как «противостоящую общность людей»: «Специфически политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы, — это различие друга и врага...» (с. 40). Смысл этого определения состоит в том, чтобы обозначить предельную степень интенсивности социальной ассоциации или диссоциации, вне зависимости от содержания мотивов действия. Шмитт тем самым снимает вопрос об особой предметной области или системе отношений, которые можно назвать «сферой политики», как это принято в политических концепциях либерализма. Функциональная роль категории «враг» не связана с какими-либо привходящими значениями. Здесь не важны или второстепенны любые другие характеристики оппонента — экономические, моральные, эстетические и прочие. «Враг — предельно иной, с ним невозможны частные соглашения, нет посредующих всеобщих норм,

невозможен суд третьих инстанций». Этим он отличается от любого конкретного противника или оппонента частного человека или отдельной группы. «Враг — не конкурент и не противник в общем смысле. Враг — также не частный противник, ненавидимый в силу чувства антипатии. ...Враг может быть (по своей реальной возможности) только *публичным* врагом, ибо все, что соотносено с такой совокупностью людей, в особенности с целым народом, становится поэтому публичным» (с. 41). «Враг» тем самым получает исключительно «бытийственный», «экзистенциальный» смысл (с. 52). Если перевести эти несколько отвлеченные философские характеристики в политико-социологический план, то «политическое» — в отношении к государству — будет означать его тотальный характер, приоритет или суверенитет государства, готовность к захвату «потенциально любой предметной области» («полное тождество государства и общества»).

Однако заметим, что эта «*тотальность*»* означает здесь гипертрофию некоторого *партикуляристского принципа*, а не универсальную норму или ориентацию на любых других, не готовность к дискуссии, компромиссу, взаимному ограничению. Другими словами, этот партикуляристский принцип может установиться только *силой или принуждением*. Это означает, среди прочего, что «политическое» «тождественно и праву объявлять внутригосударственных врагов и посылать людей на смерть» без соответствующего рационального (т. е. внешнего) оправдания или цели (с. 52). «Политически существующий народ не может отказаться от того, чтобы на собственный риск при известных условиях различать посредством собственного

33

определения врага и друга» (там же). «В критических ситуациях эта необходимость внутригосударственного умиротворения ведет к тому, что государство как политическое единство совершенно самостоятельно [von sich aus] определяет и «внутреннего врага», покуда оно существует» (с. 50). Но точно так же и смысл войны становится чисто децизионистским — не справедливость или иной какой-то содержательно-рациональный принцип или тезис определяет характер и мотивацию войны, а лишь наличие «врага». Сущность политической «экзистенции» народа заключается в том, есть или нет у него воля к определению врага или друга. Если у него этой воли или способности нет, «он прекращает политически существовать. ...Смысл войны состоит не в том, что она ведется за идеалы или правовые нормы, но в том, что она ведется против действительного врага» (с. 52). Тем самым переворачивается известная формула Клаузевица, поскольку представляемая Шмиттом «дефиниция политического не является ни беллицистской, ни милитаристской, ни империалистической, ни пацифистской». Получается, что вообще никакие содержательные, конкретные мотивы действия не образуют форм политического взаимодействия, кроме самодостаточности вражды, сверхценности врага, служащего для негативной конституции соответствующей общности. Разумно предположить, что подобная редукция всей проблематики политического действия (принятия решения, легитимного авторитета и его типов, разделения ответственности, эффективности действия и проч.) значима только для крайних ситуаций бесконечной войны или длительных репрессий внутри государства. В такой логике рассуждения совершенно очевидно проступает опыт Первой мировой войны — первой массовой и индустриальной, позиционной (а не территориальной) войны. К Шмитт тем самым оказывается в несколько странном положении. Пытаясь сохранить ценность объективности существования «тотального» и «органического целого», противопоставляемого им «дефектному» индивидуальному либерализму²⁵ и тем

²⁵ «Либеральное мышление самым систематическим образом обходит или игнорирует государство и политику и вместо того движется меж типических, повторяющихся полюсов двух гетерогенных сфер, а именно: этики и хозяйства, духа и гешефта, образования и владения собственностью... Политическое единство должно в случае необходимости требовать, чтобы за него отдали жизнь. Для индивидуализма либерального мышления это притязание никоим образом недостижимо и не может быть обосновано... <Ибо> весь либеральный пафос обращается против насилия и несвободы. Всякий ущерб, всякая угроза индивидуальной, принципиально неограниченной свободе, частной собственности и свободной конкуренции означает «насилие» и есть eo ipso нечто злое. То, что оставляет этот либерализм от государства и политики, ограничивается обеспечением условий и устранением помех для свободы» (Ш м и т К. Указ. соч. С. 63).

34

более — социализму, он явно запаздывает со своей презентацией антилиберальной консервативно-органической программы по сравнению с другими идеологами «национального» в девятнадцатом веке. (Здесь речь идет прежде всего о национальном государстве как о политической системе.) С другой стороны, даже состоя недолгое время членом нацистской партии, Шмитт не становится,

как Дж. Джентиле, теоретиком тоталитарного государства. Такая «задержка» объясняется не просто «запаздывающей» модернизацией Германии, а последствиями войны, и не просто последствиями, а поражением в войне и потребностью компенсаторного возвышения национального чувства. В этом плане он, продолжая романтическую линию защиты консерватизма, идущую еще от Ж де Местра, Э. Берка, Д. Кортеса, как и многие другие представители «консервативной революции» (Э. Юнгер, А. Мёллер ван ден Брук, О. Шпанн, Э. Ю. Юнг и др.), соединил эту линию с мотивами витальности силы, героической мобилизации, экзистенциального переживания войны (и даже боли, страдания) как условия или свидетельства мощи национальной солидарности²⁶. Консерватизм (идея твердого порядка, традиционной организованности против революционной анархии и бесструктурности массы) у этих авторов соединился с потребностью культа целого как воплощения жизненной силы и коллективных ценностей²⁷.

.....ОРУЭЛЛ: ТЕХНИКА РЕПРЕССИВНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ И КОНТРОЛЯ СОЗНАНИЯ В ТОТАЛИТАРНЫХ ОБЩЕСТВАХ

Совершенно иной опыт представлен в работах «ренегатов», бывших сторонников компартий или левых социалистов (Ф. Боркенау, Дж. Талмон, А. Кестлер, Дж. Оруэлл, Е. Замятин, А. Мальро, И. Силоне и множество других), на себе узнавших, что такое тоталитарный

²⁶ О консервативной революции см.: ПЛЕНКОВ О.Ю.; Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. СПб., 1997.

²⁷ Ср. у Э. Юнгера («О боли»): «Решение о войне и мире — это высшая прерогатива. Это отношение представимо лишь в таком пространстве, где имеются вещи более важные, нежели боль, и где есть знание того, что «жить вечно» возможно лишь перед лицом смерти». «То гигантское превосходство, которое отличает даже мельчайшую клетку порядка от самой большой массы, стало для меня очевидно только после войны... В марте 1921 года

я присутствовал при столкновении пулеметного расчета из трех человек с шествием демонстрантов, состоящим, вероятно, из пяти тысяч человек; спустя минуты после команды «огонь» они исчезли из поля зрения, даже не потеряв ни одного раненым. Все зрелище имело нечто завораживающее;

35

режим, внутрипартийное единомыслие, массовый террор, режим хронической мобилизации²⁸. Почти все из этих авторов вынуждены были стать политическими эмигрантами, спасавшимися либо от «своих», либо от нацистов. Большей частью это были писатели и публицисты, а не социологи или политологи. Проблематика «врага» в их работах была лишь составной частью анализа «иррациональной стороны тоталитаризма — жертвенности, жестокости как самоцели, обожания Вождя, наделенного божественными чертами», как писал Оруэлл о «Мы» Замятина²⁹. Наиболее глубоко идея тоталитаризма как определенного режима власти и как практики репрессивного контроля над сознанием представлена у Дж. Оруэлла. Собственно весь его «1984» — это роман о технологии уничтожения субъективности человека. Оруэлл исходил из тезиса о самооценности власти в тоталитарных режимах, не имеющих никаких других целей или ценностей, кроме самой власти, обладания ею и упоения, достижения и удержания. Этим тоталитаризм отличается от прежних деспотических, абсолютистских или диктаторских типов господства. Тоталитаризм (закрытая, иерархическая, централизованная и монополистическая власть репрессивно-бюрократического режима), в его понимании, направлен прежде всего на контроль сознания (а не только на принуждение к соответствующему, внешне лояльному и послушному поведению). В такой системе господства не выдвигалось, по его мнению, ни задач реализации идеологических проектов и программ, ни внесения религиозных ценностей, ни идей национального строительства. Вся суть социальной системы «Океании» сводится к технологии воспроизводства самой системы и ритуалам власти и подчинения; главная задача режима — профилактика инакомыслия или уклонения от курса руководства, кары за нарушение любых норм предписанного порядка, даже мелких правонарушений, и демонстративное уничтожение отступников. Роман в этом плане не развер-

оно вызывало то глубокое чувство радости, которое охватывает при разоблачении какого-нибудь низшего демона. В любом случае участие в отклонении такого безосновательного притязания на власть является более поучительным, нежели изучение целой социологической библиотеки (Ю н г е р Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. СПб., 2000. С. 513, 500).

²⁸ Обзор и анализ теоретического содержания концепции тоталитаризма, в частности вклад «ренегатов» в общий фонд этих исследовательских разработок, см.: Гудков Л. «Тоталитаризм» как теоретическая рамка: попытки ревизии спорного понятия // Мониторинг общественного мнения. 2001. № 5. С. 20—29; № 6. С. 13-

30.

²⁹ Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М: Прогресс, 1989. С. 308 (далее все цитаты приводятся по этому изданию).

36

тывает какой-либо сюжет или историю жизни, а представляет собой самоизложение или самообъяснение подобной системы, садистский процесс театральной игры власти с самой собой. «Враг» в этой системе — один из важнейших элементов организации репрессивного режима. Это — полумифический *внешний противник* (война ведется с каким-то из могущественных, но дальних государств, главным образом где-то на окраинах страны, хотя признаки военного положения постоянно дают о себе знать не только в передачах средств массовой коммуникации, но и в зрелищах убитых от взрывов ракет, происходящих время от времени в периферийных кварталах Города). Но главный — *внутренний враг*, бывший лидер и организатор партии, изменник, ересиарх, представляемый на телеэкране лишь во время регулярных собраний — «двухминуток ненависти» или на омерзительных плакатах во время «Недели ненависти», всегда на фоне бесконечных марширующих колонн азиатских солдат («глухой мерный топот солдатских сапог сопровождал блянию Голстейна»). Его речи во время этих ритуальных поношений представляли собой карикатурное, абсурдное изложение всего того, что подлежало запрету и контролю полиции мыслей или публичной критике вождей. Однако в качестве провокационной приманки, на которую ловили идеологических отступников, его доктрина, якобы распространяемая среди членов тайной организации, представляла собой изложение настоящей программы руководства партии, ее истинное «кредо». У Оруэлла упоминаются и некие шпионы, вредители и «простофили», которые «только и ждали, чтобы их совращали», путали разные лжеучения, теории, уклоны, приписываемые Голстейну.

Функции врага заключаются в том, чтобы:

- 1) быть условием (тотальной) постоянной, но истерической мобилизации общества для обороны страны,
- 2) задавать взаимосоотнесенные фокусы негативной идентификации (разные типы врагов не просто связаны друг с другом, но поддерживают друг друга, «просвечивают» друг через друга). Мобилизация захватывает не все общество, а лишь его управляющие структуры, бюрократию — «членов внутренней партии», исполнительного аппарата управления³⁰. Война — не процесс, а состояние

³⁰ «Дело не в моральном состоянии масс — их настроения роли не играют, покуда массы приставлены к работе, — а в моральном состоянии самой партии. От любого, пусть самого незаметного члена партии требуется знание дела, трудолюбие и даже ум в узких пределах, но также необходимо, чтобы он был невопрошающим невежественным фанатиком и в душе его господствовали страх, ненависть, слепое поклонение и оргиастический восторг. Другими словами, его ментальность должна соответствовать состоянию войны. Неважно, идет ли война на самом деле, и поскольку реши-

37

общества³¹. Внешние (но не внутренние) «враги» на пике ненависти периодически меняются — одно враждебное государство замещается другим.

Для Оруэлла здесь принципиально важен был опыт СССР, единственной из воюющих во время Второй мировой войны стран, перешедшей из одного лагеря в другой, а также — тот шок и сшибка установок, которые имели место в результате этих зигзагов политики советского правительства в головах западных коммунистов в 1939—1941 гг. На первый взгляд борьба с внешним «врагом» подчинены и экономика, и организация общества, но более глубокие причины ведения войны, по Оруэллу, заключаются именно в создании определенной атмосферы ненависти, страха, подавленной агрессии и хронической нужды или бедности³²;

- 3) «канализировать» страх и отводить ответную агрессию в надлежащее русло в соответствии с гласными и негласными распоряжениями;

- 4) дробить, обеспечивать парцелляцию индивидуального сознания с целью подавить критическое, рациональное мышление, уси-

тельной победы быть не может, неважно, хорошо ли идут дела на фронте или худо. Нужно одно: находиться в состоянии войны. ...Как администратор, член внутренней партии нередко должен знать, что та или иная военная сводка не соответствует истине, нередко ему известно, что вся война — фальшивка и либо вообще не ведется, либо ведется не с той целью, которую декларируют. ...При всем этом ни в одном члене внутренней партии не пошатнется мистическая вера в то, что война настоящая, кончится победоносно и Океания станет безраздельной хозяйкой земного шара. ...Именно во внутренней партии сильнее всего военная истерия и ненависть к врагу» (Там же. С. 134).

³¹ «В прошлом правители всех стран, хотя и понимали порой общность своих интересов, а потому ограничивали разрушительность войн, воевали все-таки друг с другом, и победитель грабил побежденного. В наши дни они друг с другом не воюют. Войну ведет правящая группа против своих подданных, и цель войны — не избежать захвата своей территории, а сохранить общественный строй... Война, сделавшись постоянной, перестала быть войной». (Там же. С. 138).

³² «Общий рост благосостояния угрожает иерархическому обществу гибелью»... [Отсюда] обдуманная политика — держать даже привилегированные слои на грани лишений, ибо общая скудость повышает значения мелких привилегий и тем увеличивает различия между одной группой и другой. Это социальная атмосфера осажденного города, где разница между богатством и нищетой заключается в обладании куском конины. Одновременно благодаря ощущению войны, а следовательно опасности, передача всей власти маленькой верхушке представляется естественным, необходимым условием выживания» (Там же. С. 132-133).

38

лить суггестию властных распоряжений, изолировать субъекта от любой неконтролируемой информации и конкурирующих ценностных точек зрения, добиться полного тождества индивидуального и коллективного сознания (редуцировать все многообразие социального взаимодействия до одного типа — подчинения Старшему Брату и партии) и согласования действий с мысленно воспроизводимыми установками руководства во всех без исключения отношениях.

Этот тип самоконтроля, управления сознанием, называемый «двоемыслием», Оруэлл трактовал как «способность одновременно держаться двух противоположных убеждений или мнений» (с. 148). Сделать повиновение безотчетным и полным можно, по Оруэллу, лишь путем постоянного смещения и оттренированной неспособности удерживать внимание на каком-то одном предмете мысли. «Правда есть то, что считает правдой партия». Этот образ реальности является не продуктом внешней суггестии. В этом смысле у Оруэлла речь не идет о «манипулировании сознанием» или об оперировании с пассивным и пластичным предметом, как это обычно говорится об общественном мнении, а о сознательном выборе образа поведения «настоящим партийцем». Оруэлл подчеркивает, что это своего рода «конструктивный процесс» (с. 245), требующий акта воли, создания новых механизмов (предметов) сознания, хотя и негативных по своей сути. Такая система идей «изолируется, насколько можно, от внешнего мира, чтобы замкнуться в искусственной среде, лишенной возможности сопоставлений... Выдвигаются догмы, не подлежащие обсуждению, однако изменяемые со дня на день. Догмы нужны, поскольку нужно абсолютное повиновение подданных, однако невозможно обойтись без корректив, диктуемых потребностями политики власть предержащих» (с. 245). «Враг» в структуре такого сознания никогда не может быть представлен как непосредственный партнер — с ним нельзя взаимодействовать, вступать в практические отношения. Это — персонаж, которого непосредственно никто не видит и не знает, существует ли он в реальности, но благодаря вере в которого задаются определенные правила поведения, требующие от индивида подчиняться так, как если бы враг, война, опасность уничтожения страны были бы на самом деле.

Поэтому враг (внешний) представлен, помимо уже упомянутых колонн, только в качестве жанрово препарированных сообщений средств массовой информации о победах над ним или о его наступлении и данном ему отпоре на том или ином фронте, последующем разгроме, а в живом виде — только в качестве пленных (жалких, усталых, грязных, униженных, деморализованных, побежденных, почти нелюдей или «дегенератов»), предъявляемых населению перед казнью. Сами акты казни должны удовлетворять чувство превосходства, варварской гордости и предан-

ности руководству (ни великодушия к павшим, ни милосердия здесь не предусмотрено).

Внутренний же враг, не считая передач «двухминутки ненависти», дан в трех вариантах: первый — в качестве фигуры раздавленного, кающегося противника руководства партии, бывшего соратника Старшего Брата, одного из лидеров или даже организаторов партии, но осмелившегося бороться против нее (в этом случае они не просто лишены достоинства, «они скулили, пресмыкались, плакали — и под конец не от боли, не от страха, а от раскаяния»; с. 173). Второй — косвенно свидетельствующий о силе врагов (интеллектуальной, идеологической, организационной) и серьезности борьбы с отступниками — в виде *тайной организации* разгромленных противников партии, невидимых, скрытых, но присутствующих везде, в том числе — и в высшем руководстве. О них известно лишь из слухов, из практики цензуры, к которой причастны члены внутренней партии, и косвенных намеков в средствах массовой информации. Третий вариант — *провинившиеся* в чем-то, пусть даже невольно или случайно перед руководством, *зачумленные*, от

которых все бегут и которых страшатся, как бы не попасть в поле внимания полиции мысли и быть заподозренными в связях с ними, в «мыслепреступлении», в неверных поступках (реальных или потенциальных) вне зависимости от степени того вреда, который мог быть нанесен партии их поведением. Но о существовании последних становилось известным только, благодаря салкшу факту их исчезновения из, срщаль-ного общения, из социальной жизни. Об их проступках и мотивах надлежит догадываться — их объяснение всегда тайно, их вина лишена публичного обсуждения или информирования «сверху». Эта вина и опасность, связанная с ними, их враждебность фиксируется уже самим их исчезновением, а мотивы каждый оставшийся на свободе обыватель должен мгновенно идентифицировать и принять. Презумпция виновности и потенциальной враждебности (способность заранее сознавать свое будущее поражение, готовность капитулировать) задает условия и нормы повседневной социальности, лишь поддерживаемой внешним контролем тайной полиции. Страх перед ней, угроза помимо воли оказаться «врагом» (партии, начальства, полиции) становится не просто «горизонтом» происходящего, в том числе в ближайшем окружении. Она оборачивается парализацией непосредственных — семейных или других обыденно традиционных связей³³. Террор, практика уни-

³³ «Признаки власти — заставлять страдать другого человека, если человек не страдает, то как можно быть уверенным, что он исполняет вашу волю, а не свою собственную? Власть состоит в том, чтобы причинять боль и унижать. В том, чтобы разорвать, сознание людей на куски и составить снова в том виде, в каком вам угодно. <Мир, который мы создаем> будет

40

тожения инакомыслящих создает атмосферу безнадежности сопротивления и внутренней, упреждающей капитуляции, более того — ненависти не только к врагам или властям, но и к близким или уважаемым людям, ко всему, что в силу своей ценностной значимости может быть источником неполной лояльности к власти. Становящийся хроническим опыт самоунижения вызывает подсознательную ненависть к себе. (Однако в данном случае Оруэлл не квалифицирует это сознание как «нигилизм», подобно Достоевскому.) Тем самым, речь идет не просто о пассивном саморазрушении, о сдаче или всеобщем заложничестве, т. е. игре на проигрыш, на убыль, игре с отрицательным результатом. Состояние всеобщего аморализма — это и новая «вера» в двусмысленность (поддельность) любых ценностных представлений, искусственность, утилитарность высших смысловых значений³⁴.

Возникающая в результате этого адаптивная мораль — нечто иное, нежели русское традиционное «с сильным не судись»; этот феномен представляет собой нечто гораздо более глубокое и извращенное, чем поведение «применительно к подлости», сформулированное одновременно Достоевским и Салтыковым-Щедриным. Это — готовность не просто примириться с насилием и унижением такого рода, как-то обустроиться в этой системе, создать своего рода «комфорт боли», а заранее оправдать действия репрессивной власти, признав ее правоту и справедливую противоположностью тем глупым гедонистическим утопиям, которыми тешились прежние реформаторы. Мир страха, предательства и мучений. Мир топчущих и растоптанных, мир, который, совершенствуясь, будет становиться не менее, а более безжалостным; прогресс в нашем мире будет направлен к росту страданий. Прежние цивилизации утверждали, что они основаны на любви и справедливости. Наша основана на ненависти. В нашем мире не будет иных чувств, кроме страха, гнева, торжества и самоуничтожения. Все остальное мы истребим. Все. Мы искореняем прежние способы мышления — пережитки дореволюционных времен. Мы разорвали связи между родителем и ребенком, между мужчиной и женщиной, между одним человеком и другим. Никто уже не доверяет ни жене, ни ребенку, ни другу... И помните, что это — навечно. Это будет мир террора — в такой же степени, как мир торжества. Чем могущественнее партия, тем она будет нетерпимее, чем слабее сопротивление, тем суровее деспотизм» (Там же. С. 180).

³⁴ Тем интереснее, что разложение тоталитаризма публично проявляется не с политического протеста, а с реабилитации «подлинности» или «искренности» в литературе. Напомню о знаменитой статье В. Померанцева (ПОМЕРАНЦЕВ В. Об искренности в литературе // Новый мир. 1954. № 12).

41

вость, с истерической эйфорией раствориться в коллективном конформизме самого низкого толка. (Этим социально-психологическим механизмом, видимо, можно объяснять необъяснимую для внешнего наблюдателя «сдачу» подсудимых на московских процессах 1936—1937 гг. Анализ этого феномена дал А. Ке-стлер в своем романе «Слепящая тьма».) Здесь не только перверсия репрессивности в кровожадную агрессивность в отношении к врагам, назначаемым «сверху», но и трансферт этой перверсии, выражающийся во внешнем культе вождя, самоудовлетворении от потери чувства «автономности личности», «определенности Я» (бремя субъективности тяготило

многих советских интеллигентов — начиная с Олеси или Горького и кончая авторами уже нашего времени).

Анализ подобных психологических изменений морального сознания, произведенный Оруэллом, был оставлен практически без внимания российскими социальными психологами и социологами. Между тем использование результатов его наблюдений и генерализаций могло бы быть чрезвычайно продуктивным для объяснения таких феноменов в постсоветском массовом сознании, как астенический синдром или имморализм, негативная идентичность, устойчивое недоверие к другим (кроме самых близких, и то не всегда), особенно — к публичным социальным институтам и другие. Травма подобного систематического унижения не может быть устранена или изжита, она может быть только ослаблена. Когда подобное унижение захватывает всех членов в группе и становится всеобще-принудительным, даже обязательным (ритуальным, как дедовщина), возникает некоторое подобие «справедливости» и готовность ее поддержать, более того — навязать, в свою очередь, другим. Здесь жертва и насильник различаются только фазой цикла насилия, а не существом, не антропологически. Такое понимание вытесняет традиционные моральные представления, априорно освобождая совесть человека и снимая с него личную ответственность, упреждая возможное чувство вины генерализирующей установкой «все гады». Этот крайне разрушительный механизм сохраняется и тогда, когда, как уже в постсоветские годы, ситуация собственно унижающего насилия прекращается или заметно ослабевает, когда условия подобного режима теряют свою силу.

Иначе говоря, тематизация и анализ различных функций «врага» оказались связаны преимущественно с практикой военной пропаганды во время мировых войн или тоталитарных режимов, т. е. милитаризованных и репрессивных систем, консолидируемых образами «врага», нуждающихся во «врагах» и эксплуатирующих их.

42

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ СОВЕТСКОЙ РИТОРИКИ ВРАГА

«Враги» являются одним из ключевых факторов формирования советской идентичности. Все семантическое пространство тоталитарной пропаганды задано развертыванием двух ключевых метафор — «строительство нового общества» и «фронт». Оба значения составляют единый смысловой комплекс: «строительство будущего общества» (имеющего образцовый характер для «всех стран» и людей «доброй воли») происходит в экстремальных условиях открытой и тайной войны внешних и внутренних «классовых врагов». Те, кто «созидает социалистический строй», находятся в ситуации «вражеского окружения», «осажденной крепости». Но хотя эта мифологема утвердилась лишь спустя несколько лет после Гражданской войны, уже в мирное время, ее исходные составляющие (как и образцы самих тоталитарных институтов — плановая государственная экономика, концлагеря, милитаризация экономики и общественной жизни, ограничение обычных прав, расширение сферы принуждения и т. п.) возникли несколько раньше — в ходе Первой мировой войны. Массовая промышленная война, предполагающая всеобщую мобилизацию и государственный контроль над национальными ресурсами, неизбежно должна стать «тотальной», а неприятель — «врагом».

«Враг» становится неизбежным атрибутом дихотомического представления реальности в тоталитарном обществе. Враги менялись, но оставался сам принцип и тип социальной и культурной организации. «Классовая» и гражданская война составляли схему понимания происходящего в первый период советской истории, тотальная — «Отечественная» — война во второй период, окрашивая своей символикой (победы, жертвы, бдительности, отпора и проч.) усиливающееся противостояние двух «мировых общественных систем», двух супердержав. Соответственно, официальная история власти — партийная история (история ВКП(б) — КПСС) развертывалась как цепь сюжетов «победного строительства», причем победы хозяйственно-экономического плана (индустриализация, коллективизация, великие стройки коммунизма) были лишь эпифеноменальным выражением внутреннего движения руководящей и направляющей власти. Оно шло по нарастающей: от внутрипартийной полемики — к борьбе с оппозицией, ее разгрому и демонизации оппонентов, к превращению их во «врагов», «фашистов», «агентов империализма», «извергов» (по семинаристскому выражению Сталина) и затем — к ликвидации противной стороны.

Внутренняя социальная история до войны, естественно, представлялась как борьба с «вредителями», «шпионами», «троцки-

43

стами» и т. п. После 1945 г., если не считать отношения к оказавшимся в плену, угнанным в

Германию, заключенным и отсидевшим в лагере, она была задана борьбой с космополитами, с «низкопоклонством перед Западом». (Реакция на пребывание оккупационных советских войск в Европе и надежды на некоторое смягчение режима после победы — своего рода советская параллель к последствиям пребывания русских войск в Париже после войны 1812 г.) Так например, «дело врачей» чуть не похоронило всю советскую медицину.

Смерть Сталина и прекращение массовых репрессий (точнее — ограничение их профилактическими репрессиями против отдельных категорий населения) не стали концом истории, схему которой я пытался здесь изложить. Борьба «партийного руководства» при Хрущеве с «антипартийными группировками» продолжалась почти до прихода Брежнева и начала застоя. Одновременно шла борьба с мешанством, сектантами, стилистами, разлагающим идеологическим и буржуазным влиянием Запада, позже уступившая свое место борьбе с диссидентами, националистами, отщепенцами и т. п.

Параллельно смене врагов менялся и мартиролог мучеников и жертв этой борьбы: народовольцев и Н. Баумана сменили М. Урицкий и С. Лазо (К Либкнехт и Р. Люксембург вместе с Н. Сакко и Б. Ванцетти задали мировой фон этой картине борьбы с «врагами»), далее пошли Павлик Морозов, Зоя Космодемьянская и героини-панфиловцы, молодогвардейцы (вместе с «Третьякевичем») и т. п. Война в этом плане стала центральным символическим предметом для советской власти на все оставшееся ей время.

Эрозия мобилизационного режима сказалась прежде всего в ослаблении «калибра» врагов и, соответственно, их жертв и мучеников. Еще можно было создать тех или иных газетных героев (трактористов, экипаж танкера «Дербент», космонавтов, ткачих, хоккеистов и т. п.), но уже невозможно было сделать мучеников. Погибшая от рук угонщика-террориста бортпроводница в конце 1970-х гг. никак уже не могла стать жертвой «врага», это было уже частное преступление. В некотором роде новый «враг» и, соответственно, новые «жертвы» появились только в 1999 г., после взрывов в Москве и Волгодонске.

Но меня в первую очередь здесь интересует период развертывания тоталитарных структур. Поэтому остановимся на нем подробнее.

Все базовые социальные институты советского режима возникли во время войны и революции (и сохранили свои основные функциональные особенности почти до конца 1980-х гг.). Несмотря на все отчаянное сопротивление, вызванное практикой военного коммунизма, система смогла удержаться только при условии полного краха всех других институтов существовавшего до того государственного строя и только ценой открытого и самого беспощадного террора.

44

Значение метафоры «врага» и «враждебного окружения страны социализма» заключалось в том, чтобы легитимировать новый социальный порядок, сохраняя в качестве его важнейшего структурного элемента армию и ЧК — ГПУ как институты непрерывного террора (не только как условие контроля, но и как механизм социальной динамики). В тезисах ЦК РКЩб) «О мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд», написанных Л. Троцким (1920), насилие утверждалось как необходимое условие массовой мотивации работы и повиновения: «Поскольку армия явилась важнейшим опытом массовой советской организации, ее методы и приемы должны быть (со всеми необходимыми изменениями) перенесены в область трудовой организации с непосредственным использованием опыта тех работников, которые с военной работы будут сняты на хозяйственную... Переход к планомерно организованному общественному труду невозможен без мер принуждения как в отношении к паразитическим элементам, так и к отсталым элементам крестьянства и самого рабочего класса. Орудием государственного принуждения является его военная сила. Следовательно, элемент милитаризации труда в тех или иных пределах, в той или иной форме неизбежно присущ переходному хозяйству, основанному на всеобщей трудовой повинности»³⁵. Естественно, что само насилие при этом несколько «приподнималось», риторически ориентировалось на классические образцы: «Нужно ввести нравы, близкие к спартанским»³⁶.

"Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе)// Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. С. 156, 155. Практика военного коммунизма, основанная на применении «самых суровых мер» и «необходимой дисциплины, как внутренне, так и внешне принудительной» (Л. Троцкий), означала отказ от обычных до того механизмов социальной организации и мотивации поведения (кооперацию, обмен, дифференциацию, взаимную заинтересованность людей, солидарность, институциональную — нормативную и ценностную регуляцию и проч.). Как говорил мягкий «диктатор» АИ. Рыков в 1920 г., «мы не можем жить в данное время без принуждения. Необходимо заставить лодырей и

тунядцев под страхом кары работать на рабочих и крестьян, чтобы спасти их от голода и нищеты» (цит. по: ШЕЛЕСТОВ Д. Время Алексея Рыкова. М.: Прогресс, 1990. С. 143). Позже, в 1921 г., в докладе на 4-м съезде Советов народного хозяйства «Состояние и возможности развития промышленности в условиях новой экономической политики» он признавал: «Мы не имели конкурентов, мы их не терпели, мы их всегда убивали, умерщвляли путем реквизиции, конфискации и т. д. даже в том случае, когда конкуренты были более толковы» (Там же. С. 226). ^Троцкий Л. Д. Основные задачи и трудности хозяйственного сгро-

45

Военно-государственная риторика подчинила и отодвинула на задний план революционную фразеологию «непримиримой борьбы трудящихся с мировой буржуазией». Исходная идеологическая конструкция «строительства в условиях фактической войны» была использована Сталиным и его тогдашними союзниками в 1924 г. в ходе внутрипартийной борьбы с Троцким. (Сам термин появлялся и раньше, но ему тогда не придавалось специальное, антитроцкистское значение.) Сталин использовал тезис о «возможности построения полного социалистического общества в одной отдельно взятой стране», но перевел при этом возможность в долженствование, превратив его в программу форсированной военной индустриализации страны, проводимой за счет снижения жизненного уровня населения до минимального, необходимого для физического выживания. Это была развернутая альтернатива не столько прежней партийной идеологии мирового революционного процесса, в который вожди слепо верили, сколько суженному варианту «перманентной революции», защищаемой Троцким". Идея «построения социализма в одной стране» означала не просто разрыв со всей прежней теорией социализма и социалистическим движением в Европе³⁸, она превращала любых теоретических и политических оппонентов во врагов партии и СССР. Тезис об «объективном тождестве социал-демократии и фашизма», по крайней мере — умеренного крыла фашизма, был оправданием подавления оппозиции внутри Коминтерна и превращения его в агентурную сеть агитпропа и разведки СССР. Но в еще большей степени он оправдывал разрыв с западными левыми политическими организациями и интеллектуальными течениями, прежде всего — социалистическими движениями, освобождение советской партийной верхушки от внешнего контроля и критики (с позиций пусть и остаточных норм, но все же ительства. Доклад на заседании МК РКП(б) 6 января 1920 г. // Троцкий Л. Д К истории русской революции. С. 160. Ср.: «Ленивого мужика <заставили> штыком идти в бой... то же самое будет и в промышленности» (с. 160).

³⁷ Ср.: «Сомнения невозможны. Мы стоим в преддверии всемирной революции» (Лннин В. И. Поли.собр. соч.Т. 34. С. 275). «Конечно, окончательная победа социализма в одной стране невозможна...» (Там же. Т. 35. С. 227); «основной предпосылкой его [русского пролетариата] победы является объединенное выступление рабочих всего мира или некоторых передовых в капиталистическом отношении стран» (Там же. Т. 36. С. 529)

и т. п.

³⁸ «Мы можем нашими внутренними силами обеспечить победоносное наступление социалистических элементов хозяйства на рельсах нэпа», «мы можем... прийти к социализму без предварительной победы социализма в передовых странах Европы... «у нас есть все необходимое для этого» (СТАЛИН И. Соч. Т. 8. С. 206—208).

46

европейской политической культуры) и установление режима полного идеологического изоляционизма. Интересы концентрации власти верхушкой партийного аппарата предопределяли направление и характер идеологической переработки основной доктрины компартии, теоретически обосновывая усилия по демонизации оппонентов — прежних лидеров и идеологов партии. Этой цели соответствовал тактический «шедевр» сталинской мысли — тезис о нарастании классовой борьбы в период построения социализма³⁹, ставший официальной партийно-государственной догмой в 30-е гг., но затем подзабытый во время войны и вновь актуализированный пропагандой в 1952 г. — с новой волной террора и репрессий. Таким образом, первой фазой формирования тоталитарного режима было достижение полного контроля над кадровыми назначениями и перемещениями в любой сфере социальной, экономической и культурной жизни путем сращения партийного и государственного аппарата, а значит — и постепенного установления полного контроля над социальной структурой общества. Она могла быть обеспечена только посредством отстранения (и последующей ликвидации) внутрипартийных оппонентов.

³⁹ В письме «О некоторых вопросах истории большевизма» в редакцию журнала «Пролетарская революция» (1931) Сталин дал схему интерпретации партийной истории (и вместе с тем всей новейшей истории России) как цепи постоянных заговоров внешних и внутренних врагов, ставшей «своеобразной прелюдией к последующим судебным процессам» (Ллнди Л., КРАУС Т. Сталин.М.:Политиздат, 1989.С. 146).«Ктодал контрреволюционной буржуазии в СССР тактическое оружие в виде попыток открытых выступлений

против Советской власти? Это оружие дали ей троцкисты, пытавшиеся устроить антисоветские демонстрации в Москве и Ленинграде 7 ноября 1927 г. Это факт, что антисоветские выступления троцкистов подняли дух у буржуазии и развязали вредительскую работу буржуазных специалистов. Кто дал контрреволюционной буржуазии организационное оружие в виде попыток устройства подпольных антисоветских организаций? Это оружие дали ей троцкисты, организовавшие свою собственную антибольшевистскую нелегальную группу. Это факт, что подпольная советская работа троцкистов облегчила организационное оформление антисоветских группировок в СССР. Троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии. Вот почему либерализм в отношении троцкизма, хотя бы и разбитого и замаскированного, есть головотяпство, граничащее с преступлением, изменой рабочему классу. Вот почему попытки некоторых «литераторов» и «историков» протащить контрабандой в нашу литературу замаскированный троцкистский хлам должны встречать со стороны большевиков решительный отпор. Вот почему нельзя допускать литературную дискуссию с троцкистскими контрабандистами» (СТАЛ и н И. Вопросы ленинизма. М., 1952. С. 394).

47

Это означало, что выиграть может только та фракция партийной верхушки, которая окажется максимально способной мобилизовать поддержку рядовых членов с помощью риторики «врага». В такой ситуации нелепо уже говорить о каких-то принципах, более или менее умеренных, о склонности к жестким мерам или, напротив, борьбе против усиливающегося террора. Ни о какой идеологической коммунистической «убежденности», последовательности, приверженности «марксистской философии» и т. п. здесь не могло быть и речи. Выигрывал всегда только «крысиный волк» — тот, кто обладал максимальной свободой от конвенциональных норм групповой солидарности или морали, максимальным недоверием к своим соратникам и мгновенной реакцией, готовностью их немедленно сдать, если это представлялось выгодным по тем или иным соображениям. Определяющими всегда были лишь позиционные выгоды и расчеты⁴⁰, а также наглость и уверенность в себе высшего руководства. Технология большевистской пропаганды была отработана на акциях по разложению российской армии весной—летом 1917 г. Армия стала для компартии моделью управляемой массы, ее образцом. Эффективность пропаганды достигалась несколькими обстоятельствами.

Первое: создание ситуации общей социальной дезорганизации и дезориентированноеTM, возникающей благодаря истреблению командного состава армии, агитации за односторонний мир и уход с фронта. (Вспомним только, что коммунистический путч в октябре 1917 г. имел место в ситуации военного положения и боевых действий на фронте, что во всех странах могло квалифицироваться формально только как тяжелейшее преступление.) Деклассированная, деморализованная после нескольких военных поражений и го-

⁴⁰ Наиболее распространенная (но совершенно ложная) версия советской политической истории 1930-х гг. исходит из того, что до начала «большого террора» в Политбюро противостояли друг другу две «фракции» — сторонники жестких мер и приверженцы относительно «умеренного» курса... В либерализме «подозревают» тех членов Политбюро, которые погибли в годы террора (логика здесь простая: не случайно же именно на них был обрушен удар репрессий)... Открывшиеся несколько лет назад архивы, однако, не подтверждают [этой] версии... один и тот же советский лидер в разных обстоятельствах и ситуациях мог выступать то как «умеренный», то как «радикал» (см.: ХЛЕВНЮК О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. С. 257, 259, 260). Все исследователи, обращавшиеся к материалам о высшем советском руководстве, отмечают характерную грубость нравов, царивших в этой среде (партийно-хозяйственной или военной верхушки СССР). См., например: ЖУКОВ Ю. Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М.: Терра, 2000; ПАВЛОВА И. В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск: Изд-во СОРАН, 2001.

48

сударственного паралича солдатская масса состояла из бывших крестьян, утративших за четыре года войны традиционные представления и моральные нормы. Она оказывалась готовой к абсолютно некритическому восприятию демагогии большевиков, их самых фантастических обещаний и действий, в первую очередь — к введению режима «коммунистического» натурального распределения (продуктов, благ, ресурсов). А также — к ничем не сдерживаемой агрессии против тех, кто ставил под сомнение практику экспроприации собственности или рассматривался как противник коммунистов.

Второе: обещание скорого благоденствия, чуда или, по крайней мере, резкого улучшения жизни. Террор всегда следовал за декларацией самых невероятных по характеру и полноте свобод, объявляемых — и это важно — без конкретных и четких механизмов их реализации.

Третье: свободы и права большевиками утверждались одновременно с самыми резкими и жесткими их ограничениями, объясняемыми чрезвычайными обстоятельствами, военными или переходными условиями, временностью сроков ограничения, происками и сопротивлением врагов

и т. д.

Тем самым ответственность за несвободу или бедственное положение населения, страдающего от мгновенно разрушенной социальной структуры и рынка, переносилась на тех, против кого были направлены эти ограничения и репрессии. Объяснению происходящего, его причинам возвращался архаический смысл «вины»⁴¹, социально «объективной», т. е. неиндивидуальной ответственности и подсудности. Репрессии подлежали не конкретные индивидуальные виновники неблагополучия, а «социально близкие» им, «идентичные». Другими словами, создавалась конструкция реальности, в которой наказуемый оказывался в роли исправляющего ошибки судьбы, истории и проч. Эта деиндивидуализующая установка снимала всякую возможность идентификации «карающей длани» с репрессируемым, а стало быть — включения общепринятых норм солидарности, морали, сопереживания или сочувствия. Жестокость становилась позитивным элементом самоуважения, рационализировалась, превращалась в ролевой кодекс группового поведения и институционализировалась как практика советских органов управления⁴².

Одновременно разворачивающийся террор, вызванный

⁴¹ См.: KELSSEN H. VON. *Vergeltung und Kausalität: Eine soziologische Untersuchung*. Wien, 1982.

⁴² «Не будучи по природе жестоким человеком, Дзержинский, как и Ленин, буквально кипел от идеологической ненависти по отношению к классу, из которого он сам вышел. Он говорил своей жене, что воспитал себя так, чтобы «без всякой жалости» защищать революцию. Один из его ближайших соратников, Мартин Янович Лацис, писал в газете «Красный террор»: «Мы не ведем войны против отдельных людей, мы уничтожаем буржуазию как

49

конкретными и относительно частными обстоятельствами, подкреплял исходную параноидальную установку, служил верификацией вначале еще (в 1918 г.) довольно слабой теории заговоров, которая позднее была принята как доказанная, что, в свою очередь, служило мотивом для усиления террора и поиска врагов. Можно сказать, что апология превентивного или профилактического насилия («от противного», по принципу «первым дать сдачи») превращалась в технику сначала внутрипартийной борьбы, затем — конституции всего государственного аппарата, институциональной организации тоталитарного общества.

Чрезвычайно важно подчеркнуть здесь два обстоятельства. Во-первых, упреждающая жестокость и подозрительность становились основой специфической личностной идентичности «настоящего партийца». Эти образцы превращались в стандарт для подбора кадров, социальной селекции в управляющих структурах. Тем самым, модулем выстраивания социальных отношений во всех общественных сферах (включая и высокоспециализированные, вроде науки) можно считать не деловую компетенцию, а лояльность вышестоящему руководству (подбор кадров «сверху вниз» является конституционным принципом организации тоталитарного общества). Эти принципы затем, после развертывания соответствующих институтов режима — школы, СМИ, цензуры, пропаганды и др., тиражировались в любых массовых организациях. Внутригрупповая борьба переносилась на массу и становилась как бы ее собственной характеристикой, моделью управления кадрами. В качестве разного рода инструкций и методики пропаганды эти представления спускались как нормативно заданные правила социального поведения и были структурой коллективной идентичности, формой принудительного консенсуса. Поэтому внутренних границ у террора не могло быть, он замедлялся лишь тогда, когда это приводило к явным дисфункциям внутри ключевых отраслей промышленности, что, соответственно, становилось угрозой для положения того или иного высшего номенклатурного бонзы, в том числе для самого Сталина, или для системы в целом.

Опыт «красного» террора в 1918 г. был генерализован и «теоретически проработан» лидерами партии после разгрома оппозиции в конце 1927 г. и ссылки Троцкого в качестве обоснования класс. Во время расследований не ищите свидетельств, указывающих на то, что подсудимый делом или словом выступал против Советской власти. Первый вопрос, который вы должны задать: к какому классу он относится, каково его происхождение, каково образование или профессия. Ответы на эти вопросы определяют судьбу обвиняемого. В этом состоит значение и смысл красного террора» (Эндрю К., ГОРДИЕВСКИЙ О. КГБ — разведывательные операции от Ленина до Горбачева. М.: Центрполиграф, 1999. С. 62).

50

«профилактической» практики массовых репрессий. Новые шаги в этом плане были предприняты уже в марте 1928 г., когда ОПТУ объявило о раскрытии контрреволюционного заговора на угольных шахтах Донбасса. Наличие заговоров постулировалось партийным руководством, а потом только конкретизировалось и доказывалось чекистами⁴⁵. Можно сказать, что террор отчасти предшествовал, а отчасти сопровождал проведение каждой значительной партийно-

государственной политической акции (в ходе разворачиваемых коллективизации и индустриализации), подготавливая или оправдывая их провал и выдвигая свои объяснения неудачи, лишь на первый взгляд имевшие нецелевой характер. Однако для современников практика террора оказалась (даже в 20-е гг., не говоря уже о 30-50-х) совершенно неожиданной и по своим масштабам, и по иррациональной жестокости или юридическому нигилизму. В этом смысле террор и информационная изоляция были условиями значимости идеологической пропаганды. Иначе говоря, система нарождавшейся тоталитарной пропаганды и практики управления в качестве условий своей действенности предполагала ситуацию острого, искусственно созданного кризиса, подавление и затем устранение альтернативных каналов информации, контроль над всеми средствами массовой коммуникации, а также масштабные репрессии. (В этом смысле романтическая версия о пламенных революционерах-большевиках, силой своего слова, самоотверженной защитой интересов пролетариата и крестьянства добивающихся-

⁴³ «Первыми среди тех, кого разоблачил начальник ОПТУ Северного Кавказа Ю. Г. Евдокимов, была группа инженеров в г. Шахты, вступивших в заговор с бывшими владельцами угольных шахт, находившимися в белой эмиграции, и с западными империалистами, для того чтобы сорвать работу шахт. Этот доклад был направлен Менжинскому, который потребовал доказательств. Евдокимов представил несколько перехваченных писем, направленных из-за рубежа указанным инженерам. И хотя в письмах не было ничего криминального, Евдокимов утверждал, что они содержали «подрывные инструкции», написанные шифром, известным только этим инженерам. Менжинский высказал сомнения по этому поводу и дал Евдокимову две недели на то, чтобы он разгадал шифр. Тогда Евдокимов обратился напрямую к Сталину, который дал указание арестовать этих инженеров. На специальном заседании ПБ Сталин добился того, что ему лично было поручено разобраться в этом деле» (Эндрю К., ГОРДИЕВСКИЙ О. Указ, соч. С. 135). С этого момента собственно внутренняя «оппозиция» была напрямую соединена не просто с эмигрантами и бывшими классами, а непосредственно с западными правительствами. Государственный прокурор А. Вышинский в своем обвинении заявил, что блок правых и троцкистов является не политической группой, а бандой шпионов и агентов иностранных разведывательных служб.

51

ся массового признания и победы, — не более чем миф, позднейшая легитимационная легенда советской власти.) Моделью для этого стала сама структура партии (и партийная печать), существовавшая до революции и не допускавшая каких-либо дискуссий и разногласий. Запрещение фракций в партии в самом начале 20-х гг. лишь закрепило это положение. Технологически дело заключалось в том, чтобы перенести этот образец на всю систему государственного управления обществом.

Рутинизация «врага», превращение внутрипартийной кампании в постоянно действующую институциональную систему поиска, разоблачения «врагов» и профилактики «враждебной деятельности» требовали определенных организационных усилий. Логика институциональной структуры нуждалась в самообосновании и самоподдержании, задавая тон предельной непримиримости. Демо-низация «врага» и культивирование атмосферы беспощадности, безжалостности, бдительности, непростительности превращались в нормы социальности, «хорошего тона» отношения к другому. По выражению Ю. А. Левады, «нельзя быть врагом на 'г'». «Враги» должны были производиться, а если возникали трудности с этим, то «врагами» назначались. И это поддерживалось населением, по меньшей мере в соответствии с частными и повседневными интересами и нуждами; любой — материальный, карьерный, жилищный, сексуальный и т. п. — конфликт мог быть разрешен посредством «стука», «сигнала», «информации», «жалобы» и проч. Половина населения «стучала» на другую, и наоборот. Речь идет не только о формировании цензуры (существовавшей буквально с первых же дней после октябрьского переворота, после провозглашения Декрета о свободе печати), но и о перестройке всей системы функционирования печати. Сама цензура как институт за это время в силу отсутствия кадров и организационных возможностей (особенно на периферии) превратилась из тематического контроля и запрещения публикаций (выражение антимарксистской или антисоветской литературы) в орган, надзирающий за их выпуском. А затем — в организацию предварительной цензуры и, наконец, в технологический узел создания любых литературных и информационных текстов. Но, как и пропаганда, она вошла всего лишь составной частью в общую систему тоталитарного государства.

На протяжении второй половины 20-х — начала 30-х гг. были созданы институциональные структуры массовой политической социализации и воспитания. Они включали в себя: 1) школу всех ступеней; 2) политкомиссариат (политотделы) во всех организациях вне зависимости от их профиля и назначения; 3) технологические механизмы контроля и репрессий (первые отделы, от-

вечавшие, в частности, за организацию доносительства); 4) строго

52

иерархический порядок (номенклатура разного уровня, партийной, структуры советского и хозяйственного управления и проч.); 5) всеобщую организацию военной подготовки на всех уровнях общества. Это касалось как детских и юношеских учреждений (октябрят, пионеров, комсомольцев, школы и т. п.), так и периодических сборов, на которые призывали уже взрослых. Создавались сети полувоенных и оборонных, спортивных организаций (ДОСААФ и ему подобные), обеспечивающие разнообразные формы мобилизации от сезонной помощи селу до добровольно-принудительных работ.

Только в совокупности вся эта система разнообразных институтов могла создать совершенно искусственное, воображаемое сюжетное пространство, в котором действовали условные, невидимые, скрытые «враги» и «герои», возникали смертельные «угрозы» всему и «избавления» от них. Но весь этот мир был принципиально непроверяем, неподконтролен частному опыту, поскольку он держался на непреодолимом разрыве между планами коллективных событий и повседневной жизнью⁴⁴. Помимо апологии насилия отметим еще несколько характерных моментов.

Несоразмерность, демонстративность насилия должна была не просто ужасать, свидетельствовать о полной бесконтрольности властей, но и тем самым подчеркивать силу, могущество «органов», подавляя обывателя; Чем шире масштабы репрессий, тем убедительнее становилась ретроспективная мифологизация прошлого, подкрепляющая основную версию «врагов» в настоящем (предательство лживых единомышленников и соратников, тайные замыслы вездесущих противников, масштабы вредительства). Латентность «врагов» делала их «заложником» все население. Террор обладал способностью обращать ошибки руководства в чужие преступления. Основной эффект суггестии был основан на сочетании информационной изоляции, безальтернативности утверждаемых версий событий и репрессий для любого, даже не обязательно усомнившегося или отрицающего официальные догмы пропаганды. Такое состояние критического паралича или апатии могло достигаться только путем систематического нагнетания угрозы, конструированием реальности в категориях «войны», милитаризацией общественного сознания. О чем бы ни заходила речь в газетных

¹⁴ Характерный пример приводит в своей книге Н. Б. Левина: М. Вольберг, высокий чин в аппарате пропаганды, будучи на собрании рабочей молодежи (дело происходит в 1934 г.), спрашивает: «Кто из вас видел живого классового врага?» После некоторого замешательства один из присутствующих на собрании комсомольцев признается: «Видел попа на улице» (ЛЕВИНА Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии, 1920—1930 годы. СПб.: Нева; Летний сад, 1999. С. 141).

53

статьях или кадрах кинохроники, предмет обсуждения излагался только в категориях и понятиях «борьбы», «фронта», «противостояния», «отпора капитулянтам», «вылазкам» «врагов» и проч. «Приобщить массы к революционной песне — значит вложить в руки оружие борьбы за классовую идеологию и быт»⁴⁵. «Рекорд Алексея Стаханова прозвучал в нашей стране как сигнал к атаке»⁴⁶ («Новости дня». Кинохроника, 1939). Были научный, театальный, литературный, идеологический, педагогический, культурный, аграрный и прочие «фронты». Любые социальные явления, которые расценивались как отклонения от норм социалистической морали, объяснялись как следствия деятельности вражеских сил. Например, с середины 20-х гг. по крупнейшим городам прокатилась кампания борьбы с западными танцами — в первую очередь с танго и фокстротом, прошли рейды милиции, изымавшей пластинки с их записями, в радиопередачах и на концертах было запрещено их исполнять. Объяснением было обычное: «Пользуясь отсутствием контроля, различные вражеские элементы на танцплощадках занимаются прямой антисоветской работой, часто пытаются разлагать молодежь»⁴⁶. Сексуальный либертинаж, который практиковался в середине 20-х гг. среди части комсомольской и рабочей молодежи под влиянием «идей об отмирании семьи при социализме», утверждавшихся некоторыми идеологами партии (С. Вольфсоном, А. Коллонтай, И. Арманд и др.), уже к концу 20-х — началу 30-х гг. стал решительно осуждаться как следствие идеологической заразы: «Враги народа немало поработали над тем, чтобы привить молодежи буржуазные взгляды на вопросы любви и брака и тем самым разложить молодежь политически»⁴⁷. Позднее в призывах ЦК ВЛКСМ к празднику «Международный юношеский день» утверждалось: «Пьянки — главный метод вражеской троцкистской работы среди молодежи. Организуем беспощадную борьбу»

⁴⁵ Песенник революционных, комсомольских, антирелигиозных и волжско-бурлацких песен. М., 1925. С. 3; цит. по: ЛЕВИНА Н. Б. Указ. соч. С. 256.

⁴⁶ Там же. С. 260. «Идеологи новой культуры призывали создать свой, советский танец, „в котором

ощущалась бы могучая индустрия, темпы наших дней, лозунги, мысли, чувства наших дней» (Хлвнюк О.В. Указ, соч. С. 107). Зарубежные заимствования, например, фокстрот, клеймились как «танцы деградирующей буржуазии», «кровные братья кокаина и рулетки» (цитаты из журнала «Советское искусство», М., 1926, № 10). «Джаз, танцы, особенно фокстрот — это не случайные явления, а плановый очередной трюк классового врага в нашей стране, это тормоз ликвидации пережитков капитализма в сознании людей» (Комсомольская правда. 1935. ЗОмаящит.по:ХлЕВнюк О.В. Указ.соч.С. 107).

⁴⁷ Комсомольская правда. 1937.19 нояб.; цит. по: ЛЕВИНА Н.В. Указ. соч. С. 276).

54

бу с пьянством»⁴⁸ (здесь же «пьяницы» поданы как «приспешники троцкистско-зиновьевской банды»), И так далее.

Главной целью агитационно-пропагандистской работы были сам аппарат, кадры партийно-государственного управления, и обеспечение лояльности рядовых функционеров высшего эшелону руководства. Именно поэтому процесс создания пропагандистских образов — все равно, позитивных или негативных — находился под прямым и постоянным контролем советского руководства, включая высших лиц — Сталина, Кагановича, Молотова, Жданова и др. Каждый из них, не говоря уже о нижестоящих, ответственных за определенный «участок пропаганды», не гнушался собственноручно предписывать, что и как должен изображать писатель, каким должно быть соотношение положительных и отрицательных черт, как должен выглядеть «враг», а как — руководитель среднего или низшего звена. Эти указания и рекомендации вождей, содержащиеся в «частных» письмах или публичных выступлениях, становились предметом проработки в соответствующих организациях и печати и инструкциями цензорам и авторам — основанием для принятия или отторжения рукописи или фильма, тиражировались в формульных повествованиях. Главным здесь было определение правильного дидактического соотношения «высшей правды» и «отдельного факта», идеологического тезиса и наглядной иллюстрации.

Массовым же адресатом пропаганды на всем протяжении советского государства были зависимые от власти группы населения с ограниченными социальными, культурными и интеллектуальными ресурсами, испытывающие информационный дефицит (точнее, пребывающие в информационном вакууме). Это было не все население, а лишь относительно образованная, городская его часть, которой могли быть доступны и как-то понятны искусственные риторические композиции пропаганды. Принимая во внимание уровень грамотности населения, можно сказать, что суммарная доля людей, способных читать и понимать прочитанное (с высшим, средним, включая и неполное среднее, образованием) к концу 1930-х и в 1940-е гг. из-за фронтовых потерь составляла всего 8%, в конце 50х гг. — 28%. Но этого соотношения было достаточно для того, чтобы добиться необходимой покорности общества. Поэтому аудиторию пропаганды составляли преимущественно социальные группы, характеризующиеся быстрой вертикальной мобильностью, городская молодежь. Это прежде всего профессиональные группы — быстрорастущая категория специалистов, а также новые промышленные рабочие, некоторые этнические группы и проч. Важно, что своей картиной реальности, своим благополучием (фактическим или мнимым) они были полностью обязаны власти, которую идентифи-

¹⁸ ЛЕВИНА Н. Б. Указ. соч. С. 4 5.

55

цировали с социальной системой в целом, с самим порядком вещей. По чисто техническим (организационно-финансовым и кадровым) причинам этот режим в своем окончательном виде сложился лишь к началу 1930-х гг. Собственно говоря, только с этого момента риторика врага становится значимым социальным фактом конституции и функционирования тоталитарного режима. Без социальной среды риторика врага не имела бы никакого эффекта, а среда образовывалась деятельностью средств массовых коммуникаций или их ранних прототипов — массовых, первоначально солдатских, затем любых иных митингов, партийных и иных коллективных собраний. Этот эффект заключался не столько в воздействии образов на массу населения и в принятии общественным мнением подобных знаковых структур, сколько в постоянной интенсификации деятельности контролирующих и репрессивных органов по поиску и разоблачению «врагов», по утверждению социальных ритуалов «проработки» и «критики» на различных собраниях. Запрограммированный результат этой налаживающейся системы институтов мог быть выражен только в виде нарастающей волны массовых репрессий и усиления атмосферы всеобщей подозрительности и страха⁴⁹.

ТЕХНИКА ПРОПАГАНДЫ И МОБИЛИЗАЦИИ. СОСТАВЛЯЮЩИЕ РИТОРИКИ «ВРАГА»

В СОВЕТСКОМ ТОТАЛИТАРНОМ ИСКУССТВЕ И ЛИТЕРАТУРЕ. ТИПЫ «ВРАГОВ»

До начала Отечественной войны происходящее в тех или иных сферах общественной жизни уподоблялось событиям эпохи Гражданской войны и подчинялось исключительно риторике внутрипартийной и «классовой» борьбы. После войны, по мере реставрации традиционнo-имперских идеологических представлений, эти понятия и определения все в большей степени замещались категориями русской исключительности и борьбы с Западом, с его «тлетворным влиянием», разлагающим «здоровое единство советского народа». К этому времени структура противостояния уже определялась

⁴⁹ Чтобы не говорить о годах Большого террора, приведем свидетельство гораздо более поздних и уже «вегетарианских» времен об отношениях между журналистами и редакторами (цензорами) в годы хрущевской оттепели (конец 1950-х — начало 1960-х гг.). Известный экономист Г. Лисичкин вспоминал: «Везде действовал принцип: если ты не заклевал, если ты просмотрел, погибай вместе с тем, кто «провинился». Поэтому мы прекрасно знали всех тех редакторов, которые если „надо“, сразу же найдут крамолу» (Пресса в обществе, 1959—2000. Оценки журналистов и социологов. Документы. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 79).

56

как СССР (центр коммунистического мира, цивилизации и т. п.) — США (средоточие всего чужого — модерности, богатства, эксплуатации, расового неравенства и проч.).

Метафоричность образов врага строилась на сочетании официально-книжного языка (конструкции «врага» и мотивов его поведения) и обыденной, понятной манеры обличения и снижающей оценки. Отвлеченность, внеповседневность этой композиции затрудняли массовому человеку понимание и оперирование подобными значениями. Единственная «помощь» ему в этом могла быть оказана через иллюстративную подсказку, генерализацию по аналогии, т. е. через использование предлагаемого пропагандой примера как объяснительной схемы.

Конструкция «врага» включала соотнесение двух планов: 1) враги дальние, обобщенно-символические, образующие фон или «горизонт» понимания происходящего, поэтому они практически неизменны на протяжении десятилетий, и 2) ближний, скрытый, невидимый, нелегальный, меняющий свои маски и идеологические формы «враг». Он, в свою очередь, может предстать как а) в своей «субъективной» форме и в роли убежденного и упорного антисоветского противника, живущего среди обычных людей, или б) в форме «объективного» врага. Последнее означает быть субъективно «честным», но заблуждающимся человеком, «объективно» «играющим на руку нашим врагам».

Перечислим основные типы врагов, выраженные в официальной риторике, в литературных произведениях, в кино, в инструкциях авторам, даваемых цензорами или ответственными работниками ЦК и Главлита⁵⁰.

Внешние враги:

а) *мировая буржуазия, империализм, Запад, после войны — американцы и их сателлиты, НАТО и проч.*

Формы представления варьировались от ранних, черно-белых карикатурно-плакатных толстяков-капиталистов в цилиндрах и с мешком долларов в руке до Дядюшки Сэма как эмблематических представителей большого бизнеса или Пентагона, генералов и проч. Они были крайне стереотипны — по существу, дело ограничивалось своего рода кинематографическими или литературными

⁵⁰ Предлагаемая реконструкция риторических схем советского времени, использующих семантику врага, является довольно грубой и самой первой прикидкой в принципе крайне необходимого анализа. Уверен, что квалифицированный литературовед или историк, владеющий необходимым материалом или знающий, как его найти и систематизировать, провел бы подобный анализ гораздо лучше, чем я, никогда специально не занимавшийся поэтикой или риторикой. Однако по разным причинам таких исследований у наших гуманитариев нет.

57

«масками». Их стандартные атрибуты в кино или книгах «про шпионов» — бутылка виски, толстая сигара, разговор только о потерянных из-за революции и коммунистов деньгах или о планах уничтожения СССР. Мотивы действия героев подчеркнута циничны и низменны;

б) представители русских, бывших привилегированных классов, аристократии, отечественной буржуазии — *белогвардейский офицер, капиталист, священник* (для литературы союзных республик — *бай, мулла*) и т. п. Их литературное или киноизображение обязательно включало в себя контраст между внешними признаками цивилизованности, щегольства, приобщенности к мировой

культуре (например, любовь к классической музыке или поэзии, для «эмиров» — материальное довольство, зажиточность) и холодной безжалостностью, меркантилизмом, презрением к «простым» и «маленьким» людям. После войны рядом с ними появляются коллаборационисты — деревенский староста (бывший кулак), бургомистр (бывший помещик или чиновник), полицей, изображаемые как сыновья бывших кулаков или помещиков, как пособники немцев и палачи, казнящие пойманных партизан. Это соединение высокостатусных и враждебных символических признаков стимулировало классовый пролетарский рессантимент и одновременно работало на укрепление позитивных, «эгалитаристски» подаваемых образов партийных руководителей, описываемых в ключе «такие же, как мы» — простые, доступные, открытые, без манерности и вычурности чужой культуры.

Враги периода Великой Отечественной войны — *немцы, фашисты*¹ и их союзники*. Это наиболее значимый и сильный в моральном и идентификационном плане образ врага (число соответствующих стереотипов представления «немца» или «фашиста» крайне невелико). Для массового сознания в России эти образы задают травматический предел человеческого. В пропагандистской риторике гитлеровцы всегда служили абсолютной мерой негативного: редукция к этим образам означала безусловные характеристики-

⁵¹ В первые месяцы войны руководством органов пропаганды делались неуклюжие попытки развести «немцев» (немецких рабочих) и «нацистов» (гитлеровцев). Власти, по инерции, под влиянием собственных слов надеялись на поддержку рабочих, коммунистов и их сопротивлению военным планам Гитлера. Факт, собственно, незначительный, но свидетельствующий об утрате чувства реальности у руководства тоталитарным государством. Однако после недолгого периода замешательства эти установки сменились на самую жесткую и агрессивную этническую пропаганду. Типичным в этом плане можно считать статьи И. Эренбурга («Убей немца») или стихи К. Симонова («Убей его!»). Разведение «немцев» (рядовых солдат) и «эсесовцев» возобновилось довольно поздно, лишь в середине 1970-х гг.

58

ки бесчеловечного, аморального и злого. Поэтому непрременная (моральная) победа во Второй мировой войне и сегодня является ключевым символом национальной самоидентичности, опорным звеном легенды советской власти и входит в состав любых идеологических конструкций реальности. Длительные наблюдения показывают, что ценностный ранг этого символа на протяжении последних 10 лет постоянно растет. Отечественная война служила (и служит по настоящее время) ретроспективным оправданием как самой коммунистической системы, включая и массовые репрессии, и форсированную индустриализацию, и жертвы во время коллективизации, так и русского имперского прошлого, «превосходства» русских над другими везде и всегда. Победа в этом плане — наиболее сильный аргумент для объяснения необходимости постоянных жертв населения ради поддержания высоких расходов на ВПК, общей милитаризации жизни в СССР, той бедности и несвободы, которые несла с собой советская власть. А это значит, что дело здесь не только в хроническом дефиците базовых ценностей, могущих служить основой коллективной интеграции самого общего порядка, но и в том, что «враги» (во всяком случае, этого рода и уровня) сохраняют свою функциональную значимость и действенность, что этот тип представлений входит в центральные символические механизмы конституции общества. Помимо «немцев», практически до начала 1960-х гг. крайне важную роль играло в пропаганде и практике управления значение «пленных», представленных в качестве предателей или изменников, трусливых и ничтожных людей, заслуживающих не просто презрения, а сурового наказания. Приписываемые им мотивы представляли собой перевертывание обязательного кодекса морали «настоящего советского человека» — сдача в плен была безусловным преступлением самим по себе, не имеющим каких-либо оправданий и объяснений вроде безвыходности ситуации, ранения, контузии и проч. Каждый раз это могли быть поступки лишь жалкого труса и эгоиста, индивидуалиста, цепляющегося за жизнь и не разделяющего требуемые ценности самопожертвования, коллективизма, предпочтения смерти сдачи врагу и проч. Клеймо «оказался в плену» было равносильным другим знакам социальной отверженности, эквивалентным «находился в заключении». Оно распространялось и на родственников, задавая тем самым еще один параметр в общей сети социального заложничества. Первые попытки оправдания «пленных» начались лишь в начале 60-х гг. вместе с первыми лагерными публикациями и фильмами на «сталинскую тему», легитимацией «окопной правды» против «генеральской», появлением «лейтенантской прозы» и т. п. («Чистое небо» Г. Чухрая, военные повести Ю. Бондарева, Г. Бакланова, К. Воробьева, «Живые и мертвые» К. Симонова и др.).

59

Шпионы, диверсанты, засланные в СССР с подрывными или разведывательными целями. В

отличие от авантюрной западной бондианы, здесь значима лишь антитеза «свои — чужие», подразумевающая противопоставление «мир — война».

Отдельно представлены разнообразные *этно-«националь-ные» враги России как великой державы* в настоящем, прошлом (если берутся ранние стадии истории русского государства) и будущем (враги Российской империи или русского народа): псы-рыцари, экзотические татары и ханы Золотой Орды, поработившие Древнюю Русь, разнообразные иностранцы, приехавшие в Россию с самыми разными целями (таковы персонажи иностранного купца, иезуита, посла), турецкий султан, шведы, поляки, фабриканты, английские адмиралы, прусские или австрийские генералы, французы времен Наполеона, короче говоря — любые захватчики, агрессоры и тайные агенты других стран. Появление этих образов означало смену оснований легитимации коммунистической власти: переход от революционной идеологической фразеологии к имперской, великодержавной, с характерным для нее акцентом на русской национальной исключительности, русском колониальном миссионерстве и проч. В послевоенное время они, по существу, вытеснили из риторического поля прежние образы белогвардейцев, кулаков, партийных предателей — меньшевиков, троцкистов. Изображение исторических событий, связанных с разнообразными врагами этого рода, предполагает в качестве обязательного элемента образа «вынужденное» признание кем-то из этих врагов великого будущего России, которую «нельзя победить». Такое ретроспективно представленное пророчество о «нынешних днях» (1930—1950-х гг.) «закорачивало» связь давних врагов с сегодняшними, историю империи с актуальными событиями, т. е. воспроизводило базовые временные конструкции массового сознания.

Внутренние враги — скрытый, сознательный *вредитель*, убежденный противник советской власти, ждущий, когда она развалится (инженер, бездарный профессор, реже — кулак, бывший помещик, пробравшийся в номенклатурные чины). В советской мифологии это опорная фигура «врага». Его интересы и мотивы действий кардинально расходятся с «линией партии». Этот персонаж был в прошлом если не крупным собственником, то сыном владельцев фабрики или поместья, «царским» офицером, короче, представителем ликвидированных эксплуататорских классов, обиженным, ущемленным в ходе классовой экспроприации собственности. Такое же прошлое мог иметь и диверсант или шпион, засланный в СССР. Однако все они, по сути дела, играют роль триггера, выдвигая на первый план «пособника врага» — главного персонажа пропагандистских кампаний бдительности и борьбы с клас-

60

совым врагом, каждый раз утверждаемого «сверху» в качестве предмета соответствующей критики.

Пособник (подголосок, подкулачник, клеветник, обыватель, антисоветски настроенный недоброжелатель, злопыхатель, критикан, паникер и т. п.). Ценность и функциональная роль этого персонажа состоят в том, что и без необходимости принятия во внимания его точки зрения, без специальных усилий по доказательству негативных или враждебных намерений ему можно было приписать «объективное» свойство противодействия основной политической линии партии, враждебные намерения или последствия для дела строительства социализма. Такая конструкция лишала его важнейших признаков субъективности и, напротив, придавала ему статус почти природный, объективно-классовый. В отличие от тех, кому вменялись прямое практическое вредительство или саботаж, борьба против партии, герой этого типа мог лишь высказывать свои суждения, свое недовольство положением вещей, критиковать или предлагать отличные от мнения руководства планы действий или оценки. Главной задачей пропаганды в данном случае было связать его позицию с действиями наиболее агрессивных и непримиримых «врагов», отождествить любую возможность самостоятельного рассуждения или взгляда с угрозой общественному благополучию. Этот воображаемый персонаж служил необходимым условием массовой мобилизации, требований всеобщей бдительности и готовности к «отпору». Без этой фигуры формирование в стране принудительно организуемого консенсуса («морально-политического единства партии и народа») было просто невозможным. Он открывал для пропаганды возможности всеобщей охоты на «сомневающихся» и «малOVERОВ», «попутчиков» социалистического строительства, заставляя любого человека не просто демонстрировать, а доказывать свою преданность и лояльность руководству. Предметом обвинения становились здесь не собственно результаты действия, а «объективная» возможность этого действия, потенциальные намерения, которые может приписать такому персонажу обвинитель. Соответственно, складывалась такая фигура речи, которая, снимая сам вопрос о субъективных намерениях действующего, создавала возможности для привлечения к ответственности неопределенного числа

людей («любого»).

Именно эта генерализация угрозы обвинения и создавала атмосферу страха и разобщенности людей, состояние социальной атомарности и недоверия любому. Дело было не в том, что негативный или враждебный смысл был характеристикой какого-то объекта, персонажа или идеи. Суть заключалась в том, что любой персонаж или общественно значимый сюжет, предмет, идея, обстоятельство могли получить негативные значения, угрожающее

61

толкование — за всем могла таиться опасность вражеского действия⁵². Близкими по типу риторического образования являются характерные для конспиративного сознания контаминации негативного компонента (элемента семантики врага) с нейтральным понятием той группы, на которую направлена идеологическая агрессия. Задавая представление о «враге», упреждающее возможные агрессивные действия, этот ход позволял резко расширить сферу негативных качеств. Таковы, например, конструкции «белофинны», «бело-поляки», соединяющие части от ненавистных в системе большевистской пропаганды «бело-гвардейцев» с «поляками» или «финнами». Эти сами по себе совершенно бессмысленные образования предназначены восстановить в памяти и сознании массового слушателя и читателя тот или иной контекст «борьбы с врагами» — аллюзии времен Гражданской войны. И то и другое новообразование появилось как элемент пропагандистской кампании перед оккупацией Поль-

⁵² Таков, например, был смысл кампании против празднования Нового года и сказочного Деда Мороза с подарками детям, что интерпретировалось как религиозные пережитки. Дело не только в том, что подразумевалась прямая связь Нового года с Рождеством (она не была до революции такой уж акцентированной, поскольку Новый год и елка сохраняли долгое время оттенок своего протестантского происхождения - в народе, во всяком случае, его не праздновали). Такая взаимосвязь, скорее, вменялась, подчеркивалась, так как за подобными значениями были неподконтрольные идеологии ценностные представления о человеке, и именно они-то и должны были подавляться и цензурироваться, но не прямым образом, а за свою скрытую опасность быть источником идеологической заразы. Осуждались и те, кто праздновал Новый год с елкой и Дедом Морозом: «Ребята обманывают, что подарки им принес дед-мороз. Религиозность ребят начинается именно с елки... Господствующие эксплуататорские классы пользуются «милой» елочкой и «добрым» дедом-морозом еще и для того, чтобы сделать из трудящихся послушных и терпеливых слуг капитала» (Материалы к антирелигиозной пропаганде в рождественские дни. Тула, 1927; цит. по: Душечкин А. Е. Дед Мороз: этапы большого пути // Новое литературное обозрение. 2001. № 47. С. 259). Ср. там же: «...На плакатах с подписью „Что скрывается за дедом-морозом?“ изображался старик с елкой, на которого, разиня рот, смотрят мальчуган и его мамаша, в то время как за его спиной, притаившись, стоят поп и кулак». С 1918 по 1935 г. Новый год не причислялся в СССР к официальным праздникам. Утверждение советского новогоднего ритуала «сверху» относится к 1935—1937 гг. и началось с статьи П. Постышева о новогодней елке в газете «Правда» (декабрь 1935 г.). В годы войны (1942) уже создаются новогодние открытки с Дедом Морозом, бьющим фашистов, в 1944 г. он изображен со сталинской трубкой и проч. (см.: АДОЛЬФОВА С. Б. Категория настоящего времени (антропологические очерки). СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. С. 52—58).

62

ши (совместно с гитлеровской Германией) и нападения на Финляндию (с последующими территориальными захватами). Перенос на население или, по крайней мере, на войска и силы сопротивления этих стран значений «белой армии» должен был представить оккупацию Красной Армией как «освободительный поход», как своего рода экспорт или революционную помощь пролетариату и крестьянству этих стран со стороны трудящихся первого социалистического государства⁵³.

Убедительность и реальность фигуре «подголоска» придают коррелятивные с образами основных врагов факультативные персонажи пропаганды, кино или литературы. Они могут быть двух разновидностей: а) *изменник, предатель, перебежчик*, ради шкурных интересов или для спасения жизни перешедший на сторону основного врага, наконец, «власовец» (эта фигура, однако, появляется только в самом конце существования тоталитарной системы, до этого сам факт реального предательства был запретной темой; ср. позднейшие, уже в середине 70-х гг., определения А. Солженицына как «литературного власовца»); б) *«перерожденец»*, инженер, чиновник, советский бюрократ, номенклатурный вельможа, способствующий «врагу» ради своих мелких корыстных интересов, заискивающий перед Западом — мелкий жуир и пошляк, жаждущий комфорта, денег и т. п.

Псевдореволюционер или *псевдокоммунист, ложный вождь*, неправильный руководитель, который борется с настоящим «народным» лидером. Здесь представлена целая гамма очень важных негативных персонажей, назначение которых — подчеркнуть, усилить достоинства

«настоящего» руководителя, коммуниста, проницательного (в отличие от «ложного»), близкого к народу (понимающего заботы и нужды маленького человека), верящего в светлое будущее, не обремененного ложной культурой и излишним образованием, а с другой стороны, возвышающегося над массой, сочетающего в себе признаки и «своего», и «человека организации», члена партии — т. е. черты ведомственной харизмы. «Ложный вождь» изображается как человек недалекий и мелкий, самовлюбленный, истеричный, занятый в основном собой и своим карьерным успехом, как человек фразы, трус, в решающий момент предающий партию и дело революции. Если это историко-революционный фильм (реже — литературное произведение, поскольку в кинофильме подобному персонажу дана ироническая или сниженная характеристика уже самим внешним обликом), то речь будет идти о меньшевиках, троцки-

⁵³ См. НЕ ВЕЖИ Н. В. А. Обоснование активизации внешней политики СССР // Невежин В. А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939—1941 гг. М.: АИРО-XX, 1997. С. 67— ИЗ.

63

стах, анархистах или левых эсерах; если это роман, фильм или спектакль о современниках, то такой персонаж будет воплощать в себе принципы или взгляды, методы руководства, осужденные в последних директивных документах или партийно-идеологических установках. Набор подобных фигур достаточно велик (партийный оппозиционер, технический специалист, не верящий в силу революционного рабочего энтузиазма и проч.), но функция — одна и та же. «Ложным вождям» соответствуют многочисленные фигуры *«неправильных» представителей народа*. Их диапазон простирается от а) **почти нейтрального** темного, забитого, обманутого или добросовестно заблуждающегося крестьянина-бедняка, выводимого на путь истины тем или иным ортодоксально «правильным» рабочим, до б) **едва терпимого** типажа из *«социально близких»* или деклассированных «элементов» — хулиганов, воров, проституток, ставших такими, в соответствии с официальным пониманием проблемы, лишь в силу обстоятельств рождения и окружающей среды. Это «наследие капитализма», «родимые пятна проклятого прошлого», подлежащие социалистическому исправлению и перевоспитанию. Моральная проблематика здесь «снята» и заменена технологией чекистской «перековки»; и в) **стоящих за пределом терпимости пропаганды** образов «бандитов», «лесных братьев», «бандеровцев», «басмачей», подлежащих уничтожению, т. е. тех, кто — в литературных текстах и в кино — продолжает с оружием в руках отстаивать национальные и этнические традиции, обычаи, религию и прочие «пережитки». «Золотая молодежь» — дети высокопоставленных, образованных и обеспеченных родителей, не желающие работать, «отдавать себя обществу», прожигающие жизнь, «низкопоклонствующие перед Западом», эгоистичные, пошлые и никчемные люди, негативные герои, носители ценности частной жизни и узкопотребительских установок — тех социальных значений, которые блокируют потенциал мобилизации, героически-аскетического энтузиазма, коллективности, солидарности и проч. Их социально сниженный вариант — мещанин, обыватель, человек, занятый только собой и своим домашним благополучием, семьей, детьми и их будущим (а не будущим всей страны). Уже в самом конце тоталитарной эпохи появляется фигура «отщепенца», клеветника на социалистический строй, диссидента, правозащитника, инакомыслящего, *антисоветчика*, потенциального эмигранта, изображаемого в явно антисемитском тоне и противопоставляемого «настоящему», но часто обиженному или ущемленному патриоту.

Тем самым совокупность представляемых «врагов» создавала симметричную официальной картине советского общества систему негативных представлений об иной возможной социальной структуре и, соответственно, об осуждаемых, «ненадлежащих» дос-

64

тижительских мотивациях. Другими словами, воспроизводимый через «врагов» антимир должен был изолировать условную «советскую действительность» и ограничить ее от любого скептического или критического взгляда, подать пространственно-временную сетку координат настоящего (точку зрения на происходящее) как единственно возможную, «иммунизировать» коллективные образы от других ценностных перспектив интерпретации и оценки.

Техника изображения врага предполагала несколько моментов:

- 1) нагнетание неопределенно общей угрозы существованию страны (опасность обязательно должна подаваться как угроза безопасности всего целого, вопрос в этом плане ставится «либо — либо»: никаких компромиссов, «дерева» возможностей, альтернатив и т. д.). Любая ситуация резко упрощается и подается в предельно примитивном виде смертельной конфронтации;
- 2) изображение каждого конкретного врага или частного противника может быть дано только в

сниженном виде, с неприятными или комическими подробностями. Здесь не может быть ничего демонического, возвышенного или величественно ужасного, это мелкое, но трудноистребимое зло. Человеческая «ничтожность» врага должна была по контрасту возвысить характеры позитивных партийных или народных персонажей. В плакате и карикатуре это было доведено до предельного буквализма: несоизмеримость величины «своего» и «чужого» вместе с контрастным соотношением светлого и черного задавали схему организации смыслового мира в самой суггестивной форме. (Мускулистая рука рабочего разбивает цепи капиталистической эксплуатации. Или: громадный белый пароход, аллегорическое изображение строительства нового, раскидывает и топит черные силуэты маленьких кораблей с выпрыгивающими из них фигурками капиталистов, генералов и попов);

3) победа над врагом может быть подана только как подвиг, торжество не отдельного человека, а самой социалистической системы, народа, всего целого — это всегда триумф и апофеоз коллективных ценностей и целей;

4) способ подачи «врага» в документальном повествовании должен быть таким, чтобы у читателя или зрителя оставалось не просто позитивное удовлетворение от прочитанного или просмотренного, но впечатление прямой выгоды, выигрыша. Например, цензура запрещала давать фактическую информацию о восстаниях и мятежах в деревне против советской власти, тем более — приводить обобщенные сведения или статистику о «кулацких» выступлениях, но «отдельные факты публиковать можно»⁵⁴. Однако всякий раз эти сведения должны сопровождаться указанием на «те меро-

⁵⁴ См. История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М: РОССПЭН, 1997. С. 284. 65

приятия по советской и общественной линии, которые проводятся в борьбе с кулацкими выступлениями (арест кулаков-террористов, предание их суду и т. д.), классовым разъяснением (убийство произведено в разгаре классовой борьбы с кулаками, подкулачниками и т. п.)». Не разрешался показ самого процесса раскулачивания, например, вывод раскулаченных из отобранного дома, конвоирования с детьми и женщинами из села и т. п., но напрямую предписывался показ успешного использования колхозниками сельскохозяйственного инвентаря и техники, экспроприированных у кулаков и помещиков, их домов или хозяйственных построек для новых целей в колхозе (открытие в них сельской школы, правления колхоза)⁵⁵;

5) пропагандистско-риторическая функция образов врага заключалась не только в фиксации негативных значений политической жизни. Главная роль «врага» в этой системе координат — стать негативным фоном значений, на котором могут быть с самой выгодной стороны представлены позитивные значения, достоинства тех героев, которые персонифицировали партию и ее вождей, создавали им ореол либо харизматических лидеров, учителей, спасителей народа, революционных мистагогов, либо были образцами отцов народа, заботящихся и направляющих обычных людей массы к светлому будущему, поправляющих тех, кто заблуждается. «Враги» в этом плане — лишь необходимый коррелятивный элемент тиражируемых легитимационных представлений о действительности. Поэтому «враг» не может быть в советском литературном произведении главным героем или самостоятельной фигурой, т. е. выступать в качестве «трагической фигуры» (за писательские ошибки такого рода авторы даже не опубликованных произведений расплачивались собственной жизнью, как это было, например, с А. Авдеенко⁵⁶ и многими другими).

Риторическая композиция строилась на антитезах своего и чужого. Сюда относятся:

1) метафорика человеческого и хтонического мира: героически-возвышенному миру правильных, идеологически выдержанных персонажей противостоит мир монстров, извергов, чудовищ, для описания которых здесь используются архаические семантические элементы (змеи, насекомые, особенно — пауки, обитатели болот, подземного мира);

2) оппозиция нормы и патологии: помощники врага из состава «близких врагов» выступают как «кликуши», «близорукие», неполноценные (малoverы), извращенцы, носители «упаднических» настроений, «упрощенцы», мистики, «гнилые либералы», абстрактные

⁵⁵ См. Там же. С. 285.

⁵⁶ См.: Б а б и ч е н к о Д.Л. Писатели и цензоры. Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. М.: Россия молодая, 1994. С. 22—30.

66

гуманисты, оторванные от жизни и т. п. — по отношению к ним необходимы бЧльшая зоркость, бдительность и принципиальная нетерпимость;

3) столкновение семантики расцвета, здоровья, полноты жизни—и гниения, разложения,

болезнетворной инфекции;

4) столкновение честности и лицемерия (враги — «двурушники», позитивные герои «срывали» с них маски двуличия, показывали их «моральное разложение», коварство и проч.);

5) в описании использовались бинарные идеологические конструкции: по модели «горстка храбрецов — кучка зарвавшихся авантюристов, отщепенцев»; устремленность в будущее советского народа, здоровых сил в партии, планы людей доброй воли — зловещие планы поджигателей войны, обскурантизм и косность «врагов» и т. п.;

6) контаминация «врагов» разного типа, наведение негативного смысла через аллюзии к прошлому: например, белополяк, белофинн. Таков же смысл соединения имперских и нынешних «врагов» — продолжение давней линии борьбы России против «враждебного мира» (Россия как щит Европы от татаро-монгольского нашествия);

7) преподнесение собственной агрессии как блага. Так, военная кампания Красной Армии против Польши в 1939 г. или захват прибалтийских государств подавались как «освобождение» польского, финского (позже румынского, венгерского и др.) народов Восточной Европы от «помещиков, бояр и капиталистов» либо как упреждающее действие по отношению к более могущественным врагам (вступление войск Варшавского договора должно предупредить захват Чехословакии войсками НАТО и т. п.);

Системным результатом действия подобных идеологических, организационных и пропагандистских акций была атмосфера всеобщей растерянности, дезориентированноеTM и страха, даже не перед «врагом» как таковым, а перед «органами» и начальством, непонимание, кого будут разоблачать и громить в каждый следующий момент⁵⁷. Эта атмосфера атомизированного, наполненного страхом и склокой, недоверием и подозрительностью существования

⁵⁷ См. многочисленные документы и свидетельства, собранные в кн.: Литературный фронт. История политической цензуры 1932—1946 гг.: Сб. документов / Сост. ДЛ. Бабиченко. М.: Энциклопедия российских деревень, 1994; Счастье литературы. Государство и писатели. 1925—1938: Документы. М.: РОССПЭН, 1997; ГОРЯЕВА Т.М. Радио России. Политический контроль советского радиовещания в 1920—1930-х годах. Документированная история. М.: РОССПЭН, 2000; Б л ю м А. За кулисами «министерства правды». Тайная история советской цензуры, 1917—1929. СПб.: Академический проект, 1994; Б л ю м А. Советская цензура в эпоху тотального террора, 1929—1953. СПб.: Академический проект, 2000.

67

могла воспроизводиться только через систему всеобщего заложничества, «повязанности», зависимости и пассивности. Конечно, мир пропаганды довольно скоро оказывался крайне формалистичным, шаблонным, условным. Это был, как сегодня сказали бы, виртуальный мир официальных мифов, ритуалов солидарности, организованной коллективной ненависти, борьбы и изгнания «демонов». Страшны были не сами «враги», а выпадение из общей коллективной игры в энтузиазм строительства нового. Приведем слова одного из рабочих-передовиков, выступавших на собрании (1937): «Нам не страшно бороться с врагом, которого мы видим, но враг, который работает вместе с нами у машины, враг, который одет в ту же спецодежду, как и мы, — этот враг нам страшен. Нам нужно ни на минуту не забывать, что классовый враг весьма силен и только в жесточайшей борьбе с ним мы сумеем победить»⁵⁸.

Парадокс такой организации пропаганды заключался в том, что технологический контроль за литературным и информационным производством со стороны вышестоящих инстанций неизбежно оборачивался грубой схематизацией смыслового материала, примитивизацией, безжизненностью литературной и иной продукции. Довольно рано тотальный и жесткий репрессивный контроль над писателями и журналистами привел к творческому параличу интеллигенции, к клишированию изображения не только врагов, но и положительных персонажей, затем — к вырождению и скуке, апатии, а стало быть — к утрате прямой эффективности, действенности самой пропаганды. Она все больше и больше становилась формальной, замкнутой на самом институте партийного контроля и агитации, стала своего рода социальным ритуалом, а позднее, примерно с 60-х гг., начала приобретать и дисфункциональные свойства⁵⁹.

Более того, по логике перевертывания стереотипа, вначале в советском андерграунде, а затем в официальном искусстве началась стихийная работа по переинтерпретации образа врага. С одной стороны, такая фигура, как «белый офицер», стала романтическим героем, воплощением национального характера, жертвой садистов-большевиков и комиссаров (вроде «романсов о корнете Оболенском», в которых соединились аристократическая ностальгия эмигрантов и городская эстрада), а с другой — комическим национальным персонажем (анекдотическим поручиком Ржевским, грубым гедонистом, бабником и невежей). Еще позднее, уже в конце 80-х

гг., прежние «изверги» — капиталисты-эксплуататоры — стали воплощением духа русского предпринимательства, носителями на-

⁵⁸ Общество и власть. 1930-е годы: Повествование в документах. М.: РОССПЭН, 1998. С. 16.

⁵⁹ См. ПЕЧАТНОЕ В.О. Стрельба холостыми: Советская пропаганда на Западе в начале «холодной войны» // Сталин и «холодная война». М., 1998.

68

циональной культуры, священники — мучениками веры, символами ее будущего духовного возрождения и т. п. Возникла новая, объединяющая бывших коммунистов и новорожденных монархистов с либеральными националистами мифология революции как цивилизационной катастрофы, коммунистической оккупации, исторического слома цветущей страны, великой империи. Структура стереотипа оставалась той же — менялся знак отношения, и те значения, которые негативно оценивались в пропагандистской риторике и персонифицировались образами врагов, сегодня стали рассматриваться как выражения уже позитивных ценностных символов и идей.

ЭРОЗИЯ МОБИЛИЗАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И ОСЛАБЛЕНИЕ ИДЕОЛОГЕМЫ ВРАГА

Вместе с тем переворачивание знака оценки «врагов» не означает, что изменилась структура коллективного сознания, массовой идентичности. Дело не просто в суггестивности идеологических конструкций реальности, скрепляемых функцией «врага», а в их безальтернативности, приводящей к воспроизводству специфического социального двоемыслия, парцеллярности сознания. Внутри пространства, где действуют враги (неважно, какие именно — важно, что они задают матрицу «мы»), индивид растворяется в коллективных представлениях такого рода, замкнутых, чисто логически не допускающих других точек зрения и рефлексивных позиций.

Чтобы усомниться в элементах этих идеологических конфигураций, необходимо не столько разбирать и критиковать изнутри подобные замкнутые идеологические конструкции (для массового и неспециализированного сознания это невозможно, а для специализированного чаще всего слишком трудоемко и неэффективно), сколько отвергнуть их как таковые по внешним соображениям и критериям, по другим основаниям, исходя из других ценностей и моральных принципов. То, что это не происходит в настоящее время в России, свидетельствует о том, что нет таких групп, которые могли бы выдвинуть подобные позиции и ценностные основания. И даже не просто выдвинуть, а утвердить их вопреки сопротивлению основной массы, для которой «враги» образуют слишком сильную и значимую составляющую коллективной идентичности, блокирующую возможность любых сколько-нибудь серьезных и сознательных изменений. Напротив, для массового сознания комплекс «врага», разнообразные варианты этой идеологемы продолжают играть чрезвычайно важную роль, образуя важнейшие компоненты национальной самоидентичности. Достаточно указать на то, что самоописания русских как этнонациональной общности обязательно содержат компенсаторно-апеллятивные характеристики и скрытые

69

референции к войне, экстремальным обстоятельствам и т. п.: «мы» — терпеливые, миролюбивые, готовые помочь и т. п.

Функциональное значение «врага» здесь (у высокообразованных) проявляется чаще всего более опосредованно, в более сложных формах⁶⁰, негативно, через обостренное внимание к таким ситуациям, которые пробуют человека на излом, ставят его в предельные (т. е. — ненормальные) ситуации выбора, требуют от него подтверждения качеств «подлинности» или декларации верности высшим принципам, даже ценой собственной жизни или жертвы какими-то другими важнейшими обстоятельствами или благами. В этой ситуации прямое присутствие «врага» не является обязательным, его функциональная роль не сводится к сюжетной детерминации действий героев или экспозиции конфликта, она может быть выражена гораздо более сложным образом — через выбор ценностей, значимых для героев и читателя. Другими словами, ряд значимых ценностей может быть выражен только таким образом (через внешнюю угрозу, через функцию «врага», через экстремальность ситуации действия).

Но такое умозаключение означает, что в этой среде (культуре, группе и т. п.) нет смысловых — культурных, институциональных — способов и критериев оценки взаимодействия в нормальных ситуациях и упорядоченных условиях существования. Здесь нет системы «гратификации», которая предполагала бы высокую ценность обычных человеческих достоинств и услуг, общепризнанного порядка символического или эмоционального обмена ими — взаимного признания

профессиональных достижений (как основы социальной этики). Отсутствует значимость различного рода солидарно-стей или интересов, не требующих проверки на абсолютную верность «своим» и неприятие, немедленное отвержение «чужих» и проч. Другими словами, можно установить обратную зависимость между интенсивностью образов «врага» и наличием интереса к разнообразию, включенностью во множество социальных кругов общения или типов отношений, ни один из которых не может выразить полноту «человеческого» и не претендует на подобную абсолютность (а соответственно, и не требует для себя таких критериев, как предельные испытания).

Если к «культуре» относится только сфера «высокого» как «неповседневного» (прежде всего — истинно «героического»), то это

60

Правильнее было бы, наверное, сказать, что опосредованные, сложные формы для российской элиты являются не более частыми или более распространенными, а специфическими, отличающими ее от массовых матриц идентичности, поскольку риторику «врага», причем в самом грубом виде, можно найти и у московских профессоров. См., например, весьма характерный образчик подобной идеологии: ПАНАРИН А. Искушение глобализацией. М., 2000.

70

означает лишь одно: крайнюю бедность представлений о человеке в обществе, слабую структурированность общества, в котором либо неразвиты, либо подавлены, либо ограничены множественные связи, которые могут быть только индивидуально значимыми, т. е. не имеющими обязательной референции ко всему целому. Только в репрессивном обществе (где символически представляемое «целое» обладает безусловным приоритетом и статусом сверхценности) может возникать оппозиционное (и предметное) сознание культуры «либо — либо» (пусть даже в бесконечно отстраненной форме как бы решительно-цинического предпочтения «презрения к ближнему у нюхающих розы», которое «пускай не лучше, но честней гражданской позы»); важно, что здесь не возникнет общепринятого представления о культуре как о процессуальном образовании, как проблеме, задаче, процессе идентификации и проч.

Характерное для поздней советской «творческой» интеллигенции томление по экстремальным ситуациям (где наконец-то могли бы проявиться «подлинные» человеческие качества, совершенно стертые рутиной повседневных компромиссов), усилия прервать состояние «притерпелости» к любой, но прежде всего — к обычной, склочно-бытовой ситуации принудительной коллективности, свидетельствуют о постепенной истощенности или истощенности определенных смысловых пластов культуры, необходимости внешнего «стимула»⁶¹. Как говорил М. Жванецкий в 1970-х гг. (в лучшие свои годы): «У нас все есть. Но не всегда. И не везде. [Чтобы понять это] большая беда нужна».

Однако для настоящей беды — войны — нужен «враг», а если его нет, возникает чувство гложащей пустоты, размытости, скуки, которая долгое время осознавалась как интеллигентские «духовные поиски».

С первыми же признаками послесталинской «демобилизации», ослабления массового террора и самоедства, пошел процесс легитимизации точки зрения «маленького человека»; оказалось крайне важным представить относительно негероическое существование, естественно, лирически подняв его, поэтизируя частную жизнь и умиляясь ей. Однако эта возможность могла быть реализованной только в рамке экстремальных оценок, заданных войной («Дом, в котором я живу» Л. Кулиджанова, 1957; «Летят журавли» М. Калатозова, 1957), конфронтацией, пусть даже в морали рафинированных ученых, обслуживающих ВПК («Девять дней одного года»

⁶¹ Характерно, что основная масса советских творцов культуры (кино, литература и проч.) знает и может отыгрывать «пограничные ситуации» лишь на материале войны, хотя для экзистенциализма характерно и множество других типов этих ситуаций (болезнь, одиночество, вина и проч.). Некоторым исключением надо бы признать лишь А. Тарковского.

71

М. Роома, 1962). Без этой «рамки» немедленно обозначился смысловой провал, дефицит ценностной оправданности ненапряженной повседневности, ее необработанность, некультивированность. Напомню лишь одно обстоятельство: лучшие фильмы советских 1960—1970-х гг., например, М. Хуциева — «Мне 20 лет» («Застава Ильича»), «Июльский дождь» и последовавшие за ними — все пронизаны ощущением утраты полноты и экзистенциальной определенности жизни, которая, безусловно, ассоциировалась с поколением отцов, ставших «ветеранами», или молодых, погибших на войне. Эти мотивы дальше разворачивались уже на самом разном материале (от фильмов

А. Германа или К. Муратовой и других до песен Б. Окуджавы или В. Высоцкого и почти полного растворения мотива, например, в комедиях Э. Рязанова — «Берегись автомобиля», «Гараж» и т. п.).

Естественно, что для диагностики подобных ценностно-смысловых моментов, особенно в поздних фазах советского и постсоветского времени, нужен другой «глаз», другой концептуальный аппарат, который позволял бы видеть их как элементы процессов более общего характера, а не только как сцепление литературных или кинематографических мотивов. Задачи такой реконструкции предполагают уже аналитические способности интерпретации по методу «значимого отсутствия», т. е. выявления косвенных признаков присутствия «врагов», следов их воздействия, на всю систему мышления или репрезентации, последствий мобилизационного сознания, влияния его на всю организацию картины мира (рассуждение по методу, предположим, «невозникновения», «необразования» тех смысловых структур, которые должны были бы возникнуть, если бы не было «врагов»). Логика здесь такова: картина реальности в романе Музиля «Человек без свойств» (и даже в «Превращении» у Кафки) не нуждается в семантике врага, не предполагает ее (хотя может и допускать, но не в качестве конститутивного принципа), а «Привычное дело» Белова, как и вся «деревенская проза», — требует. Но подобные соотнесения важны лишь при исследовании «высокой» или сложной литературы, для тривиальной беллетристики или кино «враг» представлен предельно наглядно, вплоть до эмблематичности персонажей или отдельных его деталей⁶².

Поэтому дело не просто в войне (и не в любой войне). Дело в войне как тематическом принципе организации русской национальной культуры и мобилизационного общества. Отечественная⁶² Чтобы не слишком уклоняться от основной темы, скажу только одно: принципиально значимым является наличие или отсутствие в структуре субъективной идентификации референция к самым общим символам коллективных, в первую очередь национальных, общностей и, соответственно, «врагов» как способа представления и организации негативных значений.

72

война представляет собой центральный, опорный символ российской культуры для второй половины XX в.⁶³ (для первой половины функционально близкую роль играли «революция» и Гражданская война⁶⁴), причем значимость его только растет с течением времени. Проблема заключается в том, что никакой другой позитивной системы гратификации, а значит — никакого другого смыслового пространства и матрицы для структуры личной идентичности, после этого не возникло. Отсюда тот поздний, уже сегодняшний «стеб» или неотрадиционализм, которые представляют собой подмалевки публичной жизни россиян, или же абсолютная (и довольно скучная) «черну-ха», даже в лучших своих образцах, вроде последних фильмов тех же А. Германа или К. Муратовой. Нынешний смысловой Spielraum* размечен разнообразными «б»: «братками», «братьями», «батеньками-комбатами», батюшками и, соответственно, чеченцами, «продажными» депутатами, «новыми русскими», дорогами шлюхами и проч., или же перелицовкой старых «классовых врагов», как это делает Н. Михалков и ему подобные эпигоны⁶⁵. По существу, другого, столь же продуктивного смыслового ресурса, каким является перенос значений «врага» на новые социальные персонажи, нынешняя российская творческая «элита» не имеет. «Апофатичность» «врага» на высоких уровнях культуры (в виде кризиса личностной идентичности и потребности в «экстриме») и определенность персонажей «врага» в массовой поэтике образуют не просто устойчивую корреляцию, но могут рассматриваться как один из инвариантов современной структуры российской культуры, не развивающейся, но лишь бесконечно повторяющейся матрицы основных конфликтов (несостоявшейся субъективности, неавтономной индивидуальности, незавершенной модернизации).

Поэтому отсутствие отечественных работ — литературоведов, историков, психологов, культурологов и проч., связанных с тематикой «врага» и анализом соответствующих образов, удивля-

⁶³ Гудков Л. Победа в войне: к социологии одного национального символа // Мониторинг общественного мнения. М., 1997. № 5. С 12—19.

⁶⁴ Для подтверждения этого тезиса даже не нужно приводить общие данные о распространенности этих мотивов. Достаточно лишь указать на то, что с ними связаны образцы, которые считаются «лучшими» в культуре этого времени, например работы А. Платонова, Б. Пастернака, О. Мандельштама. Можно ли представить себе в другие годы такое определение: «Удел истинной поэзии — быть железой в стальном теле власти» (Амелин Г.Г., Мордерер В.Я. Миры и столкновения Осипа Мандельштама. М., 2000. С 144).

* Пространство действия, пространство игры (нем.). - *Примеч. ред.*

⁶⁵ См. разбор нынешней тематики исторических романов в статье Б.В. Дубина, приходящего к близким

ет только в первый момент. Либо эта проблематика неактуальна и не вызывает особого интереса («и так всем все понятно и известно»), либо именно в силу сверхзначимости подобных символических образований их теоретическое осмысление крайне затруднено из-за мощнейшего действия внутренних табу и защитных национальных мифов⁶⁶.

Наверное, если бы поставить себе такую цель — полное прочесывание библиографии по смежным темам, можно было бы что-нибудь обнаружить, допустим, при разборе шпионских романов или фантастики. О «чужом», об «иностранце» такие литературоведческие работы есть, например, М. О. Чудаковой или Дж. Мамедовой⁶⁷, хотя, конечно, нельзя сказать, что и их уж слишком много — это не «кремовые шторы у Турбиных» или «метафоры у Мандельштама».

Обращения к специалистам не дали результата. Нечто близкое к теме я нашел лишь в двух небольших материалах из огромного сборника «Соцреалистический канон»⁶⁸, а также в книге М. Вайскопфа⁶⁹.

Интересный материал приводится в книге историка В. А. Не-вежина об организации советской предвоенной пропаганды, ее технологии и руководстве, хотя собственно образы врага им почти не рассматриваются⁷⁰. Разумеется, есть огромная зарубежная лите-

⁶⁶ После представления и обсуждения основных тезисов этой статьи на семинаре в ОГИ в октябре 2002 г. Н.Г. Охотин указал мне еще на несколько работ по этой тематике, за что я искренне благодарен ему.

Привожу их: ФАТЕЕВ А.В. Образ врага в советской пропаганде, 1945-1954 / РАН. Ин-т рос. истории в сотру-д. с ун-том им. Меллена. М., 1999. 261 с. (Указ, имен: с. 257-260. Библиоф.: с. 237-256); САВИН А. И. Образ врага. Протестантские церкви в сибирской прессе 1928-1930 гг. // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск Сибирский хронограф, 2002. С. 57 - 80; КОСТЕРЕВА О.А. Образ врага в отечественной политической культуре периода «холодной войны»: Опыт анализа визуального источника, (<http://www.earthburg.ru/php/process.php?lang=r&c 1=10&id= 1 &file=kosterevahtm>); САВЕЛЬЕВ А.Н. Образ врага, (http://olmerl.newmail.ru/ 910_18.htm).

⁶⁷ См. ЧУДАКОВ А.М.О. Опыт историко-социологического анализа художественных текстов (на материале литературной позиции писателей-прозаиков первых пореволюционных лет) // Чтение.- проблемы и разработки: Сб. научных трудов. М.: ГБЛ, 1985. С. 112—137; МАМЕДОВА Дж. Чужие ходят здесь. Толстяки, шпионы и иностранцы в детских советских книжках // Независимая газета. 1999.19 авг.

⁶⁸ Соцреалистический канон. М., 1999.

⁶⁹ См. В А И С К О П О М. Писатель Сталин. М.: НЛО, 2001. "СМ.НЕВЕЖИН В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939—1941 гг. М.: АИРО-XX, 1997.

ратура самого разного профиля и тематики, где рассматриваются функции «врага» (как фактора этнической, национальной или политической консолидации в разных исторических обстоятельствах и для разных режимов), политический или психоаналитический аспект проблемы и проч., но не о ней идет сейчас речь.

Угнетающее ощущение «банальности» материала (при просмотре советских фильмов или чтении романов, в которых присутствуют враги), отчасти и выводов, к которым приходишь, объясняется не только эффектом присутствия «давно известного». Чувство «тривиальности» является защитной реакцией «советского человека» (меня в том числе) против усилий рационализации повседневных форм существования, структур глубинной идентичности, где трудно развести индивидуальное и коллективное, или социальное. На эту мысль меня наталкивают схожие переживания Ханны Арендт, которая говорила о «банальности зла», когда писала о своих впечатлениях во время процесса над А. Эйхманом.

Потребность в ценностной компенсации (референции к вне-повседневно высокому, давно признанному в таком качестве, ставшему расхожей догмой классического) для российской интеллигенции гораздо более значимая и распространенная вещь, нежели необходимость позитивного понимания и объяснения происходящего перед глазами. Каждый знакомый с психоанализом знает, когда, в какой момент и при каких условиях возникает сопротивление дальнейшему ходу объяснения, которое указывает на приближение к травматической зоне. Реакции: «Хватит!», «Надоело», «Скучно», «Неприятно», неадекватные или замещающие действия в этих обстоятельствах выступают в качестве типичных симптомов блокировки глубинного анализа. Разумеется, они свойственны не только индивидуальной, но и массовой психологии. В данном случае я имею в виду не только российский опыт подавления каких-либо попыток рефлексии над прошлым, в первую очередь — тех значимых культурных структур сознания, которые предопределили формирование сталинского тоталитаризма, но аналогичные

реакции немцев после разгрома нацизма, выраженное нежелание что-либо знать о своем прошлом, стремление вначале к частичной апологетике того времени или отдельных институтов (например, вермахта или науки), готовность возложить всю ответственность на Гитлера и тем самым — подвести черту под прошлым, представить его как черный провал в общем-то респектабельной истории Германии. То же самое можно наблюдать и у нас.

В послесталинской России (в СССР) дважды возникала ситуация пересмотра публичных оценок прошлого. Начало первого периода отмечено докладом Хрущева на XX съезде КПСС; о его окончании нет единого мнения: одни полагают, что он завершился примерно в 1963 г., еще до устранения Хрущева, другие оттягивают его

75

конец к 1966 г. (писательский процесс Ю. Даниэля и А. Синявского) или к брежневской реакции на Пражскую весну 1968 г. В социальном плане хрущевская кампания борьбы с культом личности, вызвавшая появление критической литературы («лагерной», «исторической», «о репрессиях» и т. п.), была намного более важным событием, чем перестроечная критика сталинизма. Хотя она не выходила за пределы идеологии «восстановления ленинских норм», в лучшем случае — идей «демократического социализма», ее влияние на состояние умов было чрезвычайно значительным. Напротив, гораздо более резкая по тону, хотя и крайне поверхностная и недолгая, критика сталинизма в первые годы перестройки (1987—1991), по сути дела опиравшаяся на ту же идеологию, не произвела особого впечатления и не имела каких-либо последствий — процесс распада режима уже шел помимо нее, она была запоздалой, довольно бессмысленной и закончилась с распадом СССР и началом социально-политических реформ в России. Дело опять здесь сводилось к личному злодейству Сталина и его окружения, всерьез не были затронуты ни социальные, ни культурные, ни антропологические причины возникновения и длительного существования тоталитаризма, его массовой, в том числе моральной, поддержки, отчасти продолжающейся и по настоящее время. Большей частью общества критика сталинизма была воспринята в контексте чисто конъюнктурной борьбы одной, одряхлевшей и теряющей власть номенклатурной группировки, с другой, более молодой и прагматичной. И только. Никакой моральной потребности оценки, понимания, сознания вины она не вызывала.

Уже к концу 1991 г. массовые опросы указывали на нарастающее раздражение от разоблачительного и публицистического тона этой критики (недовольства отчасти справедливого, ибо интеллигентская мысль сводила суть дела к личности Сталина или его ближайших сподвижников, рассматривая «народ» как «жертву» репрессивного режима). Общие мнения такого рода в конце концов закрепились за тривиальными приговорами Солженицына, санкционировавшего их своим авторитетом; природа советской власти свелась к «оккупационному» режиму большевиков, возникшему неведь откуда. Проблема ответственности, самоанализа практически не возникала, если не считать недолгого всплеска после просмотра абудадзевского «Покаяния» и утрированных восторгов в адрес режиссера. Само слова «покаяние» с тех пор вызывает у образованных россиян лишь приступы смещенного, немотивированного раздражения. Для большинства призывы к «раскаянию» и социально-историческому покаянию, несомненно, звучат слишком фальшиво, поскольку в них чудится коллективная принудительность публичного и демонстративного битья себя в грудь, обычная кампанейщина,

76

может быть — смутное понимание собственной слабости, моральной дефектности. И массовое сознание, и сознание более образованной части российского общества конституировано таким образом, что отказ от принятия ответственности за себя и других во всех случаях, кроме непосредственно личных, чаще всего — семейных или дружеских отношений, является одним из важнейших условий коллективной или публичной социальности и взаимодействия. Таковы конвенции адаптации и существования в обществах с властью патерналистского типа или в тоталитарных режимах, претендующих на монополию авторитета. За то, что происходит в них — будь то массовые преступления режима или стихийные бедствия, — никто не отвечает. Здесь никто не виноват. Все жертвы, или все виноваты (а потому — никто конкретно), или виноват только один — вождь (фюрер, царь, генсек): Гитлер, Ленин, Сталин, Горбачев или Ельцин. Разумеется, даже сравнительно образованная публика не замечает или не сознает подобных изменений, поскольку не располагает ни специальными средствами анализа, ни концептуальными или ценностными рамками, позволяющими мерить «время» (нет и привычек к сравнительно-типологической рефлексии)⁷¹. Ее несет вместе с потоком. Другими словами, у российского образованного или культурного сообщества нет той позиции, с которой оно могло бы оценивать

происходящее и само себя, рефлексировать собственные ценности. Причина неразвитости российской культурной или интеллектуальной элиты заключается в характере ее ценностей, ее функций, в ее профессиональном и корпоративном понимании, не меняющемся до сих пор несмотря на то, что цензоры и борцы стали издателями, а издатели — постмодернистами. Ее опыт существования в репрессивном сообществе стерилизует важнейшие потенции самосознания. Однако подобные «операции» производятся не путем прямого запрета или подавления инноваций, а через утверждение таких ценностных представлений, которые блокируют интерес к другому как партнеру, а соответственно, закрывают возможность и необходимость рационализации и рафинирования повседневного, обычного, неэкстремального существования.

С 1992 г. российское общество уже больше не хотело ничего слушать о своем прошлом, кроме приятного, ободряющего или, по

⁷¹ Поэтому своеобразие подобного сознания или его изменения фиксируются прежде всего внешними наблюдателями. См., например: З а п е р М. Диффузная воинственность в России // Неприкосновенный запас. М., 1999. №1; Лввинтова Е. Политический дискурс в постсоветской России (1992—2001 гг.) // Мониторинг общественного мнения. 2002. №2; ФЕРРЕТТИ М. Провалы в памяти: Россия и сталинизм // Там же. 2002. № 5.

77

крайней мере, ностальгически-сентиментального. Ничего специфического в этом не было, такие же, если не еще более резко выраженные, настроения доминировали в 1950—1960-е гг. в Западной Германии: всякие усилия по изучению и рационализации прошлого вызвали крайне ожесточенное сопротивление и прессы, и образованных, прежде всего — академических кругов (достаточно вспомнить дискуссии историков о «преодолении прошлого» или неприятие концепции тоталитаризма), и массы, хорошо описанные и изученные впоследствии⁷². То же самое, хотя в более слабой форме, можно было наблюдать и в Италии: официально принятая и конституционно закреплённая идеология антифашистского Сопротивления в значительной степени заблокировала анализ рационализации фашизма, его влияния на послевоенную политическую организацию Италии, что дало повод одному из итальянских историков язвительно заметить, что если принять всерьёз декларации о массовом участии в партизанском и антифашистском движении, то фашистов в истории Италии может вообще не оказаться.

Для меня в данном случае важен не вопрос о вине или ответственности конкретных людей или групп, а о такой композиции общественного мнения или «сознания», при которой вообще становится невозможным объяснение и понимание происходящего или прошедшего, поскольку паралич субъективности (а соответственно, способности к пониманию или смысловой оценке, в том числе — и моральной) свидетельствует о принципиально ином, в сравнении с референтным (предполагающим матрицу индивидуальной рациональности, дееспособности и ответственности, свободы выбора и расчета), состоянии общества и индивида, которое может описываться в терминах затянувшейся «прострации», стойкой тупости или истерического беспамьяства. Поэтому почти полное отсутствие соответствующих работ о «врагах» (вообще, но прежде всего — в системе идеологий тоталитарных режимов и практики существования), в свою очередь, является индикатором отсутствия радикальных изменений в сравнении с периодом тоталитаризма. В этом отношении следует говорить о двух моментах. То, что я назвал проявлением «табу» на рационализацию «врагов», можно рассматривать в первом приближении как отсутствие средств такой рационализации, языка интерпретации феномена негативной мобилизации. Речь идет не о самом описании «врагов» — это как раз вещь довольно элементарная и «всем известная», а о понимании ин-

⁷² См. БОРОЗНЯК А. Искушение. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М.: ПиК, 1999; МАРГОЛИНА С. Конец прекрасной эпохи. О немецком опыте осмысления национал-социалистической истории и его пределах // Неприкосновенный запас. М., 2002. № 2/22. С. 36-44.

78

ституционального и культурного контекста, той системы отношений, в которых «враги» являются реальным компонентом организации реальности, конституции повседневности. Это достаточно важное соображение: действительно, в отечественной науке практически полностью отсутствуют разработки в этом роде, нет ни теории тоталитаризма, ни систематических исторических, психологических и т. п. исследований (даже смежных областей — природы коллективного насилия, страхов, агрессии, фобий и проч.), т. е. того, что составляет обязательный элемент текущей, рутинной работы социальных и гуманитарных наук на Западе, что является частью профессионального и человеческого долга, без глумливого «стеба» или истерики⁷³. Но это обстоятельство не фатально само по себе, оно производно от состояния умов, прежде всего —

интеллектуалов, группы, профессионально занятой воспроизводством культуры, в которой тоталитарные ценности и модели играют чрезвычайно важную роль, хотя российская «элита» в этом никогда сама не признается. Другими словами, как известно опять-таки из азов психоанализа, изживание травматических конфликтов возможно только с их осознанием, артикуляцией и рефлексией, или, как говорил Макс Вебер, «расколдовыванием» социальной реальности. Возможность анализа роли врагов предполагает постепенный выход за границы той системы представлений, которая определяет абортный характер российского развития.

⁷³ См., например: KRESSEL N.J. Mass Hate. The Global Rise of Genocide and Terror. Cambridge: West Press, 2002.

ДУГЛАС СМИТ (Сиэтл) У ИСТОКОВ РУССКОЙ МАСОНОФОБИИ¹

Что соль просыплется,
Петух прокрикнется,
Что курица вспоет,
Что кошка заскребет,
Великой тут напасти,
Бед должно ожидать и страсти,
Коль идет попизон,
Навстречу фармазон,
Ты очи вверх взведешь
И навзничь не падешь².

Символ веры Ванюшки Данилыча

В СЕРЕДИНЕ XVIII столетия в русском общественном сознании сформировался зловещий образ вольного каменщика, «фармазона». Первые же сведения о деятельности ордена на территории России вызвали общее негодование, объединившее все сословия русского общества. Несмотря на малочисленность русских братьев, образ масона прочно занял свое место в ряду других смертельных врагов России — турок, французов и евреев. Задача настоящей работы — описать исторические и социально-психологические предпосылки возникновения русского масонофобского мифа, существующего по сей день и оказавшего намного большее влияние на ход русской истории, чем деятельность масонских лож как таковых.

ПРИСЛУЖНИКИ ДЬЯВОЛА

Первоначальное отношение к масонам в России трудно реконструировать с точностью.

Достоверно известно, однако, что общественная неприязнь к ордену зародилась вскоре после возникновения первых лож. По всей видимости, в царствование Елизаветы сведения о вольных каменщиках распространились в нижних

¹ Фрагменты настоящей работы вошли в кн.: SMITH D. Working the Rough Stone Freemasonry and Society in Eighteenth-Century Russia De Kalb, 1999. Пользуюсь случаем поблагодарить издателей за любезное разрешение на повторную публикацию.

² Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова / Изд. подг. А. Зорин, Н. Сапов. М., 1992. С. 257.

80

слоях городского населения, которое сочло масонский орден организацией преступной и безбожной³. Согласно одному источнику, уже в конце 1750-х гг. слухи о существовании в Петербурге масонской ложи произвели в обществе «панический страх»⁴. Г. Р. Державин вспоминает в своих «Записках», как в начале 1760-х гг., будучи еще молодым человеком, он собирался сопровождать И. И. Шувалова в его заграничных путешествиях; этот план сорвался из-за категорического запрета двоюродной тетки поэта, Ф. С. Блудовой, считавшей «появившихся тогда в Москве масонов отступниками от веры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу, о которых разглашали невероятные басни, что они заочно за несколько тысяч верст неприятелей своих умерщвляют и тому подобные бредни, а Шувалова признавали за их главного начальника»⁵.

Такого рода представления о масонах вошли в обиход еще до екатерининского царствования, когда орден стал привлекать все больше людей в разных городах и областях России. В елизаветинское время подобные легенды исходили главным образом от православного духовенства, видевшего в появлении вольных каменщиков еще одно следствие зловредного западного влияния. Точнее говоря, распространение масонства вменялось в вину партии «немцев», якобы полностью захвативших управление страной в царствование Анны Иоанновны (1730-1740) и малолетнего Иоанна VI (1740- 1741; т. н. «бироновщина»). Верхушка русского духовенства приветствовала переворот 1742 г., возведший на престол Елизавету, восхвалениями новой монархини и

бесконечным потоком проклятий в адрес немцев Остермана (возглавлявшего при Анне внешнеполитическое ведомство) и Миниха (бывшего главнокомандующего русских войск), а также их русских сторонников, предавших свой народ. Всем им приписывали ограбление русской казны, преследование истинных патриотов, притеснение православной церкви и пособничество ее врагам — атеистам, мусульманам и армянам. До конца 1740-х гг. русские проповедники не переставали предавать анафеме «скотоподобных, безбожных атеистов, еретиков, отступников, раскольников, армян» и людей «нрава и ума епикурейского и фреймасон-ского», слишком долго правивших Россией и потерявших власть только с воцарением Елизаветыб. В глазах высшего православного духовенства масоны были чуть ли не частью обширного заговора, инспирированного кучкой немцев и имевшего своей целью

³ См.: Пыпин А. Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1916. С. 97.

⁴ См.: Лонгинов М. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 93. 'Державин Г. Р. Записки. М., 2000. С. 22. 81

ослабить Россию изнутри, подчинив себе русское общество и государственный аппарат. На это указывает один характерный эпизод. В 1747 г. молодой граф Николай Головин, вернувшийся в Петербург из Берлина, попал на допрос к А. И. Шувалову, возглавлявшему тогда тайную полицию. Головина, с одной стороны, подозревали в том, что он выполняет тайные поручения прусского короля, а с другой — спрашивали, не состоит ли он в ордене вольных каменщиков, каковы установления этого ордена и осведомлен ли он о других русских, принятых в орден. Хотя ни Головин, ни названные им русские члены братства не были наказаны, этот случай демонстрирует со всей очевидностью, что масонский орден не только духовенству, но и некоторым из высших сановников России казался проводником иноземного, главным образом немецкого, влияния⁷.

Примерно к этому же времени относится зарождение антимасонской литературы в России. Из общего ее анонимного корпуса имеет смысл выделить два текста: «Изъяснение некоторых известных дел проклятого сборища франк-масонского» и «Псалму на обличение франмасонов»⁸. Первый текст, по всей видимости, вышедший из духовной среды, содержит длинное — более 200 строк — стихотворное обличение ордена, в котором подробно живописуются дьявольские обряды вольных каменщиков, а сами они именуются прислужниками Сатаны⁹.

Появились недавно в Руси Франк-Масоны, И творят почти явно демонские законы Нудятся коварно плеть различные манеры, Чтоб к антихристу привесть от Христовой веры¹⁰.

⁶ По п о в Н. Придворные проповеди в царствование Елизаветы Петровны // Летописи русской литературы и древности. 1859. Т. 2, отд. 3. С. 22. См. так же: Боголюбов В. Н. И. Новиков и его время. М., 1916. С. 179; Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 98; Соколовская А. Т. Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и первая четверть XIX столетия). СПб., 1907. С. 7.

⁷ См.: Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 91; Донесение о масонах // Летописи русской литературы и древности. 1862. Т. 4, отд. 3. С. 51-52.

⁸ См.: Мартынов И. Ф. Ранние масонские стихи и песни в собрании библиотеки Академии наук СССР (К истории литературно-общественной полемики 1750-х гг.) // Russia and the World in the Eighteenth-Century / Ed. by R. P. Barlett, A. G. Cross, K. Rasmussen. Columbus, 1988. P. 437-439.

⁹ См.: Мартынов И. Ф. Указ. соч. С. 439; Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 96-98.

¹⁰ ЧОИДР. 1871. Кн. 3. Отд. 5. С. 11-16.

82

Масонство оказывается своего рода карнавальным пространством, в котором меняются местами добро и зло, грех и благочестие:

Тут молодцы до девиц устроят хоры,
Взыграют в скрышицы, ударят в волторы,
Там пляшут и танцуют быстрыми ногами,
И друг друга целуют, объемя руками;
Садятся их общества все за стол едины,
Проводят торжество, пия разны вины,
Различным ставится стол кушаньем убранный,
«Кушай, кто хочет, изволь, в масонство призванный!» <,,>
В особливы палаты всякой отбегает,
Тщательно в мушкарды себе одевает,
Тут-то Содом и Гомор присутствие имеет,
Тут всяк грех и всякой вздор скверную злость деет,
Там-то юноши сами в девицы вменены,
В настоящие дамы и платье в перемены,
Тут, кто кого поймает, с тем и осквернится,
Родни не разбирает, греха не боится,
Пускай сестра, пускай и мать, лишь попадись в руки,

Нельзя от них такс отстать, по их злой науке:
 Которая не захочет с кем плотски пребыти,
 Тая к стене отскочит, начнет говорити:
 «В пристанище тихом теперь я убегла,
 Малому и великому себя не подвергла».
 «Отговорка, скажут ей, твоя неуместна,
 Здравствуй ради секты всей, Исова невеста!»
 Она принуждена сказать: «Здравствуй, дорогой жених!
 Изволь мною теперь владеть: я в желаниих твоих!»
 Такими-то делами скверны Франк-Масоны
 Строят они руками горьки Вавилоны <...>.
 Масонам приписывается склонность к обжорству, блуду, половым извращениям, инцесту и насилию. Масонская ложа представляет собой «храм беззакония», в котором воздвигается «антихристу трон». Братья измышляют «различные манеры, / Чтоб к антихристу привести от Христовой веры». Автор сатиры предостерегает читателей от вступления в орден из любопытства: Многи тому примеры, говорят, бывали, Которые от сей веры отстать пожелали, Но из оных никого в живых нет на свете, Вить стоит смерть его и живот портрете", Которой лишь поранят пулями с пистолета, Тотчас в жизни увянет и лишится света.
 ' В помещении ложи вывешивались портреты всех братьев.

83

В отличие от этих виршей, «Псалма...», по-видимому, написана умелым литератором и относится к рубежу 1750— 1760-х гг.¹² Она намного лаконичнее «Изъяснения»:

Полны лжи ваши законы,
 Оказались, франк-масоны,
 И в том тайность ваша есть -
 Щот шестьсот шездесят шесть.
 Роскошей пути широки,
 В вас рождают все пороки,
 Там собрание ваше есть,
 Где шестьсот шездесят шесть.
 Масон назван по-французски
 Тот кто каменщик по-русски,
 Имя подло почто несть,
 И шестьсот шездесят шесть.
 В ком прямая добродетель
 Весь народ тому свидетель,
 Будет хвалы венец плесть
 На шестьсот шездесят шесть.
 А кто дел своих стыдится,
 Тот от света всюю таится,
 Пока судьба воздаст месть
 За шестьсот шездесят шесть¹³.

Темы «Изъяснения» здесь повторяются: масонские законы называются «лживыми», деятельность ордена связывается с дьяволом — на этот раз через «дьявольское число» «шестьсот шездесят шесть» (возможно, это намек на нумерологические интересы масонов); масонам приписываются разнообразные пороки и ставится в вину секретность их братства, ибо только зло «от света таится». Интересно отметить, что в «Псалме...» (намного отчетливей, чем в «Изъяснении...») масонство ассоциируется с Францией. Эта ассоциация довольно нетривиальна — орден возник в Англии, и в России первые ложи создавались не только французами, но также англичанами, шотландцами и немцами. С одной стороны, указание на «французский» характер русского масонства может свидетельствовать о действительной значимости французского влияния для распространения ордена в России, с другой же стороны, легко предположить, что автор «Псалмы...» встраивает братство вольных каменщиков в общий ряд врагов России, в котором Франция успела уже занять свое место как постоянная

¹²См.: МАРТЫНОВ И. Ф. Указ. соч. С. 439; МЛРТЫНОВ И. Ф., ШАН-СКАЯ И. А. Отзвуки литературно-общественной полемики 1750-х годов в русской рукописной книге (Сборник АЛ Ржевского) // XVIII век. Л., 1976 Сб. 11. С. 131-148. ¹³ Библиографические записки. 1861. Т. 3, № 3. С. 70.

союзница главных внешнеполитических противников России — Турции, Польши и Швеции. Кроме того, введение французской темы позволяет описать увлечение масонством как еще одно следствие безудержной галломании русского дворянства.

К началу екатерининского царствования в русском общественном сознании прочно закрепился образ масона — нечестивца и предателя. 1762 г. датируется донос на «протопопа Андрея яко подозрительного человека, масона»¹⁴. Надо сказать, что сходные настроения существовали и в Европе, где масонов тоже обвиняли в колдовстве, безнравственности, безбожии и коварстве. Так, в Голландии в середине XVIII столетия ходили слухи, что масоны на своих собраниях играют в «карты дьявола» и владеют тайным знанием, которое позволяет им летать. Автор сатиры, опубликованной в «Бостонском почтальоне» (*Boston Post-Boy*, 1750—1751) и показательной для ранней антимасонской литературы, дает понять, что масонский мастерок используется на самом деле для сексуальных пыток. Тот факт, что среди братьев были представители разных конфессий, а в масонских обрядах использовалась религиозная символика, делал орден легкой мишенью для сторонников традиционных религий. В континентальной Европе озабоченность вызывало и английское происхождение ордена — в нем видели заговор республиканцев и одновременно агентурную сеть английской внешней разведки. Тем не менее, как отмечает Дж. Роберте, первые пятьдесят лет своего существования орден вольных каменщиков не вызывал в обществе сколько-нибудь серьезного страха; скорее имели место разрозненные вспышки антимасонских настроений, не складывавшиеся до времени в единый масонофобский миф. Оформление этого мифа было спровоцировано в 1780-е гг. паникой вокруг баварских иллюминатов и, конечно же, Великой французской революцией¹⁵.

Примерно так же выглядит история масонофобии и в России. Необходимо отметить, однако, что испуг, вызванный появлением масонства, в России был намного сильнее, чем в Европе, — русские защитники благочестия, например, считали существование ордена не только угрозой церкви, но и непосредственно делом рук дьявола. До конца понять причины этого трудно из-за малочисленности сохранившихся антимасонских текстов и скудости наших сведений об обстоятельствах

""Пиксанов Н. К. Масонская литература // История русской литературы. М.; Л., 1947. Т. ГУ. С. 63.

¹⁵ См.: BULLOCKS C. *Revolutionary Brotherhood: Freemasonry and the Transformation of the American Social Order, 1730-1840*. Chapel Hill, N. C., 1996. P. 80-81; J a c o b M. C. *Living the Enlightenment: Freemasonry and Politics in Eighteenth-Century Europe*. New York, 1991. P. 5-6, 23-8, 76-7, 152-3, 168; ROBERTS J. M. *The Mythology of the Secret Societies*. London, 1972. P. 68-85.

85

вах их создания; однако можно заключить, что главным фактором, стимулировавшим русскую масонофобию, было ощущение «чуждости» (и, следовательно, потенциальной опасности) ордена, которое сопровождало масонов первые десятилетия их деятельности в России.

ШАРЛАТАНЫ

2 февраля 1786 г. состоялась театральная премьера комедии «Обольщенный», вышедшей из-под пера императрицы Екатерины II и направленной против масонов. Действие пьесы происходит в доме дворян Радотовых. Радотов, глава семьи, из верного мужа, заботливого отца и почтительного сына превратился в чудаковатого мизантропа. Отказавшись от общения с родными и друзьями, он дни напролет молча глядит перед собой, а когда его вынуждают заговорить, изъясняется загадками. Такое же бедствие постигло и дочь Радотова, Таису — она целует листочки цветов и уверяет, что «на каждом листе душок умещается». Это несчастье не минует и слуг — так, Прасковью, горничную Радотовой, не может понять даже ее собственный жених Теф. На его вопрос, откуда у нее «слова такие отборные», она отвечает, что в их доме «у всякого язык свой» и все «употребляют часто мудреные слова толико, что хотя слышишь, как говорят, но не разумеешь». Все это настолько не нравится матери Радотова, что она угрожает уехать из его дома, где «все пошло на вынтараты»¹⁶.

Причиной всех этих бед оказывается Протолк, якобы мудрец и волшебник, втершийся в доверие к Радотову обещаниями духовного просветления. Радотов тайне встречается с членами загадочного общества, возглавляемого Протолком и Бебиным, его подручным и сообщником, который тоже говорит «языком невразумительным». Они принимают участие в разного рода эзотерических ритуалах, однако на самом деле преследуют вполне прозаические цели¹⁷ — Протолк и Бебин хотят выманить у Радотова его состояние, Радотов же стремится постичь тайны алхимии, чтобы приобрести «сокровища бесценные»¹⁸. Играя на жадности Радотова и на его желании прослыть мудрецом, преступники похищают его собственные деньги вместе с чужими, доверенными

Радотову на хранение.

Узнав о краже, Радотов одумывается и признается родным: «Я был оболещен наружностями; непрестанно оба [Протолк и Бебин] твердили, принимая их образ мысли, колико надлежит быть
^ЕКАТЕРИНА П. Оболещенный, комедия в пяти действиях // Сочинения имп. Екатерины II / Сост. А. Н. Пыпин. СПб., 1901. Д. I. Сс. 1, 3; Д П. Сс. 1. "ДЛ.Сс. 1. ¹⁸ Д. IV. Сс. 1-6. ДУСс. 1.

86

добродетельну»¹⁹. Он рассказывает, что, подобно другим, сперва «был влеком любопытством <.,.> потом самолюбие мое находило удовольствие отличиться, иначе думать, как домашние, как знакомые». Ему было лестно общаться с людьми, которые, по его мнению, «наполнены знанием, просвещением. Люди, вышедшие из числа обыкновенных, и во всем вышней степени, а паче всего — добродетельны». Радотову «легковерие льстило: авось-либо увижу, услышу то, что почитают за невозможное»²⁰.

Несмотря на все перипетии, «Оболещенный» (как и полагается классической комедии) заканчивается счастливо — Прогалка, Бебина и их сообщников арестовывают, а украденные деньги возвращают Радотову. Дочь и племянница Радотова, которых он хотел было выдать за двух мошенников, воссоединяются со своими возлюбленными. Под занавес Бритягин, шурин Радотова и резонер, формулирует мораль пьесы: «По умствованию каждого века следующие за ним о нем судят... Вообще столетиям похвалы приписывают одним тем, кои не бредом, но здравым рассудком от прочих отличались... Надзирание, бесспорно, в руках начальства. Благодарить мы должны провидение, что живем в такое время, где кроткие способы избираются к исправлению»²¹. Лейтмотивом «Оболещенного» оказывается тема наваждения, овладевающего Радотовыми и заставляющего их предпочитать видимое действительному. Они заимствуют только атрибуты красоты, мудрости и добродетели и надеются таким образом стать красивыми, добродетельными и мудрыми. Племянница Радотова София, стремясь приобрести великосветский лоск, одевается по последней парижской моде и подражает французским манерам; но так как она лишена природного изящества, ее попытки «офранцузиться» вызывают только смех. Болезненное увлечение «наружностями», свойственное разным персонажам пьесы, свидетельствует только об отсутствии у них внутренних достоинств.

Именно поэтому Екатерина ополчается против масонства, которое она ставит в один ряд с парижской модой. Принадлежность к ордену помогает его членам казаться мудрыми и добродетельными, тогда как на самом деле масоны нисколько не превосходят добродетелью всех остальных. Пример Радотова демонстрирует суетность и безнравственность масонских ритуалов. Масонская ложа — это место, где братья, прикрываясь вывеской благочестия, предаются самым низменным порокам. Объединяет масонов не любовь к добру и не стремление укрепить распадающиеся связи человечества, как утверждают сами вольные каменщики, а тщеславие, жадность, глупость и обжорство. Заблуждение Радотова намного опаснее, чем

¹⁹ Д. УСс. 8

²⁰ Д. УСс. 2, 13.

²¹ Д. У Сс. 15. Отточия в оригинале.

87

галломания Софии, — оно заставляет его забыть об общественном и семейном долге и поэтому угрожает катастрофой его близким.

Образ масонства в «Оболещенном» существенно отличается от того, что было раньше. Екатерина видит в масонах не прислужников дьявола, злоумышляющих против православной церкви, а хитроумных мошенников, выманивающих деньги у состоятельных глупцов. В таком взгляде на орден императрица не была одинока, однако он представлен главным образом именно в ее сочинениях. Кроме «Оболещенного» Екатерина написала в 1780-х гг. еще две антимасонские пьесы — «Обманщика», самую раннюю из трех комедий, впервые представленную 4 января 1786 г., и «Шамана сибирского», вышедшего на подмостки 24 сентября²². Представлением «Обманщика» ознаменовалось возобновление драматургического творчества императрицы после двенадцатилетнего перерыва.

Все три антимасонские комедии Екатерины варьируют одну сюжетную схему — мошенник подчиняет себе состоятельную семью (или по крайней мере хозяина дома), утверждая, что владеет тайным знанием. В «Обманщике» проходимец по имени Калифал-кжерстон, выдающий себя за великого целителя, алхимика и колдуна, пытается различными уловками выманить деньги и драгоценности у семьи Самблиных. В «Шамане сибирском» шаман по имени Амбан-Лай, прибывший из Иркутска в Петербург вместе с семьей Бовиных, приобретает славу могущественного провидца. Обе пьесы заканчиваются хорошо — Калифалкжерстона вместе с его

сообщницей ловят, когда они пытаются спрятать украденные деньги, а Амбан-Лая арестовывают за то, что «он у какой-то купеческой вдовы выманил денег и обещал ей показать мужа наяву, и для того приводил к ней <...> нарочно наряженных бородачей, коих она, испугавшись, приняла за мертвого сожителя»²³.

Хотя постановки и публикации пьес императрицы были анонимны, отзывы современной печати не оставляют сомнений, что авторство Екатерины ни для кого не было тайной. В еженедельнике «Зеркало света» 9 февраля 1786 г. появилась рецензия на «Обманщика», в которой говорилось: «публика, видев оное на театре несколько раз, беспрестанными восклицаниями и непрерывным рукоплесканием утвердила его достоинство». Рецензент приветствует публикацию «Обманщика», которая якобы не только донесет до провинциальных жителей высочайшее нравоучение, но и позволит им насладиться «духом *великого Молиера*», пронизывающим всю пьесу²⁴.

²² См.: СЕМЕКА А.В. Русские розенкрейцеры и сочинения императрицы Екатерины II против масонства//Журнал министерства народного просвещения. 1902. Ч. 39, № 2. С. 343-400. "ДУ. Явл. 2. ²⁴ Зеркало света. 1786, Ч. 1, № 1, 9 фев. С. 13-15. Курсив в оригинале.

88

Многочисленные похвалы тому же «Обманщику» и его автору рассыпаны по февральским и мартовским книжкам «Растущего винограда». В «Писме к сочинителю комедии Обманщика» говорится, что эта пьеса помогает разрушить «те удивительные и волшебные здания, кои пышными словами сооружаются». Автор признает, что найдутся люди, которые не согласятся с главной мыслью комедии и будут отстаивать благочестивость масонских собраний. Но такой человек «привязывает к оному [заклучению] тщеславие осудительное, или, что и того хуже, а часто бывает, *свое* токмо *добро* тогда разумеет». И наконец, рецензент апеллирует к русскому национальному характеру: «Таковые затеи хороши в народе столь проницательном, каков есть французский. Там магнитом всех лечить можно; с духами сообщаться и предсказывать будущее: а *тмробятам простым* понятно должно быть только то, что рассудок ясным представляет. Отцы наши правила сего держались, и я не знаю, как другие, а я предков своих стыдиться притчины не имею»²⁵.

В подражание «Обманщику» была написана пятиактная пьеса Н. Ф. Эмина «Мнимый мудрец», впервые представленная на петербургском театре в 1785 г.²⁶ Действие этой пьесы происходит в доме Легковера и Легковеры. Их обольщает мошенник Хитроум, утверждающий, будто его тайные знания способны научить их мудрости и общению с духами. Легковерами движут вполне прозаические побуждения — глава семьи хочет «богатства и чинов», его супруга мечтает стать «помоложе и прекраснее» и оба они стремятся выглядеть учеными в глазах «просвещенного света». Своеобычным образом понимает духовность и Хитроум. «Деньги, — признается он в минуту откровенности, — душа мира». Относительно антимасонского характера «Мнимого мудреца» не остается никаких сомнений — один из героев говорит, что достичь просветления — значит «обработать свой камень», истинный мудрец «сглаживает и уравнивает лопаткою глубочайших сведений поры сердца». Наконец, Хитроум упражняется в «науке самопознания», используя при этом «цикуль и молот»²⁷.

МАРТИНИСТЫ

В другом своем сатирическом сочинении, «Общества незнающих ежедневной записке», опубликованной в 1783 г. в «Собеседнике любителей российского слова»²⁸, Екатерина показывает, что участники

²⁵ Растущий виноград. 1786, Фев. С. 1-6. Курсив в оригинале. ²⁶ В.Е.Евлодский-ГвРнгросс В. История русского драматического театра. М.; Л., 1977. Т. 1. С. 452; Мнимый мудрец: Комедия в пяти действиях. СПб., 1786. ²⁷ Там же. С. 3, 8-10, 22, 27, 52.

89

всякого рода собраний заняты только бессмысленной болтовней. Члены общества для вящего блеска называют себя «Ignorant! Bambinelli», не задумываясь даже о значении этих слов («неразумные дети»). Их деятельность (о которой читатель узнает из вымышленных протоколов) сводится к бессодержательным спорам на незначительные и малопонятные темы: мнения членов вносятся в общество, обсуждаются, пересылаются между двумя его палатами, затем отбрасываются или забываются.

Так, оживленную дискуссию между членами разных палат вызывает вопрос о значении слова «Пифик». Одни связывают его с естественными науками, другие утверждают, что «Пифик рожден выдумкою тогда, когда, кому, кто, ближней представляется в завистливом виде», третьи

производят от «пик», иноземного войска, обыкновенно воюющего с «бубнами», «червями» и «жлудями»²⁹. Вопрос так и остается нерешенным, хотя, чтобы получить ответ, достаточно заглянуть в Словарь Академии Российской на слово «мартышка»: «1. *Circorithescus*. Пифик; обезьяна с длинным хвостом, с голыми задними мозолями и с защечными мешочками. *Зеленая мартышка*»³⁰.

Почему Екатерина выбирает обезьяну в качестве темы для обсуждения в «обществе незнающих» и как связана эта странная тема с масонами? Случайно, на первый взгляд, выбранное слово имеет особый смысл и не единственный раз встречается в антимасонских текстах Екатерины. В самом начале «Домовой записки о заразе новомодной ереси и о средствах изцеляющих от оной», опубликованной анонимно в июльском номере «Растущего винограда» за 1786 г., читаем: «Известно, что проявились на Руси новые еретики, Мартыны или Мартышки, как их называют не помню; а знаю то, что ересь их прилипчива и множество правоверных ею заразились. Я сам шатаясь по белу свету чуть не попал в нее, как сом в вершу, если б не спас меня мой доктор, который, не запуская болезни вдаль, на силу выбил из меня дурь сию разными целительными средствами»³¹.

Причиной опасной болезни рассказчик считает книгу «об истинных и заблуждениях» (sic!), над которой он «ломал голову без пощады» в тщетных попытках извлечь из нее хоть какой-нибудь смысл. Самого рассказчика в лихорадочном состоянии, с остекленевшими глазами и пеной у рта нашел и спас врач, который, вовремя увидев опасную книгу, немедленно выкинул ее в окно. Курс лечения, назначенный

²⁸ См.: Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 5. С. 186-243; Екатерина II. Сочинения / Под ред. В.К. Былинина, М.П. Одесского. М., 1990. С. 517. Примеч. 2.

²⁹ Сочинения императрицы Екатерины II. С. 213-214. Курсив в оригинале.

³⁰ Словарь Академии Российской. СПб., 1793. Ч. 4. Стлб. 48. Курсив в оригинале.

³¹ Растущий виноград. 1786, Июль. С. III.

90

пациенту, состоял из пяти лекарств. Сначала, в течение 16 дней, он принимал «прохладительное» — ему предписывалось «быть с женой, с детьми, с приятелями и заниматься иногда невинными забавами», то есть всем тем, что ранее было оставлено ради «странных *сих Мартынов* или *Мартышек*». Затем следовала прививка «омерзительного» — «4 унца с половиною врак Платоновых, 6 унцов и $\frac{1}{4}$ бредней Аполониуса, 10 унцов глупостей жидовской кабалы и две полных дозы су-мозбродничеств славного сапожника и философа Якоба Бема»³². Чтение «Обманщика» и «Обольщенного» составляло третье лекарство — «вразумительное»: пациент должен был узнать себя и таких же, как он, в Самблине и Радотове и посмеяться над своей глупостью. Для действия «крепительного» больной заучивал наизусть десять заповедей, которые и так содержат «наилучшую философию; научая нас быть честными и полезными обществу, следовательно, и угодными нашему Создателю». Наконец, последнее «курительное» средство готовил сам доктор: сочинения Сведенборга, «О заблуждениях и истине» и другие «еретические книги» были брошены им в печь, и дым от них должен был буквально «окурить» поправляющегося пациента также, как «мод-ные женщины от истерики окуриваются перьями». Далее совершенно излеченный и обезопасивший себя от будущих приступов болезни рассказчик советовал всем до сих пор зараженным следовать тем же предписаниям и обратиться к врачу, которого легко найти «во всяком городе и деревне в урочище *здравогоразсудка*»³³.

Последователи этой странной «ереси» обязаны своим названием, конечно, не обезьянам, а Луи Клоду де Сен-Мартену, французскому теософу, автору трактата «О заблуждениях и истине, или воззвание человеческого рода к всеобщему началу знания» (1775), в котором Екатерина видела основной источник заразы, охватившей Россию. Трактат, сочетавший в себе христианский мистицизм, философию Якоба Бёме, каббалистическую нумерологию и масонские идеалы, появился в России еще до 1780 г. и немедленно приобрел огромную популярность³⁴. Уже в 1785 г. в «Московских ведомостях» публикуется пространный анонс русского перевода книги, «соделавшей эпоху в философической истории новейших времен», с настойчивой рекомендацией ее «любезным нашим соотечественникам»³⁵. Русская вер-

³² Под «бреднями Аполониуса», скорее всего, имеются в виду сочинения неопифагорейца и мистика Аполлония Тианского (род. около 4 г. до н. э.).

³³ Растущий виноград. 1786, Июль. С. IV-VII. Курсив в оригинале. "[ТУКАЛЕВСКИЙ В.] Из истории философских направлений в русском обществе XVIII века // Журнал министерства народного просвещения. 1911. Ч.33, № 5. С. 20-25; ВЕРНАДСКИЙ Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С. 162-163; Записки о масонстве И. П. Елагина // Русский архив. 1864. Кн. 1. С. 94.

сия трактата пользовалась даже большим успехом, чем французский оригинал, и раскупалась на удивление быстро³⁶, если учесть большой объем книги и чрезвычайную темноту изложения, ощущавшуюся и самыми настойчивыми адептами тайных учений. Так, И. П. Елагин вспоминает, что к нему за помощью в истолковании книги обратился масон гр. Н. И. Панин, «подобно многим, сокровенного в книге сей смысла не понимая, и того ради не могли ни доброго, ни худого сделать об ней заключения»³⁷. Те же, кто не захотел или не смог понять смысл трактата, объявили его либо «нелепым вздором и дурачеством», либо «скрытной иезуитской системой», опасной для государства и его правителей, или же, наконец, делом рук «иллюминатов»*. Скептически настроенный лейб-медик Екатерины Х. М. Вейкард писал доктору Циммерманну в феврале 1786 г. о князе Н. В. Репнине и других поклонниках «О заблуждениях и истине»: «Они говорят, что только невежды не могут понять его; но не добрые дворяне. Они не понимают, что это глупость»³⁹.

Не было согласия и в вопросе о том, кто такие мартинисты. Хотя в конце концов это слово закрепилось за кружком московских масонов, который возглавлял Новиков, в 1770-х и в начале 1780-х гг. оно не было связано с каким-то определенным сообществом. Слово «мартинист» вообще использовалось для осмеяния противников и имело полупрезрительный и даже оскорбительный оттенок⁴⁰. Неясны и отношения между мартинистами и масонами. Последователи двух различных учений смешались в общественном сознании 1780-х гг., и образ мартиниста постоянно фигурировал в пьесах и статьях, обличавших плутовство и мошенничество масонов. В марте 1786 г., например, в «Растущем винограде» было напечатано «Краткое описание жизни первейшего основателя секты Мартинистов, Постелла», чрезвычайно одаренного человека, который «сделал много чести наукам; однако многое чтение и смотрение на планеты совратили его с прямого разума», от чего он сделался «сумасбродным любовником» и обманщиком⁴¹. В первой сцене «Обманщика» горничная Марья говорит посетителю, что ее господин тайно встречается с какими-то странными людьми: «Миф... миш... мид... мыть... мяр... март... марты... чуть не сказала с мартышками. Не могу вспомнить».

³⁶ См.: Лонгинов М. Н. Указ. соч. С. 243—244.

³⁷ ЕЛАГИН И. П. Указ. соч. С. 95.

³⁸ Там же. С. 94; ВЕРНАДСКИЙ Г. В. Указ. соч. С. 130, 162-163, 170. Курсив в оригинале.

³⁹ MARCARD H. M. Zimmermann's Verhfttnisse mit der Kayserin Catharina II. und mil dem Herrn Weikard. Bremen, 1803. S. 134-135.

⁴⁰ GARETH J. W. Nikolay Novikov, Enlightener of Russia Cambridge, 1984. P. 208.

⁴¹ Растущий виноград. 1786. Март. С. 6-13.

Q2

«Ха-ха-ха! — смеется тот. — Что за мартышки? Обезьяны переимчивы, они же и кривляки. Что за люди?.., кривляются, что ли?»⁴²

Князь П. Д. Цицианов, присутствовавший на одном из первых представлений «Обманщика», писал о пьесе своему другу В. Н. Зиновьеву: «Она состоит в осмеянии тех, кои верят шарлатанам и паче верили Калиостру; касается несколько сект «Мартинистов», кои говорят с духами и здесь в великой славе»⁴³. В следующем письме Цицианов пространно отвечает на расспросы Зиновьева об этой таинственной и возбуждающей столько разговоров «секте»: «Большая часть людей повредила здесь на одной секте, которую называют «Секта Мартинистов». В чем же состоит, это все ханжество взяли они за маску, читают священные книги, самые древняя, кажутся быть прилепленными к Богу (в чем однакож сомневаюсь, видя, что образ их жизни, их поведение и дела их не согласуются с истинною, почитающею Божию премудрость, Его благодать и Его о нас попечение родительское), потом кажутся отчуждающимися от сего мира и занимающ<и>ся духами, одним словом больше нежели платонисты. Tout est spirituel. Книги, т. е., «Des erreurs et de la vrite», и «Les merveilles du ciel et de l'enfer» почитаются ими за предводителей им любезных, их коих первая и порусски переведена, да я понимать не мог, не будучи просвещен, т. е. масон. <...> Она (т. е. первая книга) тебе должна быть известна, для того, что и там, я чай, в моде. <...> Что же эти Мартинисты здесь делают, под маской сей набожности, обманывающей глупцов? Также развратную жизнь ведут, как и другие, менее по наружности набожные; также с женами разводятся; также любовниц при своих женах содержат; также бедных угнетают, также бессильных грабят и также могут почитаться бичами рода человеческого. И так я должен

заклЮчить: или сия секта есть произведение плутовства и злаго разума, для корысти прикрываемая благочестием, или доброе намерение, во зло употребляемое. Вот все, что я о Мартинистах сказать хотел. Не спорю, может быть я ошибаюсь, однакож я предметом благочестия принимаю добрыя правила и чистую совесть»⁴⁴.

Письмо Цицианова представляет собой важнейшее свидетельство общественной репутации так называемых мартинистов. Главная их черта — лицемерие в словах и поступках. Они утверждают свою причастность миру духов и отрешенность от мирской суеты, они якобы погружены в священные эзотерические тексты и необыкновенно благочестивы. Но все это пустые жесты и красивые слова, только прикрывающие безнравственное поведение мартинистов. Запугать и обмануть им удастся только наивных и экзальтиро-

⁴² Д. 1.Сц. 1.

⁴³ Письма князя П. Д. Цицианова к В. Н. Зинovieву//Русский архив. 1872. Кн. 2.Стлб. 2113.

⁴⁴ Там же. Стлб. 2119-2121.

93

ванных членов собственной секты, которые верят в маскарад, придуманный Калиостро и подобными ему шарлатанами.

Отношение к мартинистам и масонам меняется после начала Великой французской революции. В России за французскими событиями пристально следили по сообщениям в «Санкт-Петербургских новостях» и «Московских новостях». Издатели едва успевали удовлетворить растущую потребность общества в политических известиях: тираж «Санкт-Петербургских новостей» между 1787 и 1790 гг. вырос с 970 до 2 тыс. экземпляров; тираж «Московских новостей» достиг 4 тыс. экземпляров. Книгопродавцы также старались удовлетворить любопытство читающей публики, и в Россию хлынул поток книг и брошюр о революции. Везде — при дворе, в салонах и домах знати, в политических кружках говорили только о ней⁴⁵. Мнения разделились; с одной стороны, революция вызвала необыкновенный энтузиазм — не столько из-за социальных и политических перемен (смысл которых был не до конца ясен), сколько из-за возникновения нового и яркого культурного стиля. Привыкнув перенимать парижскую моду, русское столичное дворянство с жадностью схватилось за «революционную» манеру одеваться, особенный язык, песни и выражения *samarderie*. Издания вроде «Магазина английских, французских и немецких новых мод...» рассказывали читателям о новинках французских портных и о «новейшем образе жизни» во Франции. В двух крупнейших столичных газетах рекламировались новые наряды⁴⁶. Увлечение материальной стороной революционной культуры оказалось настолько сильным и долгосрочным, что еще в октябре 1792г. дамы в Московском Благородном собрании щеголяли в «красных Якобинских шапках»⁴⁷.

С другой стороны, одновременно с модой на революцию в обществе появились первые признаки страха перед нею. С рекламой французских нарядов в книгах и газетах соседствовали описания кровавых убийств и господствовавшей во Франции разрухи. Русская публика регулярно и с удовольствием читала страшные истории о «губительных следствиях французского безначалия» — обыкновенно это были письма из французских провинций, в которых подробно описывались поджоги замков французской знати и рассказывалось о непрерывной череде преступлений, утопивших Францию в крови. Весной 1790 г. «Санкт-Петербургские ведомости»

⁴⁵ ШТРАНГЕ М. М. Русское общество и французская революция, 1789-1794. М., 1956. С. 47-88.

⁴⁶ Там же. С. 101-103.

⁴⁷ Московский письма в последние годы екатерининского царствования // Русский архив. Кн. 3. 1876. С. 277-278; Из записок Д. П. Рунича // Русская старина. 1901. Т. 110, янв. С. 53-54.

94

так писали о положении во Франции: «...одна часть подданных его величества истребляет другую самыми зверскими терзаниями и убийствами. Чернь в областях свирепствует»⁴⁸.

Вскоре после начала беспорядков вина за них была возложена на многочисленные общества, политические клубы и особенно масонские ложи. Это не удивительно — в Европе уже давно с подозрением относились к масонам. Орден объединял людей разного вероисповедания и использовал в своих таинствах христианскую символику, поэтому его деятельность, как уже было сказано, традиционно воспринималась как прямой вызов авторитету церкви, гарантирующему устойчивость общественного порядка. Во Франции же масоны еще и потому ассоциировались с антиклерикальными настроениями, что сами священники яростно доказывали связь ордена с протестантами, якобы намеревавшимися с его помощью уничтожить католическую церковь⁴⁹.

Идея о том, что масонство представляет собой часть большого протестантского заговора, возникла из популярного в Европе мифа, согласно которому первые ложи были созданы во время английской революции XVII в. по указанию Кромвеля. Благодаря этой легенде масонство в европейском общественном сознании ассоциировалось не только с протестантизмом, но и с революцией, с доктринами конституционного и республиканского правления. Таким образом, убеждение в том, что масонский орден — на самом деле революционное общество, возникает за несколько десятков лет до Французской революции⁵⁰. После 1789 г. прежние антимасонские мифы используются противниками революции для построения новой теории всемирного заговора, объединяющего масонов с якобинцами, мартинистами, иллюминатами, партией «философов» и розенкрейцерами. Эта теория была детально разработана в книге аббата О. Баррюэля «Памятные записки к истории якобинства» (1797), которую Дж. Роберте называет «Библией конспирологических мифов и источником всех последующих антимасонских сочинений»⁵¹. Слухи о причастности масонов к организации беспорядков во Франции еще до конца 1789 г. распространились по всей Европе, и особенно в Германии и землях Габсбургов — там с середины 1780-х гг. масоны подозревались в содействии политическим преступникам⁵². В августе 1790 г. один венский сановник, по его собственным словам, готов был представить императору доказательства

⁴⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1790. № 16. С. 247; № 20. С. 315. Цит. по:

ШТРАНГЕ М. М. Указ.соч. С.49-51.

"ROBERTS J. M. Op.cit. P. 168-174.

"ЯСОВ М. С. Op.cit. P. 23-32.

⁵¹ ROBERTS J. M. Op.cit. P. 193.

"ROBERTS J. M. Op. cit. P. 210-211.

95

того, что «колесо злодеяний и мятежей в Европе было раскручено братством масонов». В октябре того же года гамбургский «*Politisches Journal*» рассказал о «*Club de Propagande*», члены которого собираются «в манере масонов» дважды в неделю с тем, чтобы «распространить революцию по всей Европе»⁵³. Это сообщение не должно было стать неожиданностью для русских властей, которые еще весной 1790 г. начали с возрастающим беспокойством наблюдать за деятельностью парижского клуба, намеревавшегося спровоцировать революционные перевороты в остальных странах Европы; уже в следующем году русские газеты объявляют «якобинский клуб» главным источником существующего зла⁵⁴. Князь Н. Н. Трубецкой тогда же с возмущением читает в «*Mercur de France*» «рецензию» на новый французский журнал «*Bouche de fer*», редакторы которого, «приписывая себе основания мерзкой революции во Франции <.,>, выдают себя за масонов»⁵⁵. Примерно тридцать лет спустя А. М. Тургенев вспоминал, что в ту пору в обществе ходил слух об объединении якобинцев и масонов с целью отравить русскую императрицу. Этот слух достиг самых отдаленных уголков России, где его обсуждали повсеместно — «в беседах, на торгах, словом во всех собраниях»⁵⁶.

Однако какую бы роль ни сыграла революция в истории общественного восприятия масонов и мартинистов, члены тайных обществ еще до 1789 г. возбуждали острые политические подозрения. Фридрих Тиман, влиятельный масон, друг Ла.фатера и Сен-Мартена, посетивший в марте 1786 г. Санкт-Петербург, писал оттуда другому масону, Жану-Батисту Виллермоцу, что русских мартинистов (их было, по его оценкам, более трех тысяч) «обвиняют в следовании принципам Кромвеля и подготовке революции»⁵⁷. Свидетельство Тимана весьма интересно, однако достоверность его оценить сложно, особенно учитывая преувеличенное внимание русских мартинистов к его персоне. Вернее было бы предположить, что вплоть до начала революции, ужаснувшей всю Европу, русское общество видело в мартинистах хоть и достойных презрения, но безвредных лжедуховидцев, а не опасных заговорщи-

⁵³ BiEBERSTEiNj. R. VON. Die These von der freimaurerischen Verschwörung // *Freimaurer und Geheimbunde im 18. Jahrhundert in Mitteleuropa* / Ed H. Reinalter. Frankfurt aM., 1983.8.85,93; ROBERTS J. M. Op.cit. P. 210.

⁵⁴ ШТрднгЕ М. М. Указ.соч. С. 78,96-97.

"БАРСКОЕ Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века, 1780-1792 гг. Пг., 1915. С. 104; КАТЕ G. The «Cercle Social», the Girondins, and the French Revolution. Princeton, 1985. P. 89-92; ROBERTS J. M. Op.cit. P. 159-160.

⁵⁶ Записки А. М. Тургенева // *Русская старина*. 1887, январь. Т. 53. С. 88.

⁵⁷ FAI VRE A. Friedrich Tieman und seine deutschen und russischen Freunde // *Beförderer der Aufklärung in Mittel- und Osteuropa: Freimaurer, Gesellschaften, Clubs* / Ed. E.H. Balazs et al. Berlin, 1979. S. 299.

«Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева, опубликованного в мае 1790 г. Несмотря даже на то, что Радищев открыто издевается над мартинистами, представляя их строгими и бесчувственными аскетами, которые предпочтут похоронить себя «в еврейских или арабских буквах, в цифири или египетских иероглифах», чем «ночь просидеть с пригоженькою девочкою и уснуть <...> в объятьях ее», Екатерина по прочтении «Путешествия...» называет автора мартинистом уже в новом смысле слова: «сочинитель оной [книги] наполнен и заражен французским заблуждением, ищет всячески и выискивает все возможное к умалению почтения к власти и властям, к приведению народа в негодование против начальников и начальства.

Он же едва ли не мартинист; или чево подобное»⁵⁸.

Екатерина была не одинока в своих подозрениях. Так, в октябре 1790 г. И. В. Лопухин писал А. М. Кутузову, близкому другу Радищева, находившемуся по масонским делам в Берлине: «Здесь об нем говорят, что он мартинист, а всю смешивая — и мартинистов, и иллюминатов, и масонов; рады на них горы взвалить. А я не знаю, был ли он когда и масон <...>. Не знаю, есть ли здесь иллюминаты. <...>. О мартинистах же совсем не знаю, существует ли такое общество по учреждению. Уверяют только, что поступок Радищева основан на антихристианстве, которое совсем противно истинному масонству». Идея о принадлежности Радищева к обществу мартинистов могла показаться Кутузову нелепой — сам будучи одним из почитателей Сен-Мартена, он прекрасно знал, что Радищев открыто критиковал сочинения французского философа⁵⁹. Однако Кутузов отвечал из Берлина: «Неудивительно мне, что несчастного моего друга называют мартинистом, ибо сие имя дают каждому без всякого разбора; да и как сему быть иначе, когда ни о чем ни размышляют, даже и самое слово мартинист есть по сие время загадка, которую они не решились»⁶⁰.

В письме к масону князю Н. Н. Трубецкому Кутузов пишет, что доискиваться, кто же такие мартинисты, — все равно что выяснять, «как назывался и каких свойств был тот страшный исполин, против которого храбрый витязь Дон-Кишот сражался так несчастливо». Он признает, что хотя так называемые мартинисты обязаны именем своим Сен-Мартену, несправедливо раскритикованному «господами просветителями», их идеи не исчерпываются его учением.

«Кратко

⁵⁸ РАДИЩЕВ А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность / Под ред. В. А. Западова. СПб., 1992. С. 30; Полное собрание сочинений А. Н. Радищева / Под ред. В. В. Каллаша. М., 1907. Т. 2. С. 301. ⁵⁹Блрсков Я. Л. Указ.соч.С. 15. ⁶⁰Тамже.С.22.

97

сказать, — продолжает Кутузов, неожиданно становясь сам на позиции мартинистов, — каждая земля имеет ныне своих мартинистов, а сии суть не что иное, как люди, старающиеся, уединясь от шумных и бесполезных бесед, приводить в совершенство свойсты, Творцом в них впечатленные, и, презря мечтательность и суету, приближаются к цели истинного человека. Все ли так именуемые мартинисты суть на истинном пути, сие составляет другой вопрос, о котором однако ж шумящие ветреники не хотят, да и не в состоянии размышлять. Отрицай Бога, обманывай искусно, шути остроумно, разоряй своего ближнего, клевети и злословь, совращай юных безопытных девиц — и будешь в глазах их добрым и безопасным гражданином; но воздерживайся от всех сих модных качеств, — неотменно заслужишь имя мартиниста или преопаснейшаго человека в обществе»⁶¹.

ВРАГИ НАРОДА

В 1792 г. Н. И. Новиков, пользовавшийся репутацией главного мартиниста России, был, как и полагается «преопаснейшему человеку в обществе», арестован и заключен в тюрьму. Арест Новикова совпал с запретом деятельности ордена в России. Ложи были открыты вновь уже во время павловского царствования и затем пережили краткий расцвет при Александре I.

В первую четверть XIX в. миф о масонском заговоре против российского народа и государства кристаллизуется окончательно. Яркий пример тому — история М. М. Сперанского. 17 марта 1812 г. Сперанский, занимавший пост государственного секретаря и пользовавшийся доверием императора, был отправлен в отставку и сослан в Нижний Новгород. По словам самого Александра, пойти на эту жертву его заставили усиливавшиеся антифранцузские настроения в обществе⁶².

Как показал А. Л. Зорин, связь между галло- и масонофобией отчетливо прослеживается со времен возникновения первых масонских обществ в России⁶³. В 1806-1807 гг. она усиливается, во-первых, из-за растущего напряжения во франко-русских отношениях, и во-вторых, благодаря публикации на русском языке двух ключевых антимасонских текстов: «Волтерианцы, или История о якобинцах, открывающая все противу христианские злоумышления и таинства ма-

⁶¹ Там же. С. 96-97.

⁶² Коро М. А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 2. С. 25. ⁶³ См.: Зорин А. Л. Образ врага. Ода В. П. Петрова «На заключение с Оттоманскою Портою мира» и возникновение мифологии всемирного заговора против России // Зорин А. Л. «Кормя двуглавого орла...»: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М.: НЛО, 2001.

98

сонских лож, имеющих влияние на все европейские державы» О. Баррюэля (дважды печатался отдельными изданиями в Москве в период с 1805 по 1809 г.) и «Доказательства заговора против всех религий и правительств» Д. Робайсона в «Московских ученых ведомостях» в 1806 г. Францию все чаще обвиняют в том, что она стремится повсюду, особенно в России, разрушить Богом данный порядок и для этого поощряет различные тайные общества — в том числе иллюминатов, мартинистов и масонов⁶⁴. Точно так же и Сперанского скоро начинают подозревать не только в лоббировании французских интересов, но и в связях с масонскими обществами. В доносах, посланных в 1812 г. Александру, Сперанский прямо обвиняется в государственной измене и в том, что якобы возглавляет российские общества иллюминатов и мартинистов. Такого рода слухи приобретают фантастические очертания: говорят даже о том, что Сперанский продал Россию и царя за золото и бриллианты и занимается черной магией. Здесь новейшие мифы о масонском заговоре против установленного миропорядка смешиваются с традиционными представлениями о связи масонов с нечистой силой.

Итак, несмотря даже на особое расположение императора, Сперанский пал жертвой галлофобии и слепого страха перед тайными врагами России. Страх этот не исчез даже после победы над Наполеоном и сопровождал императора до конца жизни. И восстания в Испании и Италии, и бунт Семеновского полка Александр считал делом рук всеевропейского революционного заговора. Это объясняется, прежде всего, огромным влиянием, которое оказал на русского царя австрийский канцлер Клеменс фон Меттерних, полагавший, что в Европе происходит манихейская битва установленной Богом законной власти и атеистического радикализма, угрожающего общественному равновесию. В 1820 г. в письме к российскому императору Меттерних прямо говорит о том, что вина за беспорядки в Европе лежит главным образом на тайных обществах. В том же году в частной беседе с Александром на конгрессе в Троппау канцлер еще раз выражает свою тревогу по поводу деятельности масонов в России и убеждает Александра принять против них самые жесткие меры⁶⁵.

Призывы к борьбе с орденом Александр слышит и по возвращении в Россию. Удивительно, но едва ли не самым ярким борцом против масонского движения становится один из его лидеров — генерал-лейтенант Е. А. Кушелев, избранный в 1820 г. Великим Наместным мастером Великой ложи Астрей. Старый масон, воспитанный

⁶⁴ Об отставке Сперанского см.: Зорин А. Л. Враг народа. Опала

М. М. Сперанского и мифология измены в общественном и литературном сознании 1809-1812 годов // Зорин А. Л. «Кормя двуглавого орла...»

⁶⁵ HARTLEY J. M. Alexander I. London, 1994. P. 149-154.

99

в представлениях прошедшего века, высказывает серьезные опасения о современном состоянии масонства в ряде записок, адресованных царю. По его мнению, в России и по всей Европе ложи потеряли свое первоначальное высокое назначение и наполнились «духом своеволия, буйства и совершенного безначалия». Необходимо или вернуть их к прежней не политической основе и учредить государственный надзор над ними, или расформировать и впредь запретить. Так или иначе, эта проблема требует быстрого разрешения, иначе придется пожинать «горькие плоды, ко вреду христианския веры, самодержца и всего государства его»⁶⁶.

Александр, по-видимому, счел нужным прислушаться к предупреждениям Кушелева и 1 августа 1822 г. повелел запретить все ложи на территории Российской империи. В течение нескольких недель российское масонство как организованное движение исчезло и смогло возродиться только в начале следующего века. Однако даже после того, как ложи прекратили свою деятельность, страх перед ними еще оставался⁶⁷.

Девять лет спустя Николай I получил два доноса на масонов. Автор одного — «О Иллуменатстве в 1831 году», князь А. Б. Голицын, в пространной форме доказывал, что все ключевые посты в правительстве сосредоточены в руках иллюминатов, за спиной которых стоит Сперанский⁶⁸. Другой донос, написанный М. Л. Магницким, состоял из нескольких писем к императору и был представлен ему в феврале того же года. Магницкий служил по ведомству иностранных дел в Париже и Вене, какое-то время состоял в подчинении у Сперанского и затем стал гражданским

губернатором Симбирска. В крайне эмоциональных выражениях он предупреждает Николая о грозящих России опасностях. Первое письмо посвящено «всемирному заговору против олтaрей и тронов», особую роль в котором играют, по мнению Магницкого, масоны и иллюминаты. Однако именно Россия способна остановить распространение опасной заразы, ибо только она «страшна [масонам] силою физического, духом <...> истинной и несокрушимой религии, преданностью к <...> самодержцам, искреннею, сердечною, святою, потому что она основана на вере, на чувстве, на тысячелетнем предании любви народной». В следующем письме Магницкий называет главой российских иллюминатов Сперанского, а центром мирового заговора — Лондон, «где иллюминаты даже учредили университет без преподавания христианской теоло-

⁶⁶ Уничтожение масонских лож в России в 1822 г. // Русская старина. 1877. Т. 18, март. С. 479, 644.

⁶⁷ Там же. 1877. Апр. С. 650—652.

⁶⁸ Дуд А ко в С. Ю. История одного мифа. Очерки русской литературы XIX—XX вв. М., 1993. С 56-57; ГОРДИН Я. А. Мистики и охранители. Дело о масонском заговоре. СПб., 1999.

100

гии, но зато с обучением „жидов“»⁶⁹. Этой последней теме целиком посвящено еще одно письмо. Магницкий доказывает, что в заговоре против человечества участвуют не только масоны, но и евреи. Современные христиане, уже не читающие на иврите, даже не подозревают, что в сообществе с масонами евреи издают «под видом книг молитвенных разные возмутительные против народов и правительств христианских»- сочиненияTM.

В письмах Магницкого впервые появляется концепт «жидома-сонства», породивший впоследствии «Протоколы сионских мудрецов». Долгое время принято было считать, что идеологические основы теории жидомасонского заговора были заимствованы в XIX в. из Франции. Теперь, благодаря пионерской работе С. Ю. Дудакова, мы знаем, что корни ее следует искать в отечественной истории. Масонофобия имеет давние традиции в России, и это лишний раз подтверждает сильную склонность русского общества к параноидальному мышлению.

Собственно, события последних десяти с лишним лет показывают, что ресурсы ксенофобии в России исчерпаны не до конца.

©ДУДАКОВ С. Ю. Указ.соч.С.57—58.См.:ШИЛЬДЕР Н. К.Двадоноса в 1831 году // Русская старина. 1899. Т. 97, янв. С. 68,80,87. TMШИЛЬДЕР Н. К.Указ.соч.С.87.

ЙОХАНАН ПЕТРОВСКИЙ-ШТЕРН (ЧИКАГО)

«ВРАГ РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО»:

антинаполеоновская пропаганда и «Протоколы сионских мудрецов»

СРЕДИ ТЕХ, кто ПИСАЛ о «Протоколах сионских мудрецов», мало кто обошел вниманием очевидные параллели между политической сатирой, метящей в Наполеона III, и «откровениями» сионских мудрецов. Генетическая связь «Протоколов» с антинаполеоновскими памфлетами была неоднократно и убедительно доказана — как отечественными, так и зарубежными историками¹.

«Протоколы», по видимости, были составлены не без учета

¹ См., например.- ARONSFELD C. C. The text of the Holocaust: a study of Nazi extermination propaganda, 1919—

1945. Marblehead, Mass.: Micah Publications, 1985; BEN-ITTO H. Ha-shekermesarev-la-mut: meahshenot «ha-Protokolim shel Zikne Tsiyon». Tel-Aviv: Devir, 1998; BERGMEISTER K. The Jewish world conspiracy: the protocols of the elders of Zion before the court in Berne. Erfurt: U. Bodung-Verlag, 1937; BERNSTEIN H. The truth about «The protocols of Zion»: a complete exposure. N.Y.: Covici; Friede, 1935; BERNSTEIN H. The history of a lie, «The protocols of the wise men of Zion». N.Y.: Ogilvie Publishing Co., 1921; BALDWIN N. Henry Ford and the Jews: the mass production of hate. N.Y.: Public Affairs, 2001; B RONNER S. E. A Rumor about the Jews. Reflections on Antisemitism and the «Protocols of the Learned Elders of Zion» N. Y.: St. Martin's Press, 2000; C O H N N.

Warrant for the Genocide. The Myth of the Jewish World-Conspiracy and the Protocols of the Elders of Zion. 2 ed. London: Serif, 1996; CURTISS J. S. An appraisal of the Protocols of Zion. N.Y.: Columbia University Press, 1942; LARSSON G. Fact or fraud?: the Protocols of the elders of Zion. Jerusalem; San Diego: AMI-Jerusalem Center for Biblical Studies and Research, 1994; LEE A. Henry Ford and the Jews. N.Y.: Stein and Day, 1980; RAAS E. Vernichtung einer Falschung, der Prozess um die erfundenen «Weisen von Zion». Zurich: Die Gestaltung, 1938; RoLLiN H. L'apocalypsedenotretemps; lesdesso-us de la propagande allemande d'apres des documents inedit. Problemes et documents. Paris: Gallimard, 1939; SEGEL B. W. DieProtokolle der weisen von Zion kritisch beleuchtet; eine erledigung. Berlin: Philo verlag, 1924; S E G E L B. W.

102

особой восприимчивости русского уха к антинаполеоновской риторике. «Русский след» в

«Протоколах», недавно оказавшийся в фокусе блистательного исследования Вадима Скуратовского, напрямую вывел «Протоколы» к негативной рецепции бонапартизма в русской культуре². Сегодня, похоже, стало как бы само собой разумеющимся, что в основе «протокольной» стилистики лежит некая глубоко укорененная в консервативном полушарии русского общественного сознания антилиберальная и антифранцузская идея. И все же удивительно, что до сих пор никто не обратил внимания на, казалось бы, очевидное обстоятельство: генеалогия российского антисемитизма и российского консервативного антилиберализма восходит к одному и тому же родовому корню, причем не столько к эпохе Луи Наполеона (1852—1870), сколько к более ранним временам Наполеона Бонапарта (1804—1814). Иными словами, за сто лет до того, как «Протоколы сионских мудрецов» с упорством, достойным лучшего применения, попытались связать всемирное еврейство и французскую революцию, евреи и французская революционная идея пересеклись на российской политической сцене, совпав по времени, месту и действию. Именно это совпадение и определило параметры «протокольной» парадигмы: у Наполеона Бонапарта, с его тоталитарно-либеральными флуктуациями, вырисовался «мерзкий» семитский профиль, а европейское еврейство приобрело выразительный статус врага. Наша задача — проследить, когда, как и почему это произошло. Для этого нам понадобится контекст — точнее, три контекста: французско-еврейский, русско-еврейский и собственно русский.

A lie and a libel: the history of the Protocols of the Elders of Zion. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 1995; TAGUIEFF P.-A. Les Protocoles des sages de Sion. Fails et representations Paris: Berg international, 1992; Protocols of the Elders of Zion; a fabricated «historic» document / United States. Congress. Senate. Committee on the Judiciary. Washington: U.S. Gov. Print. Off, 1964; WOLF L. The Jewish bogey and the forged protocols of the Learned Elders of Zion. Nendeln: Kraus Reprint, 1974 [1-е изд.: London, 1920]; Грейс Ф. П. Правда о «Сионских протоколах»: литературный поддон разоблачения газеты «The Times». Париж Франко-русская печать, 1922. См. также русское издание классического исследования по этой теме: Кон Н. Благословение на геноцид. Миф о всемирном заговоре евреев и протоколах сионских мудрецов / Пер. С. Бычкова; Предисловие и послесловие о. Александра Меня. М.: Рудомино, 2000. ² См.: СКУРАТОВСКИЙ В. Л. Проблема авторства «Протоколов Сионских мудрецов». Киев: Дух и литера, 2001. См. нашу рецензию, рассматривающую эту работу в контексте новейших публикаций о «Протоколах»: Contextualizing the mystery: three approaches to the «Protocols of the Elders of Zion» // Kritika. 2003. № 2. P. 396—409.

103

I

Евреи Франции не принимали практически никакого участия во Французской буржуазной революции. Гражданские свободы были им дарованы стараниями графа Клермона-Тоннери (1752—1792), аббата Анри Батиста Грегуара (1750—1831) и князя Мирабо (1749—1791), многократно и последовательно выступавших в Национальном собрании за отмену всех социально-культурных, религиозных и политических антиеврейских рестрикций. Сразу после принятия Декларации прав человека и гражданина 26 августа 1789 г. Клермон-Тоннери обратился к Национальному собранию с требованием признать евреев гражданами Франции — требованием, логически вытекающим из Декларации. Одновременно он выдвинул лозунг, определивший францужско-еврейские отношения на столетие вперед: «Евреям следует отказать во всех правах как нации, но даровать им все права как индивидам». Иными словами, право на французское гражданство имеет еврей, но не иудаизм. Национальному собранию понадобился год, чтобы признать равноправие за евреями Авиньона и за всеми сефардскими (т. е. испанско-португальского происхождения) евреями. И два — чтобы поставить на повестку дня вопрос о распространении гражданских свобод на всех евреев страны. Только после отмены уходящих в средневековую эпоху рестрикций (как случилось в 1789 г.) из среды французского еврейства выдвинулись такие фигуры, как Абрам Фуртадо и Берр Исаак Берр*. Им и суждено было стать впоследствии самыми активными общественными деятелями революционного периода³.

Первое послереволюционное десятилетие решительно изменило уклад и стратификацию французских евреев. В 1790-е гг. разрозненные общины Бордо, Авиньона, Байонны и Парижа впервые осознали себя французским еврейством, некоей новой культурно-политической общностью. Берр Исаак Берру, отстаивавшему в Национальном собрании еврейские интересы, удалось преодолеть сефардско-ашкеназские разногласия и в буквальном смысле сementировать общину. Антирелигиозная эйфория первых месяцев рево-

* Абрахам Фуртадо (1756—1817) — финансист и общественный деятель времен Французской революции, представлял в наполеоновском саннедри-не евреев Бордо, впоследствии — главный раввин Бордо (сефардская община Франции). Берр Исаак Берр (1744—1828), видный банкир из Нанси, представлявший

ашкеназскую (иными словами — центральноевропейского происхождения) еврейскую общину.

³ См.: G K A E T Z M. *Jewry in the Modern Period: the role of 'rising class' in the politicization of Jews in Europe // Assimilation and Community: the Jews in the Nineteenth Century Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 156-176.

104

люции, когда синагоги были объявлены Храмами Разума, а суббота — точнее, шаббат, религиозный праздник — высочайше отменена, сменилась более спокойным отношением к обрядности, но в се-фардском секторе (сосредоточенном в Париже и южных провинциях) резко ослабла приверженность религиозному ритуалу⁴. Введение элементов гражданского равноправия способствовало плавному и, казалось бы, необратимому вращению евреев Франции во французскую политическую жизнь и культуру. И тут произошло нечто неожиданное: еврейский вопрос возник на повестке дня Наполеона Бонапарта.

Наполеоновское продвижение вглубь и на юг Европы сопровождалось не только повсеместным уничтожением социальных и политических институтов позднего Средневековья, но и введением еврейского равноправия. Евреи Северной Италии, столкнувшись с правочуждыми иудеями в рядах наполеоновской армии, да еще при полном параде и с кокардой, испытали к наполеоновским войскам особую приязнь (за которую потом заплатились погромами), прониклись к Наполеону искренней любовью и прозвали его «хелек тов», «благая доля» — не лишенная мессианских обертонов метафора, знаменующая начало окончательного освобождения евреев рассеяния*. Разрушение в августе—сентябре 1797 г. падуанско-го (и других) гетто, дозволение евреям повсеместного жительства, отмена всех ограничительных законов и, наконец, введение равноправия для евреев Италии произвели впечатление приближающейся (если не наступившей) мессианской эпохи. В подконтрольном Наполеону Варшавском герцогстве между 1808 и 1815 гг. евреям был предоставлен почти полный пакет гражданских свобод (за исключением избирательного права, допуска к юридической деятельности и в цеховые братства), отобранный у них с превращением герцогства в Варшавскую губернию Российской империи⁵. Во время Египетского похода, взяв Яффо и дожидаясь падения Акре (ныне Акко), 20 апреля 1799 г. Наполеон продекларировал (и, видимо, разослал) «Прокламацию к евреям арабских стран», во всеуслышанье объявив о своем желании возвратить евреев на Святую землю. На протяжении 1799-1805 гг. среди западноевропейских евреев муслировались слухи, что в составе египетского корпуса француз-

⁴ См.: G K A E T Z M. *The Jews in Nineteenth-Century France: From French Revilution to the Alliance Israelite Universelle*. Stanford: Stanford University Press, 1996.

⁵ Евреи рассеяния (Диаспоры) — за пределами Израиля еврейские общины живут в «галуте» (идиш: «голусе»), т. е. в «изгнании» или «рассеянии». ⁶ См.: EISENBACH A. *The Emancipation of The Jews in Poland, 1780—1870/* Ed. by A Polonsky. Oxford: Basil Blackwell; Institute for Polish-Jewish Studies, 1991. P. 131—148.

105

ской армии сражается особый еврейский батальон (он не был создан), перед которым стоит задача — освободить Иерусалим, по-скольку-де Наполеон с симпатией относится к идее восстановить иерусалимский Храм⁶. Встреча Наполеона, уже императора, увенчанного лаврами Аустерлица, с европейскими евреями Эльзаса показала, что такого рода легенды не имели под собой решительно никакой почвы.

На пути из Аустерлица в Париж Наполеон остановился в Страсбурге, где к нему обратились представители местных крестьян с жалобами на притеснения со стороны евреев-кредиторов. О смехотворности и безосновательности такого рода обвинений неоднократно говорилось с трибуны Национального собрания. Еще в 1789 г. Клермонт-Тоннери возражал всем тем, кто обвинял евреев в ростовщичестве, ссылаясь на простой аргумент: если евреев не допускают в цехи, запрещают владеть землей и вытесняют из торговли, оставляя им единственное право владеть деньгами, то логично предположить, что они имеют право этой единственной доступной им собственностью распоряжаться по своему усмотрению. Как впоследствии выяснилось, жалобщики, прибегнувшие к безосновательным обвинениям, добивались одного: официальной санкции, освобождающей их от уплаты процентов с долга и от самих долгов. Тем не менее Наполеон счел жалобы оправданными (что говорит о его изначально отнюдь не благожелательном отношении к евреям), никакого расследования не назначил и круто изменил свое отношение к еврейскому вопросу⁷.

⁶ На самом деле Иерусалим стратегически совершенно не интересовал Наполеона, и планы в отношении евреев у него были более умеренные, хотя и им не суждено было осуществиться. См.: K O L E R F. *Napoleon and the Jews*. N.Y.; Schocken Books, 1975. P. 55—83.

⁷ Различие в подходах к теме «Наполеон и евреи» в основном сводится к тому, какой период его деятельности рассматривается и какие документы оказываются в фокусе исследования. Коблер считает, что подлинное

отношение Наполеона к евреям зафиксировано в новонайденной Прокламации к евреям Палестины 1799 г., в какой-то далекой перспективе послужившей прообразом Бальфу-ровской Декларации 1917 г. (об образовании в Палестине «национального очага» для еврейского народа). Более трезвые историки — среди них Альберт, Аи-юн, Грец, Шварцфукс (см. соответствующие библиографические ссылки в примечаниях) — полагают, что события 1806—1808 гг., начавшиеся с визита Наполеона в Страсбург, более точно воспроизводят наполеоновское отношение к еврейскому вопросу, чем затерявшаяся в архивах (и, очевидно, не столь важная) «Прокламация». Наиболее полная публикация документов по этой теме, предпринятая Ришаром Айюном, подтверждает такую точку зрения. См.: AYO и N R. Les Juifs de France. De l'Omanicipation a l'intOgration (1787—1812). Paris: L'Harmattan, 1997. P. 143—158 (статья); 159—241 (подборка документов).

106

Евреи Страсбурга, по преимуществу ашкеназиты, в значительно меньшей степени интегрированные во французское общество, чем их сефардские собратья, произвели удручающее впечатление на Бонапарта. Их традиционный уклад и традиционные же формы занятий он воспринял как отказ от предложения стать полноправными членами французского общества. Он считал евреев неким феодальным пережитком, преодолеть который можно двумя способами: во-первых, привлечь к «продуктивной» деятельности, и во-вторых, ассимилировать их с остальным населением, причем желательно поскорее. Там же, в Страсбурге, обозвав евреев «проклятой расой» и «государством в государстве», он восстановил в силе ряд ограничительных еврейских законов, запретил ипотечные ссуды, а 30 мая 1806 г. опубликовал свой первый декрет о евреях Франции, прибегнув к разнузданной антиеврейской риторике. Его декрет скопом обвинял евреев в беспримерном корыстолюбии, представлял все французское еврейство как нацию ростовщиков, взимающих огромный процент со ссуд и разоряющих крестьян, и указывал, что в спешном порядке необходимо ни много ни мало «возродить у французских евреев чувство гражданской этики», которого им решительно не хватает. Для этого и нужно было собрать в Париже Ассамблею еврейских представителей («нотаблей», переросшую затем в саннедрин') — мероприятие, напомнившее евреям, что они все еще связанная коллективной ответственностью «нация», а не свободные и ответственные перед страной «индивиды»⁸. Еврейские историки неоднократно обращали внимание на противоречивость и непоследовательность наполеоновских мер. С нашей точки зрения противоречия не было: Наполеон решил централизовать и укрепить старинные еврейские общинные институты, чтобы на их основе, при их активном участии и с их одобрения утвердить программу еврейской ассимиляции. Замысел не был лишен остроумия — особенно если учесть, что Наполеон своими далеко идущими планами до поры до времени ни с кем не поделился.

II

Ассамблея «нотаблей» собралась в субботу (!), 26 июля 1806 г. В нее вошли 111 посланников еврейских конгрегаций, мгновенно разделившихся на «раввинов», т. е. делегатов традиционных религиозных общин Франции, и «философов», представлявших интегрированных франко-еврейских буржуа. Первые не знали по-французски,

• Саннедрин (ок. 70 г. до н. э. — 70 г. н. э.) — высший юридический орган предраввинистического иудаизма, состоял из 23 или 71 членов. ⁸СМ.: MENDEZ-FLOR P., REINHART J. The Jew in the Modern World. A Documentary History. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1980. P. 112—113.

107

вторые не обладали достаточным авторитетом, чтобы выносить га-лахические решения*, имеющие для традиционного еврейства статус закона. Однако их сплотила необходимость сформулировать четкие и однозначные ответы на вопросы, составленные, по видимости, ближайшим наполеоновским окружением, если не самим Бонапартом. Вопросы, казалось, были вполне безобидными. Разрешает ли еврейский закон полигамию и развод? Может ли еврей жениться на христианке, а христианин на еврейке — или закон позволяет только «внутренние» браки? Считают ли евреи французов братьями или чужаками — и как закон повелевает евреям вести себя с французами? Считают ли евреи Францию своей страной — и готовы ли они ее защищать? Кто назначает раввинов и как они осуществляют исполнительную власть? Какие ремесла запрещены евреям по закону? Запрещает ли закон евреям отдавать деньги под процент — евреям и неевреям?

Ответы Ассамблеи были нацелены не на то, чтобы дать грамотные галахические ответы в соответствии с Шулхан Арухом, классическим сводом еврейских законов, по которым живет и дышит традиционная еврейская община; скорее на то, чтобы продемонстрировать добрые намерения евреев, их готовность к культурной интеграции, их законопослушание и уважение к государству. Под «законом», по мнению членов ассамблеи, следовало подразумевать скорее Библию, чем Талмуд. Все острые вопросы и неразрешимые проблемы были вынесены за скобки

как несуществующие. Так, например, члены ассамблеи заявили, что закон не запрещает смешанных браков (и обошли стороной вопрос как о религиозной стороне брака, так и о бракосочетании обращенных из иудаизма или в иудаизм); что развод недействителен, если его не провести предварительно через французский суд (на самом деле выданный раввинским судом гет, документально подтверждающий развод, вообще никак не соотносится со светским законодательством); что раввины не обладают никакой исполнительной или законодательной властью и что они всего только отправляют ритуал (ответ, сводящий духовного лидера общины к унижительной должности простого клерка). Другие ответы (что французы евреям — братья; что евреи чувствуют себя гражданами Франции и готовы ее защищать) свидетельствовали о безусловной готовности к интеграции и надежде на то, что ее обязательным сопровождением будет полное гражданское равноправие.

Ответы Наполеону понравились. Теперь, чтобы их утвердить, он решил созвать саннедрин, т. е. конклав еврейских мудрецов, облеченных тем же авторитетом, что и члены древнего раввинистического собрания, созвать единожды, для весьма второстепенной

* Галахический — «предписанный», «общепринятый», «установленный», относящийся к иудейскому законодательству.

108

задачи: законодательно закрепить ответы ассамблеи, а затем на их основе разработать систему новых положений, преследующих введение централизованного контроля над еврейской общиной и предусматривающих ее эффективную (а где понадобится, и насильственную) интеграцию во французское общество. Лишь на одном из последних заседаний ассамблеи нотаблей граф Моле огласил монаршую волю: евреям будут предоставлены все политические права только в том случае, если еврейские представители под присягой согласятся руководствоваться в своей деятельности всеми теми положениями, которые были сформулированы в их ответах. Это была восхитительная ловушка: превратить благожелательные и нацеленные на далекую перспективу еврейские намерения касательно ассимиляции в общеобязательные и немедленно вводимые в жизнь государственные законы.

Но даже члены ассамблеи не представляли, что их ожидает и как далеко целит Бонапарт. В восторге от грандиозного, как им казалось, замысла — восстановить былую иудейскую славу и величие, возродить древнееврейский парламент, вернуть раввинскую ученость и авторитет на подобающее им место, они отправили в Париж своих лучших представителей⁹. Через полгода, на заседании парижского саннедрина, Берр Исаак Берр призвал евреев забыть о сформировавшейся в позднесредневековом гетто еврейской ментальности и вернуться к былой славе Древнего Израиля: будем израильтянами (Israelites), а не евреями (Juifs). Курс был взят на ассимиляцию во французскую культуру — правда, по мысли саннедрина, ассимиляция должна была дополнить еврейскую культурную принадлежность, а не заменить ее (как остроумно сформулировала Филлис Альберт, *assim-iler — oui, s'assimiler — поп*). Гостеприимство французской культуры, сменившееся много более сложным отношением к евреям в разгар дела Дрейфуса* (1890-е гг.), весьма такой ассимиляции способствовало. И все же призыв 1800-х остался по большей части риторическим. Французские культурные ценности стремительно вытеснили традиционные ценности из еврейского национального сознания. В нацио-

⁹ См.: SIMON S. Napoleon, the Jews and the Sanhedrin. London; Boston; Henley: Routledge & Keagan Paul, 1979.

• Дело Дрейфуса (1894-1906) — Альфред Дрейфус (1859-1935), офицер Французского генерального штаба, еврей по происхождению, был ложно обвинен в шпионаже в пользу Германии, лишен всех званий и приговорен к пожизненному заключению. Обвинение, носившее откровенно антисемитский характер, привело к расколу французского общества на дрейфусаров и антидрейфусаров. Французские литераторы, среди них, прежде всего, Эмиль Золя, открыто встали на защиту Дрейфуса, который в конце концов был оправдан, восстановлен в звании и награжден орденом Почетного легиона.

109

нальном французском сознании иудаизм утратил свои религиозно-философские или мировоззренческие коннотации. Вплоть до конца XIX в. французы не различали понятий мозаизм (религия Моисея), иудей (общинно-этническая принадлежность) и израэлит (истори-ко-политическая деноминация), воспринимали их как синонимы, хотя доминирующим во французском дискурсе оказалось понятие «израильтяне» (исраэлиты) с его бесспорными позитивными обертонами — и безо всяких отсылок к раввинистически-талмудическому иудаизму¹⁰.

Первый Великий Саннедрин оказался последним. В феврале 1807 г. (а не в октябре 1806-го, как было намечено) съехавшиеся со всей Франции представители, в эйфории от выпавшей на их долю

честь, торжественно утвердили все ответы, принятые Ассамблеей¹¹. Дальнейшая необходимость в саннедрине отпала. Распустив его, 17 марта 1808 г. Наполеон издал указ, регулирующий деятельность еврейской общины Франции, который поверг французских евреев в состояние шока¹². Все долги еврейским банковским конторам были аннулированы; свободная миграция по стране и иммиграция в Эльзас запрещена; водворение в новых провинциях возможно только при условии, что евреи будут заниматься там сельским хозяйством; льготы по военной службе, существующие для всех других слоев населения, отменены. Последующее развитие наполеоновского законодательства о евреях закрепило ограничительную тенденцию. Речь шла, во-первых, о полном огосударствлении религии — по сути дела, о денонсации ее традиционных форм, и во-вторых, о навязывании либеральных нововведений жесткими тоталитарными мерами. Согласно новым указам, все синагоги превращались в государственные учреждения и переподчинялись Консистории, которая, в свою очередь, подчинялась соответствующим министерствам. С первых лет революции евреи-добровольцы несли бремя военной службы наравне с французами¹³ — теперь же введение обязательной конскрипции не подкреплялось для них правом «замены рекрута», распространенным на прочие слои населения.

¹⁰ См.: ALBERT P. C. *Israelite and Jew: how did the nineteenth-century French Jews understand assimilation?* // *Assimilation and Community: the Jews in the nineteenth century Europe*. Cambridge University Press, 1992. P. 88—109.

¹¹ Факсимильное воспроизведение документов всех заседаний Великого Саннедрина см. в кн.: Biblioteca Europea della Rivoluzione Francese. Archive 1: Napoleone e gli ebrei. Atti dell'Assamblea degli Israeliti di Parigi e dei Verbal! del Gran Sinedrio, con le lettere di Iacopo Carmi introdotte da Andrea Balletti (1806—1807) / A cura di D. Calligani. Bologna: Analisi, 1991. P. 375—508.

¹² См.: Lemann J. *Napoleon et les Juifs*. Paris: Avalon, 1989. P. 225—247.

¹³ В 1808 г. в Национальной гвардии насчитывалось 150 евреев-добровольцев. См.: SIMON S. *Op. cit.* P. 130.

110
Бар- и бат-мицва' для детей, достигших 12—13-летнего возраста, были низведены до уровня католической конфирмации, причем министерство просвещения потребовало ввести катехизис с кратким перечнем основных иудейских credo (принятые в философском дискурсе, например, у Маймонида" в его «Тринадцати принципах», «символы веры» не играют никакой роли в иудейской религии). Коллективное обвинение в ростовщичестве с евреев снято не было — наоборот, теперь оно было еще и закреплено законодательно. Бремя общинного долга — дореволюционного, составлявшего 116 000 франков — вновь было взвалено на еврейскую общину. Одновременно пятью процентами был ограничен порог ссуд в еврейских банках, что при условии 75% долгов, так и не возвращенных владельцам, привело к разорению сотен мелких контор. Зарплаты раввинам были отменены — в результате лидирующие позиции в общинах постепенно перешли от «раввинов» к «философам», т. е. к стремительно ассимилирующемуся еврейскому среднему классу. Некий английский памфлетист, представившийся «английским израэлитом» и пожелавший остаться неизвестным, сразу же после окончания заседаний саннедрина и публикации наполеоновского закона обрушился на всех еврейских представителей Франции с резчайшей и весьма обоснованной критикой. Он обвинил их в беспринципности и недалекости, а Наполеона — в посягательстве на самые основы иудейской религии¹⁴. Французским еврейским лидерам ситуация не казалась столь жесткой, хотя и им было очевидно, что закон 1808 г. неконституционен. Фуртадо пробовал протестовать,

' Бар- и бат-мицва — обряд инициации (12 лет для девочек, 13 лет для мальчиков), в ходе которого ребенок принимает на себя ответственность за исполнение всех 613 заповедей (мицвот) иудаизма.

" Маймонид (Моше бен Маймон, сокр. — Рамбам, 1135-1204) — еврейский философ-аристотелианец, кодификатор иудейского закона и врач. Оказал значительное влияние на становление христианского (Фома Аквинский) философского рационализма. В его Тринадцати принципах (см. его комментарий к «Хелек», 11-й главе трактата «Саннедрин»), сформулированы рационалистические основания иудаизма.

¹⁴ См.: AN ENGLISH I SRAE LITE. *A Letter to a Parisian Sanhedrin; containing reflections on their recent proceedings, and on the venal apostacy from the Mosaic Institutions with observation on the conduct of Buonaparte, relative to his projected subversion, and final extermination of the religion of Judaism, in France*. London, 1808 [Письмо парижскому саннедрину, содержащее размышления о протоколах его недавних заседаний и о продажном его отступничестве от установлений Моисеевых, а токмо наблюдения над поведением Буонапарте касательно планируемого им подрыва устоев, а впоследствии и уничтожения религии иудаизма во Франции].

111

но решение было принято, закон опубликован, и пересматривать его Бонапарт не собирался.

Именно Великий Саннедрин, задуманный Наполеоном как важный (хотя и однократного действия)

институт насильственной еврейской ассимиляции, вызвал взрыв возмущения и негодования в российской столице, где он был воспринят как очередное наглое изобретение лжемессии Бонапарта, задумавшего возродить и восславить совет нечестивых (пославших Спасителя насмерть), с его помощью расположить к себе евреев других стран, объявить себя мессией и с триумфом въехать в Центральную и Восточную Европу.

III

У русских евреев — точнее, польских евреев, оказавшихся волею разделов Польши на русской территории — ни эмансипация, ни ассимиляция, ни даже элементы гражданских прав не стояли на повестке дня. В среде российского еврейства подобное либерально-демократическое безобразие было совершенно немыслимо. Свобода все еще мыслилась в терминах польских позднефеодальных привилегий, т. е. как право, дарованное шляхтичем корпоративной группе лиц для определенного рода торгово-экономических занятий. Даже для тех еврейских представителей, кто уже вкусил от плода западноевропейского просвещения, такие законодательные ограничения еврейской жизни в России, как двойное налогообложение, запрет передвижений и сложная система социальных и религиозных ограничений евреев России, представлялись изрядным, но неизбежным стеснением. Началом и концом первого этапа борьбы за еврейскую эмансипацию — которое и борьбой как-то неловко называть — было высочайшее и снисходительнейшее решение не называть евреев в русских государственных документах «жидами». Таков был венец деятельности просвещенных евреев Ноты Ноткина, Лейбы Неваховича и Абрама Перетца* на

* Нота Ноткин — просвещенный еврей из Шклова, крупный откупщик и армейский подрядчик, придворный ходатай (штадлан) по делам русских евреев. См. о нем в кн.: FISHMAN D. E. *Russia's First Modern Jews: The Jews of Shklov*. New York; London: New York University Press, 1995. P 53—61. Лейба Невахович (Йегуда Лейб бен Ноах, 1780-1831) — еврейский просветитель-публицист и общественный деятель, оспаривал юдофобские предрассудки Державина, его «Вопль дщери иудейской» (1803) оказал заметное влияние на формирование русских общественных взглядов на еврейство. См. о нем: Klier J. D. *Russia Gathers her Jews: the Origins of the Jewish Question» in Russia, 1772-1825*, DeKalb, 111.: Northern Illinois University Press, 1986. P 127-128. Абрам Израилевич Перетц (1771-1833) — один из крупнейших

112

поприще споспешествования еврейскому равноправию, совпавшего по времени с введением гражданского равноправия для евреев Франции¹⁵.

Французские события, какие бы гражданские свободы они ни сулили западноевропейским евреям, на их собратьев в Восточной Европе произвели удручающее впечатление. Подавляющее большинство лидеров хасидских общин (цадикив*) из Западных губерний — тех самых, кого впоследствии охранительная и антисемитская литература обвиняла в антирусском заговоре — решительно призвали местное еврейское население поддержать богохранимого русского царя Александра I и проклясть смутьяна Бонапарта. Леви Ицхак из Бердичева (Леви Исаак бен Меир, 1740—1810) специально ездил в Варшаву на встречу с другими хасидскими лидерами, чтобы заявить о своем веском «нет» наполеоновским планам касательно евреев России и Польши.

Кроме бесспорных патриотических побуждений, нельзя сбрасывать со счетов еще одно немаловажное обстоятельство. У хасидских цадикив не было сомнений: наполеоновское равноправие улучшит материальное и социальное положение евреев. Но в то же время оно ускорит необратимые ассимиляционные процессы, обрушится со всей силой на традиционные еврейские образовательные институты (хедер и ешибот"), внесет раскол в общину, приведет к забвению предписаний иудейского ритуала, нейтрализует авторитет духовных лидеров и в далекой перспективе принесет больше вреда, чем пользы. Единодушие хасидских представителей было настолько очевидным, что, как говорили впоследствии, Яков Ицхак (1745—1815), прозванный Хозе (от древнееврейского *Hozeh* — ясновидящий) из Люблина, заявил, что, знай Наполеон о попытках хасидских цадикив духовно противодействовать его планам, он бы повел свои войска на цадикив, а не на армии противостоящих ему стран. Менахем Мендель из Романова (Rimanowe; ум. 1815), единственный общинный лидер, открыто симпатизирующий Наполеону, предпочел присоединиться к подавляющему большинству еврейских откупщиков и армейских подрядчиков, кораблестроитель, на рубеже 1800-х гг. — ходатай (штадлан) по еврейским делам при дворе, впоследствии принял православие. ¹⁵См.: FISHMAN D.E. *Op.cit.* 1995. P. 82.

' Цадик — букв. «праведник», духовный лидер хасидской общины («реббе»). " Хедер — еврейская начальная школа с традиционным обучением (Пятикнижие с комментариями, основы древнееврейского языка). Ешибот — еврейская средняя и высшая школа с традиционным обучением, дающая всестороннее еврейское образование, прежде всего — Талмуда и галахического кодекса Шулхан Арух, а также комментариев к ним.

ИЗ

Многие еврейские общинные лидеры не ограничились тем, что публично выразили категорическое неприятие наполеоновской эмансипации, но независимо друг от друга приняли решение о незамедлительном ей противодействии. Шнеур Залман из Ляд (1745—1813),

основоположник движения и глава Люба-вичских хасидов, распространил по всем подведомственным ему общинам в Белоруссии и Литве воззвание, обрушивающее проклятия на голову Наполеона и возлагающее венец надежды на Александра I, истинного защитника еврейского народа. Магид* из Коженице (Исраэль бен Шабтай Хапштейн, 1837—1814), единственный из хасидских цадиков, кто не презирал Бонапарта, предпринял тем не менее невероятные посреднические усилия и пустил в ход все имеющиеся в его распоряжении связи, дабы противодействовать введению в Герцогстве Варшавском таких элементов равноправия, как служба польских евреев в армии. Его энергичное вмешательство предотвратило неминуемую трагедию, случись тысячам евреев Герцогства Варшавского служить в кампании 1812г. под французским флагом. Между прочим, хасидская легенда рассказывает о тайном визите Наполеона к магиду из Коженице за благословением. Наполеон, дескать, приехал в Коженице в разгар чтения свитка Эстер (Книги Эсфирь) на Пурим 1812г. и появился в дверях синагоги, когда магид читал знаменитое «*nafol* [пишется: *napol* / *tipol le-fanav*], соответствующее русскому «ты наверно падешь пред ним» (Есф 6: 13). В этом «наполь» (падешь) магид услышал пророчество о падении Наполеона, о чем не преминул сообщить высокому гостю, фактически отказав ему в благословении¹⁶.

IV

В то время, когда в Париже заседал саннедрин, а евреи Западного края с возмущением обсуждали антииудейские замыслы Бонапарта, Александр I, едва оправившись от поражения под Аустерлицем, вывел войска из Австрии и принял решение спасти от Наполеона Пруссию. Чтобы оправдать вступление России в войну с Францией на стороне Пруссии и спешно набрать ополчение, 13 декабря 1806 г. правительствующий синод распространил «Объявление» ко всем православным

* Магид — бродячий проповедник, нанимаемый традиционной еврейской общиной для чтения субботних проповедей. Магиды (маггидим) сыграли значительную роль в появлении и распространении в XVIII в. хасидизма, благодаря чему второстепенная должность магида переместилась с периферии в центр еврейской общинной жизни.

¹⁶См.: GERLiTS M. Amle-vadadyishkon.BneiBrak, 2000.P. 158—160,172— 180,186-190.

114

христианам¹⁷. Правительство приняло все возможные меры, дабы «Объявление» получило самую широкую огласку¹⁸. Текст «Объявления» — уникальный документ, заслуживающий скрупулезного анализа. Полет его политической фантазии беспримечен, его идеологическая метафорика обладает поразительной мощностью, а его художественной образности суждено было пережить столетия. В этом документе чуть ли не впервые с неслыханной резкостью и прямоотой была сформулирована позиция русского правительства по отношению к Бонапарту, Французской революции, либерализму, веротерпимости, секуляризации и эмансипации, а также к евреям. Разумеется, в разрозненном виде многие из этих положений были сформулированы и оглашены много раньше, однако лежащий перед нами документ интересен именно тем, что он увязывает их в единый тугой смысл — точно так же, как сто лет спустя их соединяют вместе «Протоколы сионских мудрецов». Тем более важно иметь в виду, что правительство прибегло к весьма в таких случаях эффективному институту приходских священников, дабы донести смысл синодального обращения городу и миру.

Мысль о необходимости помочь Пруссии вряд ли могла спод-вигнуть ополченца на патриотический порыв: ведь даже в середине XIX столетия «немец» для самого гостеприимного русского крестьянина означало «иностранец», «чужак» и «немой». Поэтому, вопреки расстановке политических сил в Европе и в обход стратегических интересов России, обращение сотворило ex nihilo новый образ абсолютного врага. Обращение заглушило нежелательные обертоны нарастающим трубным крещендо и било в набат: не о судьбе уже почти окончательно поверженной Пруссии идет речь, а о России. Прежде всего, Россия нуждается в защите, в патриотическом энтузиазме, в народном ополчении. Мысль о русском походе, до которой Наполеон дозревал еще три года, здесь — за него и до него — сформулирована с впечатляющей ясностью:

Неистовый враг мира и благословенной тишины, Наполеон Бонапарт, самовластно присвоивший себе царственный венец Франции, и силою оружия, а более коварством распространивший власть свою на многие соседние с нею государства, опустошивший мечем и пламенем и грады и селы,¹ дерзает в исступлении злобы своей угрожать свыше покровительствуемой России, вторжением в ее пределы, разрушением ее устройства, коим ны-

¹⁷ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. XXI.

№ 22 394 («Об обязанности духовенства при составлении земского войска или милиции и о чтении по церквам сочиненного Синодом по сему случаю объявления»).

¹⁸ См.: ГИНЗБУРГ С. М. Отечественная война 1812 года и русские евреи. СПб.: Разум, 1912. С. 32.

115

не она единая в мире наслаждается под кротким Скипетром Богом благословенного и всеми возлюбленного, благочестивого Государя нашего Александра Первого, и потрясением православной греко-российской церкви во всей чистоте ее... В отличие от других военных кампаний, когда правительство также прибегало к религиозной метафорике, текст этого воззвания неслыханно сгущал краски: на Россию идет войной не какой-то там политический противник, француз поганый, идолопоклонник, злой язычник, опасный еретик. На Россию идет войной злокозненный вероотступник, бесовское отродье, мусульманский выродок, дьявол во плоти, словом — Антихрист:

Еще во времена народного возмущения, свирепствовавшего во Франции во времена богопротивной революции, бедственной для человечества и навлекшей небесное проклятие на виновников ее, отложился Он от Христианской веры, на сходбищах народных торжествовал учрежденные лжеумствующими вероотступниками идолопоклоннические празднества и в сонме нечестивых сообщников своих воздавал поклонение Единому Всевышнему божеству подобающему истукану, человеческим тварям и блудницам, идольским изображением для них служившим. В Египте приобщился он гонителям церкви Христовой, проповедовал аль-Коран Магометов, объявил себя защитником исповедания суеверных последователей сего лжепророка Мусульман и торжественно показывал презрение свое к пастырям святой церкви Христовой.

Умело манипулируя чувствами слушателя, обращение степенно и неуклонно набирало обороты. Сперва нужно было запугать — страшным и неминуемым врагом, грозящим России и вере Христовой. Затем, в наэлектризованной атмосфере, на самых высоких тонах — вызвать гнев, ненависть и жажду мщения. Вот тут и пригодились евреи. Еврейская тема — апофеоз документа. Обиженные хитроумным Наполеоном, сами себе подписавшие унижительный принудительно-ассимиляционный приговор, в меру эмансипированные, но уже успевшие разочароваться в наполеоновском варианте эмансипации, в меру талантливые и не в меру доверчивые еврейские риторы наполеоновской Франции предстали в русском государственном документе коварными пособниками и верными слугами дьявола, замахнувшегося на святая святых:

Наконец, к вящему посрамлению оной, созвал во Франции иудейские синагоги, повелел явно воздавать раввинам их почести и установил новый великий сангедрин Еврейский, сей самый Богопротивный собор, который некогда дерзнул осудить на распятие Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа — и теперь помышляет соединить иудеев, гневом Божиим рассыпанных по всему лицу земли, и устремить их на испроверже-

116

ние церкви Христовой и (о дерзость ужасная, превосходящая меру всех злодеяний!) на провозглашение лжемессии в лице Наполеона [...] Отринув мысли о правосудии Божиим, он мечтает в буйстве своем с помощью ненавистников имени Христианского и способников его нечестия, иудеев, похитить (о чем каждому человеку и помыслить ужасно!) священное имя мессии...

Еврейская тема обращения, как уже было сказано, — его кульминация. После него только и оставалось, что направить народный гнев в соответствующее русло:

Покажите ему, что он тварь, совестью сожженная и достойная презрения. Не верьте ему, ниспровергните его злодеяния, накажите бесчеловечия, оказанные над многими невинными... Через полгода после обнародования этого документа от его утрированной эсхатологической семантики ничего не осталось. В начале июля 1807 г. христианнейший Александр I и «Антихрист» Наполеон мирно встретились в Тильзите на Немане, где к ним присоединился Фридрих Вильгельм III. Тильзитский мир был подписан, торг состоялся и обещания даны. Пруссия потеряла владения к западу от Эльбы и резко сокращала численность армии. Россия уступила Бонапарту герцогство Варшавское, но получила взамен Финляндию. Франция приобрела в лице России нового союзника, которому предстояло посредничать в переговорах с Англией, а в случае неудачи выступить против нее в союзе с Францией.

Рассмотренное в контексте «протокольных» источников, «Объявление» существенно уточняет новейшие реконструкции «протокольной» генеалогии. Вадим Скуратовский рассматривает «Протоколы» на фоне существующего во множестве жанров и текстов «характерного право-либерально-радикального образа Второй империи и ее монарха, самого отрицательного образа тогдашней Франции и ее судьбы, начинающейся с революции, с институционализации либерализма, а заканчивающейся крушением последнего и торжеством самого беспросветного деспотизма»¹⁹. В наиболее убедительной части своей работы Савелий Дудаков предлагает рассматривать генезис «Протоколов» в контексте польско-русско-еврейских отношений, обострившихся после войны 1812г., когда польское чиновничество, от Магницкого до Булгарина (если не до ксендза Пранайтиса, лже-

эксперта по кровавому навету времен дела Бейлиса'), стремясь выдвинуться по государственной службе и

"СКУРАТОВСКИЙ В. Л. Указ.соч.С. 17.

' Дело Бейлиса (1913) — процесс по обвинению киевского еврея Менахема-Менделя Бейлиса в том, что он убил христианского мальчика Андрея Юшинского с ритуальной целью (использовать его кровь для выпечки пасхальной мацы). Такого рода обвинения против евреев получили

117

открещиваясь от патриотов польской независимости, с пеной у рта принялось доказывать русским властям, что русский поляк лучше русского еврея — существа, России глубоко враждебного.

«Обращение» позволяет органично расположить оба контекста — русско-еврейско-французский и русско-еврейско-польский — вокруг одного и того же текста, как, впрочем, и вокруг его интерпретаций.

«Объявление» вызвало мгновенную реакцию прессы. «Гений Времен», «Политический журнал», «Сын отечества», «Вестник Европы» совершенно точно уловили основной мотив «Объявления» и принялись ему в унисон вторить. Дерзнувший подняться против самого Всевышнего, Наполеон предстал перед русским читателем ни много ни мало как «иудейский лжемессия», который умилиствовал европейских евреев учреждением Великого Саннедрина и тем самым обеспечил себе по всей Европе поддержку множества добровольных шпионов и лазутчиков. Наполеон сам оказывался иудеем, причем в одном ряду с Шабтаем Цви (1626—1676), реальным лжемессией, который ассоциировался у авторов журнальных статей с чертом-дьяволом и мировой мерзостью²⁰.

Общественное сознание тех лет цепко связало метафору «синагога сатаны» с парижско-наполеоновским контекстом²¹. Не забыла о наполеоновско-еврейской спайке и русская консервативная историография, особенно чуткая к антизападническим мифологемам²². Для генезиса «протокольной» парадигмы немаловажно также и то, что антифранцузский и антииудейский лозунг 1806 г. был озвучен на фоне менее шумной, но весьма отчетливо звучащей антимасонской кампании, которая привела к разгрому целого ряда русских масонских лож и название «кровавый навет». См. о деле Бейлиса: БУЯНОВ М. И. Дело Бейлиса. М.: Прометей, 1993; EZEKIEL L. The Beilis transcripts: the anti-semitic trial that shook the world Northvale, N.J.: Jason Aronson, 1993; Дело Менделя Бейлиса: материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о судебном процессе 1913 г. по обвинению в ритуальном убийстве СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. ²⁰См.: Гинзбург С. М. Указ. соч. С. 32—40.

²¹См.: ЗОРИН А. «Кормя двуглавого орла...» Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М.: НЛО, 2001. С. 331.

²² Вот что пишет русский историк о событиях 1806 г., как раз накануне появления «Протоколов сионских мудрецов»: «Положение было довольно трудное, и многие были уверены, что Наполеон воспользуется им для своих целей. И действительно, провозгласив себя Мессией евреев, он имел в них деятельных помощников в качестве шпионов и распространителей всякого рода слухов, в большинстве ложных, но желательных для правителя Франции. Приготовляясь к борьбе с Россией, Наполеон пустил евреев и

118

орденов²³. Наконец, дабы отвратить от излишнего добродушия по отношению к французам те русские семьи, где французы состояли учителями и гувернантами, в 1807 г. был высочайше утвержден особый Комитет охранения общей безопасности (так называемый «Комитет 1807 года»), который институционально закрепил мысль об «иноземце — враге и шпионе». Не под впечатлением ли этой кампании некоторые государственные деятели прикладывают усилия, чтобы раз и навсегда закрыть масонский журнал А. Ф. Лабзина «Сионский вестник», запущенный тогда же, в 1806 г.²⁴

Образ рожденного в пекле Французской революции тирана иудейского происхождения, такого Антихриста, управляющего миром при помощи синклита иудейских мудрецов и опирающегося на вездесущих и опять же еврейского происхождения тайных шпионов, — этот образ был необходим, но недостаточен для создателей «Протоколов». После Тильзитского мира само правительство, похоже, было заинтересовано в том, чтобы несколько облагородить политический, как сейчас бы сказали, «имидж» Бонапарта. В приказном порядке «Объявление» было запрещено к повторному чтению. Из прессы также исчезли выпады против Наполеона. Массовые финансовые пожертвования евреев на новую антинаполеоновскую кампанию (сведения о них с именами жертвователей регулярно появлялись в газетах), а также хозяйственная и военная помощь, оказанная евреям русской армии в 1812 г., казалось бы, должны были раз и навсегда снять вопрос и о зловещем саннедрине, и о русских евреях — шпионах лжемессии Бонапарта. Подчеркнуто терпимое отношение Наполеона к русским конфессиям, отразившееся в «Провозглашении» интенданта Москвы 19 сентября 1812 г., и отсутствие каких бы то ни было притеснений право-

славной церкви со стороны французских войск также должны были нейтрализовать миф о «наполеоновско-иудейском заговоре» против России. Об угасании мифа в культурной памяти свидетельствует практически полное исчезновение метафоры «Наполеона — иудейского лжемессии» из правительственной риторики — и, что еще важнее, из обиходного языкового сознания обывателей южной столицы чуть позже, в самый разгар эмигрантов-французов в авангард своей армии, чтобы взволновать умы, возбудить неудовольствие среди населения, и во второй половине 1806 года стали ходить самые разнообразные слухи» (ДУБРОВИН Н. Наполеон в современной ему русской литературе // Русский вестник. 1895. № 2. С. 24). "См.: Зорин А. Указ. соч. С. 204—205; Серков А. И. История русского масонства XIX века. СПб, 2000. С. 61 -62. ²⁴См.: СЕРКОВ А. И. Указ.соч. С. 57.

119

Отечественной войны 1812 г.²⁵ Но этому мифу суждена была долгая жизнь.

V

Прежде всего, о нем не забыли те поляки, которые самым решительным образом порвали со своими польскими корнями (а иногда восторженным бонапартистским и славным масонским прошлым), с надеждами на восстановление государственной независимости, и сломя голову бросились присягать на верность русскому царю и отечеству. Фаддей Булгарин (1789—1859) был одним из наиболее ярких представителей этой группы, Магницкий* и Пржецлавский" — наиболее типичными. В «Иване Выжигине» «объевреены» все те метафоры, которые в «Обращении» адресованы Наполеону. Евреи черты оседлости в некоем «типическом образе» — враги русского народа, тайные захватчики, обманом запленившие весь Западный край. Они действуют тайно, на манер шпионов; брезгливость авторского к ним отношения достигает апогея, когда еврей-

²⁵ Так например, нам не удалось найти ни одного отождествления Наполеона Бонапарта с иудеями и иудейством среди документов 1812г., собранных П. И. Щукиным. Отметим, кроме того, что авторы леденящих душу рассказов о разбое наполеоновской армии весьма редко прибегают к демонизации Наполеона. Исключения, например, см.: Прошение г-жи Штейдель графу Ф. В. Растопчину... // Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным. М.: Т-во А. И. Мамонтова, 1897. Т. 1. С. 54; Тетрадь священника московского Успенского собора И. С. Божанова // Там же. Т. 4. С. 49—69; Из бумаг Алябьевского архива // Там же. Т. 5. С. 278—280. Евреи, точнее, «жид Гирш Гордон» упоминается в бумагах Щукина как «русский разведчик», незаменимый поставщик ценных военных сведений (Там же. Т. 8. С. 155—159).

• Магницкий Михаил Леонтьевич (1778-1855) — русский государственный деятель, сперва сторонник, а затем яростный противник идей Сперанского, попечитель казанского учебного округа, воинствующий обскурант, провозвестник крайне правого русского радикализма и советской партийной контрпропаганды. См. о нем апологетическое исследование: Феоктистов Е. Материалы для истории просвещения в России. СПб., 1865. Ч. I: Магницкий. См. также критические замечания о роли Магницкого в формировании «протокольного» мифа в кн.: ДУДАКОВ С. М. История одного мифа. М.: Наука, 1993.

" Пржецлавский Осип Антонович (1799—1879), тайный советник при министре внутренних дел, в далеком прошлом — восторженный бонапартист, в свое время воспитывавшийся при домашнем учителе — старшем враче при дворе Мюрата.

120

ренегат из Гамбурга принимается хвалить ислам (вспомним о чудовищно мерзком поведении Наполеона в «Обращении», связанном с его веротерпимостью к исламу)²⁶.

При всей притягательности булгаринских образов, и им бы лежать в запыленных архивах не востребованной русской литературы, если бы им не «подыграли» дальнейшие события французской истории. Разрозненные и маловнятные интерпретации главной темы «Объявления» внезапно обрели второе дыхание, когда в мае 1860 г., кстати сказать — в эпоху Наполеона III, во Франции появилась организация Всемирного Еврейского Альянса (*Alliance Israelite Universelle*). Программа Альянса была выдержана в духе освободительных идей 1789 г. и ориентировалась на преодоление антиеврейских общественных предрассудков во Франции и улучшение условий жизни евреев за пределами Западной Европы, прежде всего, в странах Востока и Восточной Европы²⁷. «Друзья еврейского народа», которых реальность интересует так же, как и этика, сочли это совпадение поразительным и соблазнительным: вот, мол, опять-таки новый Наполеон и при нем — новый саннедрин, причем теперь уже Всемирный.

Тасуя и перетасовывая колоду своих весьма убогих исторических познаний, Яков Александрович Брафман (1825—1879), изобретатель неслыханно живучего мифа о «кагальной» угрозе, решил прямо связать восточноевропейский кагал с саннедрином — но не с традиционным протораввинистическим институтом Древнего Израиля (кто помнит о нем и кто знает о нем среди

русской читающей публики 1870-х?), а с парижским. В переводе на язык родных осин «саннедрин» стало означать «кагал». В контексте наполеоновского саннедрина приобретает свой выразительный подтекст брафманский подход к еврейскому самоуправлению — *кагалу* и *кагальной* аристократии, мелким еврейским организациям черты оседлости (*хавурот*) и, наконец, к зловеще нависшему над всем русским государством Обществу распространения просвещения среди евреев России. По Брафману, все эти институты подконтрольны Всемирному Еврейскому Альянсу, этому *кагалу кагалов* эпохи Второй империи, выросшему из наполеоновского саннедрина и заменившему его на европейской политической карте. У всех у них тайные цели мирового господства и принцип полного подчинения

²⁶ О влиянии болгаринских идей на формирование русской антисемитики второй половины XIX в. см. раздел «Круг чтения военной бюрократии» главы «Прагматики и политики» нашей монографии «Евреи в русской армии, 1827—1914» (М.: НЛО, 2003).

²⁷ См.: W E I L L G. Emancipation et progres: UAlliance Israelite universelle et les droits de l'homme. Paris: Nadir, 2000; RODRIGUE A. DE l'instruction a l'emanci-pation: les enseignants de l'Alliance Israelite universelle et les juifs d'Orient, 1860—1939. Paris: Calmarm-Levy, 1989.

121

французскому центру. Иными словами, у любого еврейского самоуправления, сколько бы оно ни заявляло о своей приверженности ассимиляционному курсу и каким бы ничтожно малым ни был масштаб его деятельности, в его глубоком подполье, по мысли Брафмана, затаились враги русского народа: во-первых, тайный тиран и лжемессия французского происхождения, а во-вторых, прислуживающий этому тирану тайный синклит еврейских мудрецов — сан-недрин²⁸. Пржецлавский под явным впечатлением от недавно прочитанного Брафмана на старости лет создает в своих воспоминаниях убийственный портрет евреев Западного края (т. е. черты оседлости). Он приписывает евреям наличие обширной идеологической программы, которую он буквально воспроизводит по тому самому достопамятному синодальному обращению, где она, разумеется, приписана Наполеону. Евреи отвергают все вероисповедания, религии, порядок, все государственные установления, они — воплощение той пагубы, что началась с Французской революции, представленной нынешним коммунизмом, интернационалом, социал-демократизмом, нигилизмом. Антиеврейский пафос воспоминаний Пржецлавского прочно спаян с антифранцузским — вплоть до того, что даже в местечке Слоним он находит тайные катакомбы, «наподобие парижских», где евреи скрываются от правосудия²⁹. Евреи и Бонапарт меняются местами: теперь уже евреи, и особенно хасиды, — злостные враги православного народа, не гнушающиеся кровушкой младенцев, которых, по глубокому убеждению Пржецлавского, традиция «вменяет в обязанность» мучительно убивать³⁰. Из всех доступных ему сведений о евреях и еврействе для иллюстрации еврейской ксенофобии он приводит куцые примеры из тракта-

²⁸ См.: Б р а о м а н Я. Книга кагала (Всемирный еврейский вопрос). СПб., 1888. С. 92, 161—62, 274, 298. О брафманском антисемитизме см.: K L I E R J. Imperial Russia's Jewish Question, 1855—188 I. Cambridge, 1995. P. 169—173, 263—288, а также нашу статью: The «Jewish Policy» of the War Ministry in Late Imperial Russia: the Impact of the Russian Right // Kritika 2002. № 2. P. 217—254.

²⁹ «При этом открылось, что под целым кварталом города, занимаемым домами евреев, называемым „Школьный двор“, устроены подземные ходы в виде погребов, которые, как парижские катакомбы, сообщались одни с другими, составляя одно большое подземелье. Этим объяснилось, почему многие кражи в городе оставались нераскрытыми. Таким образом, Слонимские жида составляли настоящее тайное общество, и не без основания можно предполагать, что подобные подземелья должны существовать и в других городах, где еврейское население занимает отдельные кварталы» (Беглые очерки: Воспоминания О. А. Пржецлавского // Русская старина. 1883. № 10. С. 490).

³⁰ См.: Там же. С. 484-487.

122

та «Саннедрин», а не множественные образчики из трактата «Авода зара»¹, содержащего богатейший исторический материал о неприятии евреями идолопоклонников (отождествленных в позднейшей христианской пропаганде со всеми «неевреями»), — и тем самым как бы «проговаривается» о давнем и полузабытом источнике своих сведений о еврействе³¹. Другой восторженный поклонник (и рецензент) Брафмана, Всеволод Владимирович Крестовский (1840—1895), в своей трилогии «Тьма Египетская», «Тамара Бендавид» и «Торжество Ваала» поставил *кагал кагалов* на службу европейскому, прежде всего — франко-английскому милитаризму, который спит и видит как бы ему с помощью еврейской шпионской сети и еврейских же военных подрядчиков украсть у русской армии победу, такой кровью добытую в балканской войне 1877—1878 гг. Антифранцузский пафос Крестовского нацелен против таких деятелей, как лорд Би-

консфилд (Дизраэли)", но парадигма от этого не меняется: очередной тиран, прикрываясь либеральной фразочкой и показной заботой о судьбе славянских народов (скажем, Румынии), планирует унижить Россию и растоптать честь русского воинства с помощью состоящего у него на службе кагала кагалов, опять же синонимичного парижскому *Alliance Israelite Universelle*. Савелий Константинович Эфрон (псевд. Литвин, 1849—1925) в своей повести «Среди евреев» (1896) удачно расположил крестовско-брафманский кагал в тени развесистой политической * «Саннедрин» — один из 38 трактатов Талмуда, посвященный уголовно-процессуальному праву (кроме последней, одиннадцатой главы, освещающей различные раввинистические взгляды на мессию и мессианскую эпоху). «Авода зара» — трактат Талмуда, посвященный взаимоотношению иудеев и язычников.

³¹ Подробный очерк о Пржецлавском в контексте русско-польских и русско-еврейских отношений см. в кн.: ДУДА КО В С. Указ соч. С. 64—95. Заметим, что в более позднем издании материалов из архива Пжецлавского мысль о единстве «атеистического» мира, управляемого иудеями, и «кровожадного чудовища по имени: Революция», рожденного «во Франции», становится еще более выпуклой и завершенной (Там же. С. 111).

"Лорд Биконсфилд (Бенджамин Дизраэли, 1804-1881) — английский писатель и публицист, дважды премьер-министр, создатель и идеолог современной партии консерваторов. Его дипломатические усилия на Берлинском конгрессе 1879 г. привели к ограничению российского влияния на Балканах. Отец Бенджамина, английский литературный критик еврейского происхождения Исаак Дизраэли, настоял на крещении сына, когда тому было 13 лет.

³² См.: Л и т в и н С. Среди евреев // Исторический вестник. 1886. № 10. С. 54-90; № 11. С. 428-461; № 12. С. 797-837.

клюквы³². Христианка-рассказчица, нанятая в дом миллионера Бо-руха Бердичевского, оказавшись в его кабинете, обнаруживает, что ее тщедушный работодатель, человек беспринципный и омерзительный, яростно ненавидит мир, надеется сокрушить его и подчинить «великим во Израиле». Ей внезапно открывается великая тайна: нити всей европейской политики — в руках Бердичевского, и сам он — один из руководителей подпольного кагала³³. Ее попытка завладеть копиями тайной переписки кагала и передать ее русским властям, по меткому замечанию Дудакова, предвосхищает (скорее, оформляет) ту самую легенду о похищенных еврейских документах, с помощью которой была весьма топорно обставлена публикация «Протоколов сионских мудрецов».

Наконец, незадолго до Бутми, Нилуса и Замысловского* в этом ряду появляется Матвей Головинский (?—1920), третьестепенный журналист и писатель, автор испуганных рефлексов на западную цивилизацию, наездами появляющийся в Париже и не брезгующий дополнительным заработком, который предлагает ему Петр Рачков-ский, шеф парижского филиала русской тайной полиции. Под его, Головинского, умеренно бесталанным пером в «Протоколах сион-

³³ «Но были письма совершенно иного характера, в которых передавались различные тайны различных правительств и подробно сообщалось о готовящихся законопроектах и мероприятиях величайшей важности; одни из них приветствовались «великими во Израиле», а другие осуждались... Излагались целые программы с указанием, как нужно действовать относительно правительства того или другого государства. Читая эти письма, мне стало ясно, какая страшная сила сосредоточена в руках евреев и как они пользуются ею во вред всего человечества! Рассеянные по всему земному шару, они крепкой сетью опутали все государства и, подобно пауку, высасывают все здоровые соки из своих жертв без остатка... Но что меня больше всего возмущало — это та страшная ненависть и то высокомерное презрение, которыми были проникнуты эти послания ко всему нееврейскому!.. Кто мог бы подумать, что он, этот безграмотный жидок, держит в своих руках все нити европейской политики, что ему известны все тайны европейских правительств, что он, своей ничтожной особой, представляет собою одного из выдающихся деятелей сильнейшей в мире организации, именуемой всесветным кагалом!.. Но Бог с ними, с этими еврейскими корреспондентами реб Боруха, которые сообщали ему, как еврейство подкапывается под нравственность, благосостояние и религию чуждых мне государств и народов; но каково было мне узнать, как орудует всесветный еврейский кагал во вред моего отечества?.. И какими средствами обладали эти подпольные деятели, эти кроты, работавшие в своих норах и щелях!» (Там же. С. 448—449). ' Бутми (Кацман, Георгий Васильевич, 1856 —после 1917) — ультраправый идеолог и публицист, один из создателей и наиболее активных руководителей Союза русского народа и Союза Михаила Архангела,

124

ских мудрецов» актуализируются, наконец, все мыслимые антинаполеоновские, антизападнические и антисемитские общие места ультраконсервативного крыла русской литературы. В «Протоколах» произошло окончательное сращение мысли об антихристе франко-либерально-революционного происхождения с мыслью о тайной организации мирового еврейства. Парижский саннедрин окончательно «обрусел» лингвистически и превратился в мудрецов Сиона, а его до смехотворного беспомощные материалы — в зловещие «протоколы», и до сих пор

пугающие русский слух.

Великий Саннедрин, жалкая политическая однодневка, нисколько не помог Наполеону в его восточном походе. Зато его русский вариант-издатель «канонической» версии «Протоколов сионских мудрецов». См. его юдофобские публицистические работы: Бутми Г. Враги рода человеческого. СПб.: Типография училища глухонемых, 1907; Иудеи в масонстве и революции. СПб.: Типография училища глухонемых, 1906; Конституция и политическая свобода. СПб.: Типография училища глухонемых, 1906.

Нилус Сергей Александрович (1862-1929) — ультраконсервативный православный публицист и писатель, публикатор и комментатор «Протоколов сионских мудрецов», искренне веривший в существование мирового иудейского заговора. С 1990-х гг. новая русская правая идея почитает его как правдоискателя, святого и страстотерпца. О его неприглядной роли в распространении самого чудовищного юдофобского мифа XX столетия см. в кн.: Кон Н. Благословение на геноцид: Миф о всемирном заговоре евреев и протоколах сионских мудрецов. М.: Рудомино, 2000; BRONNER S.E. Contextualizing the mystery: A Rumor about the Jews: Reflections on Anti-Semitism and the «Protocols of the Learned Elders of Zion». New York: St. Martin's Press, 2000; СКУРАТОВСКИЙ В. Л. Проблема авторства «Протоколов сионских мудрецов». Киев: Дух и литера, 2001; см. нашу рецензию на новые публикации по этой проблеме: PETROVSK Y-SHTERN Y. Three Approaches to the Protocols of the Elders of Zion // Kritika. 2003 Vol. 4, № 2. Ср. с агиографической публикацией о Нилусе: Сергей Александрович Нилус, 1862— 1929: жизнеописание / Сост. С. М. Половинкин. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. См. также агиографического характера комментарии А. Н. Стрижева к изданию собрания сочинений Нилуса. Замысловский Георгий Георгиевич (1872-?) — прокурор, член Государственной думы, один из организаторов и руководителей Союза русского народа, яростный антисемит. Выступал гражданским обвинителем на процессе Менахема-Менделя Бейлиса в Киеве (1911), обвиненного в ритуальном убийстве христианского мальчика Андрюши Ющинского.

125

ант— «мудрецы Сиона», фальсифицированные охранителями и ими же институционализированные «враги рода человеческого» (по образному выражению Буши), весьма поспособствовал наиболее ультраконсервативным европейским силам и в борьбе за власть, и в словесно-пропагандистском оформлении образа абсолютного врага, и в идеологической артподготовке к Холокосту. И точно так же, как и в «Объявлении» 1807 г., определение врага, его идеологии, его методов, его пособников и его целей оказалось ложным. За десять лет до антигерманской кампании в Великой войне (как в свое время именовали Первую мировую) и за год до русско-японской, в числе первых и главных врагов России оказались не Германия и Япония, а евреи и Франция. Оглушенная антисемитизмом охранительная мысль испуганно тыкала российской геополитике на тайный еврейский саннедрин, схоронившийся в мистических лабиринтах парижских катакомб, так и не приучив ее рационально оценивать и серьезно изучать эмпирическую действительность. Более того — сто лет спустя она столь же усердно продолжает навязывать консервативному русскому мнению все тот же набивший оскомину «протокольный» миф о евреях-врагах³⁴. В результате происходит — и продолжает происходить — то, о чем проницательно говорил Ханс Роггер: «Антисемитизм лишает русскую консервативную мысль живучести, подвижности и привлекательности»³⁵.

³⁴ Из новейших вариаций на «протокольную» тему (если только плагиат считать вариацией) назовем следующие: БЕГУНОВ Ю. К. Тайные силы в истории России: Сб. статей и документов. М.: Изд-во газеты «Патриот», 2000; Дьяконов Ю. А. Пятая колонна в России. М.: Москвитянин, 1995; КАР-МУРЗА С. Г. Евреи, диссиденты и еврокоммунизм. М.: Алгоритм, 2001; КОРЧАГИН В. И. Суд над академиком. М.: Витязь, 1996; ПУГАЧЕВ Г. Еврейский фашизм в России. М.: Витязь, 1998; СЕВАСТЬЯНОВ А. Н. Чего от нас хотят евреи. М.: Национальная газета, 2000; СЕЛЕЗНЕВ И. А. Тайны российской истории XX века. Краснодар: Советская Кубань, 1998; СИБИРЯНИН Р. А. Следы зверя в истории России. М.: Витязь, 1998; ШУЙСКИЙ В. Россия — боль родная. Кимры: Тверские ведомости, 1997.

³⁵ «Judeophobia.. robbed Russian conservatism of vitality, dynamism and appeal» (ROSENBERG H. Jewish Policies and Right-Wing Politics in Imperial Russia Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1986. P. 107).

МИХАИЛ ДОЛБИЛОВ (ВОРОНЕЖ)

ПОЛОНОФОБИЯ

И ПОЛИТИКА РУСИФИКАЦИИ

в северо-западном крае империи в 1860-е гг.

ИСТОРИЯ РУССКО-ПОЛЬСКОГО этнического и этнокультурного взаимовосприятия, выраженного в символических стереотипах и знаковых представлениях о «другом», имела свои собственные ло-

гику и ритм, которые не всегда совпадали с ходом развертывания политических событий. В настоящей статье речь пойдет о русских, а точнее было бы сказать — имперских стереотипах поляка-врага именно в один из самых грозных периодов военного и политического столкновения России и Польши, каким было Январское восстание (1863-1864). •

Выбор сюжета, учитывая исследовательские тенденции последнего десятилетия, трудно счесть оригинальным. Тема культурной «инакости» все более овладевает умами гуманитариев, и проблематика русско-польских отношений не составляет исключения. В изучении этнофобий, особенно в регионе Восточной Европы, есть, пожалуй, нечто магическое и завораживающее для исследователя. Проявления межэтнической неприязни, недоверия и ненависти — щекотливые, конфликтогенные феномены, о которых в «хорошем обществе» долгое время было не принято упоминать, а то и вовсе запрещено рассуждать. Отчасти поэтому теперь специализация в этой области стала достаточно распространенной. Само уже обращение к анализу этнофобий служит как бы намеком на наличие у ученого первоклассного методологического и интерпретативного инструментария, удостоверением его эпистемологической смелости и независимости. Не случайно «фобии» сейчас в явно большем почете, чем «филии».

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке фонда Gerda-Henkel-Stiftung (ФРГ) специальная программа для историков Беларуси, Молдовы, России и Украины, проект AZ 05/SR/03? и «Института Открытое Общество. Фонд Содействия», конкурс «Гранты на поездки» 2001 г., грант № НАТ179. Автор благодарит Л. Е. Горизонтова за ряд ценных замечаний, высказанных при обсуждении первоначальной версии данной статьи.

127

В то же время весьма бурный прорыв прежнего молчания сказался на предпочтении одних аспектов этнофобий другим. Освещение в новейшей исторической литературе полонофобии в Российской империи — один из типичных примеров такого рода. Внимание историков сосредоточивается на наиболее броских манифестациях антипольского нарратива в России, прежде всего третьей четверти XIX в., на различных версиях националистической доктрины о неизбывной чуждости, цивилизационном разломе, непримиримом духовном и религиозном противостоянии русского и польского начал. Объектом изучения становятся, как правило, великолепные по исполнению публицистические тексты М. Н. Каткова, М. П. Погодина, И. С. Аксакова, Ю. Ф. Самарина и других профессиональных интеллектуалов, идеологов «русского дела». В них заключена изобретательная и откровенная аргументация постулата об историческом превосходстве России над Польшей, и с этой точки зрения подобные писания предоставляют богатый материал для осмысления истоков и самолегитимации русского национализма¹. Однако основанный на них подход к постижению полонофобии как дискурсивного процесса имеет свои недостатки. Артикули-рованность позиций идеологов-полонофобов обычно дает повод видеть в них «зрелое», откристаллизовавшееся воплощение массовых общественных эмоций. Не касаясь здесь сложного вопроса

о том, насколько усваивалась широкой аудиторией изощренная, отмеченная индивидуальной писательской манерой риторика Самарина или Каткова (и о том, можно ли толковать буквально, принимать за чистую монету декларации об абсолютной чуждости поляков русским), подчеркну, что вербальная репрезентация этностереотипа не всегда бывает самой доходчивой и выпуклой. Этностереотип может и должен быть исследован в других своих ипостасях — в поведенческих схемах, например, публичных жестах по отношению к «другому», в символически окрашенных административных акциях, не говоря уже о его визуальном воплощении в изобразительном искусстве, сценических постановках. Мне представляется, что лишь через выявление взаимосвязей этих различных граней образа «другого» может быть раскрыт собственно процесс этностереотипизации, с его спадами и подъемами.

Данная задача побуждает меня ограничить объект исследования конкретными мероприятиями, повседневной практикой имперской администрации т. н. Северо-Западного края — генерал-губернаторства с центром в Вильне, состоявшего из шести литовских и белорусских губерний. (Взятый вместе с тремя губерниями Правобережной Украины, этот регион официально именовался Западным краем, а в польской традиции фигурировал как «кресы», или «забранные земли».) Спор об исконной принадлежности этих обширных земель придавал в XIX в. русско-польскому соперничеству весьма вместительное символическое измерение, в котором проти-

128

бернаторства с центром в Вильне, состоявшего из шести литовских и белорусских губерний. (Взятый вместе с тремя губерниями Правобережной Украины, этот регион официально именовался Западным краем, а в польской традиции фигурировал как «кресы», или «забранные земли».) Спор об исконной принадлежности этих обширных земель придавал в XIX в. русско-польскому соперничеству весьма вместительное символическое измерение, в котором проти-

востояли друг другу русские и польские (или российские и речьпос-политные) мифы о славном прошлом и желанном будущем. Впечатляющий пафос нарратива о «польскости» Западного края, отнюдь не зачахший после разгрома восстания 1830-1831 гг., заставлял имперскую власть мобилизовывать максимум мифотворческих способностей, так что порой рутинная бюрократическая переписка оборачивалась трансляцией символического послания. Эту специфику администрирования применительно к служебному конвенциональному языку отметил в 1868 г. (с неодобрением, естественным в противнике крайностей русификации) министр внутренних дел П. А. Валуев: «Официальная переписка сохраняет весьма заметный литературный оттенок, — докладывал он императору накануне своей отставки в специальном меморандуме о Западном крае. — Губернаторские отчеты за 1866 год писаны тем самым языком, каким писались отчеты за 1863 и 1864-й, вслед за подавлением мятежа»². Иными словами, риторика «русскости» и, в более широком смысле, ее символическая репрезентация почитались местными чиновниками — а не только столичными публицистами — за прямую обязанность даже спустя три года после умирения восстания.

Влияние, оказанное практикой управления Северо-Западным краем, ее бюрократическими приоритетами на конструирование этнокультурной идентичности русских, на соотношение этнических, конфессиональных, социальных, региональных, даже возрастных и семейно-брачных критериев в имперском понятии о поляке, начало серьезно изучаться совсем недавно, и достигнутые результаты, в первую очередь в работах Л. Е. Горизонтова, В. Родкевича, Д. Сталюнаса, Т. Викаса, обнадеживают³. Проблема полонофобии тем настоятельнее требует использования этого подхода, что именно

² Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 908, оп. 1, д. 104, л. 93з об.

³ Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX — начало XX в.). М., 1999. С. 100-190; Rodkiewicz W. Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863-1905). Lublin, 1998; Stalibinas D. «The Pole» in the Policy of the Russian Government: Semantics and Praxis in the Mid-Nineteenth Century // Lithuanian Historical Studies.. 2000. Vol. 5. P. 45-67; Weeks T.R. Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863-1914. 129

наблюдения за административным *процессом* русификации, за функционированием русификаторских механизмов стимулируют пересмотр традиционного, хотя и не всегда ясно формулируемого, мнения об этностереотипах как статичном и константном слежке с этнического самосознания.

Подобной односторонностью особенно грешат культурологические исследования в области русско-польского взаимовосприятия. Среди них стоит выделить книгу А. Кемпиньского «Лях и москаль. Из истории стереотипа». Опираясь на анализ отражения стереотипов преимущественно в беллетристике и мемуарной литературе, Кемпиньский вписывает их в систему бинарных оппозиций аксиологической сферы группового сознания. В книге убедительно раскрывается взаимосвязь русско-польских авто- и гетеростереотипов (представлений о себе и представлений о другом) с образным строем мышления, с поэтикой национальной ментальное™, но в то же время она демонстрирует познавательные изъяны семиотического метода. Выводы автора о том, что стереотипы были «лишь субъективным выражением ментальных представлений данной общности, вытекающих из ее внутреннего этоса и редуцированных до простейшей культурной антитезы» и др. — вряд ли могут удовлетворить историка⁴. Из этой картины почти полностью устраняются прихотливая динамика этнокультурных образов, их смысловая многозначность и смыслопорождающие свойства. Тот же русский образ поляка-врага, отчетливо обрисовавшийся в общественном сознании (при всей условности термина в контексте эпохи) после событий Смутного времени XVII в., вовсе не стал впоследствии за-

DeKalb: N. Illinois Univ. press, 1996. P. 70-109; Weeks T. R. Russification and the Lithuanians, 1863-1905 // Slavic Review. 2001. Vol. 60, № 1. P. 96-114. Мою трактовку тех же и близких им сюжетов см.: Долбилов М. Д. Конструирование образов мятежа: Политика М. Н. Муравьева в Литовско-Белорусском крае в 1863-1865 гг. как объект историко-антропологического анализа // Actio Nova 2000: Сб. статей / Под ред. А. И. Филюшкина. М., 2000. С. 338-408.

⁴ KspiflSKi A. Lachimoskal. 2dziejowstereotypu. Warszawa; Krakow, 1990. S. 180. Работа по сходной теме А. Гизы представляет собой серию популяризаторских очерков: G i z A. Polaczkanie i moskale. Wzajemny oglad w kr2uwym zwierciadle (1800-1967). Szczecin, 1993. В последние годы опубликован ряд тематических сборников, в которых зачастую культурологический и литературоведческий подход к проблеме этностереотипов доминирует над историческим: Поляки и русские: Взаимопонимание и взаимонепонимание / Сост. А. В. Липатов, И. О. Шайтанов. М., 2000; Polacy a Rosjanie = Поляки и русские / Pod red. T. Epszteina. Warszawa, 2000; Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000.

стывшим манекеном и претерпел сложную эволюцию даже за сравнительно короткий промежуток времени между двумя польскими восстаниями XIX в.

Может быть, ярче всего динамика русской полонофобии заявила о себе вот в каком видимом парадоксе. Военно-стратегическая угроза, которой подверглась Российская империя со стороны восставших поляков в 1831 г., была страшнее, чем в 1863 г. Это соотношение не слишком изменится, если принять в расчет опасность вмешательства западноевропейских держав: в 1863 г. эта мрачная перспектива выглядела реалистичнее, чем тридцатью годами ранее, но и тогда подобные страхи в сознании имперской элиты были вполне ощутимы. (Достаточно вспомнить апокалиптическую по звучанию «Мою исповедь» Николая Р.) То, что в литературе именуется польским восстанием 1830-1831 гг., или Ноябрьским восстанием, было по сути настоящей войной, конфронтацией двух армий, с битвами, сопоставимыми по числу потерь со сражениями Отечественной войны 1812 г. Как показано в новейшем исследовании Ф. Кагана, события в Польше, наложившись на последствия турецкой кампании 1828-1829 гг., серьезно ослабили уверенность Николая I в людских ресурсах России и побудили императора поднять в кругу ближайших советников вопрос о коренном несовершенстве рекрутской системы комплектования армии⁶. В известном смысле, впечатление самодержавия от восстания 1831 г. в чем-то предвосхищало смятение, пережитое после крымского поражения.

В 1863—1864 гг. военная ситуация как таковая была гораздо благоприятнее для имперской власти. Против нее выступила не регулярная армия под командованием опытных генералов, а так называемая «партизантка», боевой единицей которой являлся, как правило, разношерстный и кое-как вооруженный отряд (по официальной терминологии, шайка или банда). Диверсионные действия этих отрядов в тылу русских войск и партизанский террор против мирного населения, конечно же, вызывали испуг и сеяли панику, но все-таки мало кто из современников считал повстанческое движение способным без европейского вмешательства нарушить территориальное единство империи.

И тем не менее взрыв антипольских настроений в разнородных слоях русского общества, интенсивность мифотворчества (как профессионального, так и дилетантского) на тему цивилизационной вражды между Россией и Польшей оказались заметно сильнее, чем при Николае I.

Кажущаяся неадекватность «русского»

⁷Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. М., 1996. Кн. 2. С. 291-294.

⁶KAGAN F. W. The Military Reforms of Nicholas I: The Origins of the Modern Russian Army. New York: St. Martin's Press, 1999. P. 209-221, 238-241.

131

восприятия событий созданной поляками непосредственной угрозе расценивается нередко историками как доказательство особой агрессивности русского национализма. Так, автор недавнего польского исследования пишет о царившем в России в 1863 г. «настроении истеричного страха», который «позволял трактовать неравный бой одной из мощнейших европейских армий против ополчения интеллигентской, шляхетской и ремесленной молодежи в категориях смертельной схватки, от которой могли зависеть судьбы всей империи»⁷.

В чем же были причины такой революции полонофобии в 1863 г.? Мне кажется неверным искать ответ на этот вопрос, исходя из представления вообще об этнических фобиях как какой-то изначально данной, самодостаточной и «исчислимой» субстанции национального менталитета, развивающейся по собственным внутренним законам, сегодня спонтанно убывающей, завтра прибывающей и т. д. Полагаю уместным процитировать здесь слова издателя «Северной пчелы» и осведомителя III Отделения Ф. В. Булгари-на — поляка по происхождению, но верного слуги имперской власти. Еще в 1828 г., рассуждая о перспективах интеграции поляков в российский государственный организм, он высказал небесспорную, но смелую и плодотворную — по крайней мере, для позднейших исследователей — мысль: «Под именем России они [поляки] воображают себе какой-то фантом, *привидение*, от которого произошли все бедствия Польши, и за долг и честь почитают не любить России. ...[Но] ненависть к России существует в одном воображении, есть следствие политических правил, а не сердечных побуждений»⁸. Перефразируя, я сказал бы, что ненависть поляков к России оставляла у Булгарина впечатление некоторой искусственности, натяжки, навязчивого сценария, соблюдения обязательств поневоле.

С тем же, если не большим (что не значит полным!), основанием это замечание можно отнести к феномену, обратному польской русофобии. Это и есть та гипотеза, проверке которой посвящена данная статья. Полонофобия в имперской России будет рассмотрена как управляемый и направляемый процесс, но не самодовлеющее порождение массового сознания/подсознания. Она,

как видится мне, не столько питала стихийной энергией ненависти русский национализм, сколько целенаправленно конструировалась более или менее националистически ориентированными деятелями. Ме-

'GLEEVOCKI H. Op. Cit. S. 262.

⁸ Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение. М., 1998. С. 338.

Конечно, при оценке этого тезиса надо сделать поправку на искреннее желание Булгарина, обращавшегося к высшим правительственным лицам, представить своих соотечественников в столь можно более выгодном свете.

132

рой ее динамики предлагается считать степень чувствительности культивируемых на известный момент стереотипов поляка к социальным и политическим проблемам общеимперского масштаба. Ниже будет освещен лишь один из аспектов подобной стратегии полонофобии — манипулирование стереотипами Польши и поляка в деятельности бюрократов и публицистов, чьей ближайшей задачей было придание имперской власти в зоне русско-польского этнокультурного фронта более современного национального облика, утверждение ее «русскости». Я вполне осознаю, что предлагаемый ракурс анализа довольно узок и тематически и географически. Как бы то ни было, именно этот угол зрения дает возможность уловить движение столь эфемерной материи, какой были и являются эт-ностереотипы, избегая интуитивных генерализаций и опираясь на привычные для историка первичные эмпирические источники.

1. ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН 1861 Г. КАК СТИМУЛ К РУСИФИКАЦИИ

При оценке глубины и интенсивности антипольских чувств в России в период Январского восстания никак нельзя упускать из виду влияние на них освобождения крестьян в 1861 г. — фактора исключительной значимости для политики в «польском вопросе», о котором в 1831 г. усмирители тогдашнего восстания не могли и помыслить. В литературе крестьянская реформа 1861 г. и подавление польского восстания с продолжившей его русификацией зачастую едва ли не противопоставляются друг другу как органически несовместимые свершения русского правительства. Суждения исследователей по этому предмету сопровождаются фигурой несколько наигранного удивления: до чего же непоследовательна была власть — крестьян освобождали, а поляков притесняли!⁹ Однако такое противоречие лежит на поверхности событий и прикрывает собой один из действеннейших механизмов полонофобии.

Реформа 1861 г., в ее качестве волевого акта государственной власти, была прямым порождением дискурса группы людей, которых историки обычно квалифицируют как либеральных бюрократов. Другая ипостась ускользает, как правило, от внимания: эти лица уже в период подготовки освобождения крестьян были горячими националистами. И в самом деле, трудно вообразить, чтобы яростный «антиполонизм» того же Н. А. Милютина, вдохновлявший самые радикальные проекты русификации коренной Польши, родился в одночасье в поезде, который вез его из Петербурга в Варшаву в октябре 1863 г. Логика национализма начала овладевать мышлением

⁹ См., напр.: ЗАХАРОВА Л. Г. Начало Великих Реформ [Предисловие] // Милютин Д. А. Воспоминания. 1860-

1862. М., 1999. С. 6-7.

133

деятелей милютинского круга намного раньше — еще в конце 1840-х гг., в ту пору, когда будущие реформаторы и русификаторы составляли сплоченную команду в Русском географическом обществе. Как показано в исследовании Н. Найта, в ходе борьбы между «русской» и «немецкой» фракциями в РГО первая из них (включавшая в себя апостолов русификаторской политики в 1860-х гг. братьев Милютиных и М. Н. Муравьева) отстаивала националистически мотивированное видение науки. Особенно это проявилось в этнографической программе РГО, нацеленной на выявление национального измерения имперского строя, обнаружение и демонстрацию самобытной народной основы имперского государства¹⁰. При такой постановке дела снаряжение заурядной экспедиции для сбора, например, фольклорного материала в среде крепостного населения подразумевало необходимость социальной реформы. В свою очередь, последовавшая наконец отмена крепостного права знаменовала решительный шаг в реализации амбициозного проекта нациостроительства.

В самое последнее время исследователи «окраинной» политики в Российской империи второй половины XIX в. доказывают, что активизация русского нациостроительства и вычленение национального ядра в населении империи были вообще неизбежны при проведении Великих реформ. Реформы, таким образом, осуществляли сдвиг от сословно-династической модели построения государства к принципам nation-state. Указывая на эту связь, П. Верт подчеркивает, что модернизация 1860-х гг. «не означала непременно принятия brutальной и притеснительной

политики культурной русификации. Но в той мере, в какой русские теперь определялись как «коренное население» и даже «господствующее население», новая ориентация все же представляла потенциальную угрозу для нерусских, которые могли быть низведены до статуса этнических и конфессиональных меньшинств»¹¹. В основе этого суждения лежит представление о Великих реформах как более или менее едином проекте, объективно нацеленном на ликвидацию сословного партикуляризма и распространение современной концепции гражданства (сам «статус» этнического меньшинства — это, строго говоря, феномен, незнакомый империи и обусловленный существованием статуса полноценного гражданина на-

¹⁰ K N i g h t N. Science, Empire and Nationality: Ethnography in the Russian Geographical Society, 1845-1855 // Imperial Russia: New Histories for the Empire / Ed. by J. Burbank, D. Ransel. Bloomington, Indiana: Indiana Univ. press, 1998. P. 132.

"WERTH P. At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga — Kama Region, 1827-1905. Ithaca; London: Cornell University Press, 2002. P. 135.

134

ционального государства). Не рискуя делать подобных обобщений о преобразованиях эпохи Александра II, я хотел бы отметить специфический вклад, внесенный в имперский дискурс национализма именно освобождением крестьян. В ближайшей перспективе эта реформа создавала условия для развития национализма не только и, пожалуй, не столько как движения в нарождающемся гражданском обществе, сколько как структуры самоидентификации бюрократической элиты — главных творцов реформы — с «открываемой» ею народной массой, основой будущей нации. Националистический дискурс такого рода мог даже упрочивать — по крайней мере, в глазах элиты — присущую имперскому строю сословную замкнутость и обособленность крестьянства, наделяя ее новыми смыслами — чистоты и натуральности социальной почвы, устойчивости народного традиционализма, антропоморфной общности. И само законодательство 19 февраля 1861 г., и социально-политическое мифотворчество вокруг него развертывали целый ряд эмблематических топосов, присущих национализму на ранней, романтической стадии. Среди них — пробуждение народной массы от векового сна¹², воссоздание цельности народного тела, мобилизация внутренних сил общественного организма, постижение забытых было традиций. Торжественно провозглашенная цель реформы — создание крестьянской земельной собственности — не случайно толковалась как восстановление исторической, исконной связи земледельца с землей. Крестьянское право собственности на землю представало не только европейской юридической нормой, обращенной в будущее, но и принимало значение древней отечественной традиции, возрождаемой благодаря чуткости законодателя к исторической памяти народа. Хотя правовой статус крестьянина-собственника, как известно, не влек за собой действительной свободы распоряжения землей, идея воссоединения крестьянства с землей предков оказывала немалое воздействие на сознание правящих- кругов (в большей степени, чем самих крестьян). Широко употреблявшееся для обозначения крестьянских наделов понятие «оседлость», в сочетании с образом пробуждающейся крестьянской массы, приобретало смысловой оттенок автохтонности. «Оседлый» крестьянин выступал не просто «исконным» земледельцем, но и жителем этой земли, укорененным в ней, по праву первопоселенца, глубже всех других. «Мы строили не на песке, а докопались до самого матери-

¹² О роли метафоры пробуждения от сна в европейских национальных движениях см.: АНДЕРСОН Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 211-213.

135

ка», — так в письме Н. А. Милютину выразил свое понимание сути реформаторской миссии один из творцов эмансипации Ю. Ф. Самарин¹³. Эта тема автохтонности, подспудно связанная с решением земельного вопроса в ходе реформы (именно она порождала смутные, но, возможно, самые навязчивые страхи дворянства), была особенно значима для осмысления ситуации в западных губерниях¹⁴.

Все эти понятия и топики — почва, истоки, органическая целостность, возрождение, ключевой образ воссоединения народной массы с землей, открытие «материка» — явственно очерчивали структуру националистического мышления. С этой точки зрения реформа 1861 г. была испытанием логики и мифологии национализма в социально-аграрной сфере, вне — *пока еще* вне — поля межэтнических проблем.

Националистические тенденции авторов крестьянской реформы обнаружили себя — правда, уже на завершающем этапе законотворчества — и непосредственно в отношении «польского вопроса». В апреле 1860 г. генерал-губернатор Юго-Западного края (Киевская, Подольская и Волынская

губернии) И. И. Васильчиков, симпатизировавший бюрократической команде Н. А. Милютина и сотрудничавший с нею в деле реформы губернской администрации¹⁵, направил в Редакционные комиссии записку-предупреждение. Он призывал законотворцев учредить в украинских губерниях немедленный и обязательный выкуп крестьянских наделов в собственность не отдельных дворов, а общины (громады): это составило бы «надежный оплот и народному праву, и спокойному развитию здешней страны в общей связи с остальной семь-ей русских областей». С удвоенным жаром Васильчиков писал о необходимости обязательного выкупа в декабре 1860 г., выражая опасение, что «враждебное правительству польское дворянство воспользуется неудовольствием народа, чтобы навсегда отвлечь сочувствие масс от правительства и перетянуть их на свою сторону». Реформаторы в лице Ю. Ф. Самарина согласились с Васильчиковым в том, что «весьма бы желательно было, чтобы правительство, на котором доселе сосредоточивались все надежды

¹³ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), Ф. 265, к. 142, № 12, л. 29 об. (копия письма от 11 ноября 1861 г.).

¹⁴ См. подробнее: DOLBILOV M. The Emancipation Reform of 1861 in Russia and the Nationalism of the Imperial Bureaucracy // Construction and Deconstruction of National Histories in Slavic Eurasia: Proceedings of the 2002 Summer International Symposium Research Center. Sapporo: Hokkaido University, 2003 P. 205-235.

¹⁵ S T A R R S. F. Decentralization and Self-Government in Russia, 1830-1870. Princeton, NJ, 1972. P. 166-172.

136
крестьян, и в этом случае не допустило дворянство опередить себя», особенно если «дело дойдет до политического замысла»¹⁶. И хотя принцип обязательного выкупа не был введен тогда же в «Местное положение» для Правобережной Украины (это произойдет только в 1863 г.), тезис Васильчикова о политической оппозиционности местного дворянского сословия в целом его составе явно встретил понимание у лидеров Редакционных комиссий еще весной 1860 г.

Еще определеннее недоверие Милютина к дворянству западных губерний как целой корпорации проявилось в январе 1861 г., в связи с обращением предводителей дворянства Виленской и Ковенской губерний в МВД с ходатайством — подвергнуть скорейшей ревизии проекты Редакционных комиссий для Литовского края, будто бы угрожавшие местным помещикам полным разорением. Ходатайство вызывало тем большее беспокойство, что поступило в столицу накануне прений по крестьянскому делу в Государственном совете и что его, пусть и с некоторыми оговорками, поддержал виленский генерал-губернатор В. И. Назимов. В разборе ходатайства, который лег в основу всеподданнейшего доклада министра внутренних дел С. С. Ланского, Милютин без экивоков связал замысел дворян не столько с помещичьей корыстью вообще, сколько с польским сепаратизмом. Реформа же открыто признавалась чем-то вроде перспективной инвестиции в лояльность народной массы, противопоставленную шляхетской неблагонадежности. Лишь наделение земель, писал лидер реформаторов, «может обеспечить литовских крестьян, сделать их не только по закону, но на самом деле вышедшими из крепостной зависимости от польских помещиков, что в то же время привяжет их чувством благодарности к правительству... Это обстоятельство весьма важно в настоящее время, при заметном политическом возбуждении умов в польском дворянстве». Эта характеристика дворянства подчеркивалась намеком на восприимчивость к польскому влиянию самого Назимова, который «смотрит иначе [чем МВД] на положение вещей, вопреки собственным мнениям, представленным им в прежнее время по крестьянскому делу»¹⁷.

¹⁶ САМАРИН Ю. Ф. Сочинения. М., 1911. Т. 4. С. 351-371; РГИА, Ф. 1180, оп. т. XV, д. 121, л. 247-250 об., 267-274 об.

¹⁷ РГИА. Ф. 869, оп. 1, д. 517, л. 5 об.-б. Чрезвычайно характерно использование Милютиным этнической терминологии при описании взаимоотношений помещиков и крестьян в Северо-Западном крае. Еще годом ранее Редакционные комиссии, проектируя «Положение» для северозападных губерний, избегали употребления этнонимов; теперь же соседство слов «литовские» (крестьяне) и «польские» (помещики) начинается

137

Удаление весной 1861 г. Милютина из МВД и назначение во главе министерства П. А. Валуева изменили распределение ролей между центральной и виленской администрациями в этом вопросе. Валуев завязал довольно интенсивные контакты с видными дворянскими деятелями Северо-Западного края, особенно минским предводителем А. Лаппой и гродненским предводителем В. Старжинским, которые ратовали за предоставление Литве (в ее значении «восточной провинции» бывшей Речи Посполитой) региональной культурно-языковой автономии. Такая льгота должна была заложить новую основу для союза между монархией и польской землевладельческой элитой. Валуев довольно осторожно высказывался в пользу сближения власти с польской аристократией,

но обострение разногласий между ним и Назимовым по проблемам управления западной окраиной обращало взоры лидеров этого дворянского, «белого» политического движения именно на МВД, Назимов между тем резко разочаровался в своих симпатиях к местному дворянству (ниже этот предмет еще будет затронут) и, словно реагируя на критику со стороны прежнего руководства МВД, выказал решимость сопротивляться расширению привилегий шляхты, установив летом 1861 г. военное положение в тех местностях Северо-Западного края, где вслед за Варшавой произошли политические беспорядки¹⁸.

Разрыв генерал-губернатора с польской знатью сопровождался бурным приливом веры, точнее — демонстрации веры в народную массу, в местное крестьянское население. Не говоря уже о стремлении Назимова улучшить экономические условия освобождения крестьян литовских губерний (именно он инициировал введение в Северо-Западном крае обязательного выкупа в марте 1863 г.), за короткий срок, буквально на глазах, претерпевают разительную трансформацию культивируемая властью концепция крестьянства и символически значимые (а не просто тактически обусловленные) способы изображения и описания крестьянского населения западной периферии империи, принимать оттенок конфронтации. Не исключено, впрочем, что в данном контексте словом «литовские» обозначены не только этнические литовцы, но и проживавшее в «литовских» губерниях восточнославянское крестьянство. В таком случае использование этого термина говорит о том, что даже националистически настроенные бюрократы еще не были готовы решительно определять православную часть крестьянства «литовских» губерний как население «издревле русское». Как бы то ни было, «польскость» местного дворянства акцентируется в 1860 г. со всей определенностью.

18 Staliunas D. Litewscy bialy i wiijadze carskie przed powstaniem styczniowym: mbKdzy konfrontacja a kompromisem // Przegląd Historyczny. 1998. T. LXXXIX, zesz. 3. S. 383-401.

138

Риторика самого Назимова позволяет отследить эволюцию такого восприятия. В служебной записке, составленной, очевидно, в первой половине 1862 г., генерал-губернатор оценивает состояние крестьянства при помощи неутешительной метафоры летаргии, драматически подчеркивая его вероисповедную индифферентность: «...Если русское [т. е. преимущественно белорусское. — М. Д.] население в Западных губерниях нельзя еще назвать отжившим свой век, то не ошибемся, когда скажем, что в нем жизненная сила еще не пробудилась, скажем более — чувства народной самобытности находятся в таком безотрадном летаргическом усыплении, что вслед за наступающим пробуждением он [народ] с равною готовностью последует как за русско-православною, так и за польско-католическою пропагандою»¹⁹. Крестьянство выглядит здесь пассивным и безразличным к собственной судьбе — косная, вязкая среда.

Но проходит не так много времени, и эта трактовка крестьянства начинает вытесняться иной. В октябре 1862 г. Назимов представил Валуеву доклад о намерении минского дворянства обратиться к императору с прошением о включении губернии в состав Царства Польского. Резко осуждая задуманную сепаратистскую манифестацию и требуя ее пресечения, он отмечал, что польское дворянство не имеет никакого права «говорить открыто от лица огромных масс русского населения, разъединенного с ним вековою враждою во имя народных, религиозных и сословных интересов...». Это высказывание наделяет «народ» свойствами сознательной и одушевленной стихии: пробуждение явно состоялось, и организм пришел в движение. Правительство вместо зыбкой трясины должно почувствовать под ногами твердую опору: «Нет никакого сомнения, что в борьбе этой [с польскими злоумышленниками. — М. Д.] правительство одержит верх, имея на стороне своей народ и право, основанное на исторической истине»²⁰.

И, наконец, в марте 1863 г. в трактовке Назимовым местного крестьянства прорезаются поистине апологетические ноты: «Русский элемент, как во время бывшего владычества поляков в этом крае, так равно и впоследствии, по возвращении оного под державу Российскую... сохранился доньше во всей своей чистоте и неприкосновенности. Католицизм и Уния, отторгнув его от лона Православной Церкви, успели разъединить его с русскою народною

¹⁹ ОР РГБ Ф. 169, к. 42, № 2, л. 41-41 об. Сп.: Staliunas D. Litewscy bialy i wtadze carskie... S. 392.

²⁰ Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863-1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Вильна, 1913. Ч. 1. (Виленский временник; Кн. VI). С. 434, 435.

139

семьею в отношении только одних религиозных убеждений и верований... но не коснулись ни его нравов и обычаев, ни самобытности народного характера, притупленного, но не погасшего в массах русского населения»²¹. Теперь в крестьянстве усматривается исток и кладезь некоей витальной энергии, сохранившейся едва ли не чудом под чужеземным гнетом.

Другим свидетельством переосмысления образа крестьянства в среде местной власти могут выступить донесения виленского жандармского штаб-офицера А. М. Лосева начальнику III Отделения в январе — апреле 1863 г. (вскоре Лосев станет одним из доверенных сотрудников преемника Назимова — М. Н. Муравьева). В середине января 1863 г., сообщая в Петербург об угрозе распространения мятежа на западные губернии, виленский резидент корпуса жандармов предрекал «самую кровожадную партизанскую войну» и предостерегал: «На крестьян надежда плохая; это стадо баранов, а пастухи этого стада — посредники [имеются в виду мировые посредники, в большинстве своем польские помещики. — М. Д.], старшины и писаря — как известно, первые пропагандисты революционной идеи». Спустя три месяца, в рапорте о действиях крестьян-старообрядцев в Динабургском уезде, захвативших в плен целый отряд повстанцев, Лосев не просто склоняется к иному заключению, но изменяет в корне смысловую структуру суждения о крестьянстве: «Динабургские мужички доказали, где сила Правительства, — это в массе народа. Отчего бы повсеместно этой силой не воспользоваться и тем самым заявить пред Европой настоящее положение нашего западного края?»²² «Стадо баранов» оборачивается «массой народа»!

Этот переворот в восприятии, повторю еще раз, был столь разительным, что не может быть сведен к простому отражению, индукции или сумме рационально-логических наблюдений чиновников и военных, участвовавших в подавлении восстания. М. Н. Муравьев, назначенный генерал-губернатором в начале мая 1863 г., еще до приезда в Вильну и ознакомления с обстановкой на месте сделал принципиальную поправку к выводу Валуева о том, что «Правительство может рассчитывать в крае на сельское население как на материальную силу»: «Должно [рассчитывать]». В первом же докладе царю, также еще до отъезда из Петербурга, он заявил, что «единственное средство к восстановлению правительственной] власти есть

²¹ РГИА. Ф. 1282, оп. 2, д. 339, л. 33. Тезис Назимова интересен и тем, что вполне в духе европейского современного национализма он различает вероисповедание как таковое и «самобытность народного характера».

²² Восстание в Литве и Белоруссии 1863- 1864 гг. М., 1965. С. 104; Государственный архив РФ (далее — ГАРФ). Ф. 109, 1-я экзп., оп. 38 (1863 г.), д. 23, ч. 13, л. 75-75 об, 77 об.

140

*опора на сельское население...*²³. Формулировка прямо-таки директивная — а ведь после начала восстания правительство, наряду с ободряющими известиями вроде динабургского, регулярно получало немало тревожных сведений о случаях присоединения крестьян к мятежным отрядам. Данная риторика была скорее специально изготовленным инструментом самоутверждения власти, оказавшейся лицом к лицу с трудноуправляемой социальной реальностью. Возвышенные образы крестьянского освобождения 19 февраля 1861 г., вошедшие за короткое время в обиход бюрократической фразеологии и успевшие покрыться налетом рутины, словно обретали первозданную достоверность в своем применении к крестьянству Западного края. Дарование гражданских прав и другие благодеяния крестьянам здесь, как нигде больше, подразумевали посрамление антинациональных сил и торжество русской самобытности. Миф о возрождении народной массы к новой жизни воплощался с географической и почти картографической зримостью, запечатлевая в общественном сознании обновленный логотип границ коренной и «исконной» России. Впечатление, будто полая форма, пустое территориальное пространство, обозначенное номинальными рубежами Западного края, наконец наполняется живым содержанием, описал в популярной в то время националистической брошюре Ф. П. Еле-нев, в недавнем прошлом участник подготовки крестьянской реформы 1861 г.: «...Западно-русский народ вовсе был оторван от умственного и общественного движения своего отечества. Наше общество едва ли и вспоминало до нынешних событий, что за Киевом и Смоленском живут еще целые миллионы русских, но живут в нищете материальной и духовной, угнетенные и нравственно униженные враждебным элементом, покинутые без руководства и поддержки родными братьями. ...Мы заботимся о введении цивилизации на Амуре и покровительствуем свободных художников чуть ли не всего света: а между тем истинно подвижнический и кроваво трудящийся западно-русский народ в трех губерниях умирает с голоду, в семи губерниях лишен нередко молитвенных храмов...»²⁴

За очень многими мероприятиями виленской администрации в отношении крестьянства стоял сценарий обнаружения единого народного тела, почвенной основы под чуждым «наносным слоем». Это действо нарочито драматизировалось эффектами прозрения и озарения, рассеивания обманчивой пелены и фальшивой оболочки, с которой ассоциировалось польское присутствие.

²³ Lietuvos Valstybės Istorijos Archyvas [Литовский государственный исторический архив, Вильнюс; далее — LVIA]. Ф. 439, оп. 1, д. 26, л. 10; д. 24, л. 1.

«...Сами русские, жившие в тех губерниях, не считали себя русскими, а край тот считали принадлежностью Польши», — сетовал Муравьев на соотечественников, ослепленных показным сиянием «полонизма»²⁵. Картина народного моря, восстающего от векового сна, который едва не стал для него сном «смертным», разворачивалась перед теми, кто нуждался в напоминании о своей подлинной национальной идентичности.

Однако — и здесь мы возвращаемся к теме полонофобии — на пути такой культурно-символической стратегии имперской власти вставало объективное препятствие. Таковым была очевидная, даже бросающаяся в глаза неоднородность местного крестьянства в этническом, конфессиональном, социально-экономическом аспектах. Сельское сословие включало в себя белорусов (обособленность которых от Великороссии власть, хотя и именовавшая их последовательно русскими, вполне осознавала) и литовцев — славянское и неславянское население проживало в самом тесном соседстве. Смешение православных, православных — бывших униатов, старообрядцев и католиков было не менее пестрым. Наконец, на фоне общинной Великороссии непривычной и неестественной представлялась практика подворного хозяйства и личного землевладения, приводившая к дифференциации крестьян на дворохозяев и батраков: тот же Муравьев полагал важной задачей «предупредить тяготение... разбогатевших крестьян к шляхетскому сословию...»²⁶.

И тут-то очень кстати под руку власти подворачивались негативные стереотипы поляка, «кичливого ляха». Пропагандистская полонофобия, как она культивировалась в Северо-Западном крае, была в значительной степени производной от приоритетов символической репрезентации и возвышения крестьянской массы как единого целого. Весьма изобретательно и изощренно творцы официального дискурса старались приписать польскому присутствию свойства внешнего, поверхностного, дробного, искусственного, ложного и т. п., в противоположность понятиям почвы, ядра и массы — атрибутам «русскости».

С точки зрения социальной иерархии идеологи из числа бюрократов и публицистов совершали семантическую перестановку в наиболее знаковых оппозициях, устойчивых парах понятий, описывающих соотношение социального «верха» и «низа». Традиционные для империи принципы династической лояльности выстраивали в один ряд оппозицию «верхи — низы: элита — массы» и такие выразительные дихотомии, как «блеск —

²⁵ [МУРАВЬЕВ М. Н.] Всеподданнейший отчет графа М. Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем (с 1 мая 1863 г. по 17 апреля 1865 г.) // Русская старина (далее — РС). 1902. № 6. С. 495.

²⁶ LVIA ф. 439, оп. 1, д. 56, л. 11 об.

серость», «образование — невежество», «сознательное — неразумное» и др. Ныне же стратеги полонофобии, играя на множественности аспектов одного и того же символа, гиперболизировали концепты верха и блеска до состояния, в котором они как бы переключались в новые оппозиции, принципиально иначе освещающие антагонизм социальной структуры. Верх конвертировался в «поверхностность», блеск — в «искусственность» и «фальшь», образованность и интеллигентность — во врожденную склонность к злоумышлению и восприимчивость к «ложным учениям». Словом, вершина социальной иерархии отождествлялась с чужеродной и вредоносной оболочкой. Символическая правдоподобность такого очернения «полонизма» (я не принимаю здесь во внимание меру эмпирического соответствия стереотипа поведению и поступкам конкретных людей или групп людей) достигалась именно за счет того, что атрибутированные поляку негативные качества сохраняли косвенную связь, приглушенную переключку с традиционной положительной маркировкой его как представителя высшего сословия²⁷.

Вполне закономерно, что свой дискурсивно завершенный вид полонофобия приняла в той сколь неистовой, столь и истовой кампании против семиотики «полонизма», *внешних* знаков польского влияния в Северо-Западном крае, которую виленская администрация повела с весны 1863 г. В одной из моих недавних работ сделана попытка доказать глубокую заинтересованность властей в раздувании этого призрака шляхетской и католической Речи Посполитой²⁸. В чем только не усматривалось оскорбительное и унижительное для русских напоминание о великой Польше — и в величественных костелах с их роскошным убранством и службой, и в заполненных на польском языке ресторанных счетах или аптечных ярлычках на склянках с лекарством²⁹, и в особом сочетании цветов в женской одежде, и в конской упряжи. Поиск и расшифровка следов польского господства и превосходства над русскими принимали почти маниакальный оборот — внимание самых высокопоставленных администраторов притягивалось к рутинным мелочам быта, к

деталюм, на которых их взор, наверное, никогда до того не останавливался.

27

О культурных механизмах подобной актуализации аспектов одного и того же символа в социальной практике см.: БУР ДЬЕ П. Практический смысл. СПб., 2001. С. 168-171.

²⁸Долвилов М. Д. Культурная идиома возрождения России как фактор имперской политики в Северо-Западном крае в 1863-1865 гг. // *Ab Imperio*. Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2001. № 1/2. С. 238-243. ²⁹LVIA Ф. 378, BS, 1864 г., д. 271, л. 1-4 об. 143

Приемы такого нагнетания полонофобии раскрываются при анализе по первичным источникам самой последовательности административных распоряжений. В качестве типичного сюжета этого рода может быть рассмотрена борьба местной власти с женскими траурными одежаниями.

Ношение траура в знак скорби по погибшим повстанцам и другим жертвам столкновений с русскими войсками было до весны 1863 г. одной из самых зрелищных и безнаказанных форм политического протеста и гражданского неповиновения в Царстве Польском и Западном крае. Ободряющее влияние, которое эти манифестации оказывали на польских патриотов, деморализуя тем самым многих русских, внушало властям тревогу с самого начала, но администраторы явно не были подготовлены к восприятию женщины — а в Западном крае траур к тому же носили в основном только дворянки — как самостоятельного субъекта политической «крамолы». В некоторых докладах генерал-губернатора В. И. Назимова в Петербург женские манифестации описывались в пренебрежительно-насмешливом тоне: «Женщины действительно надели траур, — сообщал он главноуправляющему III Отделением в марте 1861 г., — но эта ничтожная, детская, принадлежащая женщине демонстрация не должна обращать на себя никакого внимания»³⁰.

Иногда женский траур становился предметом для злорадных шуток. Так, анонимный аналитик, видимо, из Минской губернии, хорошо знакомый с положением дел в местной администрации и настоятельно советовавший правительству в феврале 1863 г. немедленно сократить повинности крестьян в имениях польских помещиков, предупреждал помещичьи жалобы на убытки таким доводом: «...Теперь жизнь помещиков не так дорога: жены их ходят в трауре, а для траура не нужно изысканности и дорогих материй...»³¹ Как и Назимов, цитированный автор полагал проблему символической демонстрации польского движения мелочью, несопоставимой с заботами власти о благосостоянии крестьянского сословия.

Однако в частном порядке представители российской власти уже в 1861 г. с достойной этнографой, если не модельера наблюдательностью всматривались в женские траурные наряды. Полковник Генерального штаба А. К. Гейне, руководивший боевыми действиями в некоторых губерниях Царства Польского и в Гродненской губернии, оставил в своей корреспонденции подробные зарисовки увиденных им многочисленных образчиков: «...Их [женщин] исключительные цвета — черный с белым. ...На груди у них повешены на черных четках и цепях большие черные кресты с белым распятием

³⁰Сборник документов музея графа М. Н. Муравьева / Сост. А. Белецкий. Вильна, 1906. Т. I. С. 30.

³¹LVIA Ф. 378, BS, 1863 г., д. 1376-1, л. 6-6 об.

144

и маленькие серебряные медальоны, на одной стороне которых изображен сломанный крест с распятием, под ним одноглавый польский орел, держащий в одной лапе крест, а в другой пальмовую ветвь. Кругом надпись: „Боже, благослови Польшу“. На обороте медали Ченстоховская Божья Матерь, под ней терновый венец... К особенностям женского наряда принадлежат также траурные браслеты, запонки, булавки и другие украшения дамского туалета, с изображением белого польского орла в красном поле, с портретом Ко-стюшки, Иосифа Понятовского, Чарторижского, Мицкевича и других; брошки в виде тернового венка с крестом или якорем посредине, покрытыми пальмовой ветвью...»³²

Перейти из обороны в наступление на демонстрацию символики Речи Посполитой удастся М. Н. Муравьеву, и причина его успеха не сводилась только лишь к принятию жестких мер устрашения. Уже через две недели после своего приезда в Вильну, в конце мая 1863 г., Муравьев издал первый из серии запретительных циркуляров касательно наружной атрибутики нарратива о былой великой Польше. Циркуляр аттестовал как «преступную манифестацию» публичное ношение женщинами «черных платьев с плерезами и без оных, черных шляпок с белыми султанами», а также «условных революционных принадлежностей туалета» — пряжек с соединенным гербом Польши и Литвы, переломленных крестов в терновом венке (символ мучений римско-католической церкви в империи) и др. Ношение траура было специфически женской формой политического протеста, но циркуляр грозил штрафами и взысканиями не только

женщинам, но и тем «из лиц мужеского пола, которые будут появляться публично с знаками траура в одежде... а также носить ча-марки, конфедератки, длинные сапоги сверх нижней одежды и другие условные знаки мятежнической партии»³³. Реестр «условных знаков» почти повторяет составленный дотошным Гейнсом, но теперь он приводится в официальном распоряжении за подписью генерал-губернатора!

Издание этого циркуляра стоило Муравьеву некоторых служебных неприятностей. Всего через полмесяца из Петербурга, от военного министра Д. А. Милютина (видимо, по прямому поручению Александра II), поступил запрос о скорейших разъяснениях в связи с распространившимися в Европе слухами, будто в Вильне привлечена к уголовной ответственности большая группа женщин. В ответном отношении Муравьев, отметив, что слухи «вероятно бы-

³² Гейнс А. К. Собрание литературных трудов Александра Константиновича Гейнса. СПб., 1899. Т. III. С. 89.

³³ Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева по усмирению польского мятежа в Северо-Западных губерниях: 1863-1864 / Сост. Н. Цылов. Вильна, 1866. С. 353-354.

145

ли возбуждены негодованиями на уничтожение ношения траура», постарался тем самым лишний раз подчеркнуть политическую значимость подобных манифестаций (будь это дело личных вкусов дам, в Европе не возмущались бы так!) и необходимость решительно и нещепетильно им противодействовать³⁴.

Почему же эти запретительные «полонофобные» меры, которые, прими их прежний генерал-губернатор, грозили бы поставить его в комическое положение инспектора дамских брошек, создавали ныне совсем иной, волевой и мужественный, имидж власти? Секрет был прост: гонения на польскую символику, на атрибутику «полонизма» велись при Муравьеве по самому широкому фронту. Это было не что иное, как самая настоящая, азартная *охота* на «остатки латино-польского преобладания», по выражению одного из наиболее воинственно настроенных местных публицистов, считавшего таковым остатком даже звучание органной музыки из открытых дверей костела³⁵. Подтверждением тому и заключительный акт изгнания женского траура. В июле 1863 г. Муравьев потребовал от могилевского губернатора пресечь замеченные зорким оком из Вильны попытки возобновить ношение траура в новом обличье: «...Женщины хотя и сняли собственно траурный наряд, но... взамен его носят черные платья с алыми платками — называя этот наряд кровавым трауром». Губернатор поспешил представить доказательства собственной и своих подчиненных бдительности в отношении новинок женской моды: «...О существовании так называемого кровавого траура здесь имелось сведение и потому полициею подозрительные в этом отношении наряды преследовались и один раз взыскан штраф, после чего алые наряды с политическим значением, так же как и собственно траур, прекратились»³⁶. Но и позднее рьяным чиновникам чудился траур в той или иной цветовой гамме женской одежды. В 1864 г. один из инспекторов Виленского учебного округа, посетив несколько частных женских пансионов сетовал: «... Все девицы ... носят платье темного цвета, преимущественно кофейного, и одного покроя... Не может не показаться странным что... в том костюме, в котором девицы сидят в классах, нет ничего цветного: ни ленточки, ни бантика, ни кушака; это отсутствие светлых цветов имеет характер печали и, без сомнения, есть своего рода траур»³⁷.

Столь безоговорочное присвоение «политического значения» этой и другим подобным деталям одежды, поведения, коммуникативных практик и пр. было призвано визуализировать польское при-

³⁴ LVIA Ф. 378, PS, 1863 г., д. 1804, л. 5-6.

³⁵ ОР РГБ. Ф. 169, к. 14, № 3, л. 133.

³⁶ Остатки латино-польского преобладания в Западной России // Вестник Западной России. 1864/1865. Т. III, кн. 11, май, отд. III. С. 140-155 (Подпись — «Турист ИЕ»).

LVIA Ф. 378, PS, 1863 г., д. 1804, л. 8-10 об.

146

³⁷

существование в крае как в одно и то же время поверхностное и повсеместное. По сути дела, это была ритуальная реконструкция польского присутствия, в чем-то превосходившая его эмпирические контуры. То, что может показаться сейчас анекдотически маниакальным выслеживанием и высматриванием мельчайших невинных реликтов и реминисценций былого величия Речи Посполитой, в сознании про-имперски мыслящих людей отражалось убедительной картиной уничтожения той самой всеохватной сплошной пелены, предательски окутавшей тело «русской народности». Иными словами, мы имеем дело не столько с примордиальной, «нутряной» этнофобией, сколько с достаточно рациональной и хладнокровной инженерией публичного дискурса. В истоности распознавания следов «полонизма» угадывается спланированная

инсценировка.

На эту мысль наводят еще более наблюдения над приемами, которые власть пускала в ход для драматизации польского влияния в среде народной массы. Символическая отдача от этой операции была особенно велика благодаря тому, что воображению представал самый момент ускользания так и не обретенного сакрального достояния — народной основы, почвы; провидение опасности утраты, угрозы «ополячивания» придавало этому достоянию еще большую ценность. Подобный эффект достигался путем непропорционального сгущения в культурном образе «своего» отталкивающих черт инакости и чуждости. Иногда это была почти болезненная фиксация внимания на каких-либо специфических сторонах крестьянского быта и религиозных обрядов.

Вот как проводил эту линию чиновник особых поручений при генерал-губернаторе, литератор, эксперт по церковным вопросам и горячий сторонник массовых «обращений» из католицизма в православие А. П. Стороженко (малоросс по происхождению, причем сохранивший малороссийскую регионально-культурную идентичность). «Много обычаев и обрядов католических, привитых к русскому народу за время унии, и до сих пор в употреблении, — докладывал он Муравьеву в июне 1864 г. из поездки по Могилевской губернии. — Например: при встрече крестьяне вместо «здравствуй, Бог помощь» говорят: «нех бендзе похваленый Изус Христус». Обряды православной религии исполняются не согласно уставов вселенских соборов: попы бреют бороды, стригутся, крестный ход совершается как во время унии, колокола повешены на коромыслах и самый благовест производится не так, как звонят в России. Священники по деревням никогда не говорят проповедей, а напротив, допускают православный народ, по выходе из церкви, отправляться в костел и слушать казание (проповедь), которое ксендз пропагандист говорит им на белорусском наречии. Это в особенности заметно там, где убогая церковь стоит рядом с великолепной архитектуры костелом и где жители, исповедывающие теперь православие, были

147

некогда униатами. У каждого господского дома, на каждом перекрестке проезжих дорог... при разделении полей, стоят кресты разных величин, обвешанные полотенцами, и статуи святых...»³⁸ Как видим, в списке признаков отпадения крестьян от русских начал перемешаны и действительно острая проблема интеллектуального и духовного уровня приходского православного духовенства (актуальная, впрочем, и для Центральной России), и просторечная сельская формула устного приветствия. Примечательно, что сразу по получении этого донесения генерал-губернатор счел нужным настоятельно рекомендовать могилевскому архиепископу Ев-севию озаботиться тем, чтобы приходские священники имели «неослабное наблюдение» за крестьянами, дабы те «не ходили слушать проповеди в католические костелы»³⁹. Коренная причина отчуждения крестьян от православной церкви усматривается почти исключительно в диверсии ксендзов (причем употребление ими белорусского наречия явно связывается с представлением о иезуитской «интриге»), а не в упадке нравственного авторитета православных священников, так плохо владеющих искусством проповеди. Последний факт вполне очевиден администраторам, но противоречит мифу о *внешней* угрозе целостности народного тела.

Тот же прием, когда наблюдатель патетически «очуждывает» местное крестьянство в своих собственных глазах, находим в корреспонденции уже упоминавшегося А. К. Гейнса: «В 1863 году я видел гродненских крестьян в нашей церкви и никогда не забуду тяжелого чувства, навеянного на меня картиною, виденною мною, — продуктом исторического безобразия. Крестьяне пришли приобщиться в православную церковь, а крестятся католическим крестом, лежат „кжижем“ [крестом. — *М.Д.*] и вообще верно проделывают все, чему их обучали ксендзы в старое время. ...Вот он, западно-русский крестьянин — великая охрана России от притязаний старой цивилизованной национальности!» Гейне абсолютизирует эти религиозно-обрядовые приметы инакости вопреки тому, что в тех же письмах высказывает гораздо более современное воззрение на факторы ассимиляционных процессов, отмечая, например, что втягивание части населения в экономическую орбиту соседнего народа может оказаться сильнее чувства этнического единства⁴⁰. В этом контексте лежание молящихся крестьян «кжижем» не должно было бы восприниматься так панически.

Ассоциация польского присутствия с ложным блеском, искусственным «наносным слоем» и обманчивой пеленой дополнялась приписыванием ему зловердного дара мгновенного, неуловимого и почти магического воздействия на русских (вообще, тема колдов-

³⁸ Там же, Ф. 378, BS, 1864 г., д. 1343, л. 1-2.

ских чар в русской репрезентации поляка/польки заслуживает отдельного исследования). Эта мифологема косвенно сказала на рассуждениях даже высших деятелей виленской администрации о будущем крестьянства Литвы и Белоруссии. Помощник Муравьева по должности командующего Виленским военным округом генерал-адъютант Н. А. Крыжановский в марте 1864 г. в пространной докладной записке рисовал такую перспективу (обратим лишний раз внимание на метафоры сна и пробуждения): «Чтоб со временем вполне воспользоваться преданностью крестьян, чтоб заставить их быть деятельною опорою правительства и порядка... надо вдохнуть в них жизнь и нравственную самостоятельность, но, вместе с тем, разбудив целое сословие от усыпления, надо направить возникающую в нем умственную деятельность на путь верный... Если правительство не откроет пути этой деятельности, враги наши не преминут направить ее по-своему и скоро *ополячат* крестьян, также как они уже ополячили остальные сословия»⁴¹.

Муравьев никогда не признавал в столь откровенной форме опасность ополячивания православных в большинстве крестьян, но прозрачные намеки на неизбежность этого печального исхода русско-польского соперничества в случае пассивности имперской власти встречаются и в его письмах. «Им [полякам. — М.Д.] необходимо новое засыпание России, и тогда они уже, возобновив мятеж, конечно довершат его с большим для себя успехом: ибо и теперь они едва не достигли своей цели, — так глубока была революционная зараза», — писал он главе III Отделения В. А. Долгорукову 7 марта 1864 г., видимо, под свежим впечатлением бесед с Крыжановским⁴². Итак, поляк, с пафосом именовавшийся пришлым и наносным элементом в «исконно русском» крае, в то же самое время мыслился способным извратить внутреннюю ткань русского народного тела⁴³. Однако в конечном счете такая демонизация поляка была средством самоутверждения власти, демонстрирующей свою связь с народной почвой и корнями.

2. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОБЪЕКТЕ ПОЛОНОФОБИИ

Я далек от намерения доказать, что русификаторская политика в Северо-Западном и, шире, в Западном крае в середине 1860-х гг. предопределяла на тот момент всю совокупность русских негативных

⁴¹ LVIA Ф. 439, оп. 1, д. 43, л. 9-9 об. (курсив мой. — М. Д.). Дата подачи записки проставлена рукой М. Н. Муравьева.

⁴² Голос минувшего. 1913. № 12. С. 256.

⁴³ О связи этой смысловой коллизии со стратегиями символической легитимации империи см.: Дол БИЛОВ М. Д. Конструирование образов мятежа... С. 401-408.

149

представлений и мифологем о поляке, «кичливом ляхе». «Польский вопрос» имел и другие важные аспекты: участие поляков в революционном движении внутри России, историческая судьба коренной Польши. Тем не менее нет сомнений в том, что административная практика противодействия польской элите на западной периферии задавала целый ряд центральных для полонофобного нарратива сюжетов. Симметрия между этническим составом и социальной структурой в Литве и Белоруссии (грубо говоря, высший слой = поляки, народная масса = неполяки) позволяла использовать на полную мощь для мифологизации поляка пространственные категории «внутри» и «вовне», легко проецируемые на эффектные и впечатляющие образы. Рисуя поляка внеположенным народной массе, идеологи русификации усиливали в общей теме польского коннотации дробности, беспочвенности, искусственности, а в крайних пропагандистских версиях — инобытия, призрачности, потусторонности, смерти⁴⁴. Хорошо известно, сколь охотно оперировал метафорой упыря для дискредитации польского восстания редактор «Московских ведомостей» М. Н. Катков. В свою очередь, пишущие полонофобы местного масштаба стремились сколь можно «доходчивее» реализовать в своих риторических конструкциях оппозицию жизни и смерти. Из-под пера некоторых выходили не обделенные оригинальностью репрезентации поляка-врага. Так, в памфлете «Слово русского к мятежным полякам», автор которого скрылся за подписью «С.....ъ», народная масса западных губерний противопоставляется мятежникам в следующем ракурсе: «Ужели вы не знаете и того, что в областях, которыми вы хотите ожить и отелесить скелет Польши, живет около 8 миллионов русских — православных, заявивших недавно пред всем светом, что они не могут вспомнить об вас без ужаса, негодований и проклятий...»⁴⁵.

Русификаторская кампания Западного края рельефно воплотила в себе имманентную смысловую

коллизии имперской полоно-фобии, раздвоенность имперского дискурса в этом вопросе. С одной стороны, в 1863 г. впервые в негативном образе поляка —

⁴⁴ Несомненно, русификаторские мероприятия в Западном крае и их символика коррелировали с экстремистским воззрением некоторых идеологов-националистов на польскую нацию как историческую фикцию: шляхте приписывалось латинское или кельтское происхождение, а поляки-крестьяне объявлялись принадлежащими к нерасчлененной славянской общности вместе с великоруссами, малороссами и белорусами. (См., напр.:

Г Л Б в о с к і Н. Ор. cit. S. 420-425). Тем не менее высшие администраторы Западного края, не исключая М. Н. Муравьева, считали нереалистичной задачу этнической русификации Царства Польского.

⁴⁵ Вестник Юго-Западной и Западной России. 1863/1864. Т. I. кн. 3, сент. Отд. III. С. 54.

150

повторю еще раз, целенаправленно культивируемом «сверху», — так резко и неприглядно выступили черты не просто бунтовщика, заговорщика и мятежника, противника законной власти, но заклятого врага русского *народа*, воображаемой единой русской *нации**. Поляк наделялся качествами антагониста народной массы, осмыслялся как чужеродный элемент в общественном организме, на народной почве. Органицистская метафорика играла исключительную роль в символическом возвышении крестьянского населения, и посредством ее поляк отождествлялся с неорганическим, антивитальным началом. С другой же стороны, этот мифический ненавистник народной России не репрезентировал сам нацию-врага, не являлся, в свою очередь, олицетворением единой нации. Иначе говоря, поляк — враг нации, но враг *не национальный* по своей природе.

Вслушиваясь внимательно в правительственную риторику, имевшую прямое или косвенное отношение к подавлению польского восстания 1863-1864 гг. или русификации Западного края, мы обнаруживаем, что власть нередко испытывала немалый дискомфорт от пейоративного употребления слов «поляк» и «польский» и старалась по возможности избежать его или смягчить. В январе 1863 г., сразу после получения из Варшавы известий о начале восстания, Александр II публично заявил перед гвардейцами, что винит в случившемся не «весь народ польский», а только некую общеевропейскую «революционную партию». Царь старался не отступить от универсалистского имперского принципа: нет враждебных народностей, есть неверные подданные.

Однако устоять на этой позиции в 1863 г. было нелегко. Иллюстрацией последующих колебаний императора служит собственноручная запись им своей речи, произнесенной 17 апреля 1863 г. в Зимнем дворце перед депутатами от разных сословий и обществ, которые поднесли царю патриотические адреса. Текст (который предназначался для официальной публикации) пестрит правкой — задним числом! — собственных слов, вызванной нечетким видением самой сути борьбы в западных пределах империи. Так, если в окончательной редакции мы читаем слова: «посягательство врагов наших на древнее русское достояние», то первоначально рука царя вывела нечто существенно иное: «посягательство поляков на древнее русское достояние» — и, скорее всего, именно эту фразу ранее слышали депутаты. В другом месте Александр вычеркнул националистически звучащий оборот, которым начиналась фраза о его гордости единством патриотических чувств наро-

⁴⁶ Об актуализации образа поляка-врага и ее риторических и поэтических приемах в период наполеоновских войн см.: ЗОРИН А. «Кормя двуглавого орла...» Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 163—179, 212—213.

151

да: «Я как русский...». Говоря об угрозе войны с Францией и Англией, Александр выражал надежду на то, что «с Божиею помощью мы сумеем отстоять землю русскую», но в опубликованном тексте вместо двух последних слов читается «пределы Империи»⁴⁷.

Знаменитый своей полонофобией М.Н. Муравьев также старался лишний раз не декларировать «польскость» восстания, которое он подавил в Литве посредством суровых карательных мер. В текстах его самых широковещательных воззваний к жителям края в 1863 г. (печатавшихся большим тиражом en regard по-русски и по-польски), несмотря на адресованную дворянству и римско-католическому духовенству беспрецедентную риторику устрашения и принижения, почти не встречается этнически маркированного обозначения высших сословий. Собираательные категории дворянина, помещика, католического священника ставятся в тесную смысловую связь с понятиями мятежа, измены, предательства, коварства и т. д., но не «польскости» как таковой⁴⁸. Не употребляется этнонимов и в другого рода документах первостепенной пропагандистской значимости — инспирированных генерал-губернатором всеподданнейших письмах дворянства

каждой северо-западной губернии, содержащих осуждение крамол «революционной партии», заверение в политической благонадежности и мольбу о высочайшем «милосердии»⁴⁹. В других случаях, когда этнические термины, обозначающие повстанцев, представлялись незаменимыми, Муравьев пытался хотя бы приглушить их звучание. Осенью 1863 г. он распорядился возвести в Вильне часовню во имя Александра Невского, призванную стать специальным местом почитания военных, погибших в боевых действиях против повстанцев, — их имена выбивались на мемориальных досках. Ключевая для этого мартиролога надпись была сформулирована не сразу. В предложенной генерал-губернатору версии: «В память павших русских воинов во время второго польского мятежа» — он приказал заменить пять последних слов следующим оборотом: «...при усмирении польского мятежа в 1863 году»⁵⁰. Помимо других возможных соображений, Муравьев явно принимал во внимание нежелательность «нумерации» восстаний: таковая, будучи увековечена в памятнике, подразумевала бы закономерность и устойчивость польского национального движения, повторяемость его вспышек.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 728, оп. 1, д. 2732, л. 1-3 об. (собственноручная запись императором своих слов).

⁴⁸ Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева по усмирению польского мятежа... С. 228-236; LVIA Ф. 378, PS, 1863 г., д. 1807.

⁴⁹ Восстание в Литве и Белоруссии 1863-1864 гг. С. 43.

⁵⁰ LVIA Ф. 378, BS, 1863 г., д. 816, л. 10-10 об.

152

Известная осторожность власти в оперировании этнонимом «поляк» дала себя знать и после подавления восстания, в ходе реализации русификаторской программы в Западном крае. В этом отношении характерны колебания в выборе юридических дефиниций, возникшие при обсуждении мер по приведению в действие указа от 10 декабря 1865 г. Этот указ, последствия которого неплохо изучены в литературе, возбранял покупку земли в западных губерниях «лицам польского происхождения» и позволял ее только «лицам русского происхождения, православного и протестантского вероисповеданий»⁵¹. В журнале особой правительственной комиссии, редактировавшей проект указа, пока еще без обиняков разъяснялось, что «под выражением „лицам польского происхождения“ нужно понимать не вообще католиков, а только поляков и тех западных [т. е. Западного края. — М.Д.] уроженцев, которые усвоили себе польскую национальность».

Однако уже через полмесяца министр юстиции Д. Н. Замятин поднял вопрос о точных процедурах идентификации на практике «лиц польского происхождения», указав на то, что местные «присутственные места... не могут иметь почти никаких сведений о происхождении, национальности и вере того лица, на имя которого совершается купчая крепость», и тем более «таких сведений, которые относятся до образа мыслей и благонадежности лица в политическом отношении...». Оппонентом Замятина в завязавшейся служебной полемике выступил министр государственных имуществ А. А. Зеленой. Он уверял, что никаких трудностей с определением поляков у местных чиновников не будет (как не узнать поляка?!). По его мнению, гражданские палаты (именно в них регистрировались купчие) должны будут ограничиться «разрешением вопроса: следует ли причислить их [покупателей. — М.Д.] к лицам польского происхождения, а вовсе не касаться собирания сведений о их образе мыслей и благонадежности». Последнее замечание противоречило важному тезису из уже утвержденного императором журнала особой комиссии, согласно которому «различие между владельцами» должно делаться прежде всего «по политическим... соображениям», т. е. «образ мыслей и благонадежность» подлежали учету. В конечном счете Зеленой принял предложение Замятина о том, чтобы право покупать землю подтверждалось бы специальным «свидетельством», выдаваемым лично генерал-губернатором. И именно при определении того, что же конкретно должен был засвидетельствовать генерал-губернатор, Зеленой сделал существенную уступку. В последний момент из проекта соответствующей инструкции он вычеркнул пассаж «[свидетельство о том] что покуп-

⁵¹ ГОРИЗОНТОВ Л. Е. Парадоксы имперской политики... С. 101-102; STALIONAS D. «The Pole» in the Policy of the Russian Government... P. 61 -66.

153

щик не польского происхождения», оставив вторую часть условия: «что в допущении его к покупке имущества не оказывается препятствия»⁵². Высшие бюрократы сознательно избежали формулировки, почти тождественной официальному и публичному удостоверению о национальной принадлежности. Санкционировав выдачу правительственных «свидетельств» о «непольском происхождении», власть рисковала бы оказаться перед необходимостью введения аналогичных документов о польском происхождении.

Вышесказанное позволяет осторожно постулировать любопытную обратную зависимость в процессах полонофобии. Чем интенсивнее поляк мифологизировался как супостат и враг «русскости», тем острее становилась в имперском сознании потребность — подменить этнонациональное содержание понятия «поляк» ассоциативными политическими, социальными, конфессиональными и даже тендерными (коварная полька в качестве символа ненависти к России) значениями. И в оформлении этих ипостасей негативного образа поляка — крамольного «пана», «фанатичного» католика и др. — культурные механизмы полонофобии оказались сопряжены с полонофильством, с традицией сочувственного восприятия Польши в России.

В такой метаморфозе не было чего-то противоестественного. Этностереотип — это средоточие символической энергии, вместилище разнородных смыслов, которые могут взаимодействовать между собой. Логика стереотипизации, предельной эмблематизации представлений о «другом» превращала полонофобию и полонофильство как бы в две стороны одной медали — мифа о поляке. В этом пространстве почти не оставалось места для нейтральных, «промежуточных» характеристик польского, свободных от всепоглощающей знаковой™. Перерождение положительных черт стереотипа в негативные совершалось именно за счет сконцентрированного в них мифотворческого напряжения, столкновения различных аспектов символа. Как отмечает в своей работе о соотношениях символических систем и социальной практики П. Бурдьё, «среди разных аспектов символов... — символов одновременно неопределенных и переопределенных — ритуальная практика никогда явно не противопоставляет такие, которые нечто символизируют, и такие, которые не символизируют ничего и от которых она могла бы отвлечься...»⁵³.

Данный тезис, думается, приложим к предмету настоящего исследования: насыщение стереотипа поляка негативными атрибутами производилось путем символической инверсии полонофиль-

⁵² РГИА. Ф. 384, оп. 12, д. 360, л. 85-85 об., 117-118, 123 об.-124, 126, 147 об.,

152 об.

"БУРДЬЕ П. Указ.соч.С. 171.

154

ского восприятия не менее эффективно, чем посредством суммирования, к примеру, текущей информации о численности повстанцев, охваченных восстанием местностях, перемещениях мятежных отрядов и пр. Оценочный знак менялся на противоположный, но оставалась прежней, если не становилась большей, символическая экспрессия, пластичность образа. И хотя миф о «другом» наполнялся новым содержанием, он сохранял за собой ближайшую функцию — схемы или ключа к «понятному» и унифицированному истолкованию проявлений инакости многочисленных «других». Одним из полонофильских стереотипов, который, претерпев феноменальную трансформацию, способствовал утверждению не столько этнически, сколько социально отрицательного облика поляка, было представление о рыцарственности Польши, о поляке как носителе подлинного европеизма, проводнике европейского просвещения. Рассмотрим этот сюжет подробнее.

3. к ПОЛОНОФОБИИ — от ПОЛОНОФИЛЬСТВА?

За несколько лет до восстания 1831 г. Фаддей Булгарин, предупреждая правительство о растущем недовольстве польской шляхты, особенно в литовских губерниях, открывал перечень советов о способах примирения живописанием польского национального характера: «Поляки народ чрезвычайно мягкий, привыкший... к нежному и вместе откровенному с ними обхождению. Они энтузиасты, одарены пылким воображением и рыцарским характером. Стоит только дать направление их энтузиазму, чтоб сделать из них самых верных и приверженных подданных. ...Прокламации, речи, рыцарство, откровенность, ласка сделает из них все»⁵⁴. Видимо, такая модель построения отношений не была безвозвратно упущена для власти и после Ноябрьского восстания. Хорошо известно, что многие жители русских провинциальных городов весьма благожелательно смотрели на поляков — чиновников и офицеров, принудительно отправленных туда на службу после событий 1831 г. Для русских это были живые образчики европейских вкусов, манер, а зачастую и либеральных политических воззрений. Сочувствие к себе встречали и ссыльные поляки, особенно те из них, кто владел профессиями учителя или врача".

Настоящий расцвет полонофильство такого рода переживает в первые годы правления Александра II, после знаменитой амнистии 1856 г. Тому способствовала не только смена политического курса, но и активизация светской жизни, вовлечение в круг салонного общения все большего числа лиц и придание ему новых, бо-

⁵⁴ Видок Фиглярин... С. 353, 258-264, 338-340. "См.,напр.:ГОРИЗОНТОВ Л. Е. Указ.соч.С.40-41

155

лее разнообразных форм. В Северо-Западном крае сближение русского военного и чиновного люда с польскими помещичьими семьями всячески поощрялось вновь назначенным (в 1855 г.) генерал-губернатором В. И. Назимовым. Впоследствии, после восстания, симпатии русских к патриотическим чувствам поляков, готовность признать за ними первенство в усвоении прогрессивного европейского опыта расценивались в России — и в официальном дискурсе власти и в мемуаристике — как результат рокового самоослепления. Один из авторов пропагандистского журнала «Вестник Западной России» вложил описание полонофильских заблуждений в уста героя своего очерка — простодушного служачки капитана Д.: «Что со мною в это время делалось — не могу рассказать! Нашел какой-то туман. Читаю, бывало, читаю — ничего не понимаю, а кинуть не хочется — как-то лестно. Новым словам выучился... все одобряют... паненьки не гнушаются... как-то помолодел! ...Всего не перескажешь; ну чего же более: я сам — поверите ли? — подтягивал в хоре *с дымам пожаров* [польская патриотическая песня. — М. Д.]... Как все это делалось? ...Не могу дать себе теперь отчета! Туман, просто туман! Свобода национальностей! Дух примирения! Борьба цивилизации против варварства... и Бог знает еще какая фанаберия!»⁵⁶ Конечно же, перед нами — сатирическая зарисовка, но в ней-то как раз и передан весьма выпукло характерный для поло-нофильства сплав идеала просвещения, артистизма, книжной культуры с темой молодости («как-то помолодел!») и феминности («паненьки не гнушаются»).

Парадоксальная лишь на первый взгляд эволюция от полоно-фильства к полонофобии была ярко персонифицирована в фигуре самого В. И. Назимова. Он принял управление Северо-Западным краем с горячей надеждой упрочить лояльность польского дворянства к престолу и одновременно реабилитировать шляхетский корпоративный этос: польское благородное сословие должно было показать, что любовь к молодому и милосердному императору объединяет его сильнее, чем воодушевляли когда-то крамольные мечтания. Под влиянием этих соображений местная администрация склоняла дворян к выступлению с инициативой «улучшения быта» крепостных крестьян, царским ответом на которую стал рескрипт Назимову от 20 ноября 1857 г., открывший эру гласности в деле крестьянской эмансипации сознанием дворянских губернских комитетов.

Специфические полонофильские коннотации рескрипта легко ускользают от внимания историков, привыкших видеть в нем составную часть общероссийского процесса подготовки реформы 1861 г.

Стоит, однако, задуматься над тем, готов ли был

⁵⁶ Письма из западного края (IX) // Вестник Западной России. 1864/1865. Т. II. кн. 7, янв., отд. IV. С. 343-344. 156

Александр II избрать *первым* адресатом столь ответственного призыва дворянскую корпорацию какой-либо из великороссийских губерний. Не исключено, что без повышенного в тот период интереса верховной власти к своим отношениям с польской шляхтой рескрипта могло бы и не быть, и в таком случае крестьянское дело в масштабе всей империи нуждалось бы в каком-то ином решающем толчке.

Мне неизвестно, доводилось ли Назимову читать когда-либо упомянутые выше аналитические записки Булгарина, но его приемы инспирирования дворянской инициативы и вообще манера обращения с польской аристократией кажутся заимствованными прямо из рекомендаций авторитетного советника III Отделения. В конфиденциальной корреспонденции генерал-губернатора по крестьянскому вопросу (прежде всего в циркулях губернаторам и губернским предводителям дворянства) в 1857 г. пульсировали слова, явно выполнявшие функцию символического кода — «откровенность» и «доверие». Так, губернаторам предписывалось «помогать» ходу дела, «вызывая доверием к себе откровенные и неофициальные совещания с дворянством...»⁵⁷. Эта риторика служила завуалированным признанием большей, чем в коренной России, гражданской зрелости дворянства, его способности к сознательной коллективной деятельности. При частных собеседованиях с местной знатью Назимов не боялся затрагивать самые чувствительные струны польской исторической памяти, не исключая преданий о Т. Костюшко и его плане освобождения крестьян⁵⁸.

Декларировать с беспримерной экзальтацией свою веру в политические добродетели польского дворянства генерал-губернатору дал повод приезд Александра II в Вильну в сентябре 1858 г. На большом приеме в генерал-губернаторском дворце, едва отзвучала речь царя к дворянству, закончившаяся вопрошанием: «Могу ли я на вас положиться во всем? Забыто ли вами все прошедшее?», Назимов в нарушение придворного этикета громогласно воскликнул: «Государь! Клянусь тебе моею головою, головами жены и моих детей, что это твои самые лучшие верноподданные!»⁵⁹ Не поскупившись на форму превосходной степени, Назимов словно бы напоминал, что всего неделей раньше царь упрекнул московское дворянство в нерадивом

исполнении высочайшей воли по крестьянскому делу. (И заметим, что хотя в трудах дворянских комитетов северо-западных губерний проявилось к сентябрю 1858г. отнюдь не меньше признаков сословной дворянской корысти, чем у их московских собратьев,

⁵⁷ LVIA Ф. 378, BS, 1857 г., д. 1266, л. 5 об., 7-8, 9 об., 135 об.-136, 155 об. и др. "[ПАВЛОВ А. С.] Владимир Иванович Назимов. Очерк из новейшей летописи Северо-Западной России // РС. 1885. № 3. С 573-580. ⁵⁹Никотин И. А. Из записок//РС. 1902. №2. С. 361.

157

Александр воздержался в Вильне от подобных внушений и даже намеков на недовольство⁶⁰.) Полонофильство Назимова не выдержало испытания начавшимися в 1861 г. политическими беспорядками в Царстве Польском и Северо-Западном крае и повседневной демонстрацией враждебности и презрения поляков к представителям имперской власти. Перелом в его воззрениях на местное дворянство совершился быстро и бесповоротно. Еще в конце 1860 г. генерал-губернатор, рискуя своей репутацией зачинателя «святого дела» освобождения, поддержал ходатайство виленского губернского предводителя А. Ф. Домей-ко, направленное в МВД, о пересмотре проектов Редакционных комиссий для литовских губерний, грозивших, по мнению местных помещиков, полным разорением их хозяйств (см. об этом выше). А в 1862 г. Назимов, пользуясь советами эксперта по проблеме западных губерний, впоследствии попечителя Виленского учебного округа П. Н. Батюшкова, начинает муссировать характерную идею: принудить каждого местного дворянина к официальному принятию одного из наименований — поляк или русский, — под угрозой перевода всех лиц, которые «не признают себя русскими дворянами», на положение, в лучшем случае, граждан Царства Польского, имеющих собственность в России⁶¹. Подобная дискриминация очевидно выбивалась из привычной практики управления имперскими окраинами: у власти попросту не было административных процедур для опознания и фиксации национальной принадлежности, так сказать, легализации этничности. В дальнейшем Назимов переформулировал данную идею так, что ее реализация фактически позволила бы власти немедленно обвинять дворян, которые не захотели бы именоваться русскими, в государственном преступлении: им предлагалось признать, что они «настаивают на предоставлении польской народности права господства в западных губерниях...»⁶². Этот и ряд других замыслов Назимова были, в сущности, радикаль-

⁶⁰ Интересное (и довольно самокритичное) ретроспективное объяснение «лирического» отношения имперской администрации к польскому дворянству Северо-Западного края в годы подготовки эмансипации см.: СОЛОВЬЕВ Я. А. Записки // РС. 1881. № 4. С. 740—743.

⁶¹ РО РНБ. Ф. 52, № 47, л. 1-4 об., 8. Записка Батюшкова, которая после совещания с Назимовым в сентябре 1862 г. была подана императрице, обсуждалась в конце того же года во вновь учрежденном Западном комитете. Подготовленная для комитета печатная версия не сообщает имени автора и ошибочно датирует его беседу с Назимовым сентябрем 1861 г. (ОР РГБ.

Ф. 169, к. 42, № 2, л. 46—47).

⁶² РГИА. Ф. 1282, оп. 2, д. 339, л. 40-40 об. (отношение Назимова П. А. Валуеву от 14 марта 1863 г.). См. также о проекте т. н. «гарибальдийского манифеста» Назимова: S T A L I и N A S D. Litewscy bialy i wiadze carskle... S. 395.

158

нее и «полонофобнее» тех репрессивных мероприятий, которые осуществил его преемник М. Н. Муравьев.

Восстание 1863 г. доставило полонофильски настроенным русским деятелям еще более тягостные разочарования. Люди, вольно или невольно симпатизировавшие польскому национальному типу и видевшие в нем прежде всего просвещенного европейца, переживали настоящий шок, узнавая о террористических актах повстанцев против мирного населения, о жестоких методах партизанской войны и пр. Но выход из этого дискурсивного тупика вскоре отыскивается: стереотип словно бы высвечивается с другой стороны, обнаруживает свою смысловую амбивалентность. В стереотипе рыцарственности открывается целый смысловой субстрат, ассоциированный с топосами Средневековья. Европейскость поляков *остается знаковой*, поляки по-прежнему рисуются типичными европейцами, но уже в новом контексте и с оценочной инверсией — они предстают реликтом средневековой, отсталой, канувшей в прошлое Европы. Рыцарственность оборачивается теперь воинствующим фанатизмом, нетерпимостью, авантюризмом и батальной, слепой жадой убийства. В результате цивилизованность, без всякого ущерба для символической экспрессии стереотипа, перекодируется в отсталость и дикость⁶³.

Амбивалентная структура представлений о рыцарской Польше, их включенность в принципиально различные историко-аксио-логические перспективы по-своему убедительно и впечатляюще описаны в уже упомянутом выше памфлете «Слово русского к мятежным полякам». Автор обращался в действительности не столько к повстанцам, сколько к русским, взывая к

полонофобным эмоциям последних. Ему не откажешь в полемическом таланте, семиотическом чутье и умении воздействовать на воображение: «Вы имеете несчастную способность возводить дикие наезды и другие насилия ваших предков в эпические подвиги и экзальтировать ими и себя и других, видеть в иезуитских интригах и притязаниях следы мудрости и патриотизма ваших исторических деятелей, в казенных пре-

⁶³ Ценные замечания о двойственности и изменчивости стереотипов поляка в русском общественном сознании и в особенности представлений о польском европеизме см.: ФАЛЬКОВИЧ С. Восприятие русскими польского национального характера и создание национального стереотипа поляка // Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000. С. 45-71. О генетической связи представлений русских в XIX в. о польском «варварстве» с распространенным в Европе эпохи Просвещения образом Речи Посполитой см.: ФИЛАТОВА Н. М. Русские и поляки в Королевстве Польском (1815-1830): стереотипы взаимного восприятия // Россия — Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре / Отв. ред. В. А. Хорев. М., 2002. С. 114-115.

159

ступниках — польских мучеников. ...Вам все прошедшее и настоящее представляется в обратном виде... вы промахнулись несколько веков и все еще считаете себя поляками времен Батория, а русских варварами Грозного... Вам хочется, чтобы в Польше все было нуль, кроме шляхты, чтобы время и события шли назад, а не вперед; чтобы для вас настали вновь средние века, с их *liberum veto*, конфедерациями, заездами, *niepodległosci i równości*, [независимостью, равенством. — М. Д.] на словах и тиранией и азиатскою спесью на деле...»⁶⁴ Разумеется, автор не был склонен признавать, что возвышенно-апологетическое восприятие рыцарской Польши было присуще и немалому числу русских (хотя намеки на это в процитированном фрагменте содержится: «экзальтировать... и себя и других»). Подобная пропаганда имела целью произвести эффект разрыва исторического времени, противопоставив Польшу и Россию в категориях прошлого и будущего, средневековой и новой Европы.

Одно из ярких свидетельств силы внушения, заключенной в маркированном средневековостью стереотипе поляка, — восприимчивость к нему даже такого признанного полонофила, каким был великий князь Константин Николаевич, наместник в Царстве Польском в 1862-1863 гг. Стараясь предотвратить отказ в Петербурге от реформ, проводившихся им в Царстве совместно с маркизом А. Ве-лепольским, Константин всеми доступными ему способами доказывал, что восстание — «это не дело польской нации, а чистой революции, которая существует везде [в Европе]». По его мнению, польское высшее общество (союза с которым он искал) лишь симулировало националистические чувства, стараясь купить такой ценой вооруженное вмешательство европейских держав. Однако образ поляка — средневекового обскуранта проникал и в эту универсалистскую трактовку мятежа. К примеру, в мае 1863 г. наместник с негодованием сообщал императору о повстанческом терроризме: «На прошлой неделе опять зарезали в Варшаве одного полицейского агента, и отрезанное ухо его послали при записке к маркизу! Просто не верится, чтоб мы жили в XIX столетии! Теперь здесь царство кинжала и яда, как во времена оны в Италии или Испании»⁶⁵. Два года спустя, накануне своей отставки, генерал-губернатор Северо-Западного края М. Н. Муравьев, политический антагонист великого князя Константина, посредством той же негативной символики характеризовал неизбежную враждебность польских «панов и ксендзов» к России: «...Крамола и обман есть основа их чувствований и воспитания...

⁶⁴ Вестник Юго-Западной и Западной России. 1863/1864. Т. I. кн. 3 сент. отд. III. С. 51, 52-53.

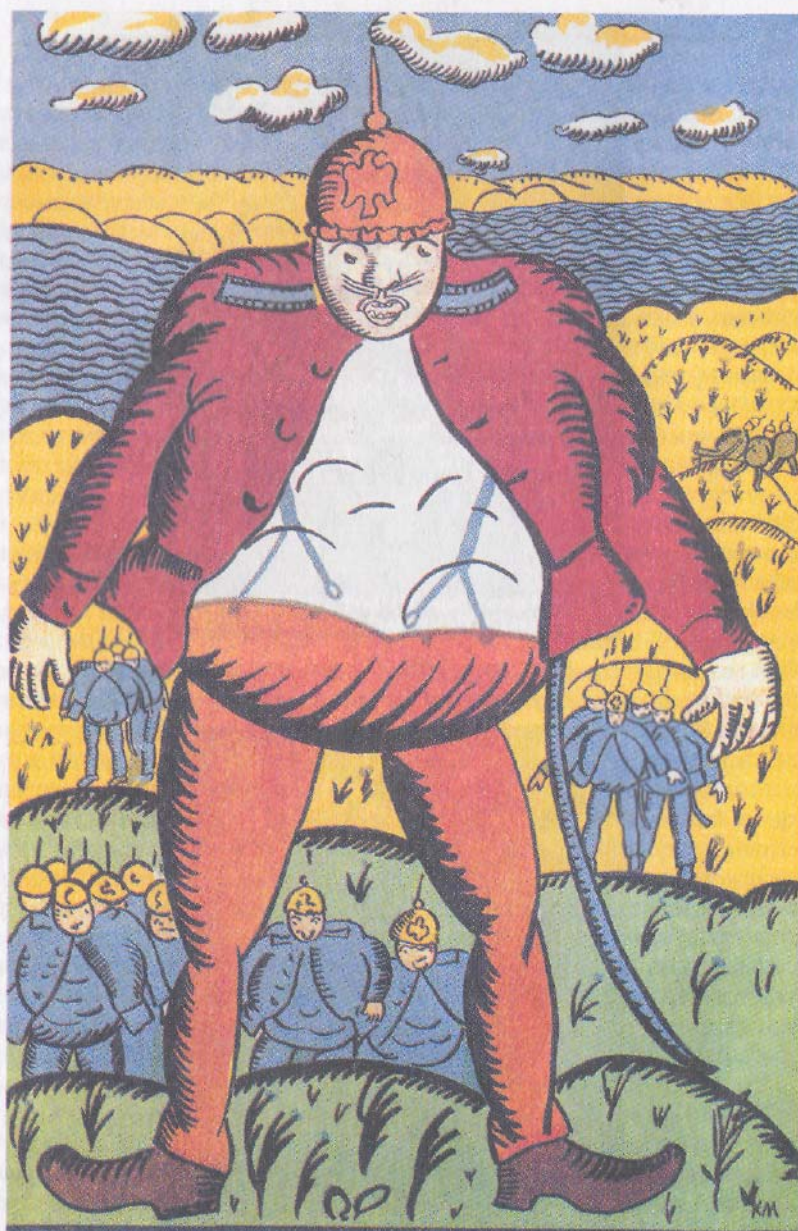
⁶⁵ Переписка наместников Королевства Польского: Январь — август 1863 г. / *Korespondencja namiestników Królestwa Polskiego*: Styczeń — sierpień 1863 r. Wrocław, 1974. С. 33, 114-115, 214.

160

Ил. 1

Глядь, поглядь, ужъ близко Вислы
Нѣмцевъ пучить, значить нисло!

Ил. 5

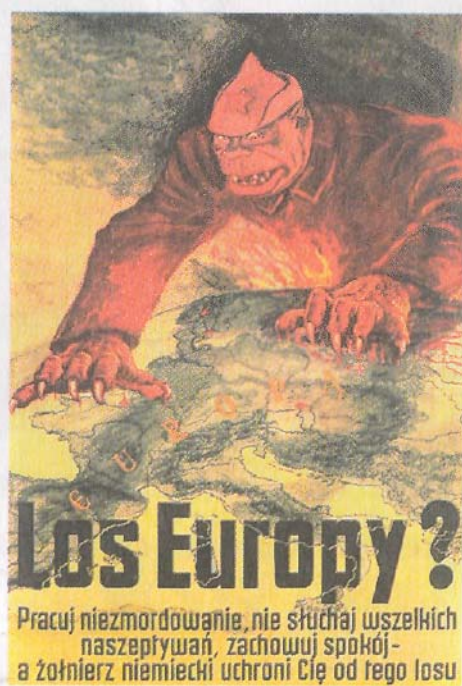

Ил. 6

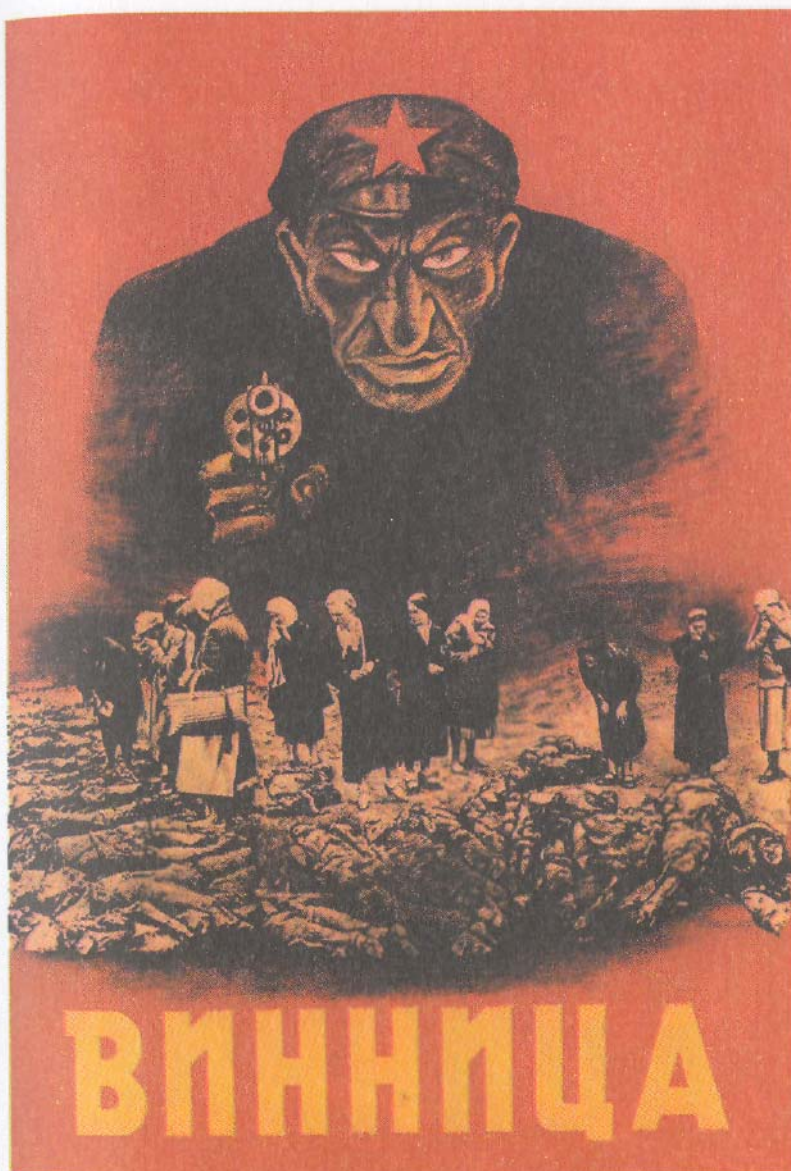

Ил. 8

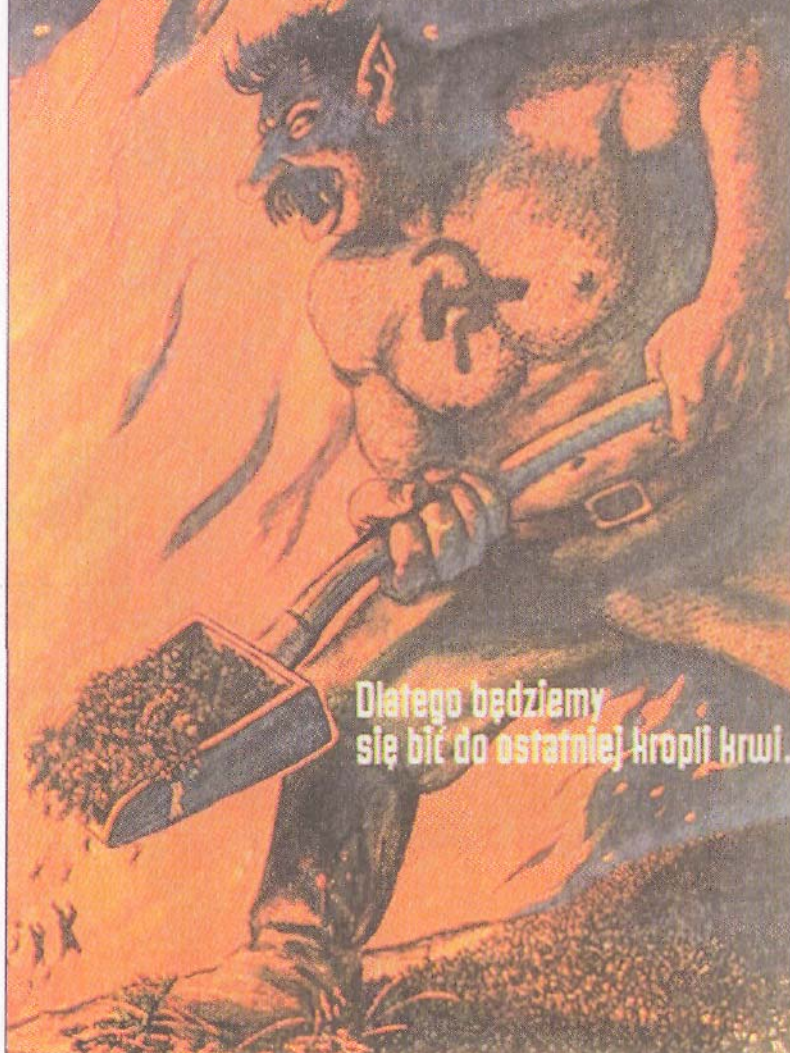
Ил. 9

Ил. 10

Przenigdy!

Europa nie pójdzie drogą, prowadzącą do piekła Stalina!

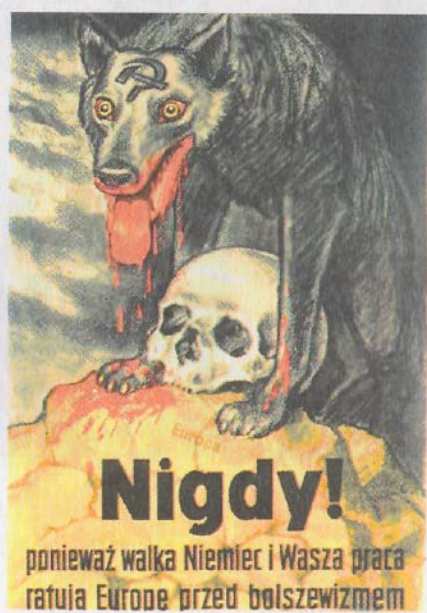

Dlatego będziemy
się bić do ostatniej kropli krwi.

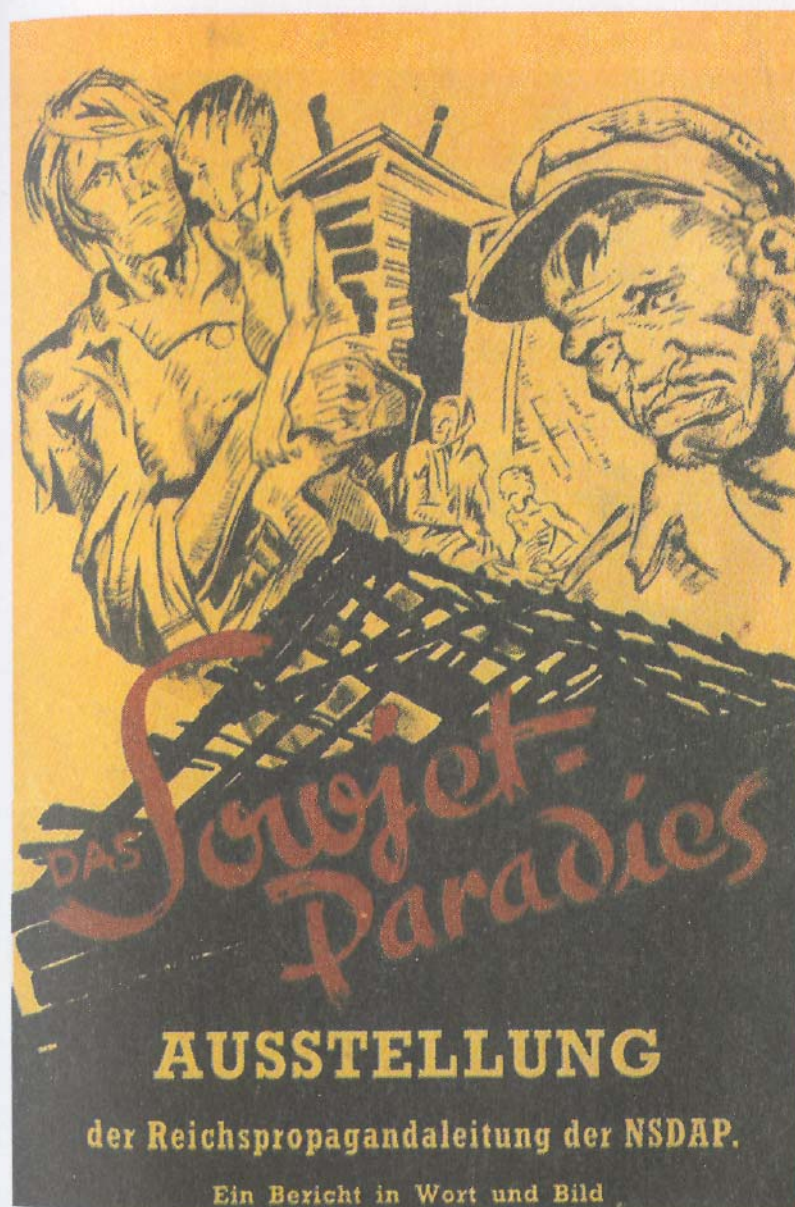

Ил. 13

Ил. 14

А. Копылов. 41 г.

**СМЕРТЬ
ФАШИСТСКОЙ
ГАДИНЕ!**

Ил. 17

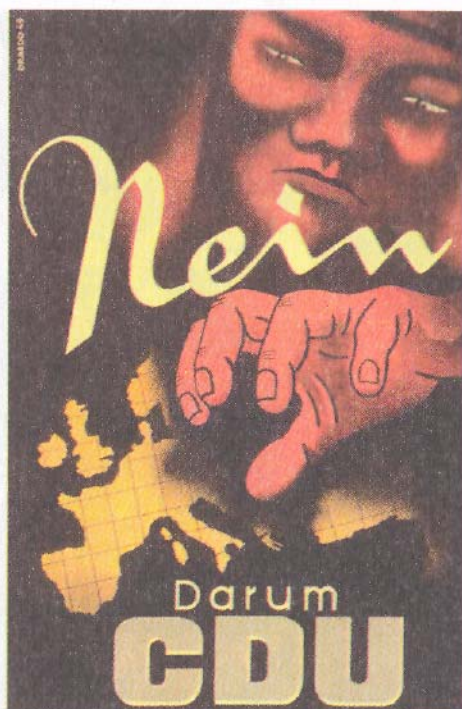
Ил. 18

Ил. 19

БЕЙ НЕМЕЦКИХ ЗВЕРЕЙ!
УНИЧТОЖИТЬ ГИТЛЕРОВСКУЮ АРМИЮ — МОЖНО И ДОЛЖНО.

Ил. 21

Ил. 22

Они и теперь ползают и уверяют в преданности, тогда как на душе у них таятся кинжалы, яд и убийства»⁶⁶.

Насколько навязчивым и в то же время емким символом «полонизма» был для представителей имперской власти тот же кинжал (олицетворявший собою коварное и низкое злодейство, средневековое изуверство, религиозный фанатизм и пр.), показывает курьезный рапорт витебского губернатора генерал-губернатору К. П. фон Кауфману в мае 1866 г. Губернатор доносил об уклонении православных крестьян одного из приходов от посещения пасхальной заутрени, причиной чему выставлялось слишком соблазнительное и завлекательное устройство ночной торжественной службы в соседнем костеле: «...Была представлена панорама картин страдания Спасителя, которая, при особенном освещении, приводилась посредством машины в движение и представляла зрителям то массы идущих людей, то Спасителя, несущего крест, то Матерь Божию, пронзенную в грудь кинжалом, то бегающего змея. Церковный же орган производил в это время музыку с громом, треском и звоном». Губернатор опасался, что столь натуралистичная репрезентация крестных мук может заронить в душу кого-либо из зрителей тягу к насилию и кровопролитию⁶⁷. Свойственные католической службе зрелищность и театральность понимались с этой позиции как потакание примитивным инстинктам толпы

и поощрение грубых суеверий черни. «Кинжал» в груди Богородицы наделяется коннотациями отсталости и варварства.

В Северо-Западном крае власть тем легче манипулировала стереотипами средневековой Польши, поляка-обскуранта и пр., чем отчетливее просматривалось в них социальное измерение. Во властной мифологии о мятеже 1863 г. «белая», шляхетско-клерикальная ипостась крамольного поляка доминировала над его «красным», нигилистическим воплощением, с которым гораздо чаще связывалось распространение революционного радикализма во внутренней России (впрочем, обе эти фигуры — мятежный пан и разночинец-нигилист — вовсе не были противопоставлены друг другу в полоно-фобном дискурсе)⁶⁸.

⁶⁶ РС. 1902. № 6. С. 496.

⁶⁷ LVIA<т>. 378, BS, 1864г., д. 1331а, л. За-Заоб. В ответ на запрос губернатора витебский декан (благочинный) разъяснил, что «действительно по обрядам римско-католической церкви принято в последние два дня Великого поста изображать в костелах страдания Господа нашего Иисуса Христа как можно натуральнее». Декан ненавязчиво поправил губернатора, указав на то, что скорбящая Богоматерь представляется в таких случаях «с мечом в гру-Ди», но не кинжалом (Там же, л. 4-4 об.). Об эволюции русских представлений о польской «крамоле» и их перекличке с польскими представлениями о русской революционной угро-

161

Если манифест повстанческого комитета в январе 1863 г. о даровании крестьянам земли заставил имперскую администрацию поспешить в западных губерниях с увеличением крестьянского надела и переводом крестьян в разряд земельных собственников, то само проведение этих аграрных мероприятий воистину развязало власти язык, позволив перенести на польского пана эмансипаторскую риторику о крепостнике-душевладельце, отточенную в либеральном обществе в годы подготовки реформы 1861 г. Детализированное описание эксплуатации крестьян и притеснений их владельцами становится в служебных документах своего рода речевой формулой. «...Владельцы считали крестьян за грубую, неразумную рабочую силу, не заботясь ни о нравственном, ни об умственном их развитии. ...В местностях, изобилующих лесами, помещики преимущественно занимали крестьян гонкою смолы в огромных размерах, разрушительно действующею на их здоровье, а в имениях, расположенных при сплавных реках... помещики отдавали крестьян в постоянные работники евреям на барки», — уведомлял императора генерал-губернатор М. Н. Муравьев в своем итоговом докладе о реализации крестьянской реформы⁶⁹. Прямолинейная пропаганда с хорошо различимым крестьянофильским (по излюбленному определению многих историков — «демагогическим») подтекстом была не единственным способом, которым власть утверждала негативный образ пана — угнетателя народа. Символическая амбивалентность стереотипов и здесь сыграла свою роль: достоверность этой фигуры зависела от того, насколько отразится в ней — теперь уже в пародийном, сниженном, но все же узнаваемом виде — элементы представлений о блестящем и неподражаемом поляке-магнате. С этой целью совместными усилиями бюрократов и публицистов создается довольно последовательный нарратив об образе жизни, быте, привычках, нравах и т. п. знати Речи Посполитой.

Одним из самых его занимательных и в то же время дидактичных сюжетов стали т. н. «панские фацеции» (от фр. *facetie* — грубоватая шутка, увеселение). Речь шла о тех формах проведения шляхетского досуга, которыми Речь Посполитая славилась по всей Европе — эксцентричных и фантазийных эскападах, призванных демонстрировать богатство, щедрость, индивидуализм натуры, благородную неукротимость духа. Теперь же то, что для польской шляхты свидетельствовало о ее происхождении от непобедимых

зе см.: ГОРИЗОНТОВ Л. Е. Поляки и нигилизм в России. Споры о национальной природе «разрушительных сил» // Автопортрет славянина. М., 1999. С. 143-167. LVIA Ф. 439, оп. 1, д. 56, л. 1 об.-2 (копия доклада).

162

⁶⁹

завоевателей — сарматов, перетолковывалось в совсем ином ключе. Так, печатавшийся в «Вестнике Западной России» знаток преданий о фацециях Потоцких и Радзивиллов повествует о том самом, что с такой щемящей ностальгией воспето Адамом Мицкевичем в «Пане Тадеуше», — умопомрачительных кутежах, лихих «наездах» (стычках между шляхетскими кланами из-за проблем наследования имущества и т. д.), любовных интригах, роскошных охотах. Но под заряженным полонофобией пером светскость, утонченность, эстетизм и прочие предполагаемые достоинства шляхты оборачиваются авантюризмом, невежеством, праздношествованием, социальным паразитизмом и эгоизмом. (Замечу вскользь, что в некоторых аспектах пересказ панских фацеций прямо-таки предвосхищает традицию современных анекдотов о «новых русских».)

В конечном счете фацеция преподносилась как симптом исторической деградации польской шляхты, что усиливало коннотации средневекового мракобесия в стереотипе роскошествующего шляхтича: «Фацеция — не случайное явление в жизни одного-другого польского оригинала; происхождение ее объясняется складом ума и сердца, быта и привычек польского панства, историей Польши и связью ее с историей средневекового рыцарства. Польский пан считал своею обязанностью корчить западного барона-феодала, у которого была своя собственная фантазия и который немногим иногда отличался от разбойника и грабителя. Громадное богатство магнатов, выжатое прессом бесконтрольной деспотии из беззащитного холопа, праздная, пьяная жизнь, невежество... развитие одной панской фантазии с ущербом для развития высших способностей духа, полное отсутствие разумных, общепользованных занятий, развлечений, достойных человека, христианина, гражданина, крайнее развитие тщеславия, высокомерия, самоволия, буйства — все это вместе дало жизнь фацеции, имевшей немалое влияние на ложные отношения пана к окружающей его среде, на извращение и поправление законов божеских и человеческих, на безурядицу политическую, на самое падение Польши»⁷⁰.

На превращение Польши в хронотоп дремучего Средневековья была нацелена также семиотизация ландшафта мятежного края, которая осуществлялась посредством и конвенциональной риторики, и практики управления. Изобилие густых и болотистых, а зачастую и непроходимых лесов на территории северо-западных губерний было самоочевидным фактом. Однако эта черта ландшафта неустанно и на разные лады акцентируется, обретает значение символа экономической и культурной отсталости польской шляхты.

⁷⁰ И... ь. Панские фацеции // Вестник Западной России. 1864/1865. Т. III, кн. 10, апр. Отд. IV. С. 97-114 (цитата — с. 97-98); кн. 11, май, отд. IV. С. 179-199.

163

Дискурс власти расщепляет географическое пространство края на два символических измерения, ассоциируя леса со шляхтой и изменой, а открытую местность — с «народом» и верностью. Эта фигура двойного противопоставления была использована Муравьевым в его преисполненном пафоса воззвании к «сельским обывателям» от 2 июня 1863 г.: «...Смело и без боязни станьте лицом к лицу против бунтовщиков, которых страх наказания гонит в леса, а грабеж и разбой вызывают отсюда на ваши селения»⁷¹.

Смысловая структура, сопрягающая злокозненного «пана» и дремучий лес, нашла широкое применение в графоманском стихотворчестве во славу усмирителей мятежа, давшем в те годы на редкость богатые плоды. Это шаблонное и незатейливое, хотя и не всегда бескорыстное сочинительство, может быть, нагляднее всего обнаружило высокую степень восприимчивости рядовых верноподданных к воздействию властной риторики. Ограничусь двумя типичными примерами. Помещик Гродненской губернии, отставной подпоручик И. П. Веймарн в январе 1865 г. поднес М. Н. Муравьеву поздравительную «оду», которая начиналась следующими строками:

Во время грустного раздора,
Когда кичливый, думный лях,
Изменник, не страшась позора,
Предательски залег в лесах;
Когда наемные убийцы
Жизнь не щадили и девицы;
Когда в Варшаве совершился
Богореступный замысел злой
И выстрел дерзкий разразился
Над брата Царского главой..."

Связь «кичливого» шляхтича и леса, как видим, дополнительно оттенена рифмой.

Другой отставной военный, тоже подпоручик, А. Квашнин-Самарин, весной 1863 г. счел патриотическим долгом предложить для публикации в центральной прессе свой опус под названием «Польским панам повстанцам. Мнимым либералам и патриотам». Послание звучало столь зажигательно, что Петербургский цензурный комитет, к тому моменту уже вполне настроившийся на полонофоб-ную волну, не пропустил его, указав на избыток «оскорбительных» слов. Эти последние сплетаются у Квашнина-Самарина в целую череду символических клише:

⁷¹ Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева по усмирению польского мятежа... С. 104, 229.

⁷² LVIA, Ф. 378, BS, 1864 г., д. 224, л. 83.

164

О вы, тщеславные [в другой версии — безмозглые. — М.Д.] поляки!
Надменный, глупый панский сброд,
Охотники до смут, до драки!

Заглохший отсталой народ!
О! Призраки веков протекших,
Фантомы рыцарей, Ягелл,
Зачем восстали, для насмешки,
Из ваших дедовских могил?
*В век просвещения и прогресса,
Дорог железных и машин
Турниры, вздумали средь леса
Давать без всяких нам причин!*^{1*}

Обратим внимание на то, как органично сочеталась полонофобия с прогрессистской риторикой эпохи Великих реформ. Польский мятеж, описанный в терминах «фантомной» средневековости, предстает вызовом всей новейшей европейской цивилизации, рационализму и позитивизму, что подчеркивается оппозицией леса (как места бессмысленных рыцарских турниров) и пронизавшей его железной дороги.

Эта же выразительная оппозиция была объективирована и в чрезвычайном административном мероприятии — вырубке леса вдоль полотна железных дорог на всей территории Северо-Западного края. Об устройстве таких довольно широких просек М. Н. Муравьев распорядился вскоре после вступления в генерал-губернаторскую должность в мае 1863 г. Разумеется, прежде всего преследовалась вполне утилитарная цель — обеспечить безопасность движения на открытых незадолго до того линиях, имевших стратегическое значение. Но, помимо того, расчистка пространства вдоль железной дороги заключала в себе доходчивое символическое послание: решительное вторжение в лесные пределы служило метонимией репрессий против крамольной шляхты. Не случайно Муравьев, когда до него дошли слухи о сопротивлении землевладельцев убыточному для них мероприятию, изрек по адресу лесов свирепую угрозу, как если бы это был живой враг: «Если некем будет вырубить леса, я их сожгу»⁷⁴. В дальнейшем сама практика подсказала, как можно усилить производимое вырубкой впечатление борьбы с панской Польшей: немалая доля поваленного леса, даже в частных владениях, даром отдавалась созданным на эту работу крестьянам⁷⁵. Цивилизующее обновление ландшафта сопровождалось осязаемым благодеянием для лояльной народной массы.

⁷³ Цит. по: G L E в о с к і H. Fatalnasprawa... S. 363. (Курсивмой.) — М.Д.) ⁷⁴ Днльвиг А. И. Мои воспоминания. [М., 1913]. Т. III. С. 240. "МУРАВЬЕВ М. Н. Записки об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа // РС. 1882. № 11. С. 427-428.

4. ПРОЦЕСС ВЗАИМНОЙ СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ

Попытка аргументировать тезис о полонофобии 1860-х гг. как дискурсивной инженерии, нарочитом конструировании чуждости влечет за собой вопрос о взаимодействии в этой стратегии автостереотипов русских (представлений русских о самих себе), русских стереотипов поляков и польских стереотипов русских. Хорошо известно, что в доиндустриальных обществах образ «другого» или «чужого» не был просто лишь результатом «неподдельного» изумления или отвращения перед непривычным и незнакомым. Скорее «чужой» являлся отображением собственных качеств и свойств данного социума, которые в силу разных причин не могли или не должны были быть опознаны и признаны как собственные⁷⁶. С этой точки зрения образ «другого» создавался не на почве действительного незнакомства, а в устойчивом режиме культурной близости и даже взаимного понимания (пусть даже тщательно маскируемого). Для такой операции требовалось отобрать узнаваемые черты и атрибуты, способные пробуждать эмоции и волновать, из багажа уже имеющихся сведений и впечатлений.

Читатель, наверное, уже заметил, что окарикатуренный портрет роскошествующего польского «пана» живо напоминает, вплоть до некоторых деталей (безусловно, не всех, ибо иначе пропадал бы колорит инакости), фигуру отечественного самодура-крепостника, сошедшую со страниц беллетристики социального или близкого к нему направления, как и публицистических текстов эмансипаторов. Упивающийся своими «фацециями» князь Радзивилл (я веду речь о мифе, а не о конкретном представителе славного рода) — чем не пара Кирилу Петровичу Троекурову из «Дубровского» А. С. Пушкина? А если копнуть чуть глубже, то можно предположить, что сама русская антикрепостническая и эмансипаторская риторика вобрала в себя ряд польских мифологем о «московском варварстве». Упрощенно говоря, представление «чужого» о тебе или представление о том, как ты и/или твои соотечественники выглядят в глазах «другого», оказывает влияние на процессы идентификации внутри общества в кризисный момент, после чего бумерангом возвращается «чужому» в форме «наших» стереотипов его самого.

Разумеется, такая модель описывает ход двусторонней взаимной этностереотипизации в самом общем виде. Между тем недавняя работа А. С. Мыльникова о структурах этнокультурного взаимовосприятия в Восточной Европе XVI — начала XVIII в. убедительно продемонстрировала плодотворность применения т. н. «эзотерическо-экзотерического» метода в имагологических исследованиях⁷⁶. Ш т и х в Е Р. Амбивалентность, индифферентность и социология чужого // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. I, № 1.

166

следованиях: «...Эзотерический подход означает выяснение того, что определенная группа думает о себе и что, по ее мнению, думают о ней другие группы; экзотерический подход означает выяснение того, что определенная группа думает о других и что она думает, что другие группы думают, о чем думает она»⁷⁷. Данная перекрестно-многоуровневая формула помогает глубже понять логику многих действий имперской власти в общих рамках стратегии полонофобии. Ограничусь несколькими примерами, показывающими, что знание или догадка о собственном образе в глазах поляков могли как стимулировать, так и, напротив, сдерживать реализацию полонофобных представлений в административно-политической практике.

Вполне очевидным механизмом полонофобии было сознательное повседневное инсценирование брутальной роли «варвара-москаля», как она рисовалась русским, знакомым с польским антиимперским нарративом. Особым старанием соответствовать зловещему трафарету отличился казачий генерал Я. П. Бакланов, командовавший в 1863-1864 гг. войсками в подчиненных виленскому генерал-губернатору восточных уездах Царства Польского. Об этом он с откровенностью, может быть, наивной, а скорее всего — преднамеренно эпатирующей, повествовал семь лет спустя в мемуарах. По словам Бакланова, он удачно эксплуатировал существовавшее среди польской шляхты предубеждение на свой счет: «...Л человек дикий и варвар, как гунн, и... не питаюсь мясом животных, а пожираю детей». Трепетавшие Бакланова поляки (их отчасти можно понять, только лишь взглянув на портрет генерала) не были оригинальны в приписывании ему каннибальских склонностей — такова была одна из расхожих европейских мифологем о казаке, пришельце из диких степей⁷⁸. Но вот реакция самого генерала на это мифотворчество была действительно неординарной. Узнав, что его адъютант, опрошенный одной шляхтянкой о том, «ктурых пан янарал уважа дети, тлустых альбо мизерных», возмущенно отрицал чудовищные пристрастия своего командира, он, Бакланов, строго приказал не опровергать такие толки, а всячески поощрять: «...Подобное настроение умов много поможет к водворению спокойствия в губернии»⁷⁹.

К анекдотическому привкусу истории Бакланова заставляют отнести серьезно свидетельства об аналогичных, хотя и выраженных

"Мыльников А. С. Картина славянского мира: Взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI — начала XVIII века. СПб., 1999. С. 13-И, см. также с. 231-241. ^БАКЛАНОВ Я. П. Моя боевая жизнь//РС. 1871. №8. С. 157.0 стереотипе казака см.:КАБАКОВА Г. Свечкоед. Образ казака во французской культуре XIX века // Новое литературное обозрение. 1998. № 34. С. 55-77. ^БАКЛАНОВ Я. П. Указ.соч.С. 157-158.

167

ных не в столь экстремистской форме, приемах М. Н. Муравьева. Племянник виленского правителя сообщал в частном письме в июне 1864 г.: «У Михаила Николаевича только и речи, что о Литве, и выражения его при посторонних и подчиненных об усмирении уже поляках возмутительны; наедине он человечнее, видно такая система»⁸⁰. Можно предположить, что той же «системой» объяснялось пристальное внимание Муравьева ко всевозможным направленным против него и его администрации памфлетам, изобличениям, сатирическим текстам и карикатурам, наконец, просто ругательным письмам, присылавшимся в Вильну. В основном авторами этих творений были поляки. Даже в самые напряженные дни подавления мятежа генерал-губернатор находил время для просмотра или выслушивания такой почты⁸¹, и сомнительно, чтобы при созерцании, например, своего изображения в виде оскалившегося уродца, наказываемого повстанческой розгой, им руководило некое извращенное удовольствие. Ознакомление с методами собственной диффамации позволяло нащупать скрытые страхи противника, с прицелом на которые выстраивалась в дальнейшем определенная линия публичного поведения или риторики⁸².

Пропагандисты полонофобии обращали против поляков те или иные черты в монстроподобном образе «москаля», наделяя их значениями польской трусости и малодушия. Цитированный выше А. П. Стороженко в рассказе «Видение в Несвижском замке» — прозрачной аллегории на тему смерти «панской» Польши — вложил в уста поляка, доказывающего бесполезность продолжения

восстания, красноречивую тираду: «[Муравьев] подавил восстание средствами, внушенными ему самим демоном, — нас поразили в самое чувствительное место: ударили по карману*. Медвежьей лапой расшатал он здание, которое мы и наше духовенство веками создавали, и вот, говоря, приближается то время, когда оно рухнет...» Начавших было спорить собеседников он вгоняет в ужас описанием неминуемых кар, «полонофобность» которых, пожалуй, превосходит

⁸⁰ Отдел письменных источников Государственного исторического музея.

Ф. 254, №508, л. 87.

"Никотин И. А. Из записок//РС. 1904. №2. С. 328.

Вполне закономерно, что при разборе бумаг Муравьева после его смерти в 1866 г. собрание всевозможных поздравительных и приветственных посланий ему было оставлено семье, тогда как коллекция полученных им в Вильне «ругательных писем» передана по распоряжению императора в Третье отделение. Власть нуждалась в материалах для изучения русофобии! (См.: LVIA. Ф. 439, оп. 1, д. 74, л. 15-16.)

¹ Имеется в виду одна из самых одиозных репрессивных мер Муравьева — взыскание с каждого польского землевладельца ежегодной контрибуции в размере 10% с дохода.

168

⁸²

реальную репрессивную политику Муравьева: «...С вас следует уже штраф и за то, что вы разговариваете по-польски... Прежде чем вы перейдете плотину замка, всех захватят москали и отведут в Вильну и всех перевешают на Лукишках»⁸³.

Другим проявлением перекрестной стереотипизации было преднамеренное и расчетливое подыгрывание противнику, которое, провоцируя его на жесткие меры или утрируя уже предпринятые действия, придавало его образу гротескные черты, выглядевшие тем более убедительно и достоверно, что в них угадывалось отражение повседневной практики.

Один из таких примеров — разработка и исполнение распоряжений виленской администрации о борьбе с широко распространенным среди местных католиков обычаем возведения памятных крестов и статуй святых в полях, при дорогах и пр. Власти еще до начала восстания подозревали, что во многих случаях установка таких крестов имела характер политической манифестации или протеста. В июле 1864 г. гродненский губернатор первым всерьез забил тревогу: кресты в последнее время сооружаются «в значительном количестве», причем «с неизвестною правительству целью». Генерал-губернатор Муравьев немедленно отреагировал на донесение своего подчиненного изданием циркуляра — запретить сооружение «вне костелов» «крестов и других каких-либо священных изображений, без предварительного на то разрешения гражданского начальства». Правда, предложение гродненского губернатора о том, чтобы потребовать от землевладельцев и крестьянских должностных лиц отчета о цели водружения всех уже имеющихся крестов (комизм ситуации совершенно прозрачен), — это предложение не нашло у Муравьева поддержки. И дальнейшие события показали, что генерал-губернатор имел все основания опасаться доведения своего приказа до абсурда.

Через две недели после издания циркуляра в Вильне было получено отношение консистории Тельшевской римско-католической епархии (Ковенская губерния) — почти исключительно литовской по этническому составу населения. В нем сообщалось, что духовенству епархии строго поручено «несколькократно» огласить циркуляр Муравьева «во всех костелах собравшемуся народу». Казалось бы, католические иерархи заслужили похвалу за помощь власти в противодействии опасному народному суевию? В Вильне, однако, новость из Тельшева встретили совсем иначе. Генерал-губернатор в весьма суровом тоне указал консистории, что всенародному оглашению в церкви подлежат лишь высочайшие манифесты и указы, но отнюдь не административные распоряжения⁸⁴. Иными словами, Муравьев усмотрел в действиях

тельшевского духовного

⁸³ Вестник Западной России. 1864/1865. Т. II. кн. 6, дек., отд. IV. С. 229—230.

⁸⁴ LVIA Ф. 378, BS, 1864 г., д. 1335, л. 1-2, 3, 22-22 об., 23-23 об.

169

начальства диверсию под маской усердия: назойливое зачитывание циркуляра в костелах должно было настроить простонародье, приверженное своим религиозным обычаям, против местной администрации. Мы видим, как на практике работала формула «Что они думают о том, чего хотим мы».

Догадка Муравьева о том, что «они думают о нас», была, скорее всего, верной. Вскоре в Вильну начали поступать донесения о ксендзах, которые под предлогом буквального понимания слов «вне костелов» не разрешали прихожанам ставить кресты даже на кладбищах. Полагая, что толковать в таком смысле циркуляр могут лишь те, кто хочет возбудить «неблагоприятные толки в народе» (имелись в виду слухи о насильственном переводе всех в православие), Муравьев наказывал

причастных к тому лиц еще более сурово, чем инициаторов водружения сомнительных крестов. Самым же показательным моментом во всей этой истории было то, что утрированный образ полонофоба, на который намекало нарочито буквальное исполнение запрета, нашел свое реальное воплощение в некоторых русских администраторах. Так, витебский губернатор Веревкин, уведомляя военных начальников уездов о циркуляре генерал-губернатора, самовольно добавил к нему еще один пункт: «...Кресты, сооруженные без дозволения... должны быть немедленно сняты и преданы огню». Трудно было точнее вписаться в хрестоматийное представление о бездушном варваре-«москале» — переломленный крест выступал неизменным символом страданий католиков под имперским игом! Муравьев немедленно дезавуировал распоряжение губернатора и поставил ему на вид этот акт административного произвола⁸⁵.

Интригующий опыт манипуляции стереотипом «чужого» в русско-польском конфликте в Северо-Западном крае явили собой некоторые необычные приемы, которые местная администрация использовала для перевода, или, по официальной терминологии, «возвращения» католического населения (как крестьян, так и мелкой шляхты) в православие в составе целых приходов. Это один из тех случаев, когда полонофобы пытались утилизировать не только представления о собственном образе в глазах поляков, но и компоненты тех или иных версий польского «автопортрета».

В первые годы после подавления восстания бюрократы разных рангов и уровней усматривали главное препятствие на пути «оправославления» католического населения в фанатизме католиков⁸⁵. Там же, л. 40-40 об., 27-27 об., 25, 26. Теми же соображениями — не переусердствовать с вхождением в образ брутального «москаля» — было вызвано предписание Муравьева губернаторам в декабре 1864 г.: снять «неуместные» ярлыки на дверях почтовых станций, запрещающие говорить по-польски. (LVIA Ф. 378, BS, 1864 г., д. 401, л. 1 —5 об.).

170

ческих священников и их безграничном влиянии на покорную и безответную паству. Как доносил в октябре 1865 г. исправник Могилевского уезда, «во многих местах» шляхтичи признают, что «если бы было поменьше костелов и в особенности ксендзов, они не задумываясь исполнили бы желание Правительства, боясь только одного, что ксендзы их проклянут и вообще им не будет от них житья»⁸⁶. Рисуемая столь мрачными красками фигура ксендза выступала убедительным обоснованием очень популярного в среде тогдашних русификаторов лозунга: «Отбросить католицизм за Неман»⁸⁷. Накал противостояния и соблазн прямого административного принуждения к переходу в «веру предков» были так велики, что в конце 1865 г. даже генерал-губернатор К. П. фон Кауфман, не отличавшийся особой терпимостью к католицизму, указывал в одной из инструкций могилевскому губернатору, чтобы чиновники не «проповедовали» православие «именем Правительства, которое отнюдь не должно быть вмешиваемо в разговоры о религии»⁸⁸.

К 1867 г. методы массового перевода в православие заметно обновились, что было бы невозможно без реконтекстуализации общего стереотипа католического священника. Русификаторы, в частности, предприняли попытку организовать «возвращение» целых селений в православие не иначе как «через ксендзов», изыскивавших готовность обратиться в православных священников в собственном приходе⁸⁹. Враг становился удобным и эффективным вспомогательным орудием! Наиболее впечатляющие в количественном отношении результаты были достигнуты в Минской губернии, где эту кампанию курировал и направлял энергичный практик русификации А. П. Стороженко, ратовавший за осуществление таких же мер и в Виленской губернии. Из его секретных писем генерал-губернатору Э. Т. Баранову уясняется чрезвычайно любопытный взгляд на ксендза — союзника власти. За этим последним признавалось полное

⁸⁶ LVIA Ф. 378, BS, 1864 г., д. 1331, л. 232 об.

⁸⁷ Владимирова А. П. Из новейшей летописи Северо-Западной России. История плана располычения католицизма в Западной России // РС. 1885. № 10. С. 101. См. также: спичаков Л. А. Православие и Римское католичество на Западной окраине России // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1872. Кн. 2, отд. V. С. 206-233.

⁸⁸ LVIA Ф. 378, BS, 1864 г., д. 1331, л. 230.

⁸⁹ В тот же период в виленской администрации начинается интенсивное обсуждение другой нетрадиционной русификаторской меры — замены польского языка русским в римско-католическом богослужении. См. подробнее: WEEKS T. R. Religion and Russification: Russian Language in the Catholic Churches of the «Northwest Provinces» after 1863 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2001. Vol. 2, № 1. P. 87-110; STALIUNAS D. «The Pole» in the Policy of the Russian Government... P. 50-52.

одобрением писал, что его «закидали пасквилями, в которых называют его рабом московского тирана, Иудею предателем», но он «мало обращает внимания на эти выходки и беспощадно присоединяет Медведовских [прихожан] к православию»⁹⁰. (Неизбежно возникающий вопрос о том, как смотрели на эти обращения сами обращаемые, каково было при этом их духовно-религиозное состояние и пр., сознательно выносится за рамки данной статьи.)

Критерии отбора ксендзов, подлежащих «переквалификации» в православных священников, удивительным образом сочетали в себе прагматический, чтобы не сказать циничный, расчет и размахистое мифотворчество. С одной стороны, ставка откровенно делалась на корыстную заинтересованность ксендзов в обращении паствы в православие. «...Не только не фанатик, но скорее неверующий и поклоняется только золотому тельцу, отечество его там, где ему хорошо... Умен, изворотлив, деспот с своими прихожанами, одарен силою воли и нещекотливою совестью», >— так рекомендовал Стороженко одного из своих наиболее перспективных протеже, бравшегося оправославить многолюдный католический приход в Виленской губернии. С другой же стороны, русификаторы, стремясь оправдать довольно рискованное мероприятие, совмещали этот сниженный, меркантильный образ католического священника с мифологемой о его фанатизме и страсти к прозелитизму. Приглашая католиков переводить целые приходы в православие, они апеллировали к идеалу миссионера, спасителя людских душ, который, как предполагалось, не исчезал из сознания самого сребролюбивого ксендза. «...Ксендзы, — развивал эту мысль Стороженко, — вводили в Западном крае латинство, а теперь, по пословице „клин клином выбивают“, те же ксендзы обращают католиков в православие. Лучших пропагандистов трудно отыскать, ксендзы по части прозелитизма *сих дел майстера*»⁹¹. Замысел ясен: вредоносная энергия должна быть направлена в нужное русло, на благие цели.

Хотя по изученным мною источникам трудно с уверенностью судить о внутренних мотивах столь неординарных поступков ксендзов, можно предположить, что они не оставались безучастными к актуализации стереотипов о них самих. А это свидетельствует о наличии обратной связи в процессах культурной стереотипизации.

⁹⁰ LVIA. Ф. 378, BS, 1864 г., д. 1331а, л. 58.

⁹¹ Там же, л. 61, 63, 64-64 об.

172

Рассмотренные в данной статье культурные механизмы имперской полонофобии предстают весьма подвижными и отзывчивыми к потребностям власти в символическом самоутверждении и возвышающей саморепрезентации. В качестве стратегий полонофобии могли использоваться: конструирование враждебной фигуры поляка как антагониста народного, «почвенного» тела России, смысловая инверсия оппозиций, структурировавших восприятие России поляками или русские полонофильские воззрения (например, модель «русский традиционализм versus польский космополитизм» вместо оппозиции «русское варварство — польская цивилизованность»)⁹². К этим способам примыкала и полонофобия в форме социального спектакля перед поляками — разыгрывание собственных ролей, увиденных (с разной степенью точности) отраженными в польской ментальноеTM, спекуляции на негативных ожиданиях, связанных с русофобным образом «москаля».

Отмеченная взаимная обратимость положительных и отрицательных черт стереотипного видения поляка подкрепляет предположение о том, что этностереотип не является унифицированной жесткой схемой восприятия «другого» или предзаданной матрицей коллективного сознания. Скорее это проект осмысления «другого», открытый альтернативным реализациям. Его можно описать как туго свернутую и ожидающую своего распрямления спираль различных смыслов и значений или — если прибегнуть к другой метафоре — как некий силуэт, который может быть по-разному превращен в объемное изображение.

Взаимозависимость между стерео-типизацией поляка и политической реальностью прослеживается и по другой линии. Мышление имперской полиэтнической элиты довольно медленно вбирало в себя приоритеты современного национализма, так что даже наи-

⁹² Взаимное «переатрибутирование» поляками и русскими черт отсталости, нецивилизованности, иррациональности и пр. может быть контекстуализовано в более широком пространстве просвещенческого экзотизирующего Дискурса (прежде всего в его вольтерьянской версии) о Восточной Европе, описанного Л. Вульфом. (В у л ь Ф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта Цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. См. в особ. с. 54-71, 149-164, 280-284, 351-360, 400-416, 484-498.) В этом случае сознательные стратегии польско-русской стереотипизации предстают состязанием за право выглядеть большими, чем соседи, европейцами в глазах Запада. Высказать со всей прямотой тезис о том, что, например, Николай I в своей полонофобии имел интеллектуальным предшественником Вольтера, было ^Rbi соблазнительно, однако необходим специальный анализ этой предполагаемой преемственности.

более brutальные усмирители восстания 1863—1864 гг. и русификаторы Западного края желали «разбавить» концентрацию этнического содержания в понятии «поляк» категориями, более совместимыми с устоями империи, с парадигмой имперской государственности. Поэтому в культивируемом ими образе поляка-врага значения мятежности, космополитизма, необузданного доктринерства, (псевдо)религиозного фанатизма, а также целого ряда моральных пороков приглушали идею об этносе как таковом. Носители перечисленных свойств были антагонистами, но антагонистами знакомыми и привычными для защитников имперского порядка. Риска вызвать упрек в парадоксализме, скажу, что этностереотипизация в данном случае осуществлялась именно для маскировки этничности.

С этой точки зрения этностереотип являлся составной частью единого дискурсивного пространства, в котором происходило его тесное взаимодействие с воображаемыми конструкциями социальной иерархии, моделями политического устройства, властными имиджами правителей. В результате данного процесса полонофобия наделялась скрытой функцией символизировать внутренние проблемы и болезни общеимперского организма. В частности, в середине 1860-х гг. негативный образ поляка подпитывался целым комплексом тревог и неврозов русского общества, вызванных болезненными эффектами Великих реформ, особенно подрывом традиционных социальных идентичностей. На поляков легко переносились страх за будущее самодержавия и дворянского сословия, сомнения в возможности сближения верхов с народом, неуверенность в прочности религиозных компонентов мировоззрения. Так, в контексте русско-польского противостояния в Западном крае стереотип польской аристократки — ненавистницы России и фанатичной проповедницы католической экспансии — мог обозначать миссионерскую пассивность и падение морального авторитета православного духовенства, стереотип политически искушенного и мечтающего о шляхетской олигархии «пана» выступал иносказанием дезинтеграции русского дворянства и утраты им этоса высокого служения и т. д.

Полонофобия была одним из тех звеньев «польского вопроса», которые буквально сковывали, если не сращивали его с социальными, аграрными, конфессиональными приоритетами во внутренней политике самодержавия. И это — еще один довод в пользу мнения о том, что объектом т. н. политики на «национальных окраинах» были не только эти самые окраины, но в не меньшей мере — центр, ядро и сердце империи.

АЛЕКСЕЙ НАЗАРОВ (Москва)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ВРАГА

в советских хроникальных

кинофотодокументах июня—декабря 1941 года

НАЧИНАЯ С ЛЕТА 1939 г. Германия перестала рассматриваться официальной советской пропагандой в качестве потенциального противника. Выступая 31 августа 1939 г. на внеочередной четвертой сессии Верховного Совета СССР, Председатель Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотов заявил: «...Советско-германский договор о ненападении кладет конец вражде между Германией и СССР, а это в интересах обеих стран. Различие в мировоззрениях и в политических системах не должно и не может быть препятствием для устроения хороших политических отношений между обоими государствами... Только враги Германии и СССР могут стремиться к созданию и раздуванию вражды между народами этих стран»¹.

Установки на поддержание мирных отношений, прозвучавшие в данном заявлении, продолжали определять характер официальных отношений между двумя странами вплоть до нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. Последний раз правительство СССР декларировало свою приверженность духу и букве советско-германских соглашений 1939 г. в заявлении ТАСС, прозвучавшем по радио 13 июня 1941 г., т. е. за неделю до вторжения вермахта на территорию СССР².

Таким образом, в предвоенные годы германский нацизм практически не рассматривался официальными средствами советской массовой информации и пропаганды (в том числе кинематографом и фоторепортажами) в качестве врага. Напротив, даже те негативные тона, в которых начиная с 1920-х гг. описывалась жизнь фашистской Италии, а позднее и нацистской Германии, в этот период

¹ Выступление Председателя Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотова на внеочередной

были резко смягчены и заменены на более дружелюбные³. В конце 1930-х — начале 1940-х гг. главными врагами Советского Союза внутри страны оставались так называемые «троцкисты», а на международной арене — «белофинны», «белополяки» и «японские милитаристы», поддерживаемые и «подстрекаемые» «западными империалистами».

Ситуация резко изменилась сразу после начала Великой Отечественной войны. 22 июня 1941 г., выступая по радио от имени советского правительства, народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов назвал агрессию Германии против Советского Союза «беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством» и «разбойным нападением», а противника — «завзятым врагом». При этом в заявлении подчеркивалось, что «эта война навязана нам не немецким народом, не немецкими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы»⁴. Далее звучал призыв к советскому народу подняться на Отечественную войну по примеру войны с Наполеоном⁵.

Чрезвычайно важно отметить, что в данном заявлении врагом была объявлена не Германия и не немецкий народ, а «клика кровожадных фашистских правителей». Подобная риторика входила в явное противоречие с призывами к развертыванию всенародной Отечественной войны, единственной целью которой, согласно тексту заявления, была победа над «завзятым Гитлером». Однако именно эта риторика во многом определила тот образ врага, который должен был предстать перед зрителями на экранах советских кинотеатров и на страницах газет. Говоря о репрезентации врага, в данном случае мы имеем ввиду репрезентацию солдата вермахта, сражающегося против Красной Армии непосредственно на советской территории, так как хроникальные по своей природе кинофотодокументы не могли в тот период запечатлеть работу военной промышленности в тылу нацистской Германии или деятельность гитлеровского руководства. Из этого следует, что главный и самый страшный враг остался за кадром, а показать лицо нацизма возможно было только с помощью образов людей, не являвшихся врагами по своей сути.

Поэтому враг на начальном этапе войны не мог быть представлен в образе жестокого, кровожадного и коварного оккупанта,

³ См.: М а л ы к о в А. Л. Современность как история. Реализация мифа в документальном кино. М., 2002. С. 108.

⁴ Война Германии против Советского Союза. 1941 — 1945. Hong Kong, 1994. С. 59.

⁵ См.: Там же.

борьба с которым требует напряжения всех сил страны. И поэтому же, очевидно, не случаен тот факт, что к числу первых снимков, сделанных непосредственно во время Великой Отечественной войны и повествующих о ней, можно отнести фотографию, опубликованную 27 июня всеми центральными газетами Советского Союза. Она была сделана фотокорреспондентом В. А. Теминым, и на ней изображен немецкий солдат-перебежчик Альфред Лискофф. Являясь солдатом саперного подразделения, направленного немецким командованием для проделывания проходов в проволочных заграждениях на советско-германской границе, 21 июня в 23 часа 00 минут (т. е. за 5 часов до нападения Германии на СССР) он перешел границу и сообщил советской стороне о намерениях вермахта. Позже этот человек написал антивоенное обращение к немецким солдатам, которое и было опубликовано вместе с его фотографией.

В это время практически полностью отсутствуют фотоснимки, фиксировавшие собственно боевые действия. Их место в печати занимают фотографии типа: «Сбитый немецкий самолет» (Л. Велик-жанина)⁶, «Четверка немецких летчиков-перебежчиков с Ю-88» (автор в газете не указан)⁷ и т. д. Подобные тенденции преобладали и в кинопериодике. Так, в двадцати двух номерах «Союзкиножурнала» (СКЖ) (№ 63—84)⁸, вышедших на экраны страны с 8 июля по 31 августа 1941 г., показано 12 штук одних только сбитых немецких самолетов и ни одного сбитого или даже поврежденного советского. И это в то время, когда советская авиация была на грани исчезновения и несла самые страшные потери в своей истории. Интересно отметить, что из двадцати двух упомянутых номеров СКЖ три были полностью посвящены тылу (№ 64, 65, 69)⁹, а один номер был сдвоенным (№ 66/67)¹⁰. Т. е. в восемнадцати фронтовых сюжетах было показано двенадцать уничтоженных вражеских самолетов, и это уже не говоря о сожженных танках, захваченных

трофеях, пленных и т. д.

Таким образом, в первые недели войны для изображения врага в советских кинофотодокументах использовались два основных визуальных образа: пленный немецкий солдат и разбитая техника вермахта (чаще самолеты), на фоне которой обычно позировали жизнерадостные красноармейцы, олицетворявшие победоносную Красную Армию.

Необходимо подчеркнуть, что подобный характер репрезентации врага отвечал ожиданиям значительной части граждан Со-

⁶ См.: Правда. 1941. 12 июля.

⁷ См.: Красная Звезда. 1941. 29 июня.

⁸ См.: РГАКФД. 4624-4644.

⁹ См.: Там же. 4625, 4626, 4629.

¹⁰ См.: Там же. 4627.

177

ветского Союза того времени и способствовал восприятию ими нового действующего лица (германского нацизма) в привычном образе «побеждаемого врага». Дело в том, что сравнительно легкие победы, одержанные Красной Армией в конце 1930-х — начале 1940-х гг. на Хасане, Халхин-Голе, в Польше, Прибалтике и Бессарабии, а также кровопролитная, но представлявшаяся победоносной советско-финская война сформировали в стране военную эйфорию и легкое, романтическое отношение к войне. Фотографии разрушенных финских укреплений на линии Маннергейма и захваченных на Дальнем Востоке японских трофеев и пленных¹² служили наглядным подтверждением тезиса о том, что Красная Армия выиграет любую войну «малой кровью и на чужой территории». «Военнослужащие не без энтузиазма заявляли о своей готовности выступить на освобождение «трудящихся любого государства, которые хотят мирной жизни» и о своем желании «оказать братскую помощь зарубежным братьям»¹³. Июнь 1941 г. был встречен Красной Армией и советским обществом с теми же представлениями о войне и о враге, которые были сформированы в предыдущий период. В СССР (особенно среди молодежи) были очень сильны патриотические и даже милитаристские настроения. Поэтому достаточно было экстраполировать образ врага, сложившийся в предвоенный период в отношении «польских панов», «белофиннов» и буржуазных правительств Прибалтики, на фашистскую Германию, и, по мнению советского руководства, задача мобилизации страны могла считаться решенной.

Инерция использования предвоенных стереотипов при формировании образа врага была настолько велика, что даже после тяжелейших поражений летних месяцев 1941 г., когда Красная Армия теряла в гигантских котлах сотни тысяч своих бойцов убитыми, ранеными и пленными, зрителям продолжали демонстрироваться кадры, изображавшие картину жестокого разгрома вермахта и его союзников.

В качестве примера можно привести кинофильм «Военнопленные»¹⁴, оператором, режиссером и сценаристом которого являлся Р. Гиков. Разрешительное удостоверение на показ этого фильма «во всякой аудитории» было выписано 2 сентября 1941 г. Из этого следует, что его съемки были завершены не позднее августа. Из

¹¹ См.: Агентство «Фото ИТАР-ТАСС», АООООBD5, АООООBD6, АООООBD9, АООООBDE, АООООBDF, АООООВЕО.

¹² См.: Там же. АООООBFO, АООООС71.

¹³ ТОКАРЕВ В. А. Советское общество и польская кампания 1939 г.: «Романтическое ощущение войны» // Человек и война. Война как явление культуры. М., 2001. С. 412.

¹⁴ См.: РГАКФД. 4969.

178

истории мы знаем, что в конце августа — начале сентября 1941 г. шли очень тяжелые и упорные бои за Киев. Под угрозой окружения в это время находилось более шестисот пятидесяти тысяч советских солдат и офицеров, а еще за два месяца до этих событий на Западном фронте в плен попало около полумиллиона наших воинов. Вполне логично было бы предположить, что фильм под названием «Военнопленные» должен быть посвящен их судьбе. Однако в действительности он рассказывает о пленных солдатах противника.

Кинофильм начинается со сцены построения и проверки в лагере военнопленных. На плацу стоит несколько сотен немецких, финских и румынских солдат. Эти кадры сопровождает надпись в титрах: «Это стало обычным явлением в прифронтовых районах». При этом на крупных планах изображены солдаты в немецкой и румынской форме, а на общих в колоннах среди военных можно заметить людей в штатском. Из этого можно сделать вывод либо о том, что вместе с настоящими военнопленными, захваченными на поле боя, также содержались и гражданские лица,

задержанные по подозрению в измене, диверсионной деятельности и шпионаже (что нередко случалось в начале войны), либо о том, что Р. Гикову для демонстрации больших масс пленных просто не хватило реальных немцев, и он воспользовался услугами массовки, чтобы «организовать» этот факт.

Пленные проходят колоннами перед камерой, диктор перечисляет названия элитных частей вражеской армии, представители которых особенно активно сдаются в плен, среди них — Королевская лейб-гвардия Румынии*. Очевидно, упоминание подобных частей должно было вселить в советских воинов и мирных граждан уверенность в том, что даже цвет вражеской армии уже наголову разбит и практически не способен сопротивляться, что победа близка и разгром противника неизбежен. Далее диктор рассказывает о том, что пленных разных национальностей приходится содержать отдельно друг от друга, так как даже в плену союзники не ладят между собой — и презирают друг друга. В закадровом тексте звучат слова: «Страх перед немецкими господами и их лакеями гонит еще на фронт румын и финнов, но здесь, в плену, пропадает боязнь. Обманутые румынские и финские солдаты проклинают Гитлера и его свору». Подобное утверждение, конечно же, указывает зрителю на то, что блок фашистских государств неминуемо развалится в бли-

* Нам не удалось найти подтверждений тому, что Королевская лейб-гвардия Румынии участвовала в военных действиях летом или осенью 1941 г. На Южном фронте в составе IV румынской армии воевал V армейский корпус, в который входила Гвардейская дивизия. Авторы кинохроники, по всей видимости, изменили название подразделения — намеренно, для достижения особого эффекта, или же неосознанно.

179

жайшее время и вермахт, оставшись без финских, итальянских, румынских союзников, будет вынужден отступить под ударами Красной Армии.

Завершается кинофильм сценой, в которой немецкие солдаты 185-го полка пишут воззвание к своим товарищам с призывом сдаваться в плен: «Во второй половине июля месяца нас впервые бросили на передовые позиции, там мы могли убедиться в том, как красноармейцы умеют бороться. Наша рота была окружена, и мы считали самым правильным спасти нашу жизнь и сдать в плен».

Как уже отмечалось, фильм начинается с надписи, указывающей на то, что действие происходит в «прифронтовом районе». Однако впоследствии выясняется, что в одном лагере вместе с немецкими солдатами содержатся также румыны и финны. Как известно, финские войска сражались с Красной Армией в Заполярье и на Северо-Западном фронте, а румынские — на Южном и Юго-Западном. Таким образом, встретиться в одном лагере эти пленные могли только в глубоком тылу Советского Союза* будучи перевезенными уже за несколько сотен километров от прифронтовых районов. Об этом же свидетельствуют и кадры, запечатлевшие выгрузку пленных из железнодорожных вагонов после одной из перевозок, и внушительный, фундаментальный вид лагерных строений, которые было бы очень сложно и к тому же не нужно возводить вблизи от быстро меняющейся линии фронта. Еще одним свидетельством того, что события фильма развивались далеко от советско-германского фронта, может служить тот факт, что в нем нет ни одного кадра, запечатлевшего сдачу неприятельских солдат в плен или допрос только что плененных врагов. Из всего этого можно сделать вывод о том, что Р. Гиков проводил съемки не в частях действующей армии, а на одном из тыловых сборных пунктов военнопленных. Вероятно, на то были объективные причины, основной из которых являлось отсутствие в то время в отдельных частях и подразделениях Красной Армии такого количества пленных, которое могло бы убедить зрителей в том, что армии фашистских стран разваливаются на глазах и близки к катастрофе.

Здесь мы видим, что образ вражеского солдата, созданный советской кино- и фотодокументалистикой с помощью перебежчика А. Лискоффа в июне 1941 г., продолжал активно использоваться советской пропагандой в различных вариациях достаточно длительное время. Этот образ формировал представление о германских солдатах как о слабых, безвольных, глупых и самовлюбленных людях, которые в массе своей не хотят и боятся воевать и мечтают лишь о том, как бы поскорее сдать в плен Красной Армии.

Однако события первых недель Великой Отечественной войны показали, что для того, чтобы поднять людей на борьбу с врагом, мало показать им уже достигнутые успехи. Так можно только усы-

180

пить любые опасения. Поэтому нужно было еще вызвать ненависть к врагу, желание не просто

победить, а лично взяться за оружие и стоять насмерть. А такого эффекта можно достичь, лишь показав дикость и беспощадность врага, его зверства, не вызвав при этом панического страха перед ним. Этого можно было добиться, дозируя информацию о своих победах и вандализме противника, представляя ее в нужных пропорциях. Таким образом и действовали советские органы пропаганды.

В первые же недели войны на страницах газет появились снимки жертв фашистского вторжения. В газете «Правда» возникла регулярная рубрика «По следам фашистских людоедов». 11 июля читатели впервые увидели на страницах газеты снятых В. Теминым колхозников, угоняющих скот из занимаемых фашистами районов¹⁵. Через две недели появился снимок без указания автора: «Советские дети, погибшие от налета немецкой авиации на Псковском шоссе»¹⁶. 12 августа был опубликован снимок М. Ананьина «Убитые в городе Острове после пыток красноармейцы и железнодорожник»¹⁷. Подобные снимки можно встретить в «Правде» от 15 и 22 августа, 6, 13, 25 сентября и во многих других номерах. При этом легко заметить, что со временем они появлялись все чаще.

Интересно, что непосредственно в указанных кадрах «вражеские» солдаты зафиксированы не были. Тем не менее враг присутствовал в них имплицитно, в качестве означаемого, означающим для которого стали следы его злодеяний.

Одним из первых кинодокументов, запечатлевших «новый» образ врага, можно считать снятые А. Г. Щекутевым на Юго-Западном фронте в августе 1941 г. виды разрушенного безлюдного города (к сожалению, пока не удалось более точно атрибутировать этот фрагмент сюжета кинолетописи)¹⁸.

Но все же в первые месяцы войны подобные документы были крайней редкостью. Даже эвакуация промышленных и сельскохозяйственных предприятий Советского Союза, которая лишь косвенно свидетельствовала о поражениях и отступлении Красной Армии, в начале Отечественной войны почти не нашла отражения в кинофотодокументах. В Российском государственном архиве кинофотодокументов (РГАКФД) за июнь—август 1941 г. был обнаружен только один такой снимок. Это — фотография Г. А. Зельмы «Эвакуация колхозов»¹⁹, датированная в каталоге 23-м июня.

¹⁵ См.: Правда. 1941. 11 июля.

¹⁶ Там же. 1941. 27 июля.

¹⁷ Там же. 1941. 12 авг.

¹⁸ См.: РГАКФД. 25041.

¹⁹ Там же. 344580.

181

Новое в характере изображения войны стало появляться, когда линия фронта начала приближаться к крупнейшим городам страны и население этих городов вышло на их защиту. Когда войной были затронуты районы, население которых составляло большинство населения СССР, — иными словами, когда зритель мог уже не только в кинотеатре, но и воочию увидеть, что из себя представлял враг, — и возможности обмануть его были сведены к минимуму.

В разных частях страны этот этап наступил в разное время. Оператор Ленинградской студии кинохроники А. Богоров вспоминал, что в июне — августе, когда город не бомбили, он снимал бодрые, жизнеутверждающие сюжеты: митинги протеста, аэродромы, зенитчиков, сбитые немецкие самолеты²⁰. Но как только Ленинград был взят в блокаду и начались систематические налеты на город, тематика сюжетов резко изменилась. А. Богоровым был снят пожар на крупнейшем в городе продовольственном складе имени Бадаева, разрушенном 8 сентября при первой же бомбардировке Ленинграда. Естественно, горожане и без кино знали об этом. А после того, как связь Ленинграда с Большой землей была прервана и с каждым днем начали таять шансы на спасение, появился стимул снимать не для информации современников, а для того, чтобы хоть кинопленка смогла показать потомкам преступления фашистов и, возможно, послужить свидетелем обвинения на будущих судебных процессах. Особенно это* чувство усилилось в самые тяжелые осенние и зимние месяцы 1941 г. В это время А. Богоров снимал разрушенные дома, госпитали, человеческие жертвы. 25 ноября в одном из гастрономов он снял выдачу блокадной нормы хлеба — 125 граммов на человека. Позднее эти кадры вошли в фильм «Ленинград в борьбе».

В сентябре 1941 г. С. Коган и В. В. Микоша снимали оборону Одессы. Среди прочего были сняты разрушения и баррикады на улицах города, эвакуация советских войск из Одессы²¹, 7

сентября в СКЖ № 87" появляется репортаж Т. З. Бунимовича и П. Д. Касаткина, большой отрывок в котором посвящен отправке тяжело раненных бойцов в тыл. А через неделю в СКЖ № 89** появляется репортаж Р. Кармена и Б. Шера с кадрами сожженной советской деревни. Б. Небылицкий в ноябре снимал оборону Тулы: отряды вооруженных рабочих на улицах города, строительство укреплений, трупы в развалинах домов²⁴.

В наиболее тяжелые дни обороны Москвы, когда среди местного населения поползли слухи о том, что город сдадут врагу и со-

"См.гБогоров А. Записки кинохроникера. Л., 1973.С.59.

²¹ См.: РГАКФД. 8600-I-XII.

²² См.: Там же. 4649.

²³ См.: Там же. 4651.

²⁴ См.: Там же. 11482.

W

182

противление бесполезно, на улицах столицы появились листовки, в которых рассказывалось не о победах Красной Армии, а о зверствах и безжалостности захватчиков (см. Приложение). Очевидно, такие воззвания должны были убедить москвичей в том, >что договориться с побеждающим врагом или спастись от него бегством не уда-стся и единственная возможность выжить самому и защитить своих близких заключается в том, чтобы победить или погибнуть в бою.

Таким образом, можно предположить, что описываемые нами изменения в характере фронтовых кино- и фотосъемок, проис-!-ходившие осенью — зимой 1941 г., не носили исключительно стихийного характера, а являлись частью хорошо продуманной и спланированной пропагандистской работы, направленной на поддержание боевого духа у .воинов РККА и мирного населения. Интересно, что в критический момент для этих целей начали использоваться приемы, которые считались неприемлемыми в предвоенные годы и в самые первые месяцы войны. В частности, в начале декабря 1941 г. в войска была направлена директива начальника Главного политического управления РККА армейского комиссара первого ранга Л. З. Мехлиса № 278²⁵, в которой политуправлениям фронтов и политотдела"! отдельных воинских частей предписывалось временно убрать из подзаголовков всех военных газет (до «Красной Звезды» включительно), а также с боевых знамен лозунгПролета-рйи всех стран, соединяйтесь!». По мнению высшего военного руководства Советского Союза, отдельные категории красноармейцев могли неверно интерпретировать этот лозунг в условиях войны с немецко-фашистскими захватчиками. Для внесения, полной ясности на освободившемся месте рекомендовалось разместить лозунг «Смерть немецким оккупантам,¹». В подобных примерах прослеживается трансформация идеалистического интернационализма 1930Чх гг. в направлении нового «советского патриотизма», которая во многом была связана с прагматическими соображениями.

Такие кардинальные изменения в риторике политического руководства страны потребовали и новой визуальной репрезентации образа врага. Однако фотокорреспонденты^ долгое время ориентировавшиеся на отражение событий лишь в определенном ракурсе, не сразу смогли предоставить такие фотоматериалы с мест боев, которые отвечали бы новым требованиям советской пропаганды и могли бы мобилизовать население страны для продолжения войны в критических условиях осени — зимы 1941 г. По этой причине в тот момент, когда советскому руководству понадобились наглядные свидетельства фашистской жестокости, их не оказалось.

В отчете о работе ТАСС за первое полугодие войны, составленном в феврале 1942 г., отмечается ряд крупных недостатков,

²⁵ ЦАМО РФ. Ф. 326. Оп. 5064. Д 2. Л. 124.

183

выявленных за начальный период войны в работе фронтовых корреспондентов Фотохроники ТАСС. К ним относятся такие характерные особенности снимков, как портретная статичность с преобладанием групповых съемок участников боев, низкая содержательность, недостаточность отражения боевых операций на разных фронтах, отсутствие оперативности. В отчете указывается, что в тех случаях, когда для печати не хватало снимков корреспондентов Фотохроники или они упускали съемку важных событий, практиковалось использование негативов и позитивов, найденных у убитых и плененных немцев.

Авторы отчета писали: «Немецкие солдаты и особенно офицеры нередко сами фиксировали на пленку фашистские «подвиги» — мародерство, грабежи, издевательства над населением и т. п. Эти кадры были нами с соответствующими текстами даны для опубликования в печати. Стремясь показать нашим читателям, каков «новый порядок», установленный фашистами в оккупированных странах Европы, Фотохроника ТАСС широко использовала для публикации в печати снимки, рисующие зверства гитлеровцев в Польше, Югославии, Чехословакии и других захваченных ими странах»²⁶.

Факт использования трофейных фотодокументов вместо отсутствующих своих свидетельствует о том, что уже в конце 1941 г. ограниченность содержания и неполная достоверность советских хроникальных кинофотодокументов, отражавших события, происходившие на фронтах Великой Отечественной войны, стали очевидными не только для руководства страны и специалистов, но и для зрителей и читателей, которых уже не могла убедить подобная подача информации. Первые победы советских войск, одержанные под Москвой зимой 1941/1942 гг., позволили кинодокументалистам, шедшим вместе с наступающей армией, заглянуть по другую сторону фронта. Они увидели там следы недавнего пребывания немецких войск: разрушения промышленных и жилых зданий, памятников культуры, жертвы среди мирного населения. Бессмысленно было пытаться утаить данные факты от мирного населения, которое видело все своими глазами.

А Крылов, бывший одним из первых советских операторов, попавших в освобожденную Ельню еще в начале сентября, писал: «Это ярчайший пример хозяйничанья вандалов двадцатого века. Все, что можно было разрушить, — разрушено, все, что можно было испоганить, — испоганено. Даже церкви «новые крестоносцы» превратили в конюшни, не говоря уже о разрушенных школах, больницах, яслях»²⁷.

²⁶ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 11. Д. 1252. Л. 125—126.

²⁷ Из кинолетописи Великой Отечественной. М, 1985. С. 81.

184

Очень сильными по своему эмоциональному заряду были кадры, отснятые О. Кноррингом в декабре 1941 г. в освобожденном музее-усадьбе Л. Н. Толстого «Ясная Поляна». Вид разоренной столовой²⁸ и «комнаты под сводами»²⁹, в которой немцы устроили казарму, говорил зрителю о том, что даже величайшие ценности мировой культуры не гарантированы от уничтожения в том случае, если они попадут в руки фашистов.

После освобождения Волоколамска советскими частями, 20 декабря, Р. Б. Халушаков снял митинг горожан у виселицы с казненными патриотами³⁰. Приблизительно в это же время А. Шайхет снял в Волоколамском районе сожженные фашистскими захватчиками крестьянские дома³¹. 29 декабря на экраны страны вышел СКЖ № 114³², в котором целый сюжет под названием «Не забудем, не простим!» был посвящен зверствам немцев в Ростове-на-Дону. Зрители увидели убитых женщин, детей и красноармейцев, оплакивающих их жителей освобожденного города. Автором репортажа был А. Ю. Левитан. Целая серия снимков, демонстрировавших жестокость врага, была сделана Б. Вдовенко в освобожденном Калинин 17 декабря 1941 г. К их числу относятся фотодокументы, запечатлевшие «Труп женщины на льду реки Волги, которая была заморожена гитлеровцами»³³, «Мост через Волгу в Калинин, взорванный немцами при отступлении»³⁴, «Больница в Калинин, сожженная гитлеровцами при отступлении»³⁵, «Разоренное помещение городской библиотеки в Калинин»³⁶ и др.

Еще до войны многие люди отлично понимали, что агитация и пропаганда не могут быть эффективными, если они сосредоточивают свое внимание лишь на демонстрации побед и успехов. Что кадры, достоверно отражающие тяготы войны, все то напряжение физических и духовных сил, с которым связан повседневный быт бойцов на фронте, гораздо лучше воодушевляют граждан страны на борьбу, чем парадное, лакировочное ее отображение.

Об этом еще в самом начале 1941 г. (т. е. до нападения Германии на Советский Союз) писал в своей статье генерал-майор И. Га-лицкий, давая оценку киносъемкам, проводившимся во время совет-

²⁸ См.: Агентство «Фото ИТАР-ТАСС». А000026С.

²⁹ Там же. А0000221.

³⁰ См.: РГАКФД. 1165.

³¹ См.: Агентство «Фото ИТАР-ТАСС». А0000207.

³² См.: РГАКФД. 4676.

³³ См.: ЦМАДСН. 79970.

³⁴ См.: Там же. 58845.

³⁵ См.: Там же. 58843.

³⁶ См.: Там же. 85412.

185

ско-финской войны. Он отмечал: «Слишком легко достаются победы, одерживаемые на экране. Многогранная жизнь такого сложного механизма, каким является Красная Армия, готовящаяся к упорным и сложным боям, показывается в кино упрощенно. Действительность лакируется, и вместо суровой школы специалистов военного дела перед зрителями нередко предстает чуть ли не институт благородных девиц»³⁷.

В первые месяцы войны руководство страны не воспользовалось этими рекомендациями. И даже сами кино- и фотооператоры, которым на месте должно было быть виднее, что и как снимать, руководствуясь этическими соображениями, не снимали наиболее выразительных картин народного горя и тягот отступления Красной Армии.

Позже опыт начального периода Великой Отечественной войны был переосмыслен и сформулирован в ряде теоретических работ в виде императивной установки. Одной из наиболее примечательных среди них можно считать статью А. Довженко, опубликованную уже в 1943 г. В ней режиссер писал о закрепившемся советской литературе образе фашиста, однако нам представляется, что его суждения можно распространить и на интересующие нас кино-фотодокументы. В статье о враге говорится: «У нас он описывается как вшивый фриц, трусливый немец. Он настолько трус, что боится послушаться своего унтер-офицера, и его храбрость только в его послушании. Я думаю, что это неверные утверждения и опасно так ориентировать людей. Неужели мы так немощны, что такого врага, убоявшегося своего унтер-офицера, не могли до сих пор победить?.. Неужели мы, советская нация, есть враги этих ничтожных врагов и их будущие победители?.. Не верно это. Многие наши командиры завидуют немецким, завидуют их успехам, их уму, налаженности их действий. Мы враги смертельно сильного врага, мы враги гордого врага, и великая честь, и великая слава за победу над гордым, могучим врагом, какого еще мир не знал. Вот как надо говорить о немце»³⁸.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что в ходе исследования способов представления в советских хроникальных кинофотодокументах июня — декабря 1941 г. образа врага нами было выделено два основных этапа:

— для первого этапа характерно представление немецких солдат и их союзников в качестве трусоватых, глупых, но достаточно миролюбивых и безобидных представителей дружественного народа, которых силой и обманом гонит на войну «клика кровожад-

³⁷ Г а л и ц к и и И. Не отставать от жизни // Кино. 1941. № 1, 3 янв

³⁸ ДОВЖЕНКО А. О художественной литературе в дни Великой Отечественной войны // Довженко А. Собр. соч. М., 1967. Т. 2. С. 465.

186

ных фашистских правителей Германии». Означающим для таких врагов на экране чаще всего являлись изображения военнопленных и виды уничтоженной практически без ущерба для РККА вражеской техники. Эти образы часто противопоставлялись в кадре бойцам Красной Армии, позировавшим на фоне «поверженного неприятеля». Подобный способ изображения врагов имел достаточно глубокие традиции еще в предвоенный период. Фактически от него так и не отказались вплоть до самого конца войны, только с годами он все больше вытеснялся из хроники в художественные комедийные кинофильмы («Антоша Рыбкин», 1942; «Новые похождения Швейка», 1943; «Небесный тихоход», 1945, и др.);

— второй этап, наступивший в разных районах СССР в разное время, характеризуется тем, что в кинофотодокументах стали активно и намеренно изображаться зверства врага и ущерб, нанесенный им советскому государству. При этом самого врага в кадре чаще всего нет, а означающим для него являются картины разрушений и жертв среди мирного населения. Здесь важно подчеркнуть, что именно через изображение масштабов злодеяний и жестокости раскрывались сила и опасность отсутствовавшего непосредственно в кадре неприятеля. Во многих случаях рядом со следами вражеских преступлений не изображаются даже красноармейцы-победители. Очевидно, подобный прием должен был в определенной мере способствовать обострению у каждого конкретного зрителя чувства личной ответственности за собственную безопасность и за судьбу своих близких. На наш взгляд, подобные изменения были связаны со сложившейся осенью 1941 г. тяжелой обстановкой на советско-германском фронте и с необходимостью мобилизации всех сил страны для борьбы с врагом. При этом каждый ее гражданин должен был понять, что спасти не только свое государство, но и свою собственную семью, и даже жизнь можно только в кровопролитной борьбе, так как никакая эвакуация не спасет от «хитрого», «ненасытного» и «беспощадного»

врага.

Интересно также отметить, что в первые шесть месяцев войны с экранов советских кинотеатров и со страниц газет практически полностью пропали образы «внутренних» врагов, которые были так популярны в предвоенные годы³⁹. Даже в кадрах, снятых в первых освобожденных Красной Армией населенных пунктах Подмосковья, фактически не встречается образ «предателя-старосты», работавшего на немцев, который станет достаточно популярным в последующие годы. В связи с этим, можно предположить, что тоталитарному государству, постоянно противопоставлявшему себя окружающему капиталистическому миру, образ «внутреннего» врага

³⁹ См.: МАЛЬКОВ А. Л. Указ. соч. С. 101.

187

был необходим только в мирных условиях, когда невозможно было найти явного врага за пределами страны. Этот образ во время отсутствия открытых военных конфликтов должен был служить своеобразным доказательством «враждебности» империалистических соседей, агентами которых признавались все «внутренние» враги. В условиях же, когда реальный внешний враг стал очевидным и его существование не требовало каких-либо дополнительных доказательств, средства советской пропаганды на время забыли о «внутренних» «злодеях».

*Пр иложение**

К МЩЕНИЮ, ТОВАРИЩИ!

МОЛОДЫЕ МОСКВИЧИ - КОМСОМОЛЫЦЫ

И НЕ КОМСОМОЛЫЦЫ!⁴⁰

Германские фашисты совершили новое неслыханное преступление: ворвавшись в Киев, они замучили и убили 52 000 жителей. Мир не знал еще такой подлой и жестокой расправы над беззащитными стариками, женщинами и детьми. Людей разрывали в клочья, в землю закапывали живых детей, в застенках гестаповские палачи вырывали своим жертвам ноздри, ломали кости, жгли и мучили.

Ты слышишь, товарищ, стон истязаемых и убиваемых фашистами наших братьев и матерей. К тебе обращают они предсмертные слова: отомсти фашистам сполна, отомсти за кровь и слезы детей, за поруганную девичью честь, за смерть наших близких и родных людей.

Черный ком фашистских злодеяний все растет и растет. Камни разрушенных Варшавы, Белграда и Минска, пепел сожженных смоленских, белорусских, московских деревень зовут к расправе с фашистским зверьем.

Зверства — программа кровавого изверга Гитлера. Палач и кровопийца поучает германских солдат: грабь, жги, насилуй!

Встретив наш стойкий отпор, германские фашисты совсем осатанели. Их летчики с бреющего полета расстреливают уходящих из сожженных сел граждан. Взятых в плен красноармейцев немецкие захватчики подвергают пыткам и истязаниям. В Луге они расстреляли двух детей, у которых нашли патрон...

Нет предела фашистским зверствам. Так неистовствует зверь, которого ждет смерть. Не уйти германским фашистам от сурового возмездия. Немецкие оккупанты должны быть и будут истреблены все до единого!

'Листовка-обращение к молодым москвичам, распространявшаяся в столице в период оборонительных боев за Москву, 1941 г.

⁴⁰ См.: Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации. Негативный фонд. 84120—84121.

189

Вставай, товарищ, в ряды народных мстителей! Не давай пощады ни одному немецкому захватчику. Бей врага пулей, штыком, гранатой в бою, подстерегай его из-за угла, жги дома, где остановились немцы, выкуривай их на мороз! Помогай Красной Армии всем: работай по-стахановски, не жалея сил — нам надо отстоять нашу Родину!

Учись военному делу — нам надо перебить немецких оккупантов, всех до единого!

Бейся с извергами один на один и один против десятых!

Ты — свободный человек, а немецкие фашисты хотят сделать тебя рабом. Смерть им!

Ты — справедливый человек, а немецкие фашисты несут несправедливость, разбой и надругательства. Смерть им!

Ты — советский человек, а немецкие фашисты хотят отнять у тебя право на труд, на образование, хотят лишить тебя Родины. Смерть им!

Смело выходи на воинский подвиг, товарищ! Страна благословляет тебя в бой. Кровь замученных

фашистами наших братьев, отцов и матерей зовет к мщению!
Пусть не дрогнет твоя рука — ты борешься за правое дело, ты победишь!
Вперед, на священный бой! Под Москвой должен начаться полный разгром германского фашизма.
И в этом благородном деле ты, товарищ, должен быть первым из первых!

КЛАУС ВАШИК (Бохум)

МЕТАМОРФОЗЫ ЗЛА:

немецко-русские образы врага

в плакатной пропаганде

30-50-х годов

ВЫСКАЗЫВАНИЕ американского президента Рональда Рейгана, в начале 1980-х гг. назвавшего СССР «империей зла» и этим выразительно противопоставившего политические, идеологические и этические принципы западного мира и СССР, стало лишь одним из многих в длинной веренице образов врага, сложившихся на Западе по отношению к России и Советскому Союзу. Советская Россия в течение более 70 лет после Октябрьской революции, в свою очередь, также считала себя «лагерем мира и социализма», который с мировоззренческой точки зрения был противоположен полюсу «капиталистического эксплуататорского мира». За прошедшие 70 лет в России также сложилась богатая палитра образов идеологических и политических противников.

Эти образы, а также идеологические и пропагандистские средства, применявшиеся при их создании, и являются предметом рассмотрения настоящей статьи¹. Ограничение периодом конца 20-х — начала 50-х гг. оправдано прежде всего потому, что во време-

¹ Социально-психологическое понятие «образ врага» следует принципиально отделять от «представления о враге» — рационально контролируемой концепции военного или политического противника. Если «представление о враге» направлено прежде всего на более или менее точную оценку противника, то «образ врага» характеризуется в идеологическо-догматическом смысле отсылкой к иррациональным факторам. «Образ врага является продуктом пропаганды, которая при помощи семантических, оптических и графических средств демонизирует политического и идеологического противника, для того чтобы (как правило) легитимировать собственное господство» (BUCHBENDER O. Zentrumdes Bosen. Zur Genesis national-sozialistischer Feindbilder // Wagenlehner G. Feindbild. Geschichte — Dokumentation — Problematik. Fr./M., 1989. S. 18). Исследования национал-социалистического образа врага показали, что между «образом» и «представлением» существует очень много совпадений и переходов, восходящих

191

на национал-социализма в Германии и сталинизма в Советском Союзе степень радикальности и фанатизма этих образов достигала апогея². Хотелось бы также показать, что традиционные линии в разработке образов врага, так сказать, визуальная память об этих образах, уходят в прошлое, далеко за пределы выбранного промежутка времени, хотя их действие и прослеживается вплоть до 50-х гг.³ Представление и изображение Другого агрессивным противником и злейшим (принципиальным) врагом не есть атрибут исключительно тоталитарных режимов в Европе, а является в большей мере выражением воздействовавших долгое время предрассудков, которые отражались в соответствующих изобразительных традициях с начала XIX в.

При том что особое внимание обращается на идеологический дискурс, который предшествовал созданию исследуемых изображений как определенных медиальных продуктов, стоит отметить, что многие аспекты требуют дальнейшего углубленного анализа. В особенности это касается организационных, структурных и политических основ пропагандистских механизмов в Германии и СССР — механизмов, непосредственно участвовавших в процессе создания образов врага, а также проблем восприятия, то есть действительной или предполагавшейся действенности пропаганды⁴.

также и к тому, что (военное) представление о враге находится под влиянием существующих в то же самое время догматических и идеологически мотивированных образов врага и, соответственно, несет ущерб в своей рациональной информационной функции. Из-за этого военное представление о враге может в тенденции потерять свою четкость и стать бесполезным для военного дискурса. См.: Ibid. S. 20 ff. Однако важно отметить, что догматический образ врага не только является манифестацией определенного состояния предрассудков или отвращения, но и представляет собой определенный продукт искусства медиа и производится для специфической коммуникативной ситуации и выводимых из нее целей и намерений. Поэтому об «образе врага» можно говорить только тогда, когда он является функциональной частью процессов массовой визуальной коммуникации.

² Ср.: Der Krieg gegen die Sowjetunion. Eine Dokumentation / Hg. R. Rurup. Berlin, 1991. S. 22; QUI NKERT B. Deutsche Propaganda in Weibrubland 1941 — 1944. Eine Konfrontation von Propaganda und Wirklichkeit. Berlin, 1996. S. 17 ff.; CLARK T. Kunst und Propaganda Das politische Bild im 20. Jahrhundert. Koln, 1997. S. 47 ff.; хорошее обозрение по истории пропаганды см.: DIESENER G. Propaganda in Deutschland. Zur Geschichte der politischen Massenbeeinflussung im 20. Jahrhundert. Darmstadt, 1996.

³ Ср.: Der Krieg gegen die Sowjetunion... S. 11; см. также обширный труд: PAUL G. Aufstand der Bilder. Die NS-Propaganda vor 1933. Bonn, 1992.

⁴ К вопросу об организационных принципах немецкой военной пропаганды см.: ZEIDLEK M. Feindbild «Untermensch». NS-Propaganda innerhalb der 192

Анализ развития образов врага будет производиться в соответствии с хронологическим принципом; при этом следует помнить, что наблюдения, сделанные о структурах изображения в отношении одной из фаз, могут обладать определенной значимостью и применительно к предыдущему или последующему временным промежуткам. Во временных рамках каждой из этих фаз будет сделана попытка пояснить соответствующий этой фазе концепт и образ врага и показать, что, несмотря на некоторые структурные совпадения, например в механизмах пропаганды, и формальное подобие, между Советским Союзом и Германией существует принципиальная разница в формировании тоталитарной культуры, которая зачастую сглаживается ставшей модной унифицированной трактовкой, подчеркивающей схожесть между тоталитаризмами. В результате создается ложное впечатление, что на основании формально, по видимости, схожих явлений, например пропагандистских намерений или способа представления фигур, можно делать выводы и об идентичности глубинных механизмов тоталитарных систем. Рассмотрение соответствующих коммуникативных ситуаций и намерений позволяет сделать очень существенные коррективы в подобном сравнительном исследовании и суметь выявить различный коммуникативный статус даже у схожих между собой визуальных феноменов.

I. О ПРЕДЫСТОРИИ ВОСПРИЯТИЯ ЧУЖОГО И ОБРАЗОВ ВРАГА

1. СИТУАЦИЯ В ГЕРМАНИИ

Хотя до и во время Первой мировой войны «заклятым врагом» Германии называли Францию, отводя ей тем самым центральное место среди образов «врага», никогда не оспаривалось, что этот западный сосед имеет статус большой культурной нации с длительными традициями совместного существования в Европе. Россия же, напротив, считалась в Германии (и это представление уходит корнями еще в начало XIX в. и даже в Средневековье) бескультурной, агрессивной и чуждой страной, не имеющей ничего общего со странами Западной Европы⁵. Соответственно, царская

Россия, а затем и Совет-
Wehrmacht und gegenüber der Roten Armee // Kriegsgefangene. Voenno-plennye. Begleitbuch zur Ausstellung «Sowjetische Kriegsgefangene in Deutschland — Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion». Haus der Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Bonn, 1995. S. 36 ff.; Д Е М О С О Е - Н О В А Г. Советские плакаты — фронту. М., 1985. С. 5—73. ⁵ См. следующий отрывок из одной из Берлинских революционных листовок (1848): «Повсюду, где они [казаки] проходили, они оставляли за собой разрушения, вонь и паразитов. И эти сотни тысяч казаков, башкир, калмы-

193

ский Союз считались не только особенно опасными, МО и в культурном смысле неполноценными. Чужеродность и отсталость царской России выражались одним банальным понятием «азиатский характер России». Отсталость по отношению к Западной Европе считалась, в широком смысле, результатом, по-видимому, природной примитивности русских и их неспособности к культурному развитию. В то же время был страх перед величиной, силой страны и стремлением русских к завоеваниям. Национальные предрассудки находили свое отражение в книгах балтийских немцев, напечатанных в конце XIX столетия, а также в школьных учебниках, в которых среди прочего о русских говорилось следующее (1908): «Непреодолимая суровость природы воспитала в них [в русских] нетребовательность, терпение и покорность и одновременно фатализм, что обусловило, за исключением великорусского племени казаков, потерю способности к активным действиям. <.,> Российские племена являются полуазиатами. Их дух несамостоятелен, понятие истины у них заменено верой, они не обладают стремлением к исследованиям. Раболопство, продажность, нечистоплотность — это чисто азиатские свойства»⁶. В пропагандистских листовках Первой мировой войны особенно подчеркивались такие черты, как жестокость, бессовестность и свирепость. «Русский характер отличается в первую очередь контрастом между меланхолией, чисто славянской добро-душностью и жестокими кровожадными инстинктами, присущими исключительно азиатским кочевым народам» (1916)⁷. В одном из учебников Веймарской

республики 1925 г. было написано следующее: «Русская нация как таковая совершенно не способна к творческой созидательной деятельности; почти все, чего Россия достигла раньше, как внутри страны, так и за своими пределами, совершилось благодаря состоявшим на российской службе немцам и прибалтам немецкого происхождения»⁸.

Соответственно этим националистическим и расистским предрассудкам, основывавшимся на высокомерии западной державы, считающей себя колыбелью западноевропейской культурной ков, татар и т. д. пылали звериной жадностью в очередной раз разграбить Германию и уничтожить нашу только что зародившуюся свободу, нашу культуру, наше благосостояние, опустошить наши поля и земельные угодья, убить наших братьев, обесчестить наших матерей и сестер и уничтожить с помощью тайной полиции и кнотов любой признак свободы, человечности и честности» (Цит. по: Der Krieg gegen die Sowjetunion... S. 12). ⁶SEYDLITZ E. von. Geographic. Ausgabe B: Kleines Lehrbuch. Breslau, 1908. S. 243 ff.

⁷ Kennen Sie Rußland? Von zwölfrussischen Untertanen. Berlin, 1916. S. 9.

⁸ H A R M S H. Landerkunde von Europa, einschließlich Völker- und Wirtschaftskunde. Leipzig, 1925. S. 453.

194

традиции, Россия представлялась на плакатах Первой мировой войны олицетворением смерти и разрушения (ил. 1). На этих плакатах есть две существенные детали, которые впоследствии нашли широкое применение: это казачья шапка, т. е. указание на военную угрозу, и ясно узнаваемые азиатские черты в изображении глаз и подбородка. Эти признаки напоминали об угрозе нашествия гуннов, т. е. визуально оживляли в памяти исторические события, что позволяло, принимая во внимание национальные настроения в Германии, опираться на уже имеющиеся скрытые или эксплицитные стереотипы.

Если сначала политическое руководство Германии, исходя из военных и внешнеполитических причин, вполне одобряло Октябрьскую революцию 1917 г. в России, то ситуация мгновенно изменилась в связи с революционными событиями в Германии 1918—1919 гг. С этих пор угрозу большевизма стали считать чрезвычайно опасной. В этих условиях новое ужасающее олицетворение Советской России как «азиатской орды», «сумасшедших убийц» и «смерти» приобрело в деле предотвращения «большевистской мировой революции» особую актуальность (ил. 2).

Эти образы советской угрозы сопровождалась такой характеристикой со стороны т. н. «народных правых», которая в решающей мере повлияла и на представления Гитлера о России. Родившийся в Латвии барон Мантойфель-Катцданген, который лично был свидетелем русской революции, писал в 1926 г., т. е. во время создания гитлеровской «Майн кампф»: «Большевики уничтожают памятники культуры, музеи, архивы, любые письменные произведения. В них живет ненависть к нашей западноевропейской культуре, которая выразилась в уничтожении высшего образованного слоя общества. <...>, С этой точки зрения весь этот большевизм не что иное, как очередная монгольская угроза, повторение монгольского нашествия, которое уже раз когда-то потрясло и поставило на грань гибели арийскую расу и арийско-германскую культуру»⁹.

Из этой аргументации, в которой прослеживаются почти все признаки национал-социалистического расизма, вытекает вывод о необходимости (и без того неминуемой) борьбы против большевизма, способной не только отразить угрозу самому существованию Германии, но и создать для последней вожаемое жизненное пространство на Востоке. Таким образом, для дальнейшей радикализации образов врага национал-социалистами была подготовлена идеологическая почва, а также, как можно убедиться, и визуальная сторона. Обладая уже в 20-е гг. системно целостными и опробованными в агитационной работе (в Первую мировую войну) моделями образов врага, национал-социалисты могли возвращаться к ним

⁹MANTEUFFEL-KATZDANGEN (MANTEUFFEL-SZÖGE) K. VON. Deutschland und der Osten. München, 1926. S. 41 ff.

195

в 30-е гг. и во время Второй мировой войны. Уже в 1919 г. Гитлер назвал «еврейское воздействие» «расовым туберкулезом наций» и тем самым обратился к той компоненте национал-социалистического образа врага, которой было суждено в 30-е г. быть развитой гораздо дальше и кристаллизироваться до политического действия; еврейство стало «болезнью», евреи — «бациллами», «паразитами» и «животными»¹⁰.

2. СИТУАЦИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ И В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

Применительно к аналогичной ситуации в России следует сказать, что антигерманские образы врага в дореволюционной России почти не были распространены. Это было следствием того, что Германия была для России длительное время положительным культурным ориентиром и немецкая культура и немецкий язык имели высокую степень значимости для дореволюционной

интеллигенции, а также вследствие значительного немецкого экономического присутствия и, не в последнюю очередь, семейных связей царской семьи и немецко-балтийского дворянства с Германией. Антигерманские карикатуры были во второй половине XIX в. в России большой редкостью. Даже в начале Первой мировой войны, в разгар антирусской агитации и соответствующего «ужасного» изображения русских на плакатах и карикатурах, ситуация в России существенно не изменилась. Существует очень мало русских плакатов периода Первой мировой войны, на которых был бы запечатлен немец как образ врага. На этих плакатах бывшая военным противником Германия аллегорически изображалась в виде жадной до денег и разнузданной (часто полураздетой) проститутки и высмеивалась. Россия также изображалась в аллегорической форме, обычно как «русский медведь» или «сияющий юноша»¹⁰. Обе эти изобразительные концепции не преследовали никаких непосредственных целей демонизации, а скорее задавались в рамках устанавливающей дистанцию сатирической процедуры, которая стремилась принизить противника и минимизировать его угрожающий потенциал. Схожим образом реагировал русский лубок, чрезвычайно широко распространенные народные складные картинки, на которых в годы войны карикатурно изображались немецкие солдаты и, прежде всего, немецкий кайзер Вильгельм II (ил. 3). Лубки, авторами которых были такие известные художники, как Малевич, Лисицкий, Шагал, Маяковский, не преследовали агитационных целей и не были направлены на создание наводящих ужас образов врага; они хотели прежде всего выста-

¹⁰ См.: Письмо Адольфа Гитлера Адольфу Гремлиху, Мюнхен, 16 сентября

1919г. UHT.no: BuchBENDER O. Op. cit. S. 51—52.

¹¹ См. БАБУРИНА Н. Русский плакат Первой мировой войны. М., 1988.

196

вить врага на посмешище и зачастую скорее являлись для зрителя объектом веселья, чем средством внушения фанатичной ненависти.

Изобразительная концепция карикатуры, сатирического прорисовывания определенных, «назначенных» характерными признаками противника, включала также и представление собственной (позитивной) стороны. Следовательно, по отношению к себе также часто устанавливалась юмористически действующая дистанция. В плакатах, и прежде всего в лубках, немцам (в особенности кайзеру Вильгельму II) приписывались такие качества, как «трусость», «глупость», «заносчивость» и «недалекость»; русским — лестные качества, такие как «мощь», «основательность» и «мужество». Однако эти поляризованные модели оставались подчиненными условностям визуального жанра, так что, как правило, тенденции к героизации встречали определенное противодействие. Стабильность карикатуры как стилистической системы предопределяла границы интерпретации образа врага и имела очень значимые последствия для дальнейшего развития образа врага в России и Советском Союзе.

Русская визуальная традиция основывалась на утрировании иронических и карикатурных признаков, что являлось питательной средой для развития раннего советского плаката¹². В определенной мере в немецком плакате времен Первой мировой войны, как и в русском, могут быть опознаны изобразительные элементы, указывающие на немецкий экспрессионизм и взявшие на себя функцию сохранения преемственности композиции и стилистики. Экспрессионистические образцы проявлялись как в выборе цветовых и контрастных гамм (например, в применении резких красных и желтых тонов), так и в динамическом размещении фигур, как правило, на темном фоне. Однако даже если заданная экспрессионизмом стилистическая традиция продолжала, определяя цветовой драматизм немецкого плаката, существовать вплоть до 40-х гг., эти взаимозависимости все равно проигрывают по сравнению с преобладанием сатирической системы в русском/советском плакате. В Советском Союзе функция памяти об определенном стиле была выражена гораздо сильнее, чем в Германии того же периода.

Вскоре после Октябрьской революции в советском плакатном искусстве появляется, по политическим и идеологическим причинам, образ врага, который был последовательно направлен на поиск форм изображения капитализма (ил. 4) и изобличал реальные угрозы интервенции со стороны Антанты и белого движения. Это означало, что возник вовсе не эксплицитный антинемецкий образ врага, а скорее напротив, Германия лишь там становилась темой, где она выступала составной частью капиталистического мира. При

¹² О предистории русского плакатного искусства см.: БАБУРИНА Н. Русский плакат. Вторая половина XIX — начало XX века. Л., 1988.

197

этом следует принять во внимание и формальную сторону: изображения злых духов, кровожадных монстров или аллегорий смерти (как, например, у Дм. Моора), когда они применялись для

визуализации «капиталистической угрозы», были ослаблены жанровыми признаками широко развитой в 20-е гг. карикатуры и часто, очевидно, должны были веселить зрителя; это в особенности относится к советским «Окнам РОСТА» начала 20-х гг.¹³ Если плакаты периода Гражданской войны преследовали цель вызвать чувство ненависти к противнику и поднять боевой дух Красной Армии, то в первую очередь это делалось из *идеологических* соображений, а его принадлежность к определенной национальности или расе не принималась во внимание; поэтому антинемецкие эмоции здесь не имели значения или играли небольшую роль¹⁴.

Иначе выглядела визуальная пропаганда со стороны белого движения: наряду с алгоритмом переворачивания (кстати, из этого становится ясно, насколько ограничен был знаковый репертуар ранней советской изобразительной пропаганды) мотивов (например, мотив «змея»/«дракон») и композиционных структур (антитетические конструкции) белогвардейский плакат уже в 1919 г. обращался к расистским антисемитским элементам, которые в 30-е гг. были восприняты национал-социалистической пропагандой. При посредстве этих элементов Октябрьская революция сближалась с «еврейским всемирным заговором», и Ленин («первосвященник» марксизма), как и военный нарком Лев Троцкий (из-за его еврей-

¹³ Ср.: WHITE S. The Bolshevik Poster. New Haven; London, 1988. P. 43 ff.

¹⁴ Ленин действительно указывает на политико-идеологическое определение цели пропагандистской и агитаторской борьбы, требуя: «Для социалистов экономическая борьба составляет основу для организации работы по созданию революционной партии, для укрепления и развития ее классовой борьбы против *всеобщей капиталистической системы*. <...> Агитаторское воздействие на массы должно состоять в широкой политической и экономической агитации относительно всех поводов и форм угнетения, в агитации, которой мы должны воспользоваться, чтобы привлечь большее количество рабочих в революционную социал-демократическую партию, чтобы способствовать любой форме политической борьбы. <...> Агитация служит таким образом средством расширения и распространения политического протеста и организованных форм политической борьбы» (ЛЕНИН В. И. По поводу «profession de foi» [1899/1900] // В. И. Ленин об идеологической работе. М., 1969. С. 219 и след.; курсив мой). Подобным образом Ленин связывает агитацию и пропаганду с воспитательной работой, так как «в политическую деятельность социал-демократической партии всегда входит и будет входить определенный элемент педагогики: следует воспитать весь класс наемных рабочих борцами за освобождение всего человечества <...>» (Ленин В. И. О смешении политики с педагогией [1905] // Там же. С. 231).

198

ского происхождения) означались как современные «христубий-цы» (ил. 5). Белогвардейский плакат тем самым предвосхитил главный образец аргументации национал-социалистической пропаганды, которая представляла «борьбу Христа с евреями» как противостояние Добра и Зла, Бога и дьявола. В запутанных планах «победы еврейства над Россией», с точки зрения белой агитации, скрывались предполагаемые причины революции и Гражданской войны, которые придавали «ужасной катастрофе» (Н. Бердяев) предельный смысл. «Евреи» таким образом приравнивались к основополагающему Злу, всемирное уничтожение которого позже стало программной целью национал-социализма. Благодаря связыванию большевиков в симбиоз с объяснительным образцом «еврейского всемирного заговора» еще до «Майн кампф» Гитлера и захвата власти нацистами в 1933 г. в русском контрреволюционном плакате возникла расистски мотивированная стратегия разъяснения, которая обозначала советскую власть как «Апокалипсис тьмы» и возводила его причины к предполагаемому разрушительному влиянию еврейства¹⁵.

И. ИНФЛЯЦИЯ ОБРАЗОВ ВРАГА (30-е и 40-е гг.)

3. ПРОПАГАНДИСТСКИЕ КОНЦЕПЦИИ — ОСНОВА РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВ ВРАГА

Дальнейшее развитие имеющегося репертуара образа врага, имевшее место в Советском Союзе и национал-социалистической Германии в 30-е гг.¹⁶, следует рассматривать в тесной связи с господствовавшими и впервые систематически использованными пропагандистскими концепциями, их идеологическими основами, а также различными формами их практического применения¹⁷.

Пропаганде как средству распространения, навязывания и ин-териоризации мировоззренческих целей, т. е. идей, морально-этических ценностей, поведенческих норм и установок, придавалось как в Советской России, так и в Германии чрезвычайно большое значение. С одной стороны, это нашло отражение в том, что в Советском государстве в 1920 г. при ЦК был создан собственный отдел пропаганды и агитации, который, опираясь на дифференцированное и впоследствии все более разрастающееся переплетение государств-

¹⁵ См.: BUCHBENDER O. Op. cit. S. 26.

¹⁶ WETTE W. «Rassefeind»: Die rassistischen Elemente in der deutschen Propaganda gegen die Sowjetunion // Deutsch-russische Zeitenwende. Krieg und Frieden 1941—1995 / Hg. H.-A. Jacobsen. Baden-Baden, 1995. S. 175 ff. ¹⁷ В качестве обзорного исследования о пропаганде, в особенности во время Второй мировой войны, см.:

военных, военных и профсоюзных органов, управлял воплощением в жизнь пропагандистских и агитаторских целей. При этом следует различать, что под «агитацией» в первую очередь понималось искусство убеждать, подталкивающее к действию, т. е. непосредственный призыв предпринять или не предпринимать какое-либо действие. Поэтому агитация воздействовала в первую очередь на эмоциональное восприятие и служила практической, военной или экономической мобилизации. «Пропаганда» же, напротив, опиралась в большей степени на когнитивное восприятие, имея целью распространение идей марксизма-ленинизма и тем самым *ректимируя* и разъясняя исторические «закономерности» социалистического государственного и общественного развития, что зачастую включало демонстрацию достигнутых «побед» и псевдонаучную демонстрацию «прогресса» социализма. Пропаганда являлась, таким образом, в советском понимании не только навязыванием определенных доктрин, но и просвещением широких масс народа, конечно, в ограниченной мере и в условиях всеобщей идеологии. Агитация и пропаганда должны были иметь на уровне знаков простую и наглядную структуру, должны были быть всеобщие доступными, понятными и прежде всего отчетливо показывать, к кому они обращаются. Вызывать ненависть и отвращение к «капиталистической эксплуатации» — в этом заключалась главная задача советского агитпропа, особенно в годы Гражданской войны. В 30-е гг. и позднее эта тематика в большей степени переместилась во внешнеполитическую область, в которой, начиная с конца 20-х гг., уже действовала дихотомическая оптика теории «двух лагерей», раскалывающая мир на вражеский «агрессивный лагерь капитализма/империализма» и «мирный, свободный от эксплуатации лагерь» Советского Союза. В этом дихотомическом мировоззрении, где на одном полюсе жестко группировались все положительные, а на другом — все отрицательные признаки, легко нашел свое место и новый образ врага — «фашизм».

В национал-социалистическом движении пропаганде также придавали большое, если не важнейшее, значение. Так, Гитлер писал уже в 1925—1927 гг. в «Майн кампф»: «При моем внимательном наблюдении за историческими процессами меня необычайно интересовала деятельность пропаганды. Я видел в ней инструмент, которым особенно мастерски владеют и который умело применяют марксистско-социалистские организации. Я своевременно понял, что правильное применение пропаганды является настоящим искусством <...>»¹⁹. И далее:

«Первейшей задачей пропаганды является привлечение людей с целью создания организации; первой задачей

¹⁹HITLER A. Mein Kampf. München, 1942. S. 193; ср. также Мим2ЕМБЕКo W. Propaganda als Waffe (1937). Fr./M., 1972. S. 171 ff. Действенность марксистской пропаганды, о которой говорит Гитлер, подчеркнул Ленин в своем

организации является привлечение людей для ведения дальнейшей пропагандистской работы. Вторая задача пропаганды состоит в *разрушении* существующей ситуации и *внедрении* в эту ситуацию нового учения, в то время как второй задачей организации должна быть борьба за власть, достижение которой означало бы окончательный успех этого учения»¹⁹.

Социальные предпосылки для развития пропаганды в Германии в 30-е гг. были в то же время совершенно иными, чем в Советском Союзе после революции. В то время как Германия была страной с дифференцированной социальной структурой и сильным пролетариатом, развитой промышленностью и высоким процентом грамотности населения, Россия после революции была в большей степени аграрной страной, с небольшим промышленным потенциалом и небольшим промышленным пролетариатом, с высокой (более 60%) долей неграмотных. На этом фоне становится ясным, что национал-социалистическая пропаганда делала, в соответствии со структурой и целями своей идеологии, ставку не на информирование, а на возбуждение эмоциональных чувств населения²⁰. Искусство убеждать и побуждать к действию в меньшей мере обращено к когнитивным аспектам, на первом плане находится психологическое влияние, причем здесь так же, как и в советской ситуации, важную роль играли признаки простоты и понятности. Инструментальное ядро пропаганды Гитлер определял так: «Задача пропаганды состоит не в научном просвещении отдельного человека, а в том, чтобы указывать массам на определенные факты, процессы, необходимости и т. д., поставив их в центр внимания *масс*, и вызвать таким образом понимание массами их значимости. <...> Любая пропаганда должна быть простой и понятной народу, а ее духовный уровень следует регулировать в соответствии со способностью ее восприятия самым ограниченным среди тех, к которым она намерена обращаться. Таким образом,

отчете на IX съезде РКП(б) (29 марта 1920 г.), отметив, что «понятность (ясность) пропаганды и агитации является принципиальным условием. Если наши враги видят и признают, что, развивая агитацию и пропаганду, мы совершили чудо, это следует понимать не в том смысле, что у нас было много агитаторов и было использовано много бумаги, а следует понимать в том смысле, что та правда, которую несла агитация, закрепилась в головах всех. И от этой правды никуда не уйдешь» (цит. по: В. И. Ленин об идеологической работе. М., 1969. С. 367). ¹⁹ HITLER A. Op.cit. S. 654.

²⁰ CP.: MEDEBACH F. Das Kampfplakat. Aufgabe, Wesen und Gesetzmäßigkeit des politischen Plakats nachgewiesen an den Plakaten der Kampfjahre von 1918—1933. Fr./M., 1941. S. 33 ff.

201

чем большее количество людей следует охватить, тем ниже должен быть ее духовный уровень»²¹. Ориентация, как пишет Гитлер, на «самого ограниченного» подразумевала сознательное воспроизведение того же стереотипного содержания, так как «большие массы обладают очень низкой способностью к усвоению и пониманию, зато способность забывать очень высока. Из этого факта вытекает вывод, что пропаганде для достижения действенности следует ограничиваться лишь небольшим количеством пунктов и повторять их в виде лозунгов так долго, пока самый ограниченный не представит себе под этими словами желаемое»²².

При этом национал-социалистическая пропаганда не отказывалась от использования специфических особенностей адресатов, ориентируясь при этом не столько на признаки социальной структуры, сколько на коммуникативную ситуацию, национальность адресата и конкретные задачи убеждения²³. Для Гитлера важным являлся, как уже сказано, не разум адресатов, а то, как оказать на них влияние, управлять ими и поработить их на эмоциональном уровне: «Именно в том и состоит искусство пропаганды, что она, понимая *чувственный мир фантазий широких масс*, находит психологически верную форму, чтобы привлечь внимание и проложить дорогу к *сердцам* этих масс»²⁴.

Для того чтобы сделать пропаганду более эмоциональной, технику персонализации врага применял на практике не только сам Гитлер, но и государственная машина в виде созданного в 1933 г. рейхсминистерства пропаганды. Метцлер пишет в своем анализе психологических основ национал-социалистической пропаганды следующее: «Гитлер использует персонализацию во многих вариан-

²¹ HITLER A. Op.cit. S. 197.

²² Ibid. S. 198.

²³ Национал-социалистическая пропаганда вполне различала понятия «пропаганда» и «агитация». Под пропагандой понимался «активный революционный элемент» (Геббельс), «одобрение» и «совместное создание» новой политической (идеологической) ситуации. Кстати, пропаганда могла применяться и в ее отрицающей функции («оппозиционной») и считалась тогда «агитацией». «Она [агитация] — негативная, разлагающая и разрушающая сила. Она беспощадно нападает на противника. Она достигла цели, если враг полностью разбит и уничтожен. Характерным для нее является критика противника. Для уничтожения противника хороши все средства. Противника следует оклеветать и оскорбить. В сердцах масс сеются ненависть и презрение. Любая слабость должна быть обнаружена и беспощадно разоблачена. Часто борьба ведется уже не по существу, а переходит на личности» (MEDEBACH F. Op. cit. S. 10).

²⁴ HITLER A. Op. cit. S. 198; курсив мой.

202

тах <...>: по восходящей линии, от *личностного* восприятия к *всеобщим* требованиям, и по нисходящей линии, от восприятия *всеобщего опыта* опасности к восприятию *индивидуальной* угрозы. <...> Второй вариант Гитлер использовал в своей антиеврейской пропаганде. Сначала он говорит о всеобщей угрозе всему немецкому со стороны еврейства, а затем переводит эту угрозу на уровень отвратительной, провоцирующей инстинкты, анонимной личной угрозы:

«Черноволосый еврейский мальчик часами подстерегает с дьявольской радостью на лице ничего не подозревающую девочку, оскверняет ее своей кровью, ворует ее таким образом у ее народа в пользу своего»²⁵. Этот расистский порыв так сформулирован, что он апеллирует к архаическому (прежде всего мужскому) внутреннему миру инстинктов и чувств»²⁶.

4. О СПЕЦИФИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ АНТИСОВЕТСКИХ ОБРАЗОВ ВРАГА ПРИ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМЕ
Для того чтобы объяснить специфику национал-социалистических образов врага в плакатной пропаганде, в особенности по отношению к Советскому Союзу, к большевизму и к русским, следует вернуться в качестве ориентира к идеологическому дискурсу, определявшему характер, тематику, стилистику и функцию плакатов²⁷.

При национал-социализме значительно обострилась антирусская и антисоветская направленность образа врага. Традиционные образные элементы и клише (азиатская угроза) существовали отныне в тесном симбиозе с антисемитскими признаками²⁸. Марксизм, большевизм и еврейство были для Гитлера целиком и полностью синонимическими понятиями, которые принадлежали к жесткому

неизменному ядру его текстов²⁹. Центральное место в национал-социалистическом образе врага заняла идея «еврейского большевизма», за которой скрывалась химера «мирового заговора евреев». В России, согласно Гитлеру, в 1917 г. победила не марксистская идеология (а если и победила, то только внешне): под «маской» этой идеологии восторжествовало «международное еврейство». Итак, к сложившемуся уже в конце XIX в. образу врага добавился чрезвычайно весомый антисемитский компонент. Во-первых, таким образом продолжили свое существова-

²⁵ HITLER A. Mein Kampf. Munchen, 1934. S. 357.

²⁶ METZLER H. NSDAP-Propaganda aus psychologischer Sicht. Grundlagen und Orientierungen. Jena, 1994. S. 9.

²⁷ Ср.: WETTE W. Das Rußlandbild in der NS-Propaganda Ein Problemaufriß // Das Rußlandbild im Dritten Reich / Hg. H.-E. Volkmann. Köln; Weimar; Wien, 1994. S. 55-78.

²⁸ Ср.: Der Krieg gegen die Sowjetunion... S. 22.

O. Op.cit.S. 20.

203

ние в еще более заостренной форме традиционные предрассудки и страхи (угроза нашествия гуннов, бескультуры). Во-вторых, благодаря объединению большевизма и еврейства Советский Союз стал прообразом не просто врага, но врага вообще, архетипического врага, угрожающего самому существованию страны³⁰. В понимании Гитлера дальнейшее существование Германии базировалось на уничтожении еврейства, что, в свою очередь, влекло за собой борьбу против Советского Союза, так как он был составной частью еврейства в Европе, приговоренного к уничтожению³¹. В соответствии с этим образом врага Гитлер интерпретировал государственную эмблему СССР: «Некоторые возлагают надежду на советскую звезду. Это символ той расы, которая начала революцию. <...> Это звезда Давида, знак синагоги. Символ расы над всем миром! Власть от Владивостока до Запада! Власть еврейства. Золотая звезда значит для еврея золото сверкающее. Молот на советском гербе обозначает удар вольных каменщиков. Серп — жестокий террор»³². После того как таким образом скрытое значение советских символов было продемонстрировано и включено в национал-социалистический образ врага, Гитлер пе-

³⁰ Ср.: QUIKERT B. Op. Cit. S. 30 ff.

³¹ В качестве совершенно официальной и государственно санкционированной политики при национал-социалистическом режиме утвердился антисемитизм, который не только представлял собой ядро идеологического самовосприятия, но и благодаря его увязыванию с антибольшевистскими, т. е. релевантными для внешней и военной политики, интересами власти и намерениями экспансии превратился в самостоятельную программу действий. Те политические стратегии, которые пытались противодействовать антисемитизму и были нацелены на разрушение антиеврейских предрассудков и образов врага, могли считаться потерпевшими в Германии окончательное поражение. Прежде всего созданное в 1893 г. Центральное объединение немецких граждан иудейского вероисповедания, заботившееся

о преодолении антисемитских тенденций, не могло не признать тщетными свои усилия по интеграции в общество немецких евреев. «Если уже с начала XX в. в общественном мнении существовала тенденция рассматривать евреев не как «меньшинство», но как составную часть немецкого общества, то в Третьем рейхе еврейское самовосприятие все сильнее было вынуждено сдвигаться (особенно в среде молодых интеллектуалов) к признанию своего исключения как окончательного и к усилению еврейской групповой идентичности» (STRAUSS H. A. Abwehr von Stereotypen und Diskriminierungen. Dilemmas der jüdischen Selbstverteidigung // Stereotypvorstellungen im Alltagsleben. Beiträge zum Themenkreis Fremdbilder — Selbstbilder — Identität / Hg. H. Gerndt. München, 1988. S. 37).

³² Речь А. Гитлера на собрании НСДАП 1 августа 1923 г. «Об управлении, республике и фашистской опасности». Цит. по: В и с н E N D E R O. Op. cit. S.26.

204

реходит к сути своей антисемитско-антисоветской демонологии, выраженной в следующем предупреждении:

«Нельзя забывать того, что сегодняшней Россией правят запятнанные кровью подлые преступники, что речь здесь идет об отбросах человечества, которые, пользуясь трагическим часом, захватили огромное государство, истребив и уничтожив в своей дикой кровожадности миллионы людей из ведущей интеллигенции, и которые вот уже почти десять лет правят, установив жесточайший тиранический режим всех времен. Далее нельзя забывать того, что эти властители относятся к народу, который объединяет в себе редкую смесь животной жестокости с непостижимым искусством лжи и который сегодня еще больше, чем раньше, верит в свое призвание навязать всему миру свое кровавое угнетение. Нельзя забывать того, что международный еврей, полностью правящий сегодня Россией, видит в Германии не союзника, а государство, обреченное на ту же судьбу. <...> В русском большевизме нам следует видеть предпринятую в XX столетии попытку еврейства захватить мировое господство <...>»³³. Посредством особенного акцентирования необходимости уничтожения евреев в Европе самая

очевидная черта расистских воззрений Гитлера и национал-социалистического руководства оказалась возложена на антисемитские и тесно связанные с ними антибольшевистские элементы. Расизм национал-социалистического режима был, однако, несколько шире, и неравенству всех рас, равно как и их иерархическому упорядочиванию, отводилось центральное значение. В этом ранжире славянам и русским предназначалось только подчиненное место (как «неполноценной расе»). В частности, это отразилось в том, что Гитлер принципиально отказывал русскому народу в способности к политическому и государственному строительству. Факты исторического развития Восточной Европы Гитлер, в унисон с Мантойффелем-Катцдангеном, объяснял усилиями немцев по насаждению цивилизации. Культурный и политический потенциал России еще сильнее принижался тем, что Гитлер отождествлял политическую элиту СССР с еврейством и тем самым рассматривал Россию как страну, находящуюся в постоянном состоянии распада. С точки зрения Гитлера, перспективы будущего России выглядели следующим образом: «Насколько невозможно для русского самостоятельно, собственными силами сбросить с себя еврейское иго, настолько невозможно и для еврея долго сохранять контроль над могучей страной. Само по себе это государство является элементом не организации, но разрушения. Огромная восточная империя созрела для распада. И конец еврейского господства в России будет также и концом России как государства»³⁴.

³³ См.: HITLER A. Mein Kampf. Munchen, 1933. S. 742—743. ³⁴ Ibid. S. 750 ff.

205

Даже если стратегической целью в национал-социалистической идеологии оказывалось уничтожение «еврейского большевизма», поскольку победа над СССР должна была обозначить устранение родины Зла как такового, перспективы могущего уцелеть русского населения также издевательски принижались. Антиславянские намерения национал-социалистического руководства конкретизировал в 1942 г. Мартин Борман: «Славяне должны работать на нас. В той мере, в какой они нам не нужны, они могут умирать. Обязательная вакцинация и немецкое здравоохранение для них избыточны. Высокая славянская рождаемость нежелательна. Пусть используют презервативы или делают аборт, чем больше, тем лучше. Образование опасно. Будет достаточно, если они смогут сосчитать до ста. Как максимум, допустимо образование, которое предоставит нам сносных чернорабочих. Религию мы сохраним для них как средство управления. Для обеспечения они получают только самое необходимое. Мы господа, мы идем первыми»³⁵.

Из вышеприведенного ясно, что между антисемитскими и антирусскими (антиславянскими) образами врага не было принципиальных ценностных различий, поскольку оба этих компонента были составными частями концепта «недочеловека», определение которого (не слишком четкое) было дано в опубликованной в том же 1942 г. брошюре «Недочеловек». «Недолюдью» могли быть евреи, славяне, цыгане или другие группы населения, среди которых, впрочем, евреям приписывалась господствующая позиция. Приведенные в этой брошюре фотографии людей из Восточной Европы должны были сообщать такие характеристики, как чуждость, отвратительность и жестокость. Эти визуальные элементы брошюры еще более усиливались вербальными, в свою очередь, обладавшими визуализирующей функцией для конкретизации образа врага:

«Недочеловек — такое природное существо, которое биологически кажется совершенно похожим на человека, также с руками, ногами, своего рода мозгом, глазами и ртом. Однако это совершенно другая, страшная тварь, только набросок человека, с человекоподобными чертами лица — однако в духовном и душевном отношении отстоящая от человека дальше, чем любое животное. Внутри этого существа жестокий хаос диких, ничем не сдерживаемых страстей: не знающая названия воля к разрушению, примитивная похоть, ничем не прикрытая подлость. <...> Искажения человеческих лиц, ставшие действительностью кошмары, удар в лицо всего Доброго <...>, объединенные с первобытной ди-

³⁵ Меморандум Бормана от 19 августа 1942 г.; оригинал: Archiv des Internationalen Militargerichtshofs Nurnberg. № 336. Цит. по: WETTE O. Op. cit. S. 178.

206

кой сущностью и отбросами всего мира — однако удобные инструменты в руках вечного еврея, мастера организованных массовых убийств <...>»³⁶.

Вплетение антисемитских и антиславянских образов врага в базовый концепт «недочеловека» предопределило тем самым те изобразительные формы, которые должны были возникнуть в плакатной пропаганде в начале 1940-х гг. В особенности оказались заранее проговоренными на словах гибридные формы, совмещающие человека и зверя.

5. О ВИЗУАЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ ОБРАЗОВ ВРАГА

Наименование России великим государством (Гитлер), которое само стало жертвой еврейского

порабощения, позволяет предположить, что в национал-социалистической изобразительной пропаганде должно было проводиться различие между антибольшевистскими и антирусскими концепциями. Однако такое разграничение не может быть последовательно обнаружено; к тому же с 30-х гг. и до начала войны в 1941 г. понятия «Советский Союз» и «Россия» демонстрируют хотя и не четкую, но тем не менее замкнутую совокупность одинаковых характеристик. Только с 1942 г., когда встала задача набирать в СССР рабочую силу и мобилизовывать различные группы его населения против их политического руководства, по соображениям пропагандистской тактики начинают избегать антиславянских тонов и пробуют — временно — намечать нейтральное или даже позитивное изображение противника. Однако основная модель национал-социалистического образа врага, которая без всякого трения включила мотив «недочеловека» (бескультурности, жестокости, грязи) в представление о большевизме, претерпела существенные изменения. Не возникло параллельных образов врага, которые пытались бы всерьез обосновать исключительно большевистскую мотивацию национал-социалистического образа врага.

Если объединить ключевые слова высказываний Гитлера в одну парадигму признаков («запятнанные кровью подлые преступники», «отбросы», «чудовищная жестокость», «непостижимое искусство лжи», «кровавое угнетение»), то получится узнаваемый фенотип ожидаемого образа врага, в который вносились поправки в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации и вытекающих из нее пропагандистских интересов.

При этом следует различать, был ли плакат, изображающий врага, предназначен для применения:

а) внутри страны (в Германии); б) на оккупированной во время Второй мировой войны вос-
³⁶ Dcr Reichsführer-SS, SS-Hauptamt / Hg. Der Untermensch. Berlin, [1942]. Цит. по: Ibid. S. 184; курсив мой.
207

точно- или западноевропейской территории (например, в Польше, Бельгии); в) на оккупированной территории Советского Союза. Во-вторых, следует различать, какие намерения преследует плакат — например, превозносятся ли на оккупированной советской территории преимущества немецкой оккупации или плакатом разжигаются чувства враждебности среди нерусского населения по отношению к русским, или же русское население стремятся настроить против его политического руководства³⁷. Как уже говорилось, «соображения военной целесообразности» побудили ставку вермахта и его отдел пропаганды начиная с весны 1942 г. сократить использование в пропаганде *антирусской терминологии*³⁸.

Согласно выражению Гитлера о том, что плакат является лишь «средством для достижения цели» и его единственный критерий — эффективность в осуществлении своих задач, возникало существенное разнообразие в формировании образов врага, создавались частично исключаящие друг друга графические концепты, что усложняет возможность фиксации типологии таких образов. К этому прибавляется еще то, что признаки демонстрируемых ниже отдельных типов комбинировались друг с другом; например, для того чтобы передать угрозу военной опасности, антисемитские элементы комбинировались с мотивами жестокости и преступления.

Ниже приводятся несколько образов визуализации, без попытки свести изолированные типы образов врага в единую хронологическую последовательность.

Тип «буденовка» (милитаризм и чудовищность) Тип «буденовка», который представлял собой продолжение мотива казака, существовавшего в пропаганде начала XX в. и указывал в первую очередь на военную угрозу, занял центральное место в типологическом репертуаре. В 30-е гг. и особенно начиная с 1941 г., этот основополагающий тип развивался в разных вариантах и был одним из самых долговечных мотивов.

³⁷ Несмотря на различие, цель антибольшевистской пропаганды оставалась постоянной: «Задачей пропаганды является показать немецкому народу, что большевизм его смертельный враг, и доказать миру, что он (большевизм) враг всех народов и наций и этим самым враг всему миру» (Руководство к пропаганде от 31 марта 1937 г. Директивы к антибольшевистской пропаганде. Цит. по: Der Krieg gegen die Sowjetunion... S. 29). ³⁸ См.: WBTTE O. Op. cit. S. 193. Еще одна причина, как кажется, лежит в немецком метапредставлении о войне (представлении об образе врага на советской стороне), так как поступила информация о том, что Советы «уже в 1941 г. прибегали к материалам национал-социалистической пропаганды для того, чтобы настроить своих солдат против немцев» (Ibid. S. 194).
208

Один из первых его вариантов можно увидеть на плакате, посвященном «Большой антибольшевистской выставке» (6 ноября 1937 г., здание Рейхстага), где в форме аллегории смерти, формально еще без буденовки, визуализируется всемирный масштаб угрозы³⁹. В варианте плаката Херберта Агриколы (ил. 6), также датированном 1937 г., этот тип изображен как «злой демон» и «дух тьмы» с традиционными «азиатскими» признаками. Динамичной фигуре и

хозяйской позе были приданы черты, отражающие всеобъемлющую жажду крови и уничтожения (пожар, разрушения), а также цинизм и коварство (ухмылка). Если вначале Россия изображалась в виде самой смерти, т. е. скорее статично, то представлением ее в виде демона смерть была не только оживлена, но и приобрела несравнимо большую динамику.

Воздействие фигуры смерти, выражающей угрозу, в большой степени исчерпало себя, поскольку этот мотив не только мог опираться на длительную иконографическую предысторию, но и уже вовремя Первой мировой войны был в достаточной мере распространен и отработан. Были нужны более опасные, способные на более ужасные, дьявольские действия существа для того, чтобы показать, чего следует ожидать от противника в будущем. Непосредственная демонизация врага открывала очень широкое пространство для коннотаций: если фигура смерти была в определенном плане аллегорией *конца*, которая клала предел реальности, то фигура демона могла претендовать на вневременные и более жизненные качества. Демоны являются нечеловеческими и в то же время они не подвержены смерти, что распространяет масштаб представляемой ими опасности уже во вневременные пределы. Потенциальное «возвращение демона к жизни» требует, даже не проговаривая этого, бескомпромиссного торжества Добра, ради свершения чего неизбежно полное уничтожение врага. Далее, если характеристика признаков и действий является в аллегориях смерти сравнительно постоянной, то демонизация позволяла в зависимости от контекста вовлекать какие-то неожиданности или определенные ожидания страданий

(отталкиваясь от садист-

³⁹ Об историческом фоне персонификации смерти и его применении в плакате см.: KAMPFER F. Propaganda Hamburg, 1997 (в особенности главу «Скелет в действии. 3000 лет иконографии человеческого скелета». S. 41—71). «Начерченный, нарисованный или иначе визуально опознаваемый скелет выглядит сносным и в определенном контексте приемлемым в связи с тем, что речь в данном случае идет не о беспорядочно разбросанных костях, а о связанном в единую конструкцию и поэтому обычном для какого-то набора правил аппарате движения, умеющем по-человечески думать, говорить, действовать. Но вне этого культурного контекста существует, как и прежде, исконный страх перед голыми человеческими останками <...>» (Ibid. S. 41).

209

ских аффектов и действий). Советский демон, таким образом, не только вызывал образ смерти как последнего предназначения жертвы, но и позволял уточнить способ ее мучительного умирания и сладострастного умерщвления. Демонизация становилась средством динамического запугивания, происходящего из ожидания мучительной потери собственной целостности.

Ко времени гражданской войны в Испании относится третий вариант типа «буденовка», который проник в страну через немецких агентов. Он отражает следующий подкласс этого типа: гибрид человека и зверя, когда преобладают то человеческие, то звериные черты⁴⁰. Формально темой показанного плаката является «разрушение семьи большевизмом». Однако визуальная метафора указывает на другой мотив, а именно на похищение женщины зверем, что имеет долговременную знаковую традицию и должно активизировать архаические инстинкты. Гибридный тип образа врага не имеет прямого соответствия вербальным метафорам «зверя» или «грязи», которыми постоянно пользовались как Гитлер, так и пропагандистский аппарат национал-социалистов⁴¹. Однако этот тип воспринимался как плакатная реализация атрибутов «недочеловека», когда ради того, чтобы сделать противника ужасным, подчеркивались нечеловеческие черты «страшной твари». Помимо прочего, этот тип является также функциональным вариантом мотивов маски и разоблачения, когда враг открывает свою «истинную», принципиально злую сущность.

Составленная из человека и зверя гибридная фигура должна отказаться в этом случае от своей двойственности (от схожести с человеком) и проявить свою *собственную* суть.

Убийство детей и женщин, в сочетании с вампирством и сексуальной похотливостью, характеризуется в следующих примерах типа «буденовка» (ил. 7), которые в качестве последнего пропагандистского средства были применены в 1944 г. в Польше в связи с наступлением советских войск. Следующие плакаты показывают окончательное превращение гибридного типа в животное чудовище, в котором соединились признаки обезьян, хищных кошек и прочих рожденных большой фантазией монстров: первый из этих плакатов, в своем роде уникальный, был создан в ноябре 1941 г. и должен был

⁴⁰ См. отчет Е. Тауберта, начальника антикоминтерновского отдела рейхс-министерства пропаганды (1945): «В Португалию к Франко был послан через Францию весьма опытный агент, ставший первым советником по пропаганде. Франко было прежде всего разъяснено, что его политическая аргументация должна <...> основываться на антибольшевистской точке зрения <...>» (цит. по: Der Krieg gegen die Sowjetunion... S. 26).

⁴¹ Для обозначения противника использовались изображения прежде всего таких животных, как

«стервятник», «дракон», «змея» и «оборотень».

210

быть приурочен к завоеванию Москвы и в дальнейшем распространяться на Украине (ил. 8). На нем нарисовано уже побежденное советское «чудовище», над которым в триумфальной позе стоит немецкий солдат и помещена надпись «Москва, гнездилище большевизма, в немецких руках». В ходе войны за этим плакатом должны были последовать другие: в 1944 г., не считаясь с военной реальностью, советское «чудовище» было показано почти побежденным, в контексте же сопровождавшей этот плакат пропагандистской кампании этот мотив перерос в громаднейшую угрожающую фигуру, протягивающую свои руки к Европе (ил. 9). Текстовое сообщение имело, в противоречие к визуальному изображению, почти то же содержание, что и в предыдущем плакате: спасителем Европы от большевизма может быть только немецкий солдат, неустанная работа на пользу немецкой оккупации оберегает Европу от большевистского завоевания. Здесь становится очевидным, что в конце войны «европейская тема», а именно мотив спасителя и защитника Запада, приобретает особое значение в пропаганде, по крайней мере на оккупированной территории Восточной Европы. Из противоречивого характера этих плакатов, однако, явствует, что близость плакатов к реальному опыту и соответствующие средства сближения, по всей вероятности, не имели особого значения. Визуально-графические характеристики этих плакатов отсылали исключительно к воспроизводящим самих себя фантазмагориям, которые происходили из уже давно созданных и закрепленных кошмарных апокалиптических видений. Этот вид пропаганды не предполагал соотнесения с настоящим. Можно показать плакат, адресованный польскому населению, который предполагает, что после пяти лет оккупации немцами и их практически террористического управления якобы можно ожидать, что зрители этого плаката, устранившись Красной Армии, дозреют до сотрудничества с отступающими немецкими войсками.

Функцией плакатов, на которых советский противник изображался «убийцей Христа», была активизация страхов, основанных на религиозных предрассудках и убеждениях. Эти пропагандистские плакаты при этом не обращали внимания на различия между католицизмом и православием, но совпадали с антисемитскими представлениями о евреях как убийцах Христа в белогвардейской пропаганде начала 20-х гг. Тем самым они отвечали основным линиям национал-социалистического мировоззрения, в котором евреев/большевиков трактовали как воплощение Антихриста. Плакат Клаудиуса «Европа встала в ряд» (1943) использовался в оккупированном Антверпене при наборе фламандского добровольческого легиона. На этом плакате (вариант «буденовка») враг в очередной раз изображается как разрушитель западноевропейской религиозной традиции и поджигатель мирового пожара.

211

Таким образом, тип «буденовка» показал себя на протяжении всего периода национал-социалистической пропаганды (и даже позже) чрезвычайно многосторонним и пригодным для разно-функционального употребления. Первоначально он репрезентировал военную угрозу, включая в себя также цивилизаторскую составляющую расхожих представлений о жестокости или кровожадности врага. Впоследствии тип «буденовка» обогатился анималистическими периферийными формами, в которых желаемого эффекта запугивания пытались достичь при помощи проекции первобытных человеческих страхов по отношению к рептилиям и хищникам. Визуальная отсылка к архаическим способам ощущения соответствовала распространенным в вербальной пропаганде агитационным формам. В коммуникативной практике гибридные конструкции имели к тому же еще и то важное достоинство, что они позволяли обойтись, при аргументации и пояснении, без доказательства того, *в чем именно* во враге состоит причина его злобности. Эти образы врага не приписывали никаких негативных качеств, они были изображениями зла самого по себе и черпали свою отталкивающую силу из воздействия самой демонстрируемой картины. Само собой разумеется, эти образы реализовывались теми средствами, которые были доступны в плакатной пропаганде 30-х и 40-х гг.

Антисемитский (дьявольский) тип

Визуальный симбиоз антибольшевистских и антисемитских образов врага можно показать не только на примере изобразительной пропаганды внутри Германии, но и на материале агитации для оккупированной территории Советского Союза, особенно там, где у населения предполагались антисемитские настроения (Украина). На фоне последовательной

антисемитской пропаганды в 30-е гг., которая уже внушила и закрепила стереотипный образ еврея, заимствование антисемитского концепта в антибольшевистский образ врага соответствовало системной логике национал-социалистической пропаганды. Еще более пластичное выражение опасность «еврейского порабощения» в образе большевизма, т. е. в образе Советской Армии, приняла на втором этапе войны.

Следующий плакат открыто пропагандирует антисемитизм, объясняя зрителю: «Евреи — ваши вечные враги. Сталин и евреи — это банда преступников» (1943). Посредством этого плаката русский реципиент должен был пройти через последовательность стереотипных вопросов по типу «Кто виноват в том, что...» с одним-единственным стереотипным ответом — «евреи». При этом использовалось русское пейоративное слово «жиды» (а не «евреи»). Плакат должен был объяснить зрителю, кто несет ответственность за все неувязки в СССР. Структура этого плаката представляет широкую палитру демагогических объяснительных образцов, при помощи

212

которых всеобъемлюще объясняется состояние русской и советской действительности в прошлом и настоящем. Персонализируя общегосударственную несостоятельность, плакат предлагает, по видимости, окончательное, не предполагающее дальнейшей ментальной разработки решение. Плакат может служить чрезвычайно удачным примером тезиса Гитлера о необходимости постоянного повторения одного-единственного объясняющего высказывания. Только на одном плакате оно повторяется целых 50 (!) раз.

На комбинации гиперболизированных черт и псевдодокументальной фотографии построен плакат «Винница», который черпает свой драматизм из жеста непосредственной угрозы (ил. 10). Плакат был предназначен для распространения среди украинского населения. В нем до крайности обострена связь антисемитской и дьявольской характеристики врага, которому приданы также признаки коварства и преступные черты. Размещение фигуры на заднем плане плаката напоминает об иконографии изображения демона, очень распространенной в национал-социалистической пропаганде прежде всего 1930-х гг. ,

Наряду с этими изобразительными концептами центральным мотивом, при помощи которого реализовывалось стремление национал-социалистической изобразительной пропаганды к персонификации, была также фигура Сталина. На этих плакатах, представляя собой всю советскую элиту, Сталин изображался ответственным за человеческие потери в рамках процессов коллективизации и индустриализации. Напротив, население России представляется здесь в роли жертвы и, таким образом, должно быть подвинуто к критическому отношению в адрес собственного государства. Это раздробление образа врага на образы Виновника/Ответственного и Жертвы между 1941 и 1943 гг. было весьма распространено в немецкой пропаганде, пока еще существовали надежды на мобилизацию антисоветских настроений в населении оккупированных территорий. С осени 1943 г. такие настроения становятся реже и в 1944-м исчезают почти полностью.

Формально советский плакат также располагал аналогичным механизмом, клеймя Гитлера и элиту национал-социалистов в качестве «первопричины нацистского зла» и тем самым однозначно локализуя на них ответственность за войну. Напротив, немецкие солдаты представлялись как «жертвы», «переносящие лишения» и «обманутые». Однако несмотря на эту аналогию в изобразительной структуре и в интерпретации противника, между советским и немецким подходом существуют фундаментальные различия. Советский плакат этого типа адресован *собственной* стороне и, соответственно, предполагает дифференциацию образа врага — немецких захватчиков. Напротив, немецкий плакат предназначен для противника и преследует целью осуществить его политический раскол.

213

Несмотря, по всей видимости, на чисто политическую направленность такого плаката, этот тип персонализации остается по-прежнему целиком связан с антисемитскими объяснительными образцами. Фигура Сталина претерпевает карикатурные изменения с подчеркиванием антисемитских деталей (например, в форме головы, лица или носа). Дальнейшее развитие этого типа вылилось в полную дьяволизацию Сталина, когда его представляют сначала в виде злого демона, затем в образе подручного ада (ил. 11), и в одном из последних вариантов (на белорусском языке) в виде самого дьявола, окончательно снимающего маску⁴².

Еще один вариант антисемитских плакатов пользовался методом композиционного противопоставления, когда свое («Мир Света») противопоставлялось Другому («Царству Тьмы»). С представлением позитивного полюса соотносились также образцы других, неантитетических плакатов, при посредстве которых должен был распространяться сконструированный в райских красках автопортрет национал-социалистического общества. Для того чтобы повысить убедительную силу этих автопортретов, требовалось параллельно предъявить Ужасного Другого. Тем самым идентификация черпалась из счастья «не жить в царстве страха». В конце войны эти антитетические плакаты все чаще выглядели как видения «сияющего» или «угрожающего» будущего, которые должны были мобилизовать последние резервы самообороны (ил. 12). Антитетические плакаты, исходившие из поляризации Добра и Зла в смысле цивили-зационного или политически-идеологического распределения, стали любимыми средствами визуального самопозиционирования и в советском плакате, в особенности во времена «холодной войны».

Антисоветский тип

Как уже говорилось, немецкая плакатная пропаганда на оккупированной территории Советского Союза имела двойную агитационную стратегию. Первая была направлена на разоблачение разрушающей природы советской системы и прямо или косвенно связывала последнюю с антисемитскими объяснительными образцами⁴³.

⁴² В этом контексте интересен вопрос об авторах этих пропагандистских плакатов. Если у большинства национал-социалистических плакатов, которые представляли не образ врага, но собственное позитивное изображение, вопрос об авторстве имеет вполне определенный и однозначный ответ, то подавляющее большинство тех плакатов, о которых речь идет в данной статье, остались неподписанными. Исключение представляют собой работы Мьельнира и Виллибальда Краина, который только в 1943—1944 гг. изготовил для Восточного фронта более 30 плакатов (прежде всего на польском, украинском и белорусском языках).

⁴³Ср.: ZEIDLER M. Op. Cit. S. 36ff.

214

Вторая стратегия основывалась на приписывании врагу сравнительно позитивных признаков и должна была подвигнуть население оккупированных территорий к сотрудничеству или ослабить их страхи перед принудительными работами в Германии.

Тематически этот тип плаката сосредотачивался на комплексах коллективизации и индустриализации и пытался, таким образом, в буквальном смысле перекодировать присутствовавшую в сознании населения определенную область еще не окончательно устоявшегося опыта современников. Агитационные стратегии этой пропаганды должны были глубоко учитывать ориентацию реципиента. Это выражалось в активном использовании немецкими плакатами советских политических лозунгов 30-х гг., частично даже в их дословном воспроизведении, но с противоположным изобразительным сопровождением. Результат измененного таким образом изобразительного послания представлял собой саркастическую переинтерпретацию советской политической повседневности и отрицание содержания советской пропаганды. Точное знание того, какие из советских лозунгов и речевек обладали наиболее высокой степенью распространения и интериоризации, позволяет предположить, что при разработке соответствующих немецких плакатов не обошлось без участия или советов со стороны русского населения⁴⁴.

На плакате 1943 г. «Патриотизм советских людей отражается в прекрасно построенных заводах» (цитата из Сталина) мрщная постройка фабрики «Большевик» возвышается на горе из скелетов и костей и таким образом осуществляет саркастический намек на человеческие потери во время индустриализации. Та же тактика убеждения

⁴⁴ Это подтверждается еще и возникновением больших плакатных серий во фронтовых типографиях («Симферопольский авангард») или в тылу оккупированных территорий (Киев). О точном знании советской пропаганды можно предполагать, поскольку немецкая плакатная продукция отсылала к иконографическим прообразам, применявшимся советской пропагандой уже во время Октябрьской революции. Сюда относится, мотив пробитой стены («большевистское порабощение»), за которой виднеются очертания «пронизанной солнцем страны свободного труда». Немецкая армия представлялась непобедимой, поэтому возвращение большевизма было невозможным. Первым антибольшевистским плакатом на русском языке был «цветной портрет полководца» (по фотографии Генриха Гоффмана 1938 г., опубликованной на плакате «Один народ, одна страна, один вождь» (10 апреля 1938 г.) с русским текстом «Гитлер-освободитель»). Антибольшевистская пропаганда в годы войны находилась в существенной мере в ведомстве самого главнокомандования вермахта, содержание и техническое проведение соответствующих пропагандистских кампаний согласовывались с рейхсминистерством пропаганды. Ср.: Ibid. S. 37 ff.

215

использована в плакате «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство» (1943, ил. 13).

Лозунг *почти* дословно повторял очень известный советский плакат 1939 г. Н. Ватолиной «Спасибо родному Сталину за наше счастливое детство», однако визуальная сторона немецкого плаката превращала плакат в его собственную противоположность, производя его циническую переоценку. Дальнейшими темами, используемыми немецкой пропагандой, были «порабощение властью рабочих и крестьян» и «Советский Союз — тюрьма народов». Тема Архипелага ГУЛАГ, которая вроде бы взывала к инструментализации с точки зрения немецкой пропаганды, на практике отсутствовала в репертуаре ее мотивов, возможно, для того, чтобы избежать напоминаний о собственной политике уничтожения.

Относительно положительным выглядел враг, когда его следовало вдохновить на работу непосредственно в России или набрать людей для принудительных работ в Германии. В этом случае *imago* противника менялось: из скелетообразных и истощенных образов «недочеловека» получились, в соответствии с функциональными потребностями пропаганды, упитанные гордые крестьяне, энергичные рабочие, хорошо одетые дамы из высшего общества. Жанровые сценки должны были иллюстрировать, что угнанным для принудительных работ в Германию женщинам не грозила никакая опасность; больше того, они даже приобщались к более высокой цивилизации, что выражалось в их внешнем виде, более модной одежде и более культурном поведении. Женщин, угнанных на принудительные работы, прежде всего изображали в окружении заботы немецких семей, где они занимались уходом за немецкими детьми. Впечатления угнанных на принудительные работы в Германию также стали темой одного из плакатов — «Читайте, что пишут из Германии ваши (родственники)». Хотя воспроизведенные на этом плакате письма и открытки, естественно, изображают «позитивную выдумку», в высшей мере искусственную и поэтому неправдоподобную картину, даже этот плакат содержит определенные расистские подтексты. Принудительная работа в Германии должна рассматриваться как акт освобождения и ассоциироваться с тем, что человека вырвали из нецивилизованных жизненных условий в СССР.

Типы животного

Типологический репертуар национал-социализма не ограничивался, однако, только этими формами антисоветских образов врага, хотя принципиальное значение и придавалось именно им. Кроме этого, существовали другие мотивы с животными, например с пауком, кровожадной собакой (ил. 14) и драконом (или вообще с пресмыкающимся). Последние мотивы очень часто встречаются и на советских плакатах военного времени, однако они обладают иным ико-

216

нографическим статусом, окрашенным влиянием русской традиции иконы.

Цивилизаторский тип («голод» и «бедность») Когда национал-социалистическая пропаганда преследовала цель показать отсталость, разоренность, голод и социальные бедствия в Советском Союзе, то вышеназванные основные типы не применялись, а внимание в таком случае концентрировалось на признаках, явно противоположных положению народа в Германии (благополучие, счастливая радостная жизнь при национал-социализме). По случаю двух больших выставок — «Большевизм без маски» (в здании рейхстага, 1937 г.) и «Советский рай» (в парке перед Берлинским собором, июнь 1942 г.) — были продемонстрированы плакаты (ил. 15), изображающие развал и разруху. Эти плакаты должны были воочию показать неполноценность всего русского и советского и убедить немецкое гражданское население в моральной правомерности политики уничтожения, проводимой в России в период немецкой оккупации. На фоне красочного образа Германии, где счастливая молодежь идет по цветущим полям в будущее, советское обнищание, изображенное в черно-белых тонах, выглядит особенно контрастно.

Контексты действия

Дополнительный анализ возможностей действия, в особенности на тех плакатах, которые служат непосредственному приданию врагу ужасных черт, показывает, что, как правило, враг изображается в гиперболизированной форме в жесте или позе актуальной угрозы или уничтожения. Контекст действия должен подчеркнуть предстоящий триумф врага, при этом не обязательно имея в перспективе мотив спасения собственной стороны. Предполагаемое воздействие этого сверхпропорционального выставления врага на обозрение состояло в том, чтобы сперва эксплицировать, а затем укоренить в определенном контексте кошмары и ощущения страха, компенсацию которых в форме повышенной готовности к агрессивной обороне с соответствующими эффектами консолидации и мобилизации и хотела, судя по всему, вызвать немецкая пропаганда. Способ применения образов врага позволяет также делать выводы об общем отношении к реципиенту, которое должно быть не столько позитивно усилено в противостоянии, сколько подвержено дестабилизации в негативном смысле, причем эта дестабилизация (вызванная

чувствами ненависти и отвращения) влечет за собой в качестве вторичного эффекта готовность к агрессии. Ужасающий образ врага в немецком плакате разрушал тем самым поддержание идентичности и навязывал видение конца света, который принимал тем более реальные формы, чем больше близилась война к своему завершению.

217

В приведенных примерах видно, с каким фанатизмом изображался образ врага: с одной стороны, как его унижали до фигуры нечеловеческого животного, и с другой, какие циничные формы он приобретал тогда, когда его из соображений пропагандистской идеологии и военной политики было удобно показывать положительным. В конечном итоге образ Советского Союза в 30-е гг. и в годы войны представлял собой визуализацию идеологических предустановок из вышеупомянутого каталога признаков (демонизация, дьяволизация, монстрификация). При этом образ врага в немецкой пропаганде отталкивался от *танатологического* происхождения противника, которое следовало визуально проследить и пропагандистски использовать. Этот образ врага привел к созданию графических норм, которые отложились в визуальной памяти немецкого послевоенного общества.

6. О РАЗЛИЧНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ СИТУАЦИЯХ

Важнейшим условием для создания, модификации и пропагандистского применения образов врага является, естественно, конкретная политико-историческая ситуация, в которой и для которой создавались те или иные изображения. Политическая ситуация определяла и критерии отбора признаков, которые влияли на оформление образов. Что касается нашей тематики, то можно сказать, что эти рамочные условия в Германии и Советском Союзе были абсолютно разными. Германия планировала и на деле осуществляла захватническую войну на уничтожение, проводившуюся глубоко на территории противника. Пропаганда на фронте и внутри страны делала ставку на устранение (ослабление) гуманных эмоций, так как они, как считалось, вредили стратегическим целям пропаганды, а именно, усилению веры в победу, а позже — воле выстоять до конца. Пропаганда внутри страны в первую очередь преследовала цель разъяснить, что война несла характер «справедливого уничтожения» тех, кто и «без того не был человеком». На оккупированной территории претворялось в жизнь еще и третье стратегическое направление пропаганды. Необходимо было разжечь антисоветские и антисемитские настроения, чтобы добиться сотрудничества со стороны советского населения. Эта многофункциональность пропаганды и вела к вышеизложенному различному качеству образов врага, к циничным формам их проявления.

Для советской пропаганды коммуникативная ситуация была совершенно иной: обострившиеся в 30-е гг. системные противоречия между сталинизмом и фашизмом хотя и привели (начиная с середины 30-х гг.) к созданию образа врага «немецкий фашизм», но на деле таковой оставался, однако, в большей степени формальным и неопределенным. Главным противником и важнейшим объектом для создания образов врага был до самого начала войны внутрисоветский враг (см. показательные процессы 1937—1938 гг.), ко-

218

торого отождествляли в соответствии со сталинской теорией заговора с международным фашизмом. После заключения пакта о ненападении изобразительная пропаганда против национал-социализма на некоторое время была даже и вовсе прекращена.

С началом военных действий в 1941 и 1942 гг. изменилось и политическое положение вещей: из врага «вообще», почти «виртуального» врага, вырос настоящий военный оккупант родной страны. Появилась реальная угроза, против которой следовало организовать оборону⁴⁵. Поэтому не удивительно, что большинство советских плакатов военного времени несли в себе идею обороны и защиты и не демонстрировали захватнических планов. Так как военные и экономические аспекты войны с политической точки зрения были идентичными, не произошло функциональной дифференциации, присущей немецкому плакату. Работа, в тылу, например на военных заводах, имела те же политические и идеологические цели, что и сражение на фронте. Поэтому советский плакат не был циничным; не имелось также признаков, которые можно было бы назвать расистскими. Он служил одной, понятной как для населения, так и для сражающихся войск, цели — отражению врага, враждебность которого ежедневно подтверждалась в реальной жизни. Создаваемый в этой ситуации образ врага был поэтому связан с конкретной действительностью, что позволяло эту действительность интерпретировать и заострять ее стороны в агитационных целях.

7. К ОБРАЗУ ФАШИЗМА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Возникший в 30-е гг. вражеский образ фашизма продолжал встраиваться в идеологическое

противостояние «капитализм — социализм». Политическое толкование фашизма как «высшей формы» ка-

⁴⁵ Мобилизация армии и населения против немецкой оккупации стала центральной задачей партии и агитационной работы коммунистических пропагандистов. В своей речи перед секретарями московских партийных организаций М. Калинин сказал по этому поводу следующее: «Если вы согласны, что образцовое поведение в борьбе на фронте является важнейшим партийным, коммунистическим делом, то вы согласитесь и с тем, что боеприпасы, пушки и автоматы, которые мы производим, также являются нашим первейшим делом, что это является выражением нашей непосредственной борьбы за наши цели. <...> Какая решающая задача стоит сегодня перед всем советским народом? Борьба против немецких оккупантов. Где бы вы ни агитировали, какую бы работу вы ни выполняли, с какими бы людьми бы вы ни говорили, наша агитация и пропаганда всегда и повсюду должны быть направлены на главную задачу, на то, чтобы все помогали изо всех своих сил решить главную задачу советского народа — разбить немецких грабителей» (КАЛИНИН М. Несколько слов о пропаганде и агитации [1944] // Kalinin M. Ober politische Agitation. Stuttgart, 1952. S. 38 ff.).

219

питализма существенно затуманило понимание исторической реальности и нового качества угрозы. Так, Иосиф Сталин говорил в своем отчетном докладе на XII съезде партии («съезде победителей», 26 января 1936 г.) о том, что «победу фашизма в Германии следует рассматривать не только как признак слабости рабочего класса и как результат обмана его социал-демократией <...>, но и как слабость самой буржуазии», «как знак того, что буржуазия не обладает более силой господствовать, опираясь на старые методы парламентаризма и гражданской демократии, и поэтому прибегает во внутренней политике к террористическим методам управления, а во внешней политике <...> к средствам войны»⁴⁶. Специфика национал-социалистических политических целей оставалась в данной идеологической проекции непонятой. Несмотря на многочисленные предостережения со стороны левых интеллектуалов в 30-е гг., агрессивный характер этой политики, направленной в существенной мере против Советского Союза, не был соответственно оценен.

Фашизм изображается в 30-е гг. при помощи аллегорий смерти (Кукрыниксы, 1935), картин бедствия Германии на фоне марширующих колонн военных (Караченцев, 1937), при посредстве карикатурных изображений Японии, Германии и Италии (Долгополов, 1938) и анималистских форм, где безобразное существо «фашизм» прежде всего показывается *врагом культуры* вообще. Атрибуты, сопровождающие рисунок (например, цилиндр), говорят о том, что в соответствии с идеологической интерпретацией упор делается прежде всего на связь с буржуазией или на империалистическую военную традицию. Расистскую теорию национал-социалистов, вытекавшие из нее планы по захватам и уничтожению Сталин назвал «странной теорией, настолько далеко отстраненной от науки, как небо от земли»⁴⁷. Возражая мнению, что «высшая раса» вправе покорять «низшие расы» (речь идет о славянских племенах), Сталин вспоминает о Римской империи и ее отношении к германским народам, которые в те времена с римской точки зрения считались «низшими». Сталин предлагает подумать, не постигнет ли Германию в случае войны с «низшими расами» та же судьба, как в свое время Римскую империю⁴⁸. Из-за несовместимости этих дискурсов (с одной стороны расистско-националистических, с другой стороны советско-марксистских) сталинская аргументация осталась самореферентным идеологическим самообманом, также не имеющим связи с действительностью. Война в Испании (1936—1939) положила начало образованию в советской пропаганде иконографического репертуара, легшего в основу антифашистского образа врага.

⁴⁶ СТАЛИН И. Сочинения. М., 1951. Т. XIII. С. 293 и след.

⁴⁷ Там же. С. 296.

⁴⁸ См.: Там же. С. 293 и след.

220

8. О ТИПОЛОГИИ ОБРАЗОВ ВРАГА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Символический тип: мотив животного

Центральным мотивом образа врага «фашизм» является змея (ил. 16), которая считается в русской иконографической традиции, прежде всего в иконах, символом несчастья и Зла⁴⁹. Русские слова «гад» и «гадина» называют не только змею как таковую, но и обозначают понятие отталкивающего отвратительного «пресмыкающегося» в широком смысле слова. При этом «гад»/«гадина» выражают нечистоту, опасность, лживость, двурушничество и скрытность⁵⁰. Применение стандартного символа, который к тому же берет начало в религиозной и народно-мифологической области, свидетельствует о том, что специфического, т. е. связанного с Германией, визуального представления образа врага сначала не было. Змея как фашистский

символ применялась, кроме того, и для обозначения внутренних врагов («врагов народа»). Графически мотив змеи представлялся особенно удобным еще и потому, что он позволял, при помощи умножения змеиных тел, построить символ свастики. К началу войны мотив змеи был развит до различных гибридных форм человеко-зверя. Один из вариантов мотива змеи встречается у Д. Шмаринова («Раздавите фашистское чудовище», 1941), на плакате которого змея заменяется анимализацией как раз такого рода (получеловек-полуспрут). В напоминающую краба рептилию, покрытую броней и свернувшуюся в форму свастики, превращается образ врага у А. Кокорекина («Бей фашистского гада», 1941; ил. 17), при этом символический потенциал (свастика) остается неизменным.

Карикатурный тип (образ «бессильного» врага) Следующий тип, особенно распространенный в окнах ТАСС, основывался на стилистике карикатуры и был связан опять же с дореволюционными традициями времен Первой мировой войны: «образ безобразного немца» в первую очередь конкретизируется в изображении личностей Гитлера, Геббельса и Геринга и, как правило, не несет эмоционального компонента «угрозы», но скорее наоборот, в качестве незначительной или почти побежденной фигура врага выставляется на посмешище. Известными примерами служат плакаты Ку-крыниксов «Беспощадно разгромим и уничтожим врага!» (1941; ил. 18), «Удар в сердце» (1945) и «Немецкие шипцы» (1941). В своих

⁴⁹ Ср.: С о д и к о в и ч В. Семантика иконографии «Страшного суда». Ульяновск, 1955. С. 31 и след.

⁵⁰ Ср.: Г у р а А. Гады//Славянская мифология: Энциклопедический словарь / Ред. В. Петрухин, Т. Агапкина и др. М., 1955. С. 130.

221

карикатурах Кукрыниксы изображали и простого немецкого солдата, иногда даже жертвой военной агрессии. Так, в первой строчке текста на известном плакате Кукрыниксов «Превращение фрицев» (1943) написано: «То не звери с диким воем в бурный ринулись поток Это Гитлер строй за строем гонит „фрицев“ на восток». Плакат «Гитлер-людоед» (Ц. Моор, 1943) также отсылает к методу карикатуры. Гитлер, однако, не изображается ищадием ада, как Сталин на аналогичных немецких плакатах. Скорее, Гитлер имеет черты глупого, смехотворного Наполеона, а Геббельс изображается в виде собаки с пеной у рта, и его угрожающий потенциал сводится до минимума, так как выбрана довольно безобидная порода собак, а именно такса. Темой следующего плаката является Геббельс — «оболваниватель народа» (Д. Моор, «Школа Геббельса», 1943). Здесь опять же является характерным, что немецкому солдату не приписывается природная агрессивность (ср. аналогию в немецком плакате); ему скорее приписывается тупость, и в определенной мере именно навязывание определенных политических доктрин сделало его таким, какой он есть.

(Псевдо)реалистический тип

(Псевдо)реалистический тип часто находил применение в концепте образов врага. Сюда относятся чисто графические решения, такие как плакат П. Мальцева «Уничтожай фашистов на суше и на море» (1941), где противник прямо показывается побежденным в боевой сцене; при этом его характеризуют черты «безобразного» (нос, лицо). В других случаях применялись реалистические изображения немцев, многие из которых делались с фотографий. Характерными примерами для этого выразительного типа являются плакаты Виктора Корецкого (ил. 19). Немецкий солдат здесь не изображается в виде символа или карикатуры, он, подретушированный, становится реальным человеком, угрожающий потенциал которого складывается, с одной стороны, из окружающей его сцены, с другой стороны, из возможности соотнести его с опытом реальной жизни. На плакате В. Корецкого «Воин Красной Армии — спаси!» изображение врага сведено до единственного признака (острие штыка), его воздействие строится только на психологическом ситуативном контексте, в котором впечатляющим образом показаны не те, от которых исходит угроза, а те, кому она предназначена.

Другие анималистические варианты

Наряду с образами врага, функционировавшими в символической (а также в гибридной) форме, существовали также варианты анималистического изображения врага, в которых, так же как и в немецком плакате, использовались прежде всего образы хищников. В качестве примера можно привести плакат В. Климашина и Н. Жукова «Бей немецких зверей! Уничтожить гитлеровскую армию можно и

222

должно» (1943; ил. 20). Однако во всем корпусе плакатной пропаганды такие варианты оставались редкими; преобладали анимализации, восходящие к мотиву рептилии, которые, как было показано выше, могли быть выведены из определенного символического типа. Последний, в свою очередь,

основывался на русской иконографии Зла, что вновь напоминает о постоянном влиянии религиозно-традиционного содержания изобразительной памяти.

Если при анализе композиции изобразительного сообщения обращать внимание на контекст действия, в рамках которого показаны фигуры, то поражает, что на советском плакате — в отличие от основной тенденции немецких плакатов — враг изображается не в момент, когда он сильнее всего угрожает Своему, Нашему, но в положении уже побежденного или такого, который будет побежден или уничтожен в ближайший момент. Эта изобразительная концепция предполагает иную интегрируемую в плакат графическую трансляцию представления о самом себе (о собственной воюющей стороне). Семантически и акционально враг подавляется присутствием на изображении Своего (побеждающего) и тем самым ослабляется в своем угрожающем потенциале. Это двойное присутствие, прежде всего в карикатурном типе изображения, характеризуется еще и стилистическим разрывом, при котором собственная сторона изображается несатирически (подражая реальности), в то время как противник подвергается сатирическому снижению. Ироническое пренебрежение противником провоцирует возникновение эмоциональной дистанции, которая действует диаметрально противоположно механизму запугивания. Подразумеваемый смех над врагом (благодаря высмеиванию его графического облика) приближает зрителя к стороне Своего и работает на подтверждение идентичности, что лишней раз подкрепляется контекстом действия. Присутствие Своего, побеждающего или сообщающего уверенность в победе, низводит врага до функции объекта, в то время как в немецком плакате враг выполняет функцию субъекта. Несмотря на иконографические параллели между национал-социалистическими и советскими плакатами, образная структура советского плаката по сравнению с национал-социалистическим несла противоположное послание и представление о будущем: транслировать хотели неизбежность своей победы, а не грозящие последствия поражения.

III. ВИЗУАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Поражение Германии и развал Третьего рейха формально повлекли за собой запрет на использовавшиеся национал-социалистами эмблемы и символы. То, что одной этой мерой невозможно было преодолеть и уничтожить глубокие структурные характеристики обра-

223

зов врага как в западной зоне оккупации и позже в ФРГ, так и в советской оккупационной зоне и в ГДР, подтверждается послевоенными избирательными плакатами ХДС, ХСС и СвДП. В определенной мере, если принять во внимание идеологическую переоценку, это касается и восточной части Германии.

9. ТРАДИЦИИ ОБРАЗА ВРАГА В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИИ

В конце 1940-х гг. между Востоком и Западом действуют законы «холодной войны», которые привели к новой (или продолжающейся) поляризации мира. Продолжает существовать всеобъемлющая дихотомия, которая определяла пропаганду 30-х и 40-х гг. Советский Союз продолжает оставаться, за исключением небольшого перерыва сразу после окончания войны, старым идеологическим противником «свободного западного мира» и поэтому оценивается принципиально негативно. Неудивительно, что для визуализации этого старого/нового противостояния вновь используется основной комплекс признаков национал-социалистических образов врага, которые, действуя в течение 50 лет, наложили глубокий отпечаток на изобразительные традиции. Эти образы интенсивно распространялись в годы национал-социализма и все еще присутствовали в почти не измененном виде в зрительной памяти населения, т. е. их не нужно было вновь разъяснять. В первую очередь это относится к молодой ФРГ, где во время выборной кампании 1949 г. вновь оживили «буденовку». На избирательном плакате ХДС А. Багеля этот тип вновь используется для выражения советской угрозы, скрывающейся в этот раз не за маской еврейства, а за вывеской СЕПП, с которой следовало бороться на внутривнутриполитическом фронте. В структурном отношении этот образ опирается на те же аргументы, что и национал-социалистические плакаты. Конечно, речь здесь шла не о прямой антисоветской агитации; маячащий на восточном небосклоне враг служил больше внутривнутриполитическому устрашению. Поражает, однако, дальнейшее, почти без разрывов, развитие уже известных признаков, сопровождающих этот образ врага («азиатские» черты лица, борода, дьявольское выражение). То, что эти плакаты появились не случайно, подтверждают следующие примеры. В одном из вариантов плаката Бруно Дёрпингхауза («Нет! Поэтому ХДС»), также из 1949 г. (ил. 21), враг уже протягивает руки к Западной Европе (ср. аналогичные мотивы из 1944 г.), на одном из избирательных плакатов 1950 г. («Всю силу — сильнейшей партии. ХДС») немецкий рабочий дает отпор восточным демонам. Если слоганы

показанных вначале плакатов («Спаситель ХДС» и «Нет! Поэтому ХДС») и находились в отчетливой семантической связи со зрительным образом, то в последнем случае («Всю силу — сильнейшей партии. ХДС») такой связи уже нет. И вновь речь здесь идет, с точки зрения агитационной

224

структуры, о стратегии устрашения, т. е. о том же намерении, что являлось главной линией национал-социалистических плакатов. Измененный вариант типа «буденовка» ясно виден в избирательном плакате ХДС 1953 г. «Все пути марксизма ведут в Москву», на котором изображена лишь верхняя часть головы, что в паре с враждебной позой наблюдателя усиливает эффект угрозы.

10. МОДИФИКАЦИИ ОБРАЗА ВРАГА В СОВЕТСКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ЗОНЕ/ГДР

В процессе политического и идеологического перелома в советской оккупационной зоне/ГДР в 1945-1946 гг. любые формы антисоветских или антирусских образов врага были формально устранены. Подражание советской культурной и пропагандистской модели привело даже к тому, что, учитывая отсутствие марксистских традиций, восточные немцы прямо переняли цитаты и модели советских плакатов (несколько меняя их тексты при переводе на немецкий язык) и изображали детали, узнаваемые и эффективные скорее в самом Советском Союзе. Таким образом были импортированы концепты образов врага в том виде, в каком они продолжали существовать в Советском Союзе, особенно в том, что касается символического типа и карикатуры. Новыми врагами стали теперь «поджигатель войны — Запад», «американский капитализм» и пресловутый «западно-немецкий реваншизм». Советские модели использовались также и на уровне символики (символ змеи), как показывает плакат Джона Хартвиляда 1955 г. «Требуйте: Запретить атомное оружие!».

Однако о том, что специфические немецкие традиции образов врага не исчезли бесследно, а соединились с новыми фигурами, рожденными советской идеологией, свидетельствуют гибридные формы, сложившиеся из советского содержания и немецких структурных типов. В качестве примера можно привести плакат «EVG (Европейский оборонительный союз) угрожает миру» (1954) (ил. 22), на котором, для передачи угрозы, смерть изображена в образе Америки в немецкой эсэсовской форме. В опубликованном в 1950 г. плакате «Хочешь ли ты этого?» Америка показана в образе демони-зированного врага, готовящего войну с восточнонемецкой цветной промышленностью.

11. ОБРАЗЫ ВРАГА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ

В плакатном искусстве в советской оккупационной зоне/ГДР доминировал метод поляризованного построения образа, в котором отразилось политическое противостояние мира в период «холодной войны». В этом контрасте систем нашли свое место не только немецкие традиции манихейского, биполярного образа мира, но и советские нормы жесткой идеологической сортировки по принци-

225

пу «позитивный—негативный». Это противопоставление «мы-они» демонстрировало несовместимость и взаимоисключение систем, прежде всего в области вооружения, а также в политическом и социальном секторе. При этом СССР показан страной «мирного возрождения», капиталистический Запад же и особенно главный враг — Америка — Молохом, который одержим гонкой вооружений и, разжигая войну, только и думает о получении прибыли. При этом вновь применяются методы 20-х и 30-х гг., а именно карикатурное изображение капитализма.

12. ВЫВОДЫ

Обе типологии образов врага построены в конечном итоге на традиционных исходных мотивах начала XX в., их можно считать результатом радикализации этих мотивов, основным структурам которых они в принципе остаются верны.

В немецком плакате традиционные мотивы угрозы со стороны людей определенного национального происхождения («русская угроза», «нашествие гуннов») были связаны с идеями антисемитизма, т. е. произошло усиление антирусских мотивов за счет элементов ненависти к евреям. Это делалось не только для того, чтобы усилить степень угрозы, но и чтобы представить, согласно логике национал-социалистической идеологии, зримое разъяснение характера и сущности угрозы как таковой. Идентификация еврейства и большевизма позволяла — следуя национал-социалистической теории заговора — раскрыть истинную причину того, что враг настолько «плох» (ср. также мотив маски). Определенный таким образом размер угрозы кажется намного больше, чем при чисто военной концепции. Эта величина вызывала необходимость применения в военной области особых средств: против *такого* врага, в соответствии с логикой на-

ционал-социалистов, следовало вести только «тотальную войну».

Развитие национал-социалистического плаката шло по замкнутому кругу, что означает, что он так и не смог больше избавиться от тех духов, визуальные образы которых он вызвал в ходе войны⁵¹. Чем больше росла угроза поражения для Германии во второй половине войны, тем более зловещими должны были становиться визуальные образы врага и угрожающего крушения. В самодостаточности национал-социалистического плаката терялся любой контакт с

⁵¹ Когда в июле 1942 г. были опубликованы мнения высоких офицерских чинов вермахта, признающих достойное восхищения сопротивление русских солдат при защите Севастополя, Геббельс немедленно прореагировал. Сила сопротивления и воля к самоутверждению были объявлены им чуть ли не признаками примитивности и неполноценности, так как «уличная дворняга тоже выносливее, чем породистая овчарка» (цит. по: Z E I D L E к М. Op. cit. S. 39).

226

реальностью, а значит, и способность к рациональному управлению пропагандой". Заклинания видений ужаса и уничтожения, первоначально осуществленные в пропаганде визуально, материализовывались в реальности, что выдавалось пропагандистами за ex post предоставленное доказательно истинности этих изображений. То, что на самом деле здесь имело место вовсе не выполненное пророчество, но, скорее, его противоположность, оставалось скрытым от зрителя. Отнюдь не «победа еврейства» (и пророчившаяся из нее на протяжении десятилетий «гибель Германии»), но поднятая национал-социалистической плакатной пропагандой на щит война Германии на уничтожение — вот что стояло за образом врага в реальной истории. Порожденный национал-социализмом визуальный образ врага не был в 40-е и 50-е гг. предметом критической рефлексии в общественном мнении, и поэтому он не мог быть «преодолен» и не мог радикально потерять свой статус в изобразительной памяти, что подтверждается его сравнительно целостным сохранением в первые годы Федеративной Республики. Вызванные к жизни национал-социалистической системой образы не «преодолевались», но лишь откладывались в дальние углы и подвергались вытеснению. Советский образ врага, напротив, в своей трехступенчатой структуре (символический, карикатурный, реалистичный) обладал, с одной стороны, более высокой способностью к развитию. Отсутствие националистических элементов и концентрация на идеологических компонентах давали, с другой стороны, возможность модифицировать изображение народа, показанного в образе «простого солдата», и после войны. Аргументационная стратегия учитывала различие между военно-политическим руководством Германии и «обманутым» «простым немцем», что в большой мере влияло на оценку противника. Даже несмотря на количество плакатов, на которых немецкие солдаты изображались пораженными и обреченными на смерть, различие между «немцем» и «фашистом» предоставляло возможность воспринять ситуацию гораздо более близким к реальному опыту войны и врага способом. Немец как враг не был злым от природы. В противоречие исключительно танатологическим основам образа врага в Германии, советский образ врага ориентировался прежде всего на представление о «несостоятельности»

⁵² Немецкая пропаганда на оккупированной территории России почти не имела успеха, несмотря на огромные усилия, так как она не предлагала русскому и украинскому населению реальной «перспективы будущего». Обнародование политических планов для оккупированной советской территории было Гитлером в 1941 г. запрещено. Поэтому такие пропагандистские меры, как устранение колхозной системы, возрождение свободного крестьянства и легализация церквей, потеряли свою убеждающую силу. Ср.: Ibid S. 43.

227

врага. У противника констатировалось множество признаков его интеллектуальной, этической, моральной, эмоциональной и политической «ущербности», однако его не превращали в онтологическое Зло само по себе, что осуществлялось в немецкой пропаганде благодаря расистским основам образа врага.

Образ врага в СССР оставался, невзирая на реальный ход войны и связанную с ней реально-историческую угрозу (и нанесенный ущерб), умеренным и в конечном итоге не был в своих идеологически установленных рамках («антифашизм») антинемецким. То обстоятельство, что предпочтение было отдано карикатуре, отражает русскую изобразительную традицию и факт длительного отсутствия антинемецких образов врага. Главный упор плакатной пропаганды делался на мобилизацию собственных ресурсов, а не на агитацию среди чужого населения. К этому добавляется то, что начиная с 1943 г. в советском плакате все большую роль играла ожидаемая победа: отражение военных успехов в пропагандистской картине войны скорее противодействовало процессу радикализации образов врага. Сияющий победитель 1945 г. не

нуждался в образе превышающего всякие мыслимые представления врага. Поэтому можно сказать, что способность визуальной советской пропаганды к самоуправлению^ хотя она и была сначала снижена в результате советско-марксистской интерпретации национал-социализма, в ходе войны заметно усилилась.

Оба концепта образов врага были и остаются связанными с породившей их идеологией. Образ врага как связка семантических признаков становится в плакате непосредственно воздействующей (благодаря способности к *наглядной* коммуникации) величиной, которая преследует интересы не только разъяснения и подсказывания определенной информации, но и убеждения. Поэтому собранные на плакатах образы врага являются для обеих сторон коммуникативным инструментом, с помощью которого идеология становится зримой. В немецком плакате почти не существовало взаимосвязи с реальностью, находящейся вне идеологии, в советском — напротив, эта связь была вполне возможной, так как военные действия велись преимущественно на собственной территории и ситуация восприятия была совершенно иной. Принимая во внимание контекст, в рамках которого на плакатах показаны фигуры, становится ясным, что в советском плакате враг изображается, как правило, подчиненным (например, побежденным). При этом психологический потенциал, выражающий степень угрозы, сводится до минимума. Иначе это выглядит в немецком плакате: здесь враг предстает в жестах угрозы и уничтожения, против чего и мобилизуется эмоциональная реакция зрителей. Советский плакат делает таким образом ставку на идентификацию с побеждающей стороной, немецкий же — в основной своей массе — на

228

метаморфозы зла

эффект устрашения зрителя, в результате чего должно воспоследовать, как компенсация за испуг, усиление агрессивного фанатизма. Немецкий плакат в большей мере рассчитывает на антиидентификационные эффекты.

Илья УТЕХИН (Санкт-Петербург)

ПРОИСКИ «ПОСТОРОННЕГО»

(из материалов по жилищному вопросу)

КОММУНАЛЬНАЯ повседневность советского человека нередко включала борьбу с ближним. Фольклор и художественная литература не прошли мимо изощренных козней вроде подсыпания в суп соседу невкусных и опасных для здоровья субстанций, соседского мордобоя и прочих проявлений вражды. В этой заметке мы обратимся к материалам, которые отражают повседневную борьбу коммунальных соседей. Смысл приводимых ниже текстов, комментариев к ним и высказанных попутно соображений сводится к иллюстрации одной не особенно мудреной мысли, а именно: какие бы ни были враги у всего советского народа в целом, у отдельного советского человека тоже был враг — глубоко интимный, систематический, который портил ему повседневную — а оттого и всякую другую — жизнь.

Потому что деться от него при всем желании было некуда — по причине совместного проживания в одной коммунальной квартире, а иногда даже хуже: в одной комнате. Вот эта последняя оговорка и определяет некоторые особенности описываемой борьбы и применяемых средств. Чтобы как-то с врагом разобраться, оградиться или выселить его куда-нибудь из этой одной комнаты или квартиры, советский человек писал письма в разные инстанции. Потому что ни суд, ни милиция не могли справиться с врагом. Одновременно и этот враг тоже писал — и тоже обращался и в милицию, и в суд, добиваясь тактических успехов, выставляя себя человеком, а человека — врагом. Вот про то, как они выставляли друг друга, мы и попытаемся поговорить, опираясь на две житейские истории почти полувековой давности, объединяет которые по крайней мере одно общее обстоятельство. Не тот факт, что герои обеих историй пишут К.Е. Ворошилову, и даже не вездесущий жилищный вопрос в коммунальных квартирах, на почве которого эти истории возникли; есть и кое-что другое. Откро-

230

ется это общее обстоятельство ниже, точно так же как не сразу открывается оно и любопытствующему читателю архивных дел.

Сегодняшний исследователь сидит в архиве, подписавшись

0 неразглашении тайны личной жизни, и читает эти произведения человеческого творчества по

жилищному вопросу со смешанным чувством тоски, сострадания и удивления, а порой смеясь сквозь слезы. Историческая, идеологическая и стилистическая дистанция уже дает знать о себе, но сюжеты и характеры, слова и аргументы еще не столь далеки, чтобы стать неузнаваемо чужими. Сюжеты и характеры — вообще вещи не очень переменчивые; можно даже сказать, повторяющиеся.

Сюжеты для начала приходится распутывать, чтобы затем изложить их последовательно и линейно, очистив от риторики и посторонних бюрократических наслоений. Адресаты жалоб (или чаще сотрудники их секретариата) и сами пытались распутывать, пользуясь для этого карандашом с одного конца синим, с другого — красным. Риторике они пропускали неподчеркнутой, синим помечали факты, а красным выделяли аргументы, заслуживающие внимания. Впрочем, счищаемая с сюжетов риторика и обладает самостоятельной ценностью, ибо без этой необходимой упаковки факты и аргументы не могли быть представлены вниманию адресата. Искусство упаковки разной степени изощренности само по себе могло оказываться аргументом, увеличивать шансы на успех. Поэтому неудивительно, что сегодняшний исследователь иногда именно за риторикой и устройством текста в архив и приходит¹.

Решение вопроса и стадии принятия этого решения можно увидеть в резолюциях, надписанных на жалобах, и в кратких стандартных ответах — не от адресата обращения, а из ответственной инстанции, куда жалобщик уже обращался однажды — и куда адресат переправляет жалобу с просьбой разобраться еще раз, по существу дела. Ответы бывают вроде, например, следующего: «В замене занимаемой площади вам отказано».

Супругам Суевых² было отказано Ленгорисполкомом, куда были переправлены их письма из ЦК КПСС и Верховного Совета СССР. КБ. Ворошилову, председателю Президиума Верховного Совета, Валентина Суева обрисовала плачевную картину своей повседневной жизни — заметим сразу, довольно типичную картину для Ленинграда середины 1950-х — в просторном документе, озаглавленном «Жалоба». В отличие от более обычной жалобы «на ко-

¹ См. нашу работу «Поэтика жалобы» (в печати).

² Здесь и ниже все фамилии изменены, зато сохранены особенности орфографии и пунктуации источника. Если не указано иное, тексты цитируются по материалам ЦГА СПб. (Ф. 7384. Оп. 37. Д. 2065) с указанием в скобках номера листа.

231

го-то» или на чьи-то неправомерные действия³, тут мы имеем дело с жалобой в менее бюрократическом смысле слова — это жалоба на жизнь. Приведем текст практически целиком: [...] прошу Вас рассмотреть настоящую мою жалобу, по поводу жилой площади, на которой проживаю я в данное время с мужем и тремя детьми. Занимаемая нами комната является проходной комнатой, т. е., через нас проходят трое соседей, отчего дверь никогда не закрывается, и имеет метраж 10 кв. м. Проживают же на этой площади наша семья из пяти человек и один посторонний, вселенный к нам через суд во время раздела жилой площади. Вследствие чего на 10 кв. м. проживают шесть человек. В комнате очень тесно. Детям приходится спать как придется и где придется. Кроме того, в комнате стоит сплошная грязь, которую нет возможности убрать из-за большой скученности живущих и проходящих через нас соседей, отчего дети очень часто болеют как дизентерией и разными кишечными заболеваниями. К тому же дети еще очень часто болеют, воспалением легких из-за сплошного сквозняка, который все время стоит в нашей комнате, в виду того, что комната проходная. А ее сугубая смежность не позволяет сделать отдельного выхода.

В комнате, особенно в ночное время, стоит до того спертый воздух, что дети просто задыхаются, становятся очень бледными и вялыми. Кроме того, детям негде играть т. к. на полу нет места, да и к тому же мимо ходят соседи с горячими кастрюлями и могут обварить или ошпарить играющих на полу детей. В таких условиях нельзя воспитывать здоровых детей, тем более таких маленьких и они могут из-за недостатка воздуха и из-за его сырости т.к. комната сырая, в конце концов заболеть туберкулезом, а ведь самому старшему моему ребенку 3 года, среднему 2 года а девочке один год. Ко всему этому, соседи наши, очень плохого поведения и не хотят признавать никаких правил советского общежития. Они напиваясь систематически пьяными устраивают скандалы и драки не давая покоя нам ни днем ни ночью. Ежеминутно бегая через нас хлопая дверями и пугая детей. Им все равно, отдыхаем мы или нет, спят наши дети или играют. А свои интересы они ставят выше всего. И никто их не может успокоить, ни дворник ни милиционер, они даже однажды квартального Алексева капитана милиции взяли за горло и были забраны но явившись, вновь устроили большой скандал. В таких условиях жить нет никаких сил.

³ Вот еще одно роднящее два рассматриваемых в этой статье случая обстоятельство: наборы текстов, связанные с этими двумя делами, несколько выбиваются из общего ряда жалоб и обращений — каждый в свою сторону.

И не только мы не имеем возможности отдохнуть но и дети наши. Которые в последнее время стали настолько пугливыми, что совсем перестали играть, сидят по углам как затравленные зверьки и на них очень больно смотреть.

И куда я не обращалась никто не хочет помочь мне облегчить жилищные условия и создать для моих детей более или менее подходящее детство.

Отовсюду я слышу лишь одни порицания и совершенно нет ни в ком никакого сочувствия ни ко мне, ни к моим детям, как будто я не советский человек и дети мои, не дети, а что-то никому не нужное (л. 75).

Для начала отметим самые общие положения, которые проглядывают в тексте на правах само собой разумеющихся исходных посылок, без которых такого письма быть не могло. Эти послышки стоят за всеми подобными обращениями, т.е. для данного письма они не специфичны и, более того, общепонятны для любого человека, выросшего в Советском Союзе, — и вроде бы по этой причине их можно было бы так и оставить само собой разумеющимися, неартикулированными. Но читатель, не имеющий советского опыта, может удивиться некоторым из этих для него не самоочевидных идей. Попробуем сформулировать часть из них.

Во-первых, на письмо высокому руководителю советского человека подвигает крайность сложившейся ситуации вкупе с неспособностью или нежеланием тех, кто непосредственно отвечает за принятие конкретных мер, эту крайность устранить. Обращение к одному из первых лиц государства в таких обстоятельствах — нормальная, общепринятая практика (экстраординарностью наделяются обстоятельства, но не факт обращения).

Во-вторых, письмо пишется для того, чтобы восстановить справедливость и порядок. Потому что экстраординарные жизненные обстоятельства конкретного человека — это частный случай скрытого от глаз начальства беспорядка. А за беспорядок несут ответственность советские органы на местах (в приведенном выше письме это высказано в очень мягких выражениях — и какими органами поправлен порядок, не сказано: «куда я ни обращалась, никто не хочет помочь... создать... и т. д.»).

В-третьих, предполагается, что, находясь в стесненном положении, человек имеет право не только на то, на что он по закону имеет право, а на сочувствие к себе и своим детям. Это сочувствие ожидается не только (что естественно) со стороны родственников и знакомых, но и со стороны официальных инстанций, в частности, тех, кто занимается распределением жилой площади. Порядок, получается, не только формальный. «По-советски» равно «по-человечески», с заботой о людях.

233

В-четвертых, страдающие от бытовых условий дети, подвергающиеся опасности болезней, имеют преимущественное право на заботу и сочувствие, на «подходящее детство», куда входит возможность полноценно играть и отдыхать. В Советском же Союзе, как известно, «все лучшее — детям».

Более того, в-пятых, рождение детей — юных советских граждан — является государственно-важным делом, а потому государство должно идти навстречу родителям с детьми; детей рожают не только самим себе, а «государству».

Высокие начальники вообще занимаются делами государственными, поэтому в обращении обязательно нужна привязка конкретного случая к чему-то важному в масштабе государства (наше «во-вторых»). Страдание советского человека и его детей при равнодушии властей (наше «в-третьих») представляется достаточным поводом: нестерпимость описываемых в жалобе условий — тут и спертый воздух, и сквозняк, и отсутствие места, и постоянно проходящие через комнату, иногда со скандалом и дракой, соседи — обостряется еще и тем обстоятельством, что сочувствия и понимания, которого не дождались от официальных инстанций, не проявляют и соседи, ведущие образ жизни, противоречащий «советскому общежитию», и неподдающиеся исправлению, даже восстающие против представителей власти. То есть жалоба эта не только на жизнь вообще, но и на соседей в частности.

Из конкретных деталей, приводимых в письме, прежде всего обращает на себя внимание таинственная фигура постороннего, проживающего на тех же десяти метрах, что и пятеро жильцов десятиметровой комнаты, к тому же вселенного в эту комнату по решению суда. Фигура эта отмечена вскользь и вниманием рассказчицы обойдена. Можно было бы себе представить, что этот шестой посторонний человек на упомянутых десяти метрах жилой площади должен страдать не меньше, а даже больше супругов Суевых. Решение суда по вселению этого постороннего вместе с многодетными Суевыми, нарушающее все санитарные нормы, представляется загадочным, но К.Е. Ворошилов не имеет возможности узнать об этом подробнее. Ему адресована лишь просьба о помощи («о замене жилой площади»), да и то в довольно общих выражениях.

Просьбы, сформулированные с такой степенью конкретности, не могли рассчитывать ни на что

большее, чем на пересылку их в те же инстанции, которые однажды имели дело с автором жалобы и его проблемами. Нельзя сказать, понимает ли это автор в момент написания письма.

Более конкретная просьба и еще кое-какие подробности изложены Валентиной Суеверовой в послании к Н.С. Хрущеву, близком по времени и в основном совпадающему текстуально с «Жалобой» Ворошилову, но демонстрирующему и отдельные расхождения (л. 79). Так, например, в описании комнаты: «Комната сырая,

234

тесная, имеет 12 кв м из которых 2 кв м не принадлежат нам. И на этих 2 кв м живет человек, совершенно нам посторонний а по этому на 12 кв м живет фактически 6 человек». Суеверовы, в принципе, были бы готовы мириться с тяжестью положения («Но это бы еще ничего»), но положение усугубляется поведением соседей: «Беда в том, что на нас совершенно напали соседи, проходящие через нашу комнату. Они всячески развращают нашу жизнь, наговаривают друг на друга всякие вымышленные гадости, а напиваясь пьяными устраивают сильные скандалы и даже ломают нашу дверь и раскидывают наши вещи». Отметим здесь, во-первых, метраж комнаты — двенадцать, а не десять метров, — не вносящий ясности по поводу «совершенно постороннего» жилья, которому выделены два метра, и, во-вторых, соседей, развращающих жизнь наговорами друг на друга и раскидывающих чужие вещи. Как можно понять из параллельного текста (см. ниже), выражение «друг на друга» здесь использовано в не совсем обычном смысле; имеется в виду, что соседи то одному из супругов «наговаривают» на другого, то другому.

Упомянув о том, что обращения в другие инстанции не принесли результата, Валентина Суеверова указывает, что даже суд ходатайствовал о предоставлении ее семье отдельной площади (следовательно, должен подумать читатель письма, у суда были основания). Копия решения суда приложена к делу. Из нее мы узнаем, что истцами выступали соседи наших супругов. Они подали иск о выселении Суеверовых, которые якобы «учиняют скандалы, наносят побои и оскорбления» (л. 81), т.е., фактически, делают все то, в чем Суеверовы обвиняют их самих. Суд установил, что иск удовлетворению не подлежит, потому что на самом деле выпивают и безобразно ведут себя истцы, а не ответчики, тогда как ответчики, по показаниям свидетелей, наоборот, проявляют себя достойно. Из этой копии решения нам становится понятно, что был некий другой, более давний суд, потому что этот суд не вынес каких бы то ни было решений о вселении с Суеверовыми в одну комнату постороннего человека на два квадратных метра жилой площади.

В «Жалобе» Хрущеву Валентина Суеверова просит об обмене⁴: «Я ведь я не прошу комнату, я прошу совершить обмен. Две комнаты вместе на две разные». И далее, в завершение послания: «Больше никто не обращает на мое положение никакого внимания, и мне пришлось обратиться лично к вам, и я очень прошу Вас Никита Сергеевич вмешаться в мою яичную жизнь и помочь мне. Нет сил больше жить в таких условиях в каких я живу вот уже 4 года»⁴.

Тут заслуживали вы комментария три места. Во-первых, *две комнаты на две разные» — значит, эти две комнаты вместе составля-

⁴ Не просто о разрешении совершить обмен, а о принудительном обмене, чтобы расселиться с обидчиками в разные квартиры.

235

ют некое единство, откуда можно сделать вывод, что для разъезда с «посторонним» требуется почему-то учесть еще и смежную комнату. Во-вторых, примечательна формулировка просьбы о вмешательстве высшего партийного руководителя «в личную жизнь» заявителя. И, в-третьих, еще более примечательно указание на четырехлетний срок страданий. Разумно предположить, что четыре года назад у Суеверовых не было ни одного из трех детей-погодков, старшему из которых на момент написания письма было три года. Что за проблемы беспокоили их в ту пору, четырьмя годами ранее?

До появления детей супруги Суеверовы, очевидно, уже жили совместно с кем-то еще; видимо, поэтому состоявшийся в то время суд о разделе жилой площади назначил супругам десять метров (что удовлетворяло «санитарной норме»), а оставшийся двухметровый угол отдал «постороннему». Посторонний, разумеется, фактически проживал не на полученных двух метрах (т.е. фраза из жалобы «на этих двух метрах живет человек» не совсем корректна), а в другой, смежной комнате, вероятно, по крайней мере с двумя другими людьми (предположительно родственниками). Втроем они и выступили позднее истцами, ходатайствовавшими о выселении теперь уже многодетных Суеверовых. То есть, по сути дела, речь идет о связанном с жилплощадью конфликте внутри большой семьи, а не просто о соседском конфликте с дракой, дошедшем до суда⁵.

Разгадка тайны постороннего содержится в письме от имени Ю. Суеверова, мужа Валентины, адресованном в райисполком. Письмо написано той же рукой, что и жалобы Ворошилову и Хрущеву, но ранее, чем письма высоким руководителям, и представляет собой не «Жалобу», а «Заявление». Текстуально описание тяжелого

⁵ Если требования заявителей имели под собой законное основание, то тот факт, что соседи не живут мирно и судятся между собой, мог служить важным аргументом в пользу их удовлетворения. Отсутствие же конфликтов могло быть основанием для того, чтобы, например, не ставить на очередь при наличии незначительного превышения санитарной нормы, хотя бы на одной площади и жили несколько семей. Так, например, нам встретился случай, когда большая семья — фактически три родственные семьи — жила в крайне стесненных обстоятельствах, но мирно. Благожелательно настроенные чиновники неофициально советовали заявителям инсценировать фиктивные конфликты, чтобы вызвать милицию, подать друг на друга в суд. Автор письма, адресованного Первому секретарю Ленинградского обкома КПСС, выдвигает на первый план моральные проблемы: «общественники» и убежденные коммунисты, заявители не могут пойти на «такой сговор с совестью» (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 42. Д. 628. Л. 4—6). Кстати говоря, подобные случаи свидетельствуют, что официальные лица — адресаты жалоб, в принципе, могли заподозрить заявителей в фиктивном характере конфликтов, в инсценировке.

236

положения практически совпадает с приведенным выше, но содержит прямое указание на причину проблем — они не только бытовые, но и личные — и позволяет нам установить, кем Суеверовым приходится посторонний, категорически отказывающийся от размена площади. Нарисовав уже знакомую нам картину мучительно-стесненного быта, Ю. Суеверов продолжает:

Таковы бытовые условия, личные же условия на много хуже. Несмотря на то, что в смежной комнате живет моя мать она нам совершенно не дает возможности жить спокойно. Она старается разбить нашу жизнь, старается посеять среди нас вражду наговаривая друг на друга всевозможные вымышленные гадости. Кроме того, своими систематическими скандалами и придирами к нам она совсем лишила нас покоя, производя которые в любое время дня и ночи⁶. От чего дети мои в настоящее время стали пугливыми, их теперь не заставишь играть на полу, они сидят в углу и смотрят как затравленные зверьки... (л. 80)

Из текстов очевидно, что факт близкого родства одного из супругов с главным виновником их проблем осознавался ими как фактор, уменьшавший вескость их притязаний на жилплощадь в глазах государственных органов. Поэтому тактически правильнее было не афишировать, что конфликт разворачивается между матерью (и, по-видимому, ее новым мужем), с одной стороны, и семьей сына, с другой. Нельзя не отметить, что по отношению к противной стороне и «Жалоба», и «Заявление» выдержаны в необычно мягких для соседского конфликта выражениях. Риторика описания оппонента и его поступков здесь отличается скромностью и использует исключительно язык бытовых отношений, кроме разве что упоминания дворника и участкового, власть которых цинично попирают оппоненты. Булыжную часть текста автор посвящает описанию не моральных качеств и не поступков противника (имеющих к тому же повторяющийся, систематический и вполне житейский, «несобытийный» характер), а картине собственного плачевного быта.

В сравнении с другими текстами подобного содержания, послания Суеверовых отличаются и еще одной особенностью: мало того что там нет ясных указаний на то, как сложилась описанная ситуация — а «истории вопроса» обычно уделяется значительное место в жалобах, — нет в 'их письмах и типичной для таких текстов части с описанием заслуг и достоинств заявителей.

Включенный в письмо очерк биографии жалобщика обычно бывает составлен так, чтобы продемонстрировать, что жалобщик «имеет право» — если не

⁶ Синтаксис и орфография этого предложения, контрастирующие с остальной частью письма, позволяют предположить, что тут имеет место вставка «от себя», вариация на тему текста послания, худо-бедно отредактированного кем-то более грамотным.

237

юридическое, то хотя бы моральное — называть **себя** настоящим «советским человеком» и просить государство о помощи в обмен на те усилия, которые он затратил на благо государства, и те лишения, которые он претерпел. Если не боевой, то трудовой героизм, активная «общественная работа» в прошлом и настоящем — все это составляет лицо заявителя. Однако из писем Суеверовых мы ничего не узнаем об их статусе, кроме того, что у них трое детей.

Никаких заслуг, кроме детей и бытовых страданий — просто «граждане», даже не «товарищи»⁷.

Здесь мы употребляем эти термины в качестве фигуры речи, однако в разного рода документах по жилищному вопросу нередко встречается именование некоторых — обладающих заслугами — заявителей «товарищами» даже и в таких контекстах, где они выступают как граждане.

Характерно, что это проявляется в справках и в деловой переписке советских органов, а не только в ходатайствах парткома, где это вполне ожидаемо, ведь «товарищ», свой — прежде всего, партийный или комсомольский товарищ — по советской логике, имеет больше оснований претендовать на какие-либо блага, нежели обычный гражданин. «Гражданином», получается, будет именоваться тот, кто нам «не товарищ».

Совсем иначе строится обращение за помощью в высокие инстанции в другой истории, имевший для заявителя исход более благополучный, нежели дело Суеверовых, которым в итоге⁸ отказали в принудительном размене с их посторонним обидчиком. Однако путь к развязке здесь оказался тернистее. Из длинного машинописного послания на плотной бумаге нестандартного формата, отправленного К. Е. Ворошилову гражданином Мальковым, ветераном и инвалидом тогда еще недавней войны, топографом по профессии, мы узнаем, что автора письма преследуют соседи. Несмотря на то что излагаемые в письмах и заявлениях жильцов коммунальных квартир факты преследования и систематических издевательств со стороны соседей нередко оказываются плодом больного воображения⁹, в данном случае мы имеем дело с текстом, написанным человеком без психических отклонений в параноидную сторону. Автор послания был, скорее всего, раздражительным человеком, со склонностью к рисовке и болтовне — и, возможно, с больными нервами; но факты злонамеренного с ним обращения не являются вымыслом, они подтверждены документально. Так, из документов мы узна-

⁷ Из Акта «жилищно-бытовой экспертизы» (84), приложенного к делу, мы узнаем: «Муж работает в артели «Парижская коммуна». Зарплата 1100 руб. в месяц. Валя Суеверова — домохозяйка».

⁸ В итоге рассмотрения имеющихся в деле жалоб; вполне возможно, что несколькими годами позже итог был другим.

⁹ Мы останавливались на этом в своей работе «Очерки коммунального быта» (М., 2004), гл. «Параноиды жилья».

238

ем, среди прочего, что, «учитывая, что обмен ранее занимаемой площади был произведен во время его болезни без его согласия», Лен-горисполком просит райисполком рассмотреть вопрос о предоставлении Малькову жилплощади (л. 203), потому что по обмену выселили его в помещение, которое «находится в полуподвале, затемнено, сырое, мало-пригодное для жилья, о чем имеется акт, составленный Администрацией Домохозяйства» (л. 204).

Письмо Малькова начинается с поздравлений Ворошилова с семидесятипятилетием, славословий и выражений любви юбиляру. Далее следует краткий обзор биографии автора письма — биографии, погруженной в историю страны и оттого связанной невидимыми нитями с биографией Ворошилова. Связи эти выстраиваются искусно и нешаблонно, хотя вполне согласно с духом советской пропаганды. Мальков замечает, что идея обратиться к Ворошилову с «этой последней жалобой» пришла к нему в голову, когда он слушал выступление вождя перед избирателями на предвыборном собрании:

Тогда же зародилась у меня мысль пожаловаться Вам на ежовцев, но я еще терпел. И вот, теперь, когда чаша терпения переполнилась, я решился на все, когда нет больше сил жить политически и морально-задавленным. Когда остается как Павлу Корчагину решать: «что с этой жизнью делать дальше?» Шлепаться... обидно, я молод и чувствую много сил и энергии, я еще на алтарь отечества могу принести плоды своего образования (л. 208).

Отметим стилистический шов между упоминанием плодов образования на алтаре отечества и словом «шлепаться», отсылающим к языку и сфере революционной романтики, к которой принадлежит советский символ стойкости Павел Корчагин.

Итак, уже первое упоминание оппонентов в далеко зашедшем конфликте относит их к числу неразоблаченных врагов народа, проникших в жизненно важные органы системы. Как станет ясно ниже, термин «ежовцы» (напомним, что письмо написано в 1955 г.) употребляется в переносном смысле: так в письме названы работники милиции, нарушающие закон неправомерным и недопустимым по форме преследованием Малькова. «Я вместе с советским народом давно забыл проклятых агентов и врагов народа таких, как иудушка-Троцкий, Ежов, Берия, Рюмин и им сподручные, и только лишь методы издевательств надо мной воскрешают в моей памяти прошлое грязных дел». Упоминание «ежовцев», действующих против Малькова по наводке и указаниям его квартирных соседей, «жильцов-клеветников», продолжает заданную торжественно-публицистическим зачином послания линию и переводит конфликт в термины советского политического языка (точнее, его фольклорного переосмысления в разговорной речи). Так, например, если

239

ежовцы ведут против Малькова борьбу, то это — «классовая борьба». В систематическом проведении такой линии есть свой резон: если переносное значение сработает и метафора будет принята адресатом, то он будет вынужден признать, что дело Малькова — часть более масштабной, политической, государственной проблемы¹⁰.

У автора письма есть и еще аргумент в пользу важности его дела. Даже если злоупотребления милиции и не будут признаны достойными вмешательства, то, во всяком случае, сбой системы работы с обращениями трудящихся — дело, безусловно, политическое, противоречащее партийным установкам. После пяти лет безуспешного писания жалоб Мальков убедился, что существует круговая порука: из Москвы жалобы отсылают обратно, «фактически защищают и опекают ежовцев». И он решается прибегнуть к риторическим крайностям. Кроме якобы мелькнувшей мысли о самоубийстве, у него, закаленного коммуниста, есть еще чем задеть бесчувственную и невнимательную к нему власть — он собирается просить о лишении его советского гражданства и одновременно о получении гражданства ГДР: ...если и я больше не нужен своей Родине СССР, то я буду считать за свою родину Германскую Демократическую Республику, где окружают меня любовью и уважением, где я смогу дерзать и творить, где нет ежовцев. Если спросят, почему ГДР? Я изучал в техникуме и институте немецкий язык и когда-то работал на изысканиях в Республике немцев Поволжья, владел разговорной речью.

Не выступая по существу против советской власти и идеологии («Отдельные отщепенцы-ежовцы не могут запачкать существа советской власти, хотя безусловно они своими злоупотреблениями в мундирах и подрывают авторитет советской власти...», л. 211) и живя в советской стране, где «правда должна быть сильнее лжи», он почти готов уже отказаться продолжать неравную борьбу с отдельными отщепенцами¹¹. Собственно, изложение дела начинается с живописания действий «ежовцев от милиции», отодвигающих собой на задний план картины собственно зачинщиков — квартирных оппонентов Малькова, соседей Тюшину и Тихонова.

¹⁰ Заслуживает отдельного обсуждения, в какой мере это могло быть намеренным риторическим приемом. Для некоторых случаев очевидно, что речь идет не о переводе, не об изложении жизненной ситуации средствами советского пропагандистского дискурса, а о переживании и понимании ситуации в этих терминах.

¹¹ Этот риторический ход противоречит другому месту того же письма, ср. «настоящий закаленный коммунист, прошедший горнило двух войн и испытывавший уже много от ежовцев, как я — не испугаюсь, если меня вновь посадят за решетку, но добьюсь правды, так как на моей стороне закон» (211). Заслуживает внимания, что «решетка», за которую пытались «посадить» Малькова «ежовцы», отнюдь не связана с политическими обвинениями.

240

По заявлению соседей, содержание которого в письме не раскрывается, Малькова допрашивал с применением физической силы, в том числе «угрожал применением оружия (хватаясь за кобуру нагана), добивался подписания мною самоприговора, показаний о вымышленных участниках уголовных шашек, антисоветски настроенных граждан» — участковый Смирнов, связанный, как утверждает Мальков, с заявителями приятельскими узами. Малькова поднимали с постели среди ночи и помещали до утра в КПЗ, добиваясь самооговора и подвергая оскорблениям.

Продержав до 8 — 8 ч. 30 мин. утра выпускали из отделения голодным, неспавшим, измученным, после чего я прямо оттуда ехал в Гипро-шахт, где работал старшим инженером. На мое требование оформить мое задержание в журнале, дежурный отвечал с угрозой: «не забывайте, где находитесь, а кому нужно знать, почему были задержаны, пусть позвонят, а за справками обратитесь лично к участковому» (л. 209).

Натравливание милиции на соседа — довольно эффективный способ внутриквартирной борьбы. По непонятным читателю мотивам, на которых автор письма не останавливается, соседи тем или иным путем пытаются его «спрятать за решетку» — в тюрьму или психиатрическую больницу. Среди прочего, Малькова обвиняли в краже:

На сей раз они решили разыграть инцидент организованной «квартирной кражи». Нового собственно ничего не было, действующие лица были те же, приемы шантажа и провокации прежние, если учесть, что аферистка, она же и «пострадавшая» Тюши-на уже имея опыт с 1949 г занимается объявлением квартирных краж третий раз, предварительно спрятав «украденные вещи».

Хотя нельзя исключать и провокационного умысла, приписываемого гражданке Тюшиной автором письма, вполне возможно, и свидетельствует об этом повторяющийся характер инцидента, что речь идет о типичной для коммунальной квартиры ситуации «виртуальной кражи», когда потерянная вещь объявляется украденной, а в воровстве обвиняется конкретный сосед¹².

Описывая действия милиции, возбудившей дело по факту кражи, Мальков пользуется штампами

советского фельетона и ссылками на элементы актуального культурного багажа:

Милиция посмотрев, шедшую тогда на экранах картину «Шведская спичка», решила перешеголять
продажных полицейских

¹² См. об этом подробнее в гл. «Очерк о краже» в нашей книге «Очерки коммунального быта».

241

и чинуш-юристов в методах ведения следствия. <...> Вот уже действительно, поделом такому сыщику дана фамилия Лопухин. Итак, чеховские герои от милиции, боясь моего разоблачения их в соучастии с Тюшиной, под давлением Смольного были вынуждены шумиху громкого уголовного дела тихонько замазать, прикрывшись шаблонной (скорее для журнала «Крокодил») формулировкой, «за отсутствием состава преступления» (л. 210).

Кроме милиции, для устранения противника и конкурента во внут-риквартирной борьбе соседи Малькова привлекали психиатрическую службу: ему пришлось, по крайней мере, трижды попасть в психиатрическую больницу. Кстати сказать, идея поместить, хотя бы временно, противника в психбольницу не была оригинальным изобретением гражданки Тюшиной и ее сторонников. Это сильнодействующее средство применялось, насколько можно судить, довольно часто и оказывалось весьма выигрышным ходом, потому что по выходе из больницы противник, даже будучи психически абсолютно нормален, получал особый статус — он попадал на учет в психдиспансер, а это, среди прочего, давало возможность дезавуировать его попытки обращения в поисках правды к разному высокому начальству: раз он сумасшедший, то его заявления продиктованы не реально существующими обстоятельствами, а его болезненной фантазией и склонностью писать жалобы. Дело в том, что достоверных психов, затевающих активную переписку с официальными лицами, всегда было много, и всегда существовала (и сейчас существует) необходимость отсортировывать письма патологических жалобщиков от писем, с которыми стоит всерьез разбираться. Жертва провокации с психиатрической больницей автоматически включалась в категорию подозрительных и была вынуждена оправдываться. Доказать свою правоту в таких условиях было исключительно трудно.

В качестве иллюстрации приведем показательный фрагмент из текста, не имеющего отношения к нашей истории. Провокатором — в этом случае, неудавшимся — здесь выступает некто товарищ Савицкая. Она коммунист со стажем, председатель товарищеского суда при жилконторе и просто коммунальная соседка. Ее собственные поступки настолько возмутили часть местной общественности, что впору их рассматривать на заседании суда, в состав которого ее теперь не переизбирают. Ниже приводится отрывок из протокола отчетно-выборного собрания товарищеского суда¹³. Говорит гражданка Рябинкина:

Пока я не была разведена с мужем, он защищал меня от нападков соседей, но как только мы с ним разъехались ко мне очень плохо ста-

¹³ См. ЦГА СПб. Ф. 103. Оп. 5. Д. 862. Л. 2.

242

ли относиться соседи по квартире¹⁴. Соседка заявила мне, что я молодая и должна в квартире слушать ее и выполнять все ее требования. Однажды у нас вышла ссора из-за стула в ванной, на которой стоял таз, с пеленками. Дело не стоило и выеденного яйца, но в него вмешался тов. Савицкая, встав полностью на сторону соседей. Она неоднократно подстрекала соседей к скандалам со мной и я считаю, что только благодаря ее стараниям у нас в квартире произошла драка. В результате драки я была избита, имея заключения медкомиссии была вынуждена обратиться в народный суд. Решением нарсуда соседи были осуждены за хулиганство. В период, когда шло следствие соседи не без помощи тов. Савицкой решили меня отправить в больницу для психбольных и для этой же цели вызвали скорую помощь с Пряжки (больница нервных больных). Когда ко мне пришли в комнату врач и два санитаря, я читала книгу и была поражена происходившем. Спасибо, что меня все же не увезли туда. Цель была такова, чтоб я не была на суде, это во-первых и во вторых если б им удалось меня все же отправить туда, то после выхода из больницы меня должен был взять на учет психдиспансер, а это значит, что меня должны были снять с работы крановщицы башенного крана. Видите, как далеко они заходили в глумлении надо мной.

Но вернемся к мытарствам гражданина Малькова, который, в отличие от крановщицы Рябинкиной, психбольницы не избежал. Причем, помещен туда был не врачами, а «ежовцами» из милиции без каких бы то ни было законных оснований, и выпущен по ходатайству парткома своего института, райкома ДОСААФ и районной прокуратуры, вмешательство которой «прекратило линчевание». Для обоснования своих действий «ежовцы», по словам Малькова, «вынесли „Постановление" о принудпомещении меня на длительный срок и под особый режим» в психбольницу, как социально-беспокойного» (л. 210). Впоследствии они говорили, что непосредственно госпитализировавший Малькова врач диспансера, позднее уволенный в результате этой истории, мог и не подчиняться их

постановлению. Но он подчинился, и в результате Мальков «любовался салютами 1 и 9 мая» в больнице.

Советские праздники и знаменательные даты вообще служат в жалобах важным средством осмысления событий. Авторы текстов видят события как приуроченные к тем или иным датам, действительные и примысленные календарные совпадения истолковываются как значимые. Да и сами письма, если речь не идет

¹⁴ Отметим это изменение расстановки сил в квартире вследствие изменения семейного положения.

Это весьма часто встречающийся фактор хронических конфликтных ситуаций внутри квартиры.

243

об экстренном положении, требующем немедленно-вмешательства, пишутся не в случайный момент, а к съезду, к выборам, к празднику¹⁵. В данном случае, помимо вынесения решения об ущемляющем Малькова обмене в его отсутствие — в день, когда Ворошилову исполнилось семьдесят четыре года — поводом для возмущения оказывается якобы специально учтенный врагами

календарь:

»

Характерно, что ежовцы сажают меня за решетку преднамеренно, накануне советских праздников, рассчитывая поколебать мое коммунистическое воззрение, Это им не удастся,, ибо я плоть от плоти рабочего класса и закалился в боях с врагами всех мастей, являясь воспитанником Комсомола и Партии л свой партбилет ношу не для корыстных и карьеристских целей как это делают ежовцы. 18 декабря 1953 г. я выступал на партсобрании, а 19 декабря меня провокационно посадили за решетку «как сумасшедшего», где я встретил Новый год, Годовщину революции 1905 года, Ленинские дни. Действительно можно сравнить с преследованием революционеров в прошлом... (л. 210—2:11).

Взятие Малькова на учет педовдислансером, действительно, укрепляет позиции его оппонентов: в разных инстанциях с ним начинают обращаться как с сумасшедшим, заявлениям его не придают значения. В справке Горжилотдела (л. 250), например, в одном месте указывают, что он — инвалид войны 2-й группы, а в другом к этому в скобках добавляют: «психически-больной». Такое отношение, впрочем, не имеющее под собой медицинских оснований, толкает эксцентричного гражданина даже на действия подчуждой личиной. О них он пишет в следующем примечательном пассаже: •

Ежшщам необходимо выдать меня за сумасшедшего, т.к. если в Москве поверят моим жалобам и начнут их разбирать, то полетит не одна пара милицеских пргон. Ие зря, когда я лично разговаривал с начальником 20 отделения милиции Громовым, выдавая себя за адвоката, он мне говорил: «не верьте то», адвокат и не

¹⁵ Мотивация достаточно прозрачна: праздник или иное общественно и политически значимое событие обещает раздачу и перераспределение благ, предполагает повышенное внимание власти к людям — и к тому, чтобы они правильно выполняли положенные церемонии. Только-тут человек и может почувствовать иллюзию силы и соблазн шантажировать власть, не выполняющую обещаний. Человек может немного: не пойти на демонстрацию, не голосовать на выборах или голосовать против. Но это немного, как ему прекрасно известно, больно задевает — кого? -г-не кого-то из власть имущих лично, а всю систему, ожидающую в таких вопросах единогласия.

244

слушайте Малькова, он клеветет, как сумасшедший». Мы теперь посмотрим, кто на кого клеветет! В самом деле, разве могут сумасшедшие руководить общественными организациями в проектном институте, будучи на выборной должности, за что в 1954 г 1955 г. я награжден грамотами, а в 1955 г был участником и делегатом Районной и Городской конференции ДОСААФ (л. 210).

Аргументы в пользу психической нормальности, как мы видим, касаются нормальной работы и нормальной общественной деятельности. В письме мы встречаемся с упоминанием справки из Военно-медицинской академии и мнения врача, согласно которым Мальков не подлежит помещению в психиатрическую больницу, но эти врачебные заключения ничего не меняют: как решение о первом помещении Малькова в психбольницу было принято милицией, так и решение о восстановлении Малькова в правах нормального человека исходит от авторитетной инстанции. Можно объявить человека сумасшедшим, а можно объявить его здоровым. В своем письме Мальков несколько раз ссылается на некое указание из Смольного¹⁶. По-видимому, такое указание действительно имело место; в одном из документов на него ссылается и партком института Ленгипроком-мунстрой:

...орготдел Горкома КПСС в феврале 1954 г. был уполномочен предупредить местные организации Сталинского района о запрещении фабрикации документов на Малькова А.Н., по

мотивам клеветнических жалоб жильцов по [указан адрес]» (л. 237).

Еще один фронт, наряду с милицейским и психиатрическим, постоянно ожидал нашего героя в комнате, которую он делил со своим преследователем. В письме изложена засвидетельствованная документально история установки временной перегородки «в целях бытового ограждения». Малькову принадлежала, по решению суда, одна треть семнадцатиметровой комнаты. Известно, что установка перегородок должна была быть санкционирована местными властями, хотя зачастую при согласии всех живущих в комнате перегородка устанавливалась «самовольно» и без согласования. Согласия

¹⁶ Самое ясное упоминание вмешательства горкома партии в психиатрические проблемы гражданина Малькова выглядит так «В 1954-55 гг. я получил заверение от ответственных работников Смольного, что служебные лица Сталинского района прекратят травмирование меня по заявлениям, поступа-емым от постоянных и единственных их поставщиков за 5 лет жильцов-клеветников Тихонова и Тюшиной, что их любые спровоцированные заявления никогда не послужат причиной помещения меня в сумасшедшие дома, и что вообще мне будет создана нормальная и спокойная обстановка» (211).

245

соседей в данном случае не имелось, но она все-таки была установлена — после долгих мытарств: Пока я оформлял и строил перегородку, члены Райисполкома 5 раз отменяли свое распоряжение, и 4 раза вновь давали указания РЖУ построить перегородку. <...> Интересно, что из шести разрешений указывалось установить перегородку, то из фанеры, то дощатую, то матерчатую, то комбинированную и я вынужден был подчиняться издевательствам РЖУ и Исполкома: покупать, продавать материал по изменяемым видам перегородок (л. 211).

Однако в отсутствие хозяина угла перегородка была разобрана и сожжена его оппонентами и их сторонниками. Потом был суд, признавший их неправоту.

Свет на одну из причин столь запутанного положения гражданина Малькова, о которой он не говорит в своем письме Ворошилову, проливает, среди прочего, справка Горжилотдела, откуда мы узнаем, что гражданка Тюшина давно знакома с гражданином Мальковым и раньше была его супругой: «Гр. Мальков А.Н. прописан по [указан адрес] и является съемщиком части комнаты — 5 кв м (раздел жилой площади по решению Народного суда в 1950 г.) <...> Вторую часть комнаты занимает его бывшая жена — Тюшина А.М. с дочерью 8-ми лет».

Получается, что былая близость в отношениях многократно усугубляет тяготы жилищного вопроса. Родственник коварнее обычного квартирного соседа в качестве коммунального врага, что само по себе понятно: он, бывает, живет даже не просто в той же квартире, а в той же или в смежной комнате. Но с родственником тем более сложно бороться, что и сказать-то неудобно, кем он тебе приходится. Или сказать неудобно, потому что по закону и по обычаю жалобы на бывших своих менее эффективны. Кроме того, если супруги еще бывают «бывшими», что признается и законодательством, то матери — не бывают. Эпитет «посторонний» по отношению к матери выглядит в этой логике оксюмороном.

В описываемые времена и обычаи, и закон мало внимания уделяли тому, что мы сегодня называем «приватной» сферой личности. Причем это не связано напрямую с острым дефицитом жилой площади: в обеих изложенных выше историях просители не требуют дополнительного пространства. Ближайший аналог понятия «приватности» в коммунальной жизни хорошо выражается встретившимся в послании Малькова словосочетанием «бытовое ограждение», более узким по своему значению. На первый план тут выходит защита от агрессивных посягательств соседа на личность и имущество. Если же таких агрессивных посягательств — и опасности насильственных инцидентов — не зафиксировано, то и перегород-

246

ку поставить не разрешат. Ограждаются от врага, а не от какого-нибудь постороннего.

А если милиция и суд не могут решить проблему отсутствия «человеческих отношений» с ближним, приходится искать сочувствия и человечности со стороны руководителя высокого ранга, просить его о вмешательстве в личную коммунальную жизнь.

ВИКТОР ШНИРЕЛЬМАН

(Москва)

«ОТМСТИТЬ

НЕРАЗУМНЫМ ХАЗАРАМ...»

Хазарский миф и его создатели

ВОПРОС об антисемитизме в современной России представляет предмет жаркой дискуссии. Российские социологи, регулярно проводившие мониторинги антисемитизма в СССР и России начиная с 1990 г., отмечали достаточно динамичную картину. После опроса общественного мнения, проведенного в 1990 г., они пришли к выводу о том, что развернувшаяся в конце 1980-х гг. антисемитская пропаганда не нашла отклика в широких слоях населения, и прогнозировали спад антиеврейских настроений в будущем¹. Однако в начале 1990-х гг. они зафиксировали некоторый рост негативного отношения российского населения к евреям². Ту же тенденцию подтвердили Р. Брим и А. Дегтярев, проводившие опросы в Москве в октябре 1992 г. Они даже опасались эксцессов на этой почве³. Им возражал Дж. Гибсон, считавший, что российский антисемитизм слишком слаб, чтобы иметь какие-либо политические последствия⁴. Американские аналитики из Университета Айовы подтвердили некоторый рост антиеврейских настроений в начале 1990-х гг., но

¹ ДЕНИСОВСКИЙ Г., КОЗЫРЕВА П., МАЦКОВСКИЙ М. Сколько среди нас антисемитов // Московские новости. 1990. 27 мая; Гудков Л. Д., ЛЕВИН С. О. А. Отношение населения СССР к евреям // Вестник Еврейского университета в Москве. 1992. № 1; ГУДКОВ Л. Д., ЛЕВИНСОН А. Еврей как феномен советского сознания // Театр. 1992. № 7. ² GuoKov L., LEVINSON A. Attitudes toward Jews in the Commonwealth of independent states. New York, 1994. P. 10—11.

³ BiiYM R. J., DEGTYAREV A. Anti-Semitism in Moscow: results of an October 1992 survey // Slavic Review. 1993. Vol. 52, № 1; Брым Р. J. Anti-Semitism in Moscow: a re-examination // Ibid. 1994. Vol. 53, № 3.

⁴ G i b s o n J. L. Understanding of anti-Semitism in Russia: an analysis of the politics of anti-Jewish attitudes // Slavic review. 1994. Vol. 53, № 3; GIBSON J. L. Misunderstanding of anti-Semitism in Russia: an analysis of the politics of anti-Jewish attitudes // Slavic Review, 1994. Vol. 53, № 3.

248

сочли антисемитизм достаточно маргинальным явлением в российской жизни⁵. Вместе с тем, в отличие от Гибсона, они не питали слишком радужных надежд относительно будущего⁶. В середине 1990-х гг. один из западных специалистов по иудаике вообще не нашел в России антисемитизма⁷. По иронии судьбы его статья об этом была издана в 1998 г., когда разыгрался скандал, связанный с юдофобскими высказываниями генерала А. Макашева. Между тем весной 2001 г. даже в команде нового главного раввина России Берл Лазара господствовало убеждение в том, что в стране отсутствует какая-либо угроза антисемитизма⁸. К сожалению, такого рода оценки ситуации оказались чересчур оптимистичными. Новый рост расизма и антисемитизма, отмечаемый в последние годы как в Европе, так и в США⁹, не обошел стороной и Россию. События 1990-х гг. показали, что фобии — это весьма динамичное явление, в значительной степени зависящее от текущих политических и экономических событий. Война в Чечне сделала главным объектом ксенофобии кавказцев, и еврейский фактор действительно отошел в середине 1990-х гг. далеко на задний план¹⁰. В целом, по данным социологов, устойчивая антисемитски настроенная группа составляла в 1990-е гг. 7—10% всех опрошенных, тогда как 10—22%, напротив, выражали симпатии к евреям¹¹. Вместе с тем к концу 1997 г. именно против евреев, наряду с кавказцами, были на-

⁵ HESLI V. L., MILLER A. H., REISINGER W. M., MORGAN K. L. Social distance from Jews in Russia and Ukraine // Slavic Review. 1994. Vol. 53, № 3. См. также РЫБКИНА Р. Евреи в постсоветской России — кто они. М., 1996. С. 123—124.

⁶ HESLI V. L., MILLER A. H., REISINGER W. M. Comment on Brym and Degtyarev's discussion of anti-Semitism in Moscow // Slavic Review. 1994. Vol. 53, № 3.

⁷ K l i e r J. D. The dog that didn't bark: anti-Semitism in post-Communist Russia // Russian nationalism: past and present. London, 1998. ⁸ РыжАнов А. О. «Театр со многими актерами» // Комсомольская правда. 2001. 29 марта.

⁹ FREEDMAN R. O. Anti-Semitism on the rise in Europe // The Daily Yomiuri. December 31, 2000. P. 6; Hating the Jew // Intelligence Report, 2001, № 101. P. 29-31.

¹⁰ ФУРМАН Д. Массовое сознание российских евреев и антисемитизм // Свободная мысль, 1994, № 9. С. 39; Гудков Л. Д. Этнические стереотипы населения: сравнение двух замеров // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения, 1995. Май-июль; Гудков Л. Д. Этнические фобии в структуре национальной идентификации // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения, 1996. № 5, сент. — окт.; РЫБКИНА Р. Указ. соч. С. 125—130. "Гудков Л. Д. Параметры антисемитизма. Отношение к евреям в России,

249

правлены антипатии российской молодежи¹², среди которой, прежде всего в больших городах (в особенности, в Москве и Петербурге), было обнаружено немало сторонников организаций

профашистского толка". Это соответствует сделанному еще в начале 1990-х гг. наблюдению Л. Д. Гудкова, что у значительной группы молодежи существует отчетливая склонность к нацизму¹⁴. Более того, проведенное ВЦИОМ в конце 1997 г. новое обследование показало «известный рост антиеврейских настроений и своего рода сплочение более идеологизированных антисемитов, а также «размывание» прежде пассивных и не включенных в эти коллизии групп и слоев под влиянием средств массовой информации, тиражирующих взгляды и оценки консервативных социально-политических сил»¹⁵. Обобщая результаты социологических обследований за 10 лет (1989-1999), Гудков обнаруживает достаточно устойчивую тревожную закономерность: если в 1989 г. на существовании у России врагов настаивали всего лишь 12—17% респондентов, то в 1994 г. эта цифра достигла 41%, а в 1999 г. — уже 65%¹⁶. Каких же «пакостей» ожидают россияне от этих «врагов» (в число которых входят, разумеется, не только евреи)? Проведенный недавно социологический опрос показал, что «западники» и «традиционалисты» сходятся в одном — и те и другие (28—31%) опасаются утраты культурной традиции — иными словами, боятся потерять культурную идентичность¹⁷. Эти страхи имеют прямое отношение к образу Другого, в котором, как в зеркале, отражается представление о своей собственной идентичности.

По мнению Гудкова, российская подозрительность в отношении евреев связана, прежде всего, с культурным фактором — несоот-

1990—1997 гг. // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1998. № 2 март — апр. С. 36; Гудков Л. Д. Антисемитизм в России. 1990—1997 гг. // Вестник Еврейского университета в Москве, 1998. № 2. С. 9—10.

¹² КоРотков А. Е., Мельниченко О. Враг ты мой кавказский... // Московский комсомолец. 1998. 27 янв.; Гудков Л. Д. Параметры антисемитизма; Гудков Л. Д. Антисемитизм в России.

¹³ Сторонники фашиствующих организаций обладают большим социальным ресурсом // Международная еврейская газета. 1998. № 9, март.

¹⁴ Гудков Л. Д. Этнические проблемы в России: возможность систематических исследований // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1993. Окт. С. 14.

¹⁵ Гудков Л. Д. Параметры антисемитизма. С. 36—37; Гудков Л. Д. Антисемитизм в России. С. 8, 29—30.

¹⁶ Гудков Л. Д. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Отечественные записки. 2002. № 3. С. 93.

¹⁷ Иванова В. А. Страхи и тревоги россиян: «западники» и «традиционалисты» // Социологические исследования. 2002. № 3.

250

ветствием «еврейского образа жизни» и поведения представлениям о «русском этносе» и «русском характере». Иными словами, «в массовом восприятии евреи оказываются слабо связанными с наиболее важными моментами национальной самоидентификации русских»¹⁸. Это соответствует нынешней ситуации в Европе в целом, где антисемитизм является одним из частных выражений массовой антипатии к инокультурным иммигрантам, в которых видят угрозу местной культуре и идентичности¹⁹. Вместе с тем, изучая такого рода проблемы, следует четко отделять происходящие вокруг нас реальные процессы от тех порой мифологических представлений о них, которые складываются у их участников. Ведь, например, остается неясным, что такое «еврейский образ жизни» в России сегодня и почему он в большей мере не соответствует «русскому характеру», чем, скажем, татарский, азербайджанский или эстонский. Между тем ксенофобные настроения в отношении других нерусских этносов в СССР никогда не достигали такого накала, как в отношении евреев. Поэтому, как мне кажется, речь должна идти не о различии «образов жизни», а о том, какой образ данной этнической группы навязывается населению средствами массовой информации.

Антисемитизм в России вряд ли можно рассматривать как лишь одну из фобий наряду с другими. Во-первых, в отличие от других фобий, антисемитизм имеет здесь очень длительную традицию и превратился в достаточно устойчивый набор идеологем. Во-вторых, все остальные фобии здесь инструментальны: они возникают и исчезают в соответствии со злобой дня. Зато антисемитизм сохраняет завидное постоянство, хотя его уровень и колебался в разные периоды. В-третьих, как справедливо заметил М. А. Членов, антисемитизм в России имеет «доктринальный, фантазмагорический характер»²⁰. Еще дальше в своих обобщениях идет Г. Лэнгмуир, считающий, что враждебность к евреям вообще отличается от иных типов ксенофобии своей необычайной интенсивностью, и он называет ее «химерической враждебностью»²¹.

Она направлена не столько против конкретных людей, евреев, сколько против некоего Абсолютного Зла, которое символически связывается с еврейством как выражением духа модернизации²². Поэтому жертвами соответствующих физических действий

¹⁸ Гудков Л. Д. Антисемитизм в России. С. 18—26.

¹⁹FREEDMAN R. O. Op.Cit.

"ЧЛЕНОВ М. А. Антисемитизм в политике России//Нужен ли Гитлер России? М., 1996. С. 149.

²¹LANGMUIR G. I. Toward a definition of anti-Semitism. Berkeley, 1990. P. 351. ²² Это не является спецификой России. Такие настроения в Германии появились, например, еще в конце XIX в. См.: FIELD G. G. Evangelist of race: the Germanic vision of Houston Stewart Chamberlain. N.Y., 1981. P. 270—271.

251

(в 1990-е гг. они стали едва ли не обычной практикой) до недавнего времени становились в основном не столько сами евреи, сколько еврейские кладбища и синагоги. Именно в этом контексте «сионизм» как некая таинственная всепроникающая сила, угрожающая миру, и обретает запредельные черты Мирового Зла. Иными словами, в России антисемитизм затрагивает гораздо более глубокие слои сознания, чем это делают все остальные фобии. Вместе с тем я далек от мысли о том, что антисемитизм будто бы имманентно присущ российскому (или русскому) сознанию. На мой взгляд, он искусственно подогревается средствами массовой информации и художественной литературой. Тому, как и кем это делается, и посвящена данная работа. В исследованиях ВЦИОМ привлекают внимание ответы респондентов на вопросы «Слышали ли вы о мировом сионистском заговоре? Верите ли вы в его существование?». По мнению Гудкова, этот миф «незначим в качестве средства национально-идеологической мобилизации». Он связывает его бытование с уходящим поколением и в то же время подчеркивает, что миф наиболее популярен в больших городах. Однако приводимые им цифры свидетельствуют о том, что распространенность и политическую роль этого мифа нельзя недооценивать. Действительно, в 1990-е гг. с этим мифом были знакомы около трети опрошенных и приблизительно каждый десятый был склонен ему доверять, причем с 1990 по 1997 г. число таких людей (они относились преимущественно к возрастной группе 45-55 лет) неуклонно росло²³.

Если же мы зададимся вопросом об источниках этого мифа и о путях его проникновения в российское общественное сознание, то станет очевидным, что обычные социологические методы здесь слабо помогают и вместо них следует использовать другие, связанные с углубленным изучением литературной продукции (по чисто техническим причинам я не рассматриваю здесь телевидение и Интернет, хотя и признаю их быстро растущее влияние на массового потребителя информации. Впрочем, там звучат те же темы, что рассматриваются ниже). Действительно, главную информацию о мире, формирующую отношение людей к окружающей действительности, наши современники получают, во-первых, в школе, во-вторых, из средств массовой информации и, наконец, в-третьих, из художественной и научно-популярной литературы. Именно в этих сферах создаются и транслируются мифологемы и стереотипы, на которых чаще всего и строится общественное мнение. Это в особенности касается образов «международного сионизма» и «всемир-

"РЫВКИНА Р. Указ. соч. С. 126; ГУДКОВ Л. Д. Антисемитизм в России. С. 27-28.

252

ного сионистского заговора», десятилетиями культивировавшихся советской пропагандой²⁴. Они являются сугубо книжными и восходят своими корнями к печально известной фальшивке, «Протоколам сионских мудрецов», которая в свое время служила настольной книгой германским нацистам²⁵, а в наше время широко используется их последователями.

Подобно тому, как нацистские лидеры А. Гитлер и А. Розен-берг пытались изобразить мировую историю в виде бесконечной и бескомпромиссной борьбы арийцев с семитами, их современные поклонники также объявляют себя защитниками «белой расы» (т. е. тех же «арийцев») от наплыва пришельцев с других континентов, якобы угрожающих самому ее существованию. Видное место в этой мифологеме отводится евреям (или «сионистам») как авангарду этого зловерного нашествия, который якобы испокон веков подрывал жизненные устои «арийцев», а теперь готовится нанести им смертельный удар в спину. Чтобы русские могли вписаться в эту незамысловатую историософскую схему, некоторые нынешние авторы упорно навязывают им «арийскую» идентичность²⁶ вместе со свойственным ей расовым мировосприятием²⁷. В 1990-х гг. сложился целый круг писателей, журналистов, эзотериков и даже ученых (последних, к счастью, немного), посчитавших для себя честью служить этой «благородной идее»²⁸.

Правда, авторы современной расистской литературы нередко пытаются избегать обвинений в антисемитизме и вуалируют свои взгляды с помощью метафор, прозрачных намеков и эвфемизмов. Од-

"KOREY W. Russian Antisemitism, Pamyat, and the Demonology of Zionism. Chur, 1995; Ум ЛАНД А. Официальный советский антисемитизм послеста-линского периода // Pro et Contra 2002, Весна.

"БУРЦЕВ В. Л. В погоне за провокаторами. «Протоколы сионских мудрецов» — доказанный подлог. М., 1991; Ко н Н. Благословение на геноцид. М., 1990; БЕН-ИТТО Х. Ложь, которая не хочет умирать. «Протоколы сионских

мудрецов»: Столетняя история. М., 2001.²⁶ ЛАРИонов В. Е., СЕМЕНОВ А. В. Кто мы, если не арийцы?// Независимая газета. 2001.14 июня.²⁷ Расовый смысл русской идеи. М., 2000. Вып. 1.
²⁸Обэтом см.: Шнирельман В. А. Второе пришествие арийского мифа // Восток. 1998. №1; Шнирельман В. А. Неистовый Кандыба: «Русский Ведизм», ксенофобия и антисемитизм // Социология. Психология. Краеведение. Образование: Мат-лы 6 ежегод. междунар. междисциплинар. конф. по иу-даике. М., 1999. Ч.4; Шнирельман В. А. Где лежат истоки «Мирового зла»? Неонацизм в российской массовой литературе // Диагноз. 1999. № 4; Шнирельман В. А. Тоска по арийству: мифы русского неоязычества// Независимая газета. 2001.31 янв.; Шнирельман В. А. Страсти по Аркаиму: арийская идея и национализм // Язык и этнический конфликт. М., 2001. 253

ним из таких эвфемизмов служит название «хазары». Образ хазар давно привлекал антисемитов, и они десятками лет использовали его для устрашения общественности угрозой «варварского нашествия» и установления чужеземного господства. Впервые к этому обратились некоторые американские журналисты, пытавшиеся в начале 1920-х гг. запугивать публику «страшными» последствиями иммиграции евреев из Восточной Европы. Они изображали восточноевропейских евреев прямыми потомками азиатских хазар с их злокозненным характером и варварскими обычаями²⁹. После Второй мировой войны образ «еврейских хазар» стал служить доказательством прямого участия евреев едва ли не во всех крупных политических потрясениях, приводивших Европу к хаосу и анархии. Эти взгляды уже давно культивируются некоторыми радикальными организациями в США³⁰. Одним из пропагандистов такого мифа был проживавший в ЮАР Дуглас Рид³¹.

Как известно, в СССР официальным проявлением государственного антисемитизма служила шумная кампания борьбы с «международным сионизмом»³². О том, какую роль в этой кампании играл «хазарский эпизод» и какую роль он продолжает играть в России уже в наши годы, до сих пор мало кто задумывался³³. Между тем образ злобных и коварных хазар, посягавших на молодое русское государство, безусловно, использовался и до сих пор эффективно используется шовинистами для формирования общественного мнения в желаемом русле.

Мне уже приходилось отмечать, что в период кампании борьбы с космополитизмом, когда евреи изображались жалкими, безродными, не имеющими своей культуры и вынужденными как бы

²⁹ ROBERTS K. L. Why Europe leaves home: a true account for reasons which cause Central European to overrun America Indianapolis, 1922; HENDRICK B. J. The Jews in America Garden City, N.Y., 1923. Об этом см.: SINGERMANN R. The Jew as racial alien: the genetic component of American anti-semitism // Anti-Semitism in America N. Y., 1998. Part 1.

³⁰ BARKUN M, Religion and the racist right. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 1997. P. 136-147.

³¹ Рид Д. Спор о Сионе (2500 лет еврейского вопроса). Иоганнесбург, 1986.

"KOREY W. Op.cit.

³³ Носм.: Шнирельман В. А. Евразийцы и евреи// Вестник Еврейского университета в Москве. 1996. № 1(11); Шнирельман В. А. Подарок судьбы или божье наказание (о двух подходах к хазарской проблеме в русской историографии) // Еврейська історія та культура в краях Центральної та Східної Європи. Київ, 1998. Т.1.; Шнирельман В. А. The «Aryans» and the «Khazars»: some peculiarities of anti-Semitic propaganda in contemporary Russia // Remembering for the Future. The Holocaust in an Age of Genocide. Conference Proceedings. London, 2001. Vol 1; Шнирельман В. А. The Myth of the Khazars and Intellectual Antisemitism in Russia, 1970s — 1990s. Jerusalem, 2002. 254

довольствоваться обедами с чужого стола, официальная советская идеология заставляла создавать образ столь же жалкого, немощного, слабосильного Хазарского государства. С изменением идеологической ориентации, когда одним из главных врагов советской власти рисовался «международный сионизм», образ Хазарии внезапно обрел совершенно иной ракурс. Ее стали изображать огромной могущественной экспансионистской империей, одолеть которую русским было нелегко. Первый подход нашел отражение в концепции академика Б. А. Рыбакова; пропагандистом второго был историк Л. Н. Гумилев³⁴.

История хазар до сих пор остается во многом таинственной; их огромное государство, занимавшее когда-то едва ли не половину Восточной Европы, безвозвратно исчезло, фактически не оставив легитимных потомков; письменные источники о хазарах до обидного скудны и фрагментарны, что допускает их самую различную интерпретацию; новую информацию о хазарах в последние десятилетия поставляла одна лишь археология, материалы которой также допускают самые разные реконструкции, зачастую значительно расходящиеся с данными письменных источников. В итоге в науке существуют весьма противоречивые представления о хазарах, их государственности и культуре, их роли в раннесредневековой Восточной Европе. Эти представления дают пищу для размышления не только ученым. В последние десятилетия они используются русскими

националистами для геополитических и историософских построений, ставящих своей целью выявить ту «неприглядную» роль, которую евреи якобы сыграли и до сих пор играют в судьбах народов мира. Иными словами, речь идет о манипуляциях скудными и противоречивыми историческими источниками и основанными на них рискованными и зачастую неоправданными гипотезами с целью обосновать заранее заданные соображения и выводы, имеющие актуальное этнополитическое значение. В этом смысле допустимо говорить об антисемитском «хазарском мифе», который сознательно создается нашими современниками, как специалистами, так и особенно дилетантами, подхватывается средствами массовой информации и целенаправленно внедряется в сознание самых широких масс. Разным версиям этого многоликого мифа и посвящена настоящая работа.

Советский период был богат на эвфемизмы, иносказания и двусмысленные утверждения, позволяющие, с одной стороны, передать собеседнику желаемую информацию, а с другой, уйти от ответственности за слова, которые могли показаться властям криминалом. При господстве единой государственной идеологии люди вынуждены были обращаться к эзопову языку, к метафорам и эвфе-

"ШНИРЕЛЬМАН В. А. Подарок судьбы или божье наказание.

255

мизмам для того, чтобы с помощью внешне официальных штампованных фраз передавать скрытые смыслы и потаенные мысли, нередко сильно расхоdivшиеся с официальной линией". Эту черту советской действительности удачно подметил Дж. Оруэлл, уделивший в своем романе большое внимание «новоязу». Действительно, метафорическим, эзоповым языком вынуждена была пользоваться даже сама советская бюрократия, ибо ее собственное поведение и чаяния не вменялись в узкие рамки коммунистической утопии³¹?

Писатели и журналисты, желавшие дать оценку современности, нередко вынуждены были прибегать к иносказаниям и использовать либо глубокие исторические аналогии, либо жанр научной фантастики³⁷. В этом контексте и вырабатывались эвфемизмы, которые затем широко подхватывались обществом, и людям достаточно было напомнить каких-либо героев популярного художественного произведения или сюжет из него, чтобы они без труда уловили намек на окружающую обстановку. Эвфемизмами широко пользовались фрондирующие авторы, в том числе и националистической ориентации. Впрочем, в советское время разработка идеологически важных тем и использование соответствующих эвфемизмов были допустимы лишь для официально признанных авторов, руководствовавшихся линией, утвержденной вышестоящими советскими чиновниками. Никакая инициатива со стороны лиц, не входивших в круг избранных, не поощрялась. Вот почему антисемитская деятельность, выходившая за рамки официальной борьбы с «международным сионизмом», была затруднена. Отсюда и злключения некоторых авторов-«патриотов», произведения которых никак не вписывались в официальные каноны. Тем не менее и из этой ситуации можно было найти выход. Ниже будет продемонстрировано, как в среде русских шовинистов возникло несколько разных подходов к «хазарскому эпизоду» в зависимости от их оценки социополитической ситуации в целом и видов на будущее России в частности. Я покажу, что в современном русском националистическом движении следует различать неоевразийцев, русских православных националистов, неоязычников, откровенных расистов и некоторые другие течения. Все они разделяют антисемитские настроения, но по причинам, о которых речь пойдет ниже, придают им особую форму.

"ADAMOVICH A. *Opposition to Sovietization in Belorussian literature (1917—1957)*. Munich, 1958. P. 15—17; DuNLOFj. B. *The faces of contemporary Russian nationalism*. Princeton, N. J., 1983. P. 109.

³⁶ См., напр.: БЕЗАНСОН А. Русское прошлое и советское настоящее.

London, 1984. С. 258-259.

"ЭЙДЕЛЬМАН Н. Я. «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 22—23.

256

1. НЕОЕВРАЗИЙЦЫ

В последние тридцать лет среди русских шовинистов и антисемитов для обозначения евреев и их якобы негативной роли в истории России широко использовались два термина — «хазары» и «этническая химера». Автор последнего известен — им был популярный ныне историк Л. Н. Гумилев (1912-1992). Что же касается первого термина, то он как будто бы вначале получил хождение среди эмигрантов первой волны и был занесен в СССР к концу 1960-х гг. кем-то, кто, проявляя симпатии к русским националистам, часто выезжал за рубеж и вел там доверительные

разговоры с русскими эмигрантами. Однако истинно полнокровную жизнь этому термину дал все тот же Гумилев, попытавшийся подвести под антисемитизм наукообразную базу, каковой и должна была послужить созданная им «теория этногенеза»³⁸. Уподобляя этнос биологической категории, Гумилев утверждал, что суперэтноты были всегда тесно связаны с природной средой конкретного региона, а входящие в них этносы и субэтноты развивались в своих экологических нишах. Поэтому их соперничество в борьбе за существование сводилось к минимуму и они были более склонны к кооперации, или «комплиментарное™», чем к конфронтации. Напротив, пришедшая сюда извне чужая этническая группа не могла найти для себя подходящую природную среду и начинала эксплуатировать местных обитателей («антропоморфный ландшафт»). Такую группу Гумилев называл «химерой» и уподоблял ее животным-паразитам или раковой опухоли, живущей за счет здорового организма. По его словам, химера высасывала из местного этноса средства к существованию, «используя для этого принцип лжи»³⁹. «Обычно, — писал Гумилев, — химерные общности образу-

³⁸Обэтомсм.:ШнирЕльманВ. А. Евразийцы и евреи; ШНИРЕЛЬ-МАН В. А., ПАНАРИНС. А. Лев Николаевич Гумилев: отец этнологии? // Вестник Евразии. 2000. №3(10). См. также: Янов А. Учение Льва Гумилева //Свободная мысль. 1992. № 17; КЛЕЙН Л. С. Горькие мысли привередливого рецензента об учении Л. Н. Гумилева // Нева. 1992. № 4; Л у р ь Е Я. С. Древняя Русь в сочинениях Л. Н. Гумилева // Звезда. 1994. № 10; М а к л а -к о в К. Теория этногенеза с точки зрения биолога // Урал. 1996. № 10; иванов С. А. Лев Гумилев как феномен пассионарности//Неприкосновенный запас. 1998. №1;ГЕЛЛЕР М. Я. История Российской империи. М., 1997. Т. 1.С. 30—31,129—130; КОРЕНЯКО В. А. Этнонационализм, квазиисториография и академическая наука // Реальность этнических мифов. М., 2000;SHNiRELMAN V. A. The myth of the Khazars. P. 44—58; Ro s s m a n V. Russian intellectual anti-Semitism in the post-Communist era Lincoln, 2002. P. 72-89.
³⁹ГумилЕВ Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989. С 302,455; ГУМИЛЕВ Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989. С. 254—255.

257

ются на стыках двух суперэтнотов, где и возникают зоны бедствия». Он настаивал на том, что «евразийская концепция этнокультурных регионов и химерных целостностей в маргинальных (окраинных) зонах оказалась пригодной для интерпретации всемирно-исторических процессов. Там, где сталкиваются два и более суперэтноты, множатся бедствия и нарушается логика творческих процессов»⁴⁰. Иными словами, совместное обитание двух этнических групп, относящихся к разным суперэтнотам, имело, по Гумилеву, исключительно губительные последствия. Любопытно, что этот подход сближался с идеями нацистского идеолога А. Розенберга, который еще в 1920-е гг. предупреждал: «Если два или несколько мировоззрений, основанных на принципиально разных ценностях, одновременно окажутся в одном и том же месте и каждое из них будет представлено отдельной группой людей, это создаст нездоровую обстановку, которая будет содержать зерна своего собственного распада». Он доказывал, что это неминуемо приводит к увяданию покоренных культурных целостностей («культурных душ»)⁴¹.

А вот что писал по этому поводу другой любитель метаисторических построений А. Гитлер: «Еврейский народ... представляет собой тип паразита, любителя поживиться за чужой счет, который этакой вредной бациллой постоянно распространяется все дальше и дальше, как только появляется благоприятная почва, готовая его принять. Там, где он закрепляется, народ, который его принял, рано или поздно приходит к вырождению...»⁴². В несколько более завуалированной форме о том же пишет уже наш современник, ярый пропагандист «арийской астрологии» П. Глоба: «Зло, не обладая творческим началом, представляет собой паразитирующий на более совершенных системах вирус, разрушающий их или отторгающийся ими при наличии в системах здоровых сил»⁴³.

Все эти взгляды, дегуманизирующие евреев и изображающие их в виде болезнетворных вирусов и опасных микробов, восходят к знаменитым памфлетам, написанным Мартином Лютером в 1540-х гг., где он представлял евреев в виде червей, паразитирующих на христианском обществе⁴⁴. С легкой руки Лютера такой

⁴⁰ ГУМИЛЕВ Л. Н. «Меня называют евразийцем...»//Наш современник. 1991. № 1.С. 25.

⁴¹ ROSENBERG A. Race and race history. N.Y., 1970. P. 84. ⁴²Hitler A. MeinKampf, 1971. P. 305.

⁴³Глоба П. П. Космический паспорт. Минск, 1992. С. 4. *Лозинский С. Г. Социальные корни антисемитизма в средние века и в Новое время. М., 1929. С. 127; Поляков Л. История антисемитизма. Эпоха веры. М., 1997. С. 314—322.

258

образ евреев вошел в золотой фонд мирового антисемитизма и с завидной последовательностью веками воспроизводился самыми разными авторами. В Россию эту традицию пытался в начале XX

в. пересадить первый российский журналист-расист М. О. Меньшиков, сопоставлявший евреев с микробами, чахоткой и сифилисом⁴⁵. А его современник, расист А. С. Шмаков, сравнивал евреев с «прожорливой саранчой», будто бы набросившейся на русские богатства⁴⁶. В советский период такие взгляды на время потеряли свою актуальность, однако оказались снова востребованы в ходе кампании борьбы с «безродным космополитизмом». Именно она дала новый толчок негативному восприятию Хазарии, чем не преминул воспользоваться будущий академик, археолог Б. А. Рыбаков (1908—2001). Он-то и ввел в советскую науку начала 1950-х гг. эпитет «паразитарное» в отношении Хазарского государства, якобы жившего исключительно транзитной торговлей⁴⁷. В хазарах он видел коварных хищников, нагло грабивших «русские торговые караваны», ходившие между Востоком и Центральной Европой. Рыбаков всячески пытался показать, что не хазары влияли на славян, а напротив, они сами испытывали благотворное славянское влияние. Он заключал, что «Русь вызревала не в недрах Хазарского каганата, а рядом с ним, в борьбе с ним»⁴⁸. Любопытно, насколько по своему смыслу и формальным особенностям эта фраза близка следующему высказыванию нациста А. Розенберга по поводу возникновения Рима: «Римский культурный круг... возник не благодаря творческой силе этрусско-финикийской крови, а вопреки этой крови и ее ценностям»⁴⁹. Мало того, термин «паразитическое государство», который так полюбился Б. А. Рыбакову и вслед за ним надолго закрепился в советской историографии, указывает и на еще один источник его концепции. Ведь этот термин широко использовался в немецкой (в том числе нацистской) антисемитской литературе начиная, по меньшей мере, с Евгения Дюринга, называвшего евреев «расой паразитов»⁵⁰.

⁴⁵ Цит. по: СЕЛЯНИНОВ А. Тайная сила масонства. СПб., 1911. С. 275. ШМАКОВ А. С. Международное тайное правительство. М., 1912. С. 507.

⁴⁷ РЫБАКОВ Б. А. Об ошибках в изучении истории Крыма и о задачах дальнейших исследований (тезисы доклада на сессии по истории Крыма). Симферополь, 1952. С. 5; РЫБАКОВ Б. А. Славяне в Крыму и на Тамани (тезисы доклада на сессии по истории Крыма). Симферополь, 1952. С. 4; РЫБАКОВ Б. А. Древние славяне в Причерноморье // Славяне. 1954. № 2. С. 23. Ср.: Греков Б. Д., Киевская Русь. М., 1953. С. 439—440, 461.

⁴⁸ РЫБАКОВ Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // Советская археология. 1953. Т. 18. С. 150.

⁴⁹ ROSENBERG A. Op.cit. P. 62.

⁵⁰ O63TOMCM.: CHANDLER A. Rosenberg's Nazi myth. N. Y., 1968. P. 30, 34—35.

259

Все же хазарские построения Рыбакова никогда не достигали того уровня обобщения и социальной значимости, на который претендовала этногенетическая теория Гумилева. Концепция «этнических химер» фактически отождествила Хазарию с «агрессивным иудаизмом» и заставила видеть в ней «зигзаг в истории», подобный тому, который произошел в России после Октябрьской революции⁵¹. Сам Гумилев до последних дней пытался воздерживаться от таких исторических параллелей. Но его проницательные ученики пйни-мали, какие мысли бродят в голове их мэтра, и в течение последних десяти — пятнадцати лет всеми силами пытались донести их до общественности. Один из них, новгородский писатель Д. М. Балашов (1927-2000), уверял читателей в том, что, где бы евреи ни появлялись, они везде первым делом пытались захватить власть и подчинить аборигенов, как это будто бы и произошло в Хазарии⁵². Другие (В. Ермолаев и К. Иванов) видели в коммунизме «антисистемную идеологию», иначе говоря, химеру, которая создавалась из столкновения двух суперэтносов с разными потенциалами — еврейского и великорусского".

Иными словами, ученикам и последователям Гумилева ясно, что на стыке «еврейского суперэтноса» с европейским или евразийским непременно возникает разрушительная «химера», что именно такая «химера» губит Россию в XX в., что ее посягательство на РОССИЮ является лишь частью планов евреев, направленных на захват мирового господства и, наконец, что образцом их действий и доказательством реальности этих вековых устремлений являлась Хазария. Трудно не заметить в этой неоевразийской концепции родимых пятен того видения истории, которое с конца 1960-х гг. ковалось борцами с «мировым сионизмом»⁵⁴.

Самый известный из последователей Гумилева, литературный критик В. В. Кожин (1930-2001), развивал теорию «хазарского ига», которое, по его мнению, было для Руси много опаснее, чем татаро-монгольское, так как Русь тогда еще только формировалась. Хазарию он изобразил как «постоянного, упорного

⁵¹ О месте хазар в концепции Гумилева см.: ШНИРЕЛЬМАН В. А. Евразийцы и евреи; ШНИРЕЛЬМАН В. А. Движение биосферы милостию божьей // Итоги. 1998. № 9, Ю марта. С. 51—52. О предистории «хазарского мифа» в

советской науке см.: ШНИРЕЛЬМАН В. А. Подарок судьбы или божье наказание; SHNIRELMAN V. A. Myth of the Khazars. P. 21—43. "БАЛАШОВ Д. М. Еще раз о Великой России // День. 1992. № 4, 26 янв. — 1 февр. С. 5; БАЛАШОВ Д. М. Анатомия антисистемы//Наш современник. 1992. №4.0.151.

"БОНДАРЕНКО Г., ЕРМОЛАЕВ В., ИВАНОВ К. В гостях у Льва Гумилева //День. 1992. № 12. 22-28 марта. С. 6.

⁵⁴KOREY W. Op.Cit.

260

и коварного» врага Руси. Чтобы продемонстрировать неизмеримую тяжесть борьбы Руси с хазарами, Кожин, вопреки всем писавшим до него специалистам, настаивал на том, что поход Святослава послужил лишь началом затяжной борьбы и что хазарское владычество было уничтожено лишь к середине XI в. Весь пафос его рассуждений в конечном счете сводился к разоблачению «воинствующего хазарского иудаизма, который стремился к порабощению Руси». В этом и состояла главная цель работы Ко-жинова, причем выходящая далеко за пределы тех раннесредне-вековых проблем, которые, казалось бы, находились в центре обсуждения⁵⁵. Многие в работе Кожина объясняют как бы вскользь брошенная им и, казалось бы, не имеющая отношения к основному тексту фраза о том, что «в 1918-1953 гг. в годы массового террора в России среди людей, принимавших главные решения, почти не было русских. Когда же после смерти Сталина, впервые после 1917г. у власти оказались русские, террор сразу прекратился»⁵⁶. Сам Кожин придавал большое значение такого рода отступлениям, считая, что они имели «глубокую связь с той столь давней эпохой, о которой идет речь в моем сочинении». В частности, он обнаруживал у хазар-иудеев термин «товарищ» (хабр), что давало ему основание как бы «протянуть прямую нить из VIII в XX век». Мало того, в Иудее эти «товарищи», которых Кожин отождествлял с фарисеями, ока-

⁵⁵ Кожин В.В. Творчество Иллариона и историческая реальность его эпохи//Вопросы литературы, 1988. № 12. С. 130-150; Кожин В.В. Несостоятельные ссылки // Там же. 1989. № 9. С. 2 36-242; Кожин В.В. Об эпохе святой Ольги//Наш современник 1991. №6.С 160-163. "Кожин В. В. История Руси и русского слова от истоков до смутного времени (VIII—XVII вв.) // Наш современник. 1992. № 6. С. 175. Кожин предпринял даже попытку доказать, что в 1920— 1930-е гг. в ОГПУ—НКВД, как, впрочем, и среди писателей той поры, преобладали ассимилированные евреи, которые занимались разрушением русской культуры и едва ли не поголовно поддерживали политику Сталина (см.: Кожин В. В. Загадочные страницы истории XX в. Кн.2 // Наш современник. 1997. № 10. С. 227— 233). На самом деле представительство евреев в карательных органах было далеко не тем, которое рисовал Кожин. В период Гражданской войны они там занимали третье место после латышей и поляков, в первой половине 1920-х гг. они снова были на третьем месте после русских и латышей, а во второй половине 1920-х гг. их значительно опережали русские. Затем после временного увеличения доли евреев в органах госбезопасности, она, начиная с 1937 г., снова резко упала, и основную массу работников составили русские и украинцы. Мало того, эти евреи практически не были связаны со своей национальной средой (Кричевский Л. Евреи в аппарате ВЧК— ОГПУ в 20-е гг. // Евреи и русская революция. М., 1999).

261

зывается, составляли секту, владеющую тайными знаниями и презиравшую простой народ⁵⁷. Любопытно, что сам Кожин бурно протестовал против квалификации своих «хазарских» построений как антисемитских. Нет, заявлял он, ничего против евреев как таковых он не имеет. Борьбу надо вести не с евреями, а с «агрессивной политикой и идеологией международного сионизма». Реальный враг — это «хаберы», т. е. ^оп-ределенный социально-идейный слой еврейского этноса, который ставит своей задачей экономическое, политическое и идеологическое господство и над еврейским, и над всеми другими «народами земли», что так ярко выразилось в истории Хазарского каганата». И, видимо, чтобы у читателя не оставалось на этот счет никаких заблуждений, Кожин винил евреев (причем всех оптом!) в совершении революции 1917 г. и уничтожении лучших людей России⁵⁸. Он кощунственно обвинял еврейских лидеров в том, что во время Второй мировой войны они будто бы сотрудничали с нацистами и спасали «хаберов» от уничтожения, решая, каких евреев можно отправлять в лагеря смерти, а каких нет⁵⁹. И все это было нужно ему для того, чтобы «яснее понять отделенную от нас тысячелетием историческую роль Хазарского каганата»⁶⁰. Так давно забытая древняя история становилась вдруг более чем актуальной.

Таким образом, «неоевразийский» подход рассматривает Ха-зарию как показательный пример химеры. Он утверждает, что химеры вредили России на протяжении всей ее истории, и особенно в XX в., благодаря разрушительной деятельности евреев, будто бы являвшейся частью их общей борьбы за мировое господство. Теория химер идеально соответствует борьбе части русских националистов против «международного сионизма»! Фактически Гумилев создал эвфемизм для «международного сионизма» — сейчас термин «химера» нередко используется именно в этом

смысле. По сути дела, теория «химер» объединяет христианский антисемитизм (идею "Кожин В. В. История Руси и русского слова... № 12. С.174; Кожин В. В. История Руси и русского слова. Современный взгляд. М., 1997. С. 217, 229-231, 259-263.

⁵⁸ Кожин В. В. История Руси и русского слова от истоков до смутного времени (VIII—XVII вв.) // Наш современник. 1992. № 12. С. 172—173; Он же. История Руси и русского слова. Современный взгляд... С. 256—257, 263.

⁵⁹ Это предположение одно время обсуждалось исследователями, изучавшими историю Холокоста, однако за полным отсутствием доказательств было к 1980-м гг. полностью ими оставлено. Оно сохранилось лишь в советской антисемитской пропаганде. Об этом см.: DAWIDOWICZ L. S. The war against the Jews, 1933—1945. New York, 1986. P. XXII.

^Кожин В. В. История Руси и русского слова. Современный взгляд... С. 263-264.

262

вечной борьбы иудаизма с христианством) с расовым пониманием смысла истории (идеи определенных расовых особенностей, будто бы извечно присущих евреям).

2. ПРАВОСЛАВНЫЕ НАЦИОНАЛИСТЫ

Нотки православного антисемитизма, содержащиеся в построениях Кожина, в начале 1990-х гг. подхватил митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский, Иоанн (1927—1995). В 1992—1993 гг., т.е. сразу же после распада СССР, он, несмотря на свою тяжелую болезнь, проявлял необычайную активность и часто выступал с публичными лекциями, гневно обличая «вековые происки Запада» и «тайный мировой заговор». Источник беззакония митрополит видел в «мессианизме иудеев с VIII—VII вв. до н. э.» и настаивал на подлинности «Протоколов сионских мудрецов»⁶¹. Его версия истории Руси интересна тем, что она, во-первых, вопреки церковной традиции, включила «хазарский эпизод» и придала ему принципиальное значение, а во-вторых, оказалась весьма популярной среди современных русских националистов, причем далеко не только православных. Иоанн изображал Хазарию жертвой «иудейских дельцов, видевших в финансовом, могуществе первый шаг на пути создания вожделенного всемирного еврейского государства, о котором учили талмудисты-раввины». Следующей жертвой должно было стать русское государство, которому было предназначено войти в состав Хазарского каганата или же стать новым «иудайзированным» государством по образцу Хазарии. По отношению к этой пугающей перспективе торговлю иудеев славянскими рабами Иоанн рассматривал чуть ли не как невинную забаву⁶². Подобно прочим создателям «хазарского мифа», Иоанн Хазарию интересовала не сама по себе, а с точки зрения всего исторического процесса. В «религиозной войне, вот уже два тысячелетия упорно и непрерывно ведущейся иудаизмом против Церкви Христовой», он видел «главную причину многих катаклизмов, потрясавших русскую жизнь на протяжении веков»⁶³. И первым таким потрясением было, с его точки зрения, общение с Хазарским каганатом. Не лишено интереса, что книги митрополита Иоанна, воспроизводящие христианскую версию антисемитизма, выходили

⁶¹ ИОАНН, митр. Убережь Россию. СПб., 1993.

⁶² И о а н н. митр. Очерки истории Святой Руси // Собеседник православных христиан. 1993. № 2 (4). С. 3-4; ИОАНН, митр. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб., 1994. С. 17—18.

⁶³ И о а н н. митр. Торжество православия // Наш современник 1993. № 9. С. 121-122; И о а н н, митр. Самодержавие духа. С. 253 сл.

263

в первой половине 1990-х гг. многотысячными тиражами. В частности, тираж его основного историософского труда «Самодержавие духа» доходил до 15 тыс. экземпляров. Отрывки из этого произведения публиковали православный журнал «Собеседник православных христиан» в Санкт-Петербурге, респектабельный журнал русских националистов «Наш современник» в Москве, газета российских коммунистов «Советская Россия» и целый ряд других изданий русских националистов. Патриотическая православная газета «Русь Державная» неоднократно пропагандировала идеи митрополита Иоанна, в частности, его эмоциональные выступления против «Мирового Правительства, масонов, экуменистов и Запада во главе с США». Вслед за Иоанном немалое число русских православных националистов связывают сейчас образ Хазарии с попыткой духовного закабаления Руси и борьбой против христианской государственности. В этом они видят главный момент якобы непрерывной общей борьбы иудаизма против христианства.

3. НЕОЯЗЫЧНИКИ

Если православные антисемиты считают хазар заклятыми врагами христианства, то идеология современных русских неоязычников изображает их прямо противоположным образом⁶⁴. Ведь для

неоязычников главное зло в мире проистекает от христианства, будто бы целенаправленно созданного иудеями для закабаления всех других народов мира. В этом контексте «хазарский эпизод» приобретает особенно зловещий смысл. Историософия русских неоязычников была разработана Валерием Емельяновым (1929-1999), хорошо известным своим патологическим антисемитизмом и во многом следовавшим за построениями классика мирового антисемитизма Х. С. Чемберлена⁶⁵. Стержнем мировой истории, по Емельянову, является смертельная схватка «сионистов» (т. е. евреев) и масонов с остальным человечеством во главе с арийцами в борьбе за мировое господство, коварный план которой был якобы разработан еще царем Соломоном⁶⁶. Могучим орудием в руках сионизма Емельянов считал христианство, созданное иудеями специально для порабо-

⁶⁴ О современном неоязычестве см.: Неоязычество на просторах Евразии / Под ред. В. А. Шнирельмана. М., 2001.

⁶⁵ См., напр.: ЧЕМБЕРЛЕН Г. С. Евреи, их происхождение и причины их влияния в Европе. СПб., 1910.

⁶⁶ ЕМЕЛЬЯНОВ В. Н. Десионизация. Париж, 1979. С. 21. Обращает на себя внимание тот факт, насколько эта историософская концепция Емельянова сближалась со взглядами на историю, изложенными А. Гитлером («Майн кампф») и А. Розенбергом («Миф двадцатого века»).

264

щения всех остальных народов⁶⁷. Для нашей темы особенно важным моментом служит то, что Емельянов «изобличал» киевского князя Владимира, крестителя Руси, как гнусного предателя⁶⁸. В чем же провинился перед неоязычниками князь Владимир? Загадка раскрывается просто. Не желая видеть принципиальной разницы между иудаизмом и христианством, Емельянов самыми катастрофическими событиями в истории Руси называл принятие христианства князем Владимиром и революцию 1917 г. «Ведь именно в 988 году международному Сиону удалось сокрушить главный и практически уже последний в то время главный центр арийской идеологии, заменив его реформированным, вернее, эсперантизированным иудаизмом в форме восточной ветви христианства, т. е. православия». Тем самым у русского народа была якобы отнята его «арийская» история, идеология и культура. Как же случилось, что русский князь положил начало реализации этого «дьявольского замысла»? Емельянова это ничуть не удивляло — ведь матерью русского князя была, оказывается, еврейка, а дед его был тесно связан с Хазарским каганатом, оккупировавшим и нещадно эксплуатировавшим древнерусские земли⁶⁹.

Подхватывая это «открытие» Емельянова, другой неоязычник-антисемит из Петербурга В. Н. Безверхий (1930-2000) утверждал, что накануне христианизации евреи намеренно ввели на Руси культ грубых идолов и кровавых жертвоприношений, чтобы затем бороться с этим культом и насаждать «рабскую идеологию христианства». В этом как будто бы и выражалась их месть за разгром Хазарии⁷⁰. Надо отметить, что с 1970-х гг. идея о «хазарском» происхождении и «подрывной деятельности» князя Владимира прочно вошла в неоязыческий миф и регулярно включается в соответствующую псевдонаучную и художественную литературу. Для неоязычников «хазарский эпизод», как бы он ни был отдален историей, звучит и ныне очень современно. Они верят, что евреи до сих пор не могут простить русским разгрома Хазарского каганата⁷¹. И это заставляет

⁶⁷ В течение последних десятилетий этот миф усиленно пропагандировался западноевропейскими и американскими неонацистами, отвернувшимися от христианского фундаментализма в сторону расистского неоязычества. См., напр.: GARDELL M. Godsof the blood. Durham, 2001. ^ЕМЕЛЬЯНОВ В. Н. Указ.соч.С. 2, 28. ®ТАМ ЖЕ.С. 1—2. На самом же деле мать князя Владимира была внучкой варяжского воеводы Свенельда и дочерью древлянского князя Мала, побежденного киевлянами. Летописец Нестор придал ее имени (Малфред) славянизированный вид—Малуша. См.: ХАБУР ГА ЕВ Г. А. Первые столетия славянской письменной культуры. Истоки древнерусской письменности. М., 1994. С. 131.

⁷⁰ БЕЗВЕРХИЙ В. Н. Философия истории // Волхв. 1993. № 1 (7). С. 48—49.

⁷¹ См.,напр.:Аринушкин А., ЧЕРКАСОВ И. Зов Гипербореи. М., 1998. С. 66.

265

их соответствующим образом оценивать события, происходящие у нас на глазах. В одной из своих книг Безверхий писал: «Потомки хазарских жидов — жиды-ашкинази [орфография Безверхова. — В. Ш.] — в 1991 году, заключив Беловежское соглашение, [разрушили империю славян, создававшуюся более 1000 лет]⁷². Вот она, ниточка, прочно соединяющая в глазах русских антисемитов «хазарский эпизод» с современностью.

Недавно один из неоязычников заявил о том, что секрет похода гитлеровских полчищ на Сталинград заключался в том, что они возмечтали повторить подвиг Святослава и вновь «раздавить старинное жидовское гнездо Итиль-Сталинград». Гитлера он изобразил иррациональным мистиком, боровшимся не за бакинскую нефть, а за главенство арийских символов⁷³. Так одержимость идеей заставляет некоторых современных антисемитов полностью

порывать с миром реальности и погружаться в мутные воды чудовищных фантазий, оправдывающих нацистские преступления против советских людей.

В целом современные русские неоязычники продолжают антирелигиозную борьбу советских атеистов против христианства и рисуют последнее только в черных красках⁷⁴. В то же время они широко используют, наследие советских борцов с «международным сионизмом» и представляют христианство зловредной идеологией, созданной коварными евреями, чтобы поработить все народы мира. Именно в этом контексте образ Хазарии приобретает новое фантастическое значение передового рубежа агрессивного иудаизма, предпринимавшего все усилия для закабаления Руси путем введения христианства. Эта концепция содержит заряд расизма, ибо она связывает якобы негативные черты евреев с их кровью. Существенно, что неоязыческий подход представляется соблазнительным даже части современных коммунистов, которые сами от*мечают его преемственность с прежней советской административно-коммунистической идеологией, основанной на государственном антисемитизме⁷⁵. Не случайно те же идеи о борьбе «русов-ари-ев» с хазарами распространяет сочувствующая коммунистам газета Народно-патриотического союза России «Патриот» (бывший «Советский патриот»)⁷⁶.

"БЕЗВЕРХИЙ В. Н. Указ.соч.С.47. ⁷³ИстАРХов В. А. Удар русских богов. М., 2000. С. 293. ⁷⁴ШнирЕльман В. А. Русское неоязычество: истоки мировоззрения// Страницы. 2001. Т. 6, № 3.

"Арутюнов С., ПЕНЗОВ И., ПЕРЕДЫН В. Церковь.Богатство.Политика //Молния, 1995, № 14,январь. С. 6;

ФЕДОРОВ А. В. Клин антисоветизма//Там же. ⁷⁶УВАРОВ А. Русское национальное самосознание // Патриот. 1998. № 2 3,24.

266

4. РАСИСТЫ

Многим нынешним российским антисемитам полюбилась и гипотеза о происхождении восточноевропейского еврейства от хазар. Эта гипотеза, впервые высказанная французским историком Э. Ре-наном в конце XIX в., обрела широкую популярность благодаря из*вестному писателю А. Кестлеру (1905-1983), пытавшемуся всеми силами доказать, что именно победа Святослава над Хазарией привела к рассеянию хазар-иудеев и тем положила начало «еврейской диаспоре». Иными словами, Кестлер заявлял, что современные восточноевропейские евреи являются прямыми потомками хазар и, следовательно, никак не связаны с евреями Запада⁷⁷. На самом деле основу восточноевропейскому еврейству заложили те евреи, которые массам бежали в Польшу из Центральной Европы в середине XIV в., спасаясь от погромов, сопутствовавших чуме, поразившей тогда значительную часть европейского населения⁷⁸. Между тем мысль о хазарском происхождении восточноевропейских евреев кажется соблазнительной некоторым евреям, эмигрировавшим в Израиль из бывшего СССР в последние десятилетия⁷⁹.

Для неоевразийцев эта гипотеза представляется, разумеется, неприемлемой, так как она делает восточноевропейских евреев «евразийским этносом» и подрывает основы так любовно сконструированной Гумилевым теории «хазарской химеры»⁸⁰. Некоторые русские ортодоксальные националисты с ужасом отреклись от гипотезы Кестлера, ожидая, что в противном случае евреи потребуют себе земли юга современной России⁸¹. Параноидальный страх по поводу неких сил, мечтающих о воссоздании Хазарии на южных российских землях, не покидает некоторых русских националистов и временами выплескивается на страницы национал-патриотической прессы⁸².

⁷⁷ КЕСТЛЕР А. Тринадцатое колено: крушение империи хазар и ее наследие, СПб., 2001.

⁷⁸ Одну из последних работ об этом см.: С. А. N. F. In the wake of the plague: the Black Death and the world it made S. 1.: The Free Press, 2001.

⁷⁹ ДАВИД Р. Вещий Олег и евреи // Вестник еврейской советской культуры, 1989. № 13, Октябрь; ВоРоннль А. Кровь и почва//Двадцать два. Тель-Авив, 1997, № 103; СОБОЛЕВ Д. В сторону Хазарии//Там же. "ГУМИЛЕВ Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. С 24; Коже в В. В. История Руси и русского слова № 11. С. 165; ГУМИЛЕВ Л. Н. История Руси и русского слова. Современный взгляд... С. 211.

⁸¹ См., напр.: КУЗЬМИН А. Г. Хазарские страдания//Молодая гвардия. 1093. № 5-6. С. 248; КУЗЬМИН А. Г. Ответы или наветы // Молодая гвардия. 1993. № 11-12.

⁸² См., напр.: НАУМОВ В. В. Буйнакск — разведка боем // Русский Вестник, 1998. №1-2.

267

Очевидно, поэтому некоторые из них просто отмахиваются от Хаза-рии как от «исторического фантома», спекуляции недобросовестных историков⁸³. Другие, напротив, стремятся заселить

Хазарию исключительно славянами и превратить ее в некий «Русский каганат»⁸⁴.

Прямо противоположную позицию занимают те, кто стремятся связать историю Хазарии с идеей «еврейского мирового заговора». Они с удовольствием воспроизводят гипотезу о хазарском происхождении восточноевропейских евреев, переносят это на всех евреев в целом и отождествляют их оптом с масонами и сатанистами, чтобы тут же обвинить в стремлении к мировому господству⁸⁵.

Между тем живущего вдали от мятущейся России «респектабельного антисемита» Дугласа Рида такие мысли не волновали, и он попытался показать, что восточноевропейские евреи с их разрушительными инстинктами не имеют ничего общего с западными добропорядочными и законопослушными евреями. «Хазарская теория» подходила для этого как нельзя лучше. Новым, что привнес Рид, был расистский подход, имманентно присутствующий в его рассуждениях о «дикарях из отдаленных глубин Азии», чьи жестокие «инстинкты» сохранялись в течение веков. Именно с происками «потомков хазар» Рид связывал все революции, происходившие в Европе за последние пятьсот лет⁸⁶.

Первое издание книги Рида вышло в 1986 г. на русском языке (см. примеч. 1), т. е. было рассчитано на русского читателя. Сейчас можно сказать, что свою миссию это издание выполнило. В Россию оно пришло как раз вовремя, чтобы найти себе «достойную» аудиторию. Впервые оно было переиздано в Краснодаре журналом «Кубань» к началу 1992 г. К тому времени Советский Союз окончательно распался, антирусские настроения на его окраинах достигли значительного накала, и многие русские, жившие в нерусских республиках или по соседству с нерусским населением, с удивлением и тревогой обнаружили нарастающий порог отчуждения между собой и своим окружением. Одним из таких районов оказалась Кубань, где они соседствовали с адыгами и другими обитателями Северного Кавказа. Отношения русских с «инородцами» становились все более напряженными, но вину за это русские шовинисты пытались списать на счет «подрывных действий» «международного сионизма». Это и придавало особый привкус той обстановке, в которой Россия знакомилась с книгой Д. Рида.

⁸³ Курдков Е. «Вяесова книга» — реликт русской мифологии // Молодая гвардия. 1997. № 7. С. 315.

⁸⁴ ВАСИЛЬЕВА Н. И. Русская Хазария//Русская Хазария. Новый взгляд на историю. М., 2001; ГАЛКИ НА Е. С. Тайны Русского каганата. М., 2002.

⁸⁵ См., напр.: ПАЩЕНКО П. И. Милости может не быть. М., 1998. С. 362—365.

⁸⁶ Рид Д. Спор о Сионе. С. 92—140.

268

Интересно, что редакция журнала «Кубань» опубликовала книгу не полностью. Читателям были предложены лишь те главы, где с особым пристрастием повествовалось о разрушительной деятельности евреев. Разумеется, среди этих глав фигурировала и семнадцатая глава, вторая часть которой была посвящена хазарскому происхождению восточных евреев. А чтобы читателю было все окончательно ясно, редакция добавила специальное приложение, где поместила выписки из Торы в сравнении с текстами Нового Завета. Им-то и надлежало донести до читателя всю «человеконенавистническую» сущность иудаизма, который якобы требовал истребить все народы мира⁸⁷.

Публикация «Кубани» не осталась незамеченной. Ее подхватил лидер расистской «Русской партии» В. И. Корчагин, чье издательство «Витязь» специализируется на выпуске неонацистской и антисемитской литературы. Переиздавая книгу Рида по изданию журнала «Кубань», Корчагин еще более ее сократил, выделив «хазарские» рассуждения Рида из семнадцатой главы и организовав из них отдельную главу под названием «Хазары» (чего у Рида не было!). Иными словами, Корчагин считал достойными новой публикации только те сюжеты из книги Рида, где говорилось о хазарах, их связях с ашке-назами, а также о роли евреев в «трех революциях» — английской, французской и русской. Особый акцент делался на то, что русская революция произошла «под талмудо-иудейским руководством». Мало того, Корчагин позаимствовал из журнала «Кубань» и идею Приложения, причем включил в него не только выдержки из Торы, но и сфабрикованное «Завещание Адольфа Гитлера», а также фрагменты из известного антисемитского памфлета Г. Форда «Международное еврейство». Все это должно было поразить читателей чудовищностью глобальных планов евреев по уничтожению человечества⁸⁸.

В еще большей степени на воображение русских шовинистов-антисемитов подействовала книга русского эмигранта В. Ушкуйника, впервые выпущенная издательством «Политическое воспитание» в Нью-Йорке в 1982 г. Подлинное имя этого автора — Ю. Р. Лариков (1896-1989).

Бывший артиллерийский офицер российской армии, он участвовал в Первой мировой войне, затем — в Белом движении. Закончив гражданскую войну на Дальнем Востоке, он в 1921 г. перебрался в

Китай, с конца 1920-х гг. служил в армии Национального правительства Чан Кайши; с ним он ушел на о. Тайвань и оставался верен ему до самой смерти. Уйдя в отставку, он обратился к истории России XX в., результатом чего и стала книга, о которой идет речь⁸⁹.

⁸⁷ Рид Д. Спор о Сионе//Кубань. 1991. Окт.—дек.

⁸⁸ Рид Д. Спор о Сионе. М.: Витязь, 1993.

⁸⁹ Симанский В. Русофобия вокруг «Русофобии» // Вече. 1989. № 35.

269

Подобно Риду, обвиняя евреев и масонов в подрывных революционных движениях, в том числе во враждебной деятельности против Российской империи, Ушкуйник также видел корни этих побуждений в «расовом инстинкте». Нарисовав леденящую кровь картину засилья «иудеев» в СССР, автор задавался вопросом о том, как такое стало возможным. В поисках ответа он обращался к теории о «хазарском» происхождении восточноевропейского еврейства. Повторяя горестные сентенции о посягательствах «иудейских* хазар» на Древнюю Русь и восторгаясь подвигом князя Святослава, Ушкуйник заявлял, что иудаизированные тюркоязычные хазары, бежавшие от разгрома, заложили основы восточноевропейского еврейства (ашкеназов). Будучи неофитами, они отдались иудаизму с еще большим рвением, чем истинные семиты, что и объясняет их будто бы невиданную жестокость в обращении с гоями⁹⁰.

Развивая эту теорию, Ушкуйник обогатил ее новым «открытием»; он заявил, что «хазары» донесли до нашего времени особенности своей политической системы, где при номинальном верховенстве кагана, реальная власть находилась в руках бека. При этом, вопреки историческим источникам, носителем реальной власти автор сделал не бека, а кагана. Это ему было нужно для того, чтобы объявить Л. М. Кагановича «прямым наследником ханов Хазарии», при котором Сталин якобы играл роль бессловесного бека. Нет нужды говорить, что это помогает оправдать Сталина.

Проводилась также параллель между хазарским обычаем ритуальных убийств своих каганов и «ритуальным убийством» последнего русского императора⁹¹. Автор делал вывод о том, что «в середине XX в. восточные иудеи умудрились восстановить систему управления, которая существовала в их родной Хазарии около X в. н. э., но под видом русского квазикоммунизма»⁹².

Книга Ушкуйника вдохновила Е. С. Евсеева (1932-1990), одного из бескомпромиссных советских борцов с «международным сионизмом». В 1988 г. он закончил книгу «Сатрап», посвященную разоблачению преступлений Л. М. Кагановича. Себе в заслугу автор ставил тот факт, что, анализируя биографию этого человека, он впервые обратил внимание «на его конфессионально-этническую характеристику», которая как бы являлась ключом к поведению этого человека, бывшего «ближайшим соратником Сталина»⁹³. Евсеев изъяснялся недомолвками. Связывая фамилию Кагановича с терми-

С 135— 137; Золотаревич В. Каганович — тайный начальник Сталина и своего кузена Берии // Независимая газета. 1993. 14 сент. ^Ушкуйник В. Памятка русскому человеку. Парадоксы истории. М., 1993. С. 19-20.

⁹¹ Там же. С. 21-24.

⁹² Там же. С. 26.

"ЕВСЕЕВ Е. С. Сатрап. М., 1993. С. 4.

270

ном «каган», который был титулом «правителя Хазарии», Евсеев делал экскурс в историю Хазарии и заявлял, что ашкеназы являлись «не семитами, а потомками хазар». В дальнейшем он уже ни разу не упоминал о Хазарском каганате и его фактическом властителе. Но тень последнего постоянно сопровождала Читателя, который видел Кагановича в образе «серого кардинала», ответственного едва ли не за все преступления сталинского режима против своего народа⁹⁴. Впрочем, автор признавал, что Сталин, а не кто-либо другой, был ключевой фигурой в советском руководстве⁹⁵.

В своих построениях Евсеев как на последнее слово науки ссылался на Кестлера. При этом он заявлял, что теория того якобы вызвала дикую ярость «сионистов», и после выхода книги Кестлер покончил с собой. Тем самым Евсеев как бы давал понять, кто именно подтолкнул к этому именитого писателя. Он не сообщал читателю лишь одного — что книга Кестлера вышла еще в 1976 г. и что Кестлер страдал лейкемией и болезнью Паркинсона. Будучи приверженцами добровольной эвтаназии, он и его жена в марте 1983 г. (а вовсе не в 1984 г., как сообщал Евсеев) совершили самоубийство.

•Еще дальше Евсеева шли два болгарских автора Т. Дичев и Н. Николов, Дичев закончил Первый московский медицинский институт, а затем преподавал в Московском педагогическом институте, где, видимо, и подхватил знамя борьбы с «мировым сионистским заговором». Он интересен тем, что еще в 1970-х гг. изобрел понятие «психофашизм», куда включил человеконенавистнические

идеологии, отрицательно действующие на психику людей. Важнейшей из таких идеологий Дичев считает «мировой сионизм»⁹⁶.

Подхватывая идеи Ушкуйника и Евсеева, Дичев и Николов уже безапелляционно заявляли, что Сталин действовал по указке «кагана» Кагановича. Касаясь событий в России в XX в. и воспроизводя концепцию «жидовского ига», авторы фактически заимствуют целые куски из книги Ушкуйника, включая его экскурс в историю хазар. Вслед за ним они называют восточноевропейских евреев прямыми потомками хазар и объявляют Кагановича тайным каганом, при котором Сталин служил беком. От себя они добавляют лишь некоторые красочные подробности, призванные сделать версию о ритуальном убийстве императора Николая II более убедительной⁹⁷. Если Евсеев в конечном счете признал, что главной действующей фигурой в советском руководстве был все же Сталин, то Дичев и Николов, фактически перечисляя те же самые факты, ут-

⁹⁴ Там же. С. 5.

⁹⁵ ЕВСЕЕВ Е. С. Сатрап. С. 93.

⁹⁶ ДИЧЕВ Т., НИКОЛОВ Н. Зловещий заговор. М., 1994.

⁹⁷ Там же. С. 48-52.

271

верждают, что все приказы исходили именно от Капшовича, а бек Сталин играл роль «козла отпущения»⁹⁸. Подобно Ушкуйнику, эти авторы объясняют преступления Кагановича «мстью хазар их исконным врагам, славянам, за разгром Хазарии»⁹⁹. Книга Дичева и Николова впервые была издана анонимно в 1992 г., а затем переиздана издательством «Витязь» тиражом 10 тыс. экземпляров.

Дичев объясняет с помощью «хазарской модели» и последние события в России. В частности, он утверждает, что недавний российский премьер-министр В. С. Черномырдин происходил из древнего хазарского рода и играл при Ельцине ту же роль кагана, которую играл Каганович при Сталине. Это якобы подтверждает идею о вечном противостоянии ариев иудеям — последние якобы постоянно стремятся поработить первых и уже реализуют свои мечты в России и Болгарии. Кстати, не забывает Дичев упомянуть и неоязыческий миф¹⁰⁰ о происхождении древнего киевского князя Владимира от дочери раввина¹⁰⁰.

Иными словами, представляя восточноевропейских евреев прямыми потомками тюркоязычных хазар со всеми их будто бы врожденными преступными чертами, не зависевшими от каких-либо исторических изменений, рассматриваемая теория демонстрирует очевидный биологический расизм. Не случайно Евсеев ссылаясь на социодарвинизм, а Дичев напоминал о вечной борьбе арийцев с евреями. В то же время концепция, по которой «хазары-евреи» пронесли специфические особенности своей исконной политической системы (дуальная власть) через столетия, страдает культурным расизмом, делающим акцент на якобы вечный и неизменный характер основных элементов культурной системы^{III}.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сюжет о хазарах стал, пожалуй, общим местом в современной русской антисемитской литературе, посвященной истории России. Это говорит о том, что в среде русских ультранационалистов, во-первых, уже сложился образ злой злой Хазарии, несшей Руси одни только бесчисленные бедствия, во-вторых, распространилось убеждение в происхождении восточноевропейских евреев от хазар и,

⁹⁸ Там же. С. 64-66. "Там же. С. 65.

¹⁰⁰ Д и ч е в Т. Вера и знания предков — основа славянского единства // Народная защита. 1995. № 6.

¹⁰¹ О «культурном расизме» см.: HARRIS ON F. V. The persistent power of «race» in the cultural and political economy of racism // Annual Review of Anthropology. 1995. Vol. 24; TAG и i e f f P. - A. From race to culture: the New Right's view of European identity // Telos. 1993/1994. № 98-99.

272

наконец, в-третьих, как указывают некоторые авторы, есть уверенность, что корни подрывной сатанинской деятельности масонов И'сионистов против России восходят к «неразумным хазарам»¹⁰². И миф о «хазарском иге» нужен русским ультранационалистам для того, чтобы перебросить мостик к другому мифу — о «еврейском иге» в годы Советской власти.

Итак, с 1970-х гг. эвфемизм «хазары» прочно вошел в лексикон русских националистов для обозначения евреев и их якобы устремленности к тотальной власти над миром. Почему же он так полюбился русским антисемитам? Если суммировать все его достоинства, то получится

следующая картина, основанная на «хазарском мифе*»; который ими нещадно эксплуатируется вот уже три десятилетия. Во-первых, Хазария собирала дань с восточных славян, а хазарские купцы наживались на продаже их в рабство. Следовательно, можно обвинить хазар в посягательствах на славянские территории и в попытках навеки закабалить славян. Во-вторых, так как в экономике Хазарии большую роль играла транзитная торговля[^] в которой активно участвовали иудеи, можно применить для хазар привычный антисемитский штамп, связывающий евреев с корыстолюбием и неумной жадой золота. В-третьих, то политическое влияние, которое Хазария, по-видимому, оказывала на формирующееся Русское государство, можно обратить во зло и утверждать, что «хазарские инструктора» обучали русских воинов необычайной жестокости и посылали на верную гибель. В-четвертых, беспрецедентное влияние, которого евреи достигли в Хазарии, можно расценить как пример захвата ими государственной власти в чужом государстве, к чему <они якобы повсюду стремятся. В-пятых, наличие у иудаизма статуса государственной религии в Хазарии вкупе с участием раввина в знаменитом религиозном диспуте, устроенном князем Владимиром, можно интерпретировать как необоримое желание хазар-иудеев поработить Русь духовно. Мало этого, выводя христианство напрямую из иудаизма и сознательно (и ошибочно!) ассоциируя его с евреями, можно заявить, что, в конечном счете, хазары в этом преуспели, навязав Руси христианство. В-шестых, связывая происхождение восточноевропейских евреев с хазарами, нетрудно протянуть историческую нить из эпохи раннего Средневековья в наше время и заявить, что все названные «биологически обусловленные» поведенческие особенности «хазары» донесли в неизменном виде до XX в. Мало этого, «подрывную деятельность» евреев против России и русских оказывается возможным объяснить местью за разгром, учиненный Хазарии князем Святославом. В-седьмых, исходя из дуализ-

¹⁰²СТЕПИН В. Сущность сионизма. М., 1993. С. 7; Дьяконов Ю. А. Пятая колонна в России. М., 1995. С. 7,31. Ср.: КНЯЗЕВ М. А. Будущее мирового сионизма. М., 1997. С. 204.

273

ма политической власти в Хазарии и якобы беспрецедентной живучести ее традиций у восточноевропейских евреев, можно попытаться с этой точки зрения интерпретировать действия высших властей в советский период и даже в постсоветскую эпоху. В-восьмых, Хазарию можно изобразить как пример гибельности смешения европейских и евразийских популяций с евреями, которое якобы влечет возникновение неестественного вредоносного образования («химеры»). Если же учесть, что в последние столетия еврейская диаспора глубоко укоренилась в Европе и Северной Америке, то при желании и эти регионы идеально подходят сторонникам такой концепции для пропаганды антизападнических настроений. Наконец, введя хазарскую тему в контекст более широкого антисемитского дискурса, можно увидеть в хазарском господстве над славянами попытку реализации замыслов иудеев захватить власть над всем миром. В этом случае славяне служили как бы плацдармом, на котором вырабатывались и опробовались разные приемы и методы для достижения этих целей. Тем самым «хазарский эпизод» приобретает общемировое значение, а победа русских над хазарами становится непреходящей ценностью и делает русских флагманом мировой цивилизации, ее надежным защитником от «мирового зла». Иными словами, «хазарский эпизод» как нельзя лучше подходит для русской мессианской идеи.

Характерно, что рассмотренные здесь направления русского национализма отдают предпочтение какой-либо своей излюбленной версии, которая более всего соответствует его представлению о русской идентичности. «Евразийцы», с их геополитическим (циви-лизационным) подходом к идентичности, ассоциирующейся со всей территорией бывшего СССР, делают акцент на «химерности» этноса, будто бы возникшего на стыке двух суперэтносов и не имевшего корней в местной почве. Для православных националистов, которые отождествляют русскость с православной верой, основополагающее значение имеет вечное противостояние едва ли не космической силы между православием и иудаизмом. Неоязычники, для которых русская духовность связана исключительно с дохристианскими ценностями, видят корень всех бед русского народа в насильственной христианизации иудеями, или «хазарами». Русские расисты, создающие в последние годы странное представление об особой «русской расе», с благодарностью подхватили идею о хазарском происхождении восточноевропейских евреев, которые будто бы пронесли через все эпохи свой зловердный национальный характер, обусловленный расовыми признаками. Наконец, расизм культурологического плана, культивируя сходную версию, настаивает на полной неизменности этнических традиций в силу их жесткой связи с ландшафтом

и неукоснительной строгой передачей из поколения в поколение. Все эти разногласия свидетельствуют об от-

274

сутствии у русских националистов единого понимания сути русской идентичности. Нет его и в русском обществе в целом. Вот почему все усилия по выработке общей национальной идеи оказываются тщетными и не имеют хороших перспектив. Слишком велики различия в системах культурных ценностей, принятых в современном российском обществе.

Отсутствие позитивной основы для сплочения обрекает русских националистов на бесконечные раздоры. Единственное, что создает им почву для совместных действий, — это образ врага, который поэтому без устали выковывают их лидеры и идеологи. Этот образ, как было показано выше, также не обладает единством и внутренней целостностью. Тем не менее эвфемизм «хазары» наполнен для русских националистов глубочайшим смыслом. Помимо всего прочего, он позволяет придать русскому антисемитизму налет оригинальности. Ведь в силу чисто исторических причин ни одна другая национальная антисемитская традиция не способна настолько полно и эффективно использовать «хазарский миф», как это делают русские антисемиты. Мало того, благодаря своей псевдонаучной оболочке «хазарский миф» иной раз подхватывается даже авторами, не испытывающими негативных чувств к евреям. Благодаря популярности идей Л. Гумилева он уже проникает в школьные и вузовские учебники. Тем самым он как бы исподволь формирует у читателя, в том числе молодого, отрицательное отношение к евреям и стремление дистанцироваться от них. А это в перспективе способно придать особый ракурс развитию межэтнических взаимоотношений в России, что не может не тревожить на фоне активности экстремистских политических партий и движений.

АЛЕКСЕЙ ЛЕВИНСОН (Москва)

«КАВКАЗ» ПОДО МНОЮ

Краткие заметки по формированию и практическому использованию

«образа врага» в отношении «лиц кавказской национальности»

КОНСТРУКЦИИ «ОБРАЗА ВРАГА» И «ЛКН»

ОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ¹ дают все основания для того, чтобы говорить: враждебные настроения по отношению к категории людей, называемых «кавказцы» или «лица кавказской национальности» (далее — ЛКН), имеют массовый характер. Информация от правозащитных организаций, сообщения СМИ говорят, что в отдельных случаях меры дискриминации, эксклюзии, а то и насилия в отношении ЛКН имеют организованный, институционализированный характер, являются политикой ряда общественных организаций, а также государственных и местных органов власти. Наконец, военные действия на Кавказе, по убеждению многих их участников и многих наблюдателей, также ведутся федеральными силами именно против людей определенной — «кавказской» — национальности.

Мы знаем, что все приведенные выше утверждения оспариваются официальными лицами.

Говорят, что враждебность проявляют не к кавказцам, а к плохо ведущим себя соседям, что громят не кавказцев, а нечестных торговцев, что ловят на улицах или выселяют не кавказцев, а нарушителей закона о регистрации, что воюют с незаконными вооруженными формированиями, а не с кавказцами.

Мы полагаем, что подобная универсалистическая риторика в устах тех, кто осуществляет названные практики, является инструментом, выводящим их из-под ответственности. Ведь ответственность за преследования по национальному признаку, будь она установлена, оказалась бы весьма серьезной. Впрочем, субъектами ответственности могли бы стать только отдельные лица. Мы же здесь и далее будем говорить о процессах в безликом (и безответственном) общественном мнении, массовом сознании.

К сожалению, у нас вполне достаточно оснований, чтобы говорить о наличии массового враждебного отношения к категории ЛКН,

¹ В этом разделе использованы материалы опросов, проводившихся Всероссийским центром изучения

о том, что в ряде случаев они оказываются в роли «врага». Однако понятие «враждебность» и его ученые эквиваленты (ксенофобия, этнический негативизм, этническая эксклюзия), как и понятие «враг» («противник»), обладает иной природой, нежели понятие «образ врага». Последнее включает фигуру, инстанцию исследователя, квалифицирующего ситуацию, но находящегося вне ее. Кроме того, категория «образ врага» привлекается для описания субъекта враждебного отношения, в отличие от понятия «враг», которое прилагается к объекту такого отношения. Наконец, концепт «образа врага», на наш взгляд, стоит применять для анализа тех случаев, когда выражение негативизма в адрес какого-либо социального объекта имеет результатом (фактической/латентной целью) не причинение ему ущерба, его уничтожение и т. п., но повышение солидарности в некотором сообществе — субъекте этих негативных переживаний, аффектов.

«Образ врага», можем мы сказать, — сложный аналитический концепт, конструкция, создатели и пользователи которой принадлежат той же стороне, которой принадлежат автор и читатели этих строк, назовем ее «описывающей» стороной. Категория же ЛКН принадлежит, как мы покажем, стороне «описываемой».

На последующих страницах мы рассмотрим некоторые исторические и социальные предпосылки к формированию образа «врага» именно из «кавказцев», а затем рассмотрим один из случаев использования этого образа. Одни и те же обстоятельства мы будем и рассматривать в нескольких подходах, стараясь показать, как они отразились в разных дискурсах. <

«НАЦИОНАЛЬНОСТЬ» КАК ВЕДУЩАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ

Сказав, что объектом враждебности очень часто оказываются лица некоторой национальности, стоит спросить себя, почему именно национальность является поводом для дискриминации (или выдается за таковую).

Специалист легко обнаружит, что в большинстве случаев, когда дискриминация того или иного рода осуществляется в отношении ЛКН, она является дискриминацией расовой, а не национальной. Это всего яснее, когда употребляется слово «черные» и его эквиваленты. Это всего нагляднее, когда под имя «азеров», что есть своего рода национальная квалификация, зачисляют представителей других национальностей.

Наше понимание «описывающих» того, что под национальностью в этих случаях разумеют расу, важно для нас самих. Но не менее важно было бы понять, почему использовано слово (или этнометодологическая — буквально! — категория) «национальность».

Мы не претендуем на освещение всего громадного комплекса вопросов, связанных с использованием этой категории. Мы хотим только указать на возрастание роли национальной квалификация и самоквалификации в 1990-е гг. на советском и далее — постсоветском пространстве.

Коротко говоря, распад относительно сложных социальных структур, институтов, сопровождался компенсаторным укреплением отношений более простого, прямого характера, к каковым относятся солидарности на «природных», примордиальных началах, такие как возраст, национальность или место проживания (при расширительном понимании соответствующих терминов их иногда называют тендерными или расовыми категориями).

Можно полагать, что причины таковы. Институциональное устройство Советского государства как формы общества было заложено, как известно, на высоко универсалистических началах, характерных для одного из утопических вариантов коммунистической идеологии начала XX в. К одному из этих начал относится утверждение всеобщего равенства, вне зависимости от расы или национальности. Более того, утверждалась цель-идеал — упразднение наций и национальных различий.

С течением времени это устройство эволюционировало. Нелишне напомнить, что поддерживавшие первоначальную утопическую вненациональную версию идеологи и их сторонники были репрессированы. Далее широко описанная эволюция режима в конце 1930—1940-х гг. была призвана подтянуть и консолидировать новые слои местной бюрократии, появившиеся в результате ускоренной ротации. Категория «национального» была реабилитирована и пущена в ход как инструмент. «Национальность» получила ценностную окраску — частью с опорой на сходные традиционные категоризации (народность, вероисповедание), частью как новый атрибут человека или группы. В случае позитивного знака «национальность» для человека или группы

могла превращаться в ресурс, в том числе для вертикальной мобильности, или трансформироваться в корпоративный ресурс местной бюрократии в отношениях с вышестоящими инстанциями.

После существенных колебаний и конфликтов в хрущевскую пору баланс наличных бюрократических групп, в том числе опознающих себя как «национальные», был установлен. Это стало далее восприниматься как брежневский застой. Развитие бюрократической системы приняло характер инволюции. Обслуживающие систему идеологические группы, которые были связаны с универсалистским коммунистическим дискурсом, достигнув верхних этажей отведенных им каналов мобильности, закрепились там. Закрепившись, они монополизировали свои права на интерпретацию соответствующих идеологем и на эмиссию соответствующих символических продуктов, которыми они обслуживали политический режим.

278

В связи с этим такие направления, как наука, идеология, культура, в универсалистической их трактовке потеряли перспективность для ориентированной на мобильность смены, т. е. для «стоявших в очереди» за статусами новых поколений исследователей, идеологов и т. п. Только узкая категория имперско-столичной интеллигенции могла продолжать искания на универсалистических же путях, но сменив «коммунистический» вариант универсализма на «гуманистический» или «общечеловеческий». А для местных субэлитных групп альтернативная дорога лежала через незанятые смысловые зоны религиозного, мистического, этнического, наконец, национального.

Первые этапы кризиса высшей государственной бюрократии («гласность») разблокировали пути одновременно для обоих дискурсов — и «общечеловеческого» и «национального». Победившая на этом первом этапе фракция высшей бюрократии сделала ставку на союз с бывшим идеологическим противником — «Западом». Соответственно, внутри страны она привлекла носителей «общечеловеческих» универсалистских воззрений («перестройка»). Напомним, что тогда союзником центральной власти (М. Горбачева) выступил автор той репетиции «перестройки», которая была проведена на Кавказе, — Э. Шеварднадзе, уже оставивший свой региональный пост. Нерепрессивный характер его слабого режима оставил «националистический» дискурс в распоряжении нижележащих групп местной бюрократии.

Этот дискурс обнаружил для них свою высокую инструмен-тальность, поскольку он позволил мобилизовать под каждую из местных элит «свое» общество. Этот этап воспринимался как «национальный подъем». Далее с опорой на этот ресурс местные элиты сумели добиться независимости от центра (что потом предстало как «парад суверенитетов»). На Кавказе этот процесс принял особо конфликтные формы. Грузия, по структуре наиболее напоминавшая метрополию, пережила пароксизмы националистически ориентированного режима с авторитарно-тоталитарными «замашками», череду конфликтов, имеющих характер гражданской войны, а далее серию сепаратистских выступлений, имевших и собственные «национальные» источники, и поддержку извне.

В большинстве случаев инволюция местной госбюрократии, освобожденной от контроля центра и получившей «свои» ресурсы в безраздельное пользование, углублялась. Сложные структуры управления, если они не были связаны с процессами перераспределения собственности или мешали им, были разрушены или заброшены. Соответственно, сложные формы имперской идентичности и лояльности потеряли свой практический смысл. Не поддерживаемая имперская культура — а это была единственная институционально обустроенная культура — стала стремительно разрушаться. Это выразилось, в частности, в формах разрушения науки, образования,

279

которые прежде конструировались, снабжались и управлялись почти исключительно из центра империи.

На смену стали приходить простые формы идентичности, для поддержания которых нужен минимум институционально-организационных средств. «Нация» и «национальность» относятся именно к таким.

ЛКН КАК ЕВРЕЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ *

Один из классических вариантов .образа «врага» для многих обществ — «еврей», «жид». Синдроматика антикавказских установок среди населения центральных и ряда окраинных районов РФ во многом напоминает классический антисемитизм, каким он был в конце XIX — начале XX в. в Российской империи.

В самом деле, в обоих случаях объектом является меньшинство, члены которого имеют внешность, манеру речи (акцент), имена, которые считаются «характерными», т. е. говорящими об определенных (отвергаемых) человеческих качествах и, даже о чуждых большинству ценностях и враждебных ему целях их носителей. Как и в случае с еврейством из «местечек», «кавказцы» внутри себя общаются на чужом и непонятном для окружающего их большинства языке, слушают собственную музыку, справляют свои ритуалы и праздники, сохраняют собственные бытовые привычки, включая способ организации семьи и число детей, отношение к их воспитанию, учебе. Их группа, как некогда евреи, имеет свою собственную бытовую, трудовую и коммерческую этику и, наконец, собственную веру. Далее, что «черные», что евреи, как часто с неприязнью отмечают в их окружении, «стремятся держаться вместе», «помогают друг другу», «не то, что мы». Они компактно проживают и концентрируются в определенных профессиональных и экономических нишах. Наконец, одно из важнейших обстоятельств — они подвизаются в предпринимательстве (коммерции, торговле, бизнесе). При этом надо отметить, что в силу ряда причин эти группы-меньшинства оказываются, как правило, более успешны в предпринимательстве, чем большинство, среди которого они живут и которое в силу этого обнаруживает себя в положении их клиентов и их работников. Соответственно, они аккумулируют капитал. Так у «национального чувства» появляется «классовый» компонент.

Продолжая аналогию, отметим, что обе эти группы легко становятся объектом концентрированного антагонизма, нередко включающего такой эксцесс, как погром.

Нетрудно заметить, что эти признаки (пригодные для описания многих групп, включая, например, китайцев в Юго-Восточной Азии или индийцев в Африке), приложимые к еврейству конца XIX — начала XX в. в России и некоторых других странах Восточной

Европы, не приложимы к еврейству сегодняшнему. Последнее утратило свои отличия от окружающего большинства и по языку, и по вере, и по бытовой культуре. Оно также в значительной мере рассредоточилось по разным экономическим и социальным нишам. С тех пор ассимиляция евреев значительно продвинулась. Они трансформировались в общность совсем другого рода, гораздо более полно интегрированную в местную культуру. О цене этой ассимиляции, включающей чуть было не удавшееся «окончательное решение еврейского вопроса», здесь говорить не будет.

—: Нынешние высокоассимилированные евреи также иногда становятся объектом негативного отношения, и это отношение также зовется антисемитизмом. Однако по нашему глубокому убеждению, очень важно провести различие. «Классический» антисемитизм, который существовал долгое время вплоть до первых десятилетий XX в., направлялся в адрес меньшинства, пугавшего большинство своей опасной чужестой. Нынешние же ассимилированные евреи пугают своей опасной близостью².

² Необходимо оговориться, что мы здесь пишем лишь об антисемитизме, так сказать, европейском* Антисемитизм, связанный с конфликтом между арабскими общностями и Израилем, имеет совершенно иные природу и структуру. Но этот вид антисемитизма и антисионизма иррадирует из зоны названного конфликта по путям распространения современного исламского политического дискурса. Так он попадает в том числе на Кавказ, в Чечню. Мы не имеем сведений о том, как используется и используется ли такой антисемитизм во внутреннем обиходе современной чеченской общественности. Но нам известны некоторые выступления идеологов чеченской независимости, обращающихся через интернет-медиа к россиянам. В построении материалов соответствующего интернет-ресурса эти авторы обычно достаточно точно, на наш взгляд, угадывают ценностные коды той (явно немногочисленной) части русскоязычных интернет-пользователей, которые могут с сочувствием отнестись к идеям независимости Ичкерии. Для этих случаев кажется адекватной применяемая ими композиция, которая сочетает профессиональный постсоветский журнализм, светский космополитизм с элементами мусульманского дискурса и «чеченского взгляда». Тем более странной и контрастной выглядит прибавка к этому набору резкого антисемитского компонента. Странность уже в том, что сочувствие чеченской стороне в современной немусульманской России если и можно найти, то, скорее всего, в либеральном крыле городской интеллигенции, вообще традиционно протестующей против юдофобии, а в частности поддерживающей обличаемых в описываемых опусах «евреев в правительстве РФ», поскольку вменяемые им «преступления против русского народа» — это попытки либеральных реформ. Далее, трудно не знать, что именно в этом сегменте интернет-пользователей максимально концентрируется публика, которая может себя идентифицировать как евреев. Наконец, еще большая странность в том, что, питаясь, как мы выше преодолели, энер-

Среди выходцев с Кавказа часть принадлежит более ранним «волнам», чем нынешние мигранты и беженцы. Степень их ассимиляции в советскую и российскую культуру примерно такая же по глубине, и соответственно, разобщения со своей прародиной и исходной этнокультурной средой, как и у обсуждаемого современного еврейства. Соответственно, они и становятся объектами враждебного отношения типа современного (а не классического) антисемитизма, если только, так сказать, «по ошибке» не опознаются как «приезжие с Юга». Про таких обрусевших армян, грузин, азербайджанцев, евреев гораздо правильнее было бы говорить, что они в рассеянии, в диаспоре, чем про недавно приехавших, бежавших (или живших в «черте оседлости»). Но в нынешнем политическом парлансе повелось называть «диаспорой» среду с гораздо более сохранной чеченской, армянской, азербайджанской идентичностью.

Если говорить именно про такие «кавказские» диаспоры во «внутренней» России, то им достается вполне классическая форма неприязни к «торговому народу». Их постигает участь не просто презируемых и ненавидимых, но гонимых, громимых и т. п. При этом у некоторых групп «кавказцев», например армян или чеченцев, в коллективной памяти, как и у евреев, жива травма от попыток геноцида или целенаправленных репрессий против них как народа. Это формирует дополнительные характеристики диаспоры и особым образом окрашивает их отношения с большинством.

КАВКАЗ. УПРАЖНЕНИЯ В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ДЕТЕРМИНИЗМЕ

Кавказ — горное образование, лежащее у моря. В период, когда формировалась еще сохраняющаяся политическая карта мира, Кавказские горы и море за ними — при имевшихся ресурсах и средствах ведения войны и вообще оказания силового давления — были труднопреодолимым препятствием для дальнейшего расширения Российского государства. Баланс сил между Россией и другими странами закрепился в XIX столетии таким образом, что Кавказ стал краем, пределом российской экспансии на этом направлении. В этом смысле Кавказ — предел возможностей империи.

В ходе полураспада империи, приостановленного в конце XX в., Кавказ снова показал себя в качестве лиминального обстоя-

гетикой ближневосточного антисиионизма, этот чеченский «неоантисемитизм» по форме и содержанию является «истинно русским», ибо воспроизводит риторические фигуры современных российских антисемитов т. н. «патриотического» направления. Воспроизводит, надо сказать, с тем пылом, которого у них в адрес еврейства уже нет. А нет потому, что основной свой потенциал они, чувствуя настроения общества, бросили на борьбу аккурат с «кавказцами», а среди оных, конечно, в первую очередь с «чеченами».

тельства российского существования. По его хребту пролегла новая граница. Но и территория северных склонов — зона наибольшего риска по части утраты числящихся за РФ земель и наибольшей вероятности (или наибольших иллюзий) приобретения, возвращения отпавших. Именно там — участки территории РФ, где фактически нет ее юрисдикции, где против страны на ее территории ведут боевые действия иноземцы — не абстрактные «международные террористы», а граждане других государств. Вместе с тем именно на Кавказе и только на Кавказе РФ заявляет без дипломатических обоснований претензии на контроль над территориями, принадлежащими сопредельному государству, осуществляет силовые и политические действия, которые многим кажутся похожими на аннексию. Скажем так: Кавказ — это географическое место, где продолжается колониальная история России, единственное место, где Россия может себя вести, а точнее — не может себя не вести как колониальная держава.

Более того, на Кавказе продолжает разыгрываться геополитическая драма времен «холодной войны». Именно там Россия находится своими военными структурами в наиболее тесном соприкосновении, фактически — противостоянии со своим прежним основным соперником и некогда потенциальным военным противником — США.

Российские военные объекты соседствуют с американскими и в постсоветской Средней Азии, но там есть флер новой «путинской» политической реальности, т. е. хотя бы видимость совпадения «контртеррористических» целей и интересов обеих стран. Появление же американских военных в Грузии есть уже прямое противостояние российским намерениям и в этом смысле — очередное обозначение Кавказа как предела, барьера для российской экспансии, но теперь препятствия не природного, ландшафтного, а геополитического.

ВОЙНА И КУРОРТ

Географическое положение Кавказа имеет и другую проекцию. Назовем ее природно-этно-культурной.

Черное море как дальняя периферия средиземноморского бассейна оказалось северным краем распространения средиземноморской культуры. В силу этого обстоятельства Кавказ был зоной культурных контактов. Российская (степная, лесная, северная, словом, континентальная) культура являлась с культурой, которая была, прежде всего, фундаментально «другой». При этом, в отличие от «других», на северной и восточной границах советской ойкумены (и наподобие таковой на западной границе) она была заряжена более высоким потенциалом. И потому была притягательна.

283

Россияне вступили в контакт с этим культурным комплексом тогда, когда он постепенно выходил из-под влияния Османской империи. Соответственно, дошедшая до российских глаз и ушей средиземноморская, культурная линия имела сильную «присадку» мусульманской — тюрко-персидско-арабской — традиции. В культурном смысле этот «южный Запад» то и дело переходил в «южный Восток». Тифлис для россиян был столько же Парижем, сколько Стамбулом.

Кавказ, еще будучи театром военных действий в XIX в., получил в литературе и обслуживаемом ею читающем обществе статус экзотической страны. Романтическая проекция едва ли не лучше всего удалась именно в отношении Кавказа как природной зоны и как обиталища племен и народов.

Для европейских наций долгосрочные колониальные войны с «племенами» — в отличие от относительно более; коротких, но более опасных для государств войн с равным противником, другим европейским же государством — безусловно играли особую и важную культурную роль. России помогло стать в этот ряд неуспешное и потому длительное покорение Кавказа. Наличие Кавказа как места для подвига, для славной смерти сыграло важную роль в становлении этической системы российского дворянства, как раз тогда, когда оно (дворянство) закладывало основы того, что теперь называется «русской культурой». Военное покорение Сибири и Поволжья прошло до этого периода, завоевание Средней Азии — в основном после. Поэтому романтическое в российской культуре оказалось связано прежде всего с Кавказом. (Нужды нет, что европейские романтические прототипы сражались за независимость, скажем, греков, а их российские почитатели против независимости, скажем, черкесов. Возможность литературной проекции на себя соответствующих героико-романтических интерпретаций сохранялась, например, за счет общих антиосманских и тем «европейских» рамок.)

Кавказ дал выход к двум культурным зонам. Одна — Средиземноморье, северной окраиной которого было Черноморское побережье Кавказа (и Крым). Амбиции средиземноморских портовых городов, культура курорта («Ривьеры») имели важную функцию в сращивании сперва культуры праздного класса, потом — праздничной культуры дворянства, потом форм повседневности для их наследников в советское время. Здесь можно было «играть в Европу».

Другой выход — к Малой Азии, на Восток Присутствовавший на Кавказе мусульманский компонент в краткий период советского покоя употреблялся как «декор» для создания ориентальной среды.

Произошло превращение покоренного края в зону рекреации. Романтизированное отправление на Кавказ как синоним подвига и ухода от повседневности в лиминальную ситуацию риска от

284

столкновения с чужой расой, верой, природой, было акцептировано советской плебейской элитой у дворянской побежденной культуры и превращено в романтическую же традицию переживания Кавказа как приключения. Мощная ротация элит и омассовление советского общества распространили этот романтический компот нектар в массы получателей профсоюзных путевок. Превращение Кавказа в рекреационную зону имело для региона не менее значимые последствия, нежели предшествовавшее ему покорение и аннексия существовавших там земель, племен и царств.

.. Культурный контакт, о котором идет речь, мы хотели бы прежде всего рассмотреть в его

наиболее недавних — советских — формах, ибо их значение сохранилось в непосредственной памяти россиян. Но это будет трудно сделать, не сказав несколько слов об историческом Кавказе как зоне культурного взаимодействия в XIX в.

: Мы не обращаемся здесь к собственно истории завоевания Россией Кавказа. Мы будем адресоваться только к тем моментам этого процесса, которые сохранились в актуальной памяти сегодняшних жителей России⁴. Лишь для меньшинства биографически связанных с этим регионом людей можно постулировать непосредственное историческое сознание, родовую память, предание как таковое. Для подавляющего большинства все, что известно про Кавказ, что категоризируется как прошлое и как традиция, имеет происхождение в массовой культуре. Массовой культурой в нашем случае следует считать не только кич, литературный или телевизионный ширпотреб, но и образцы того, что вообще-то у нас считается классикой, вершинами российского искусства и культуры, а именно произведения ее великих: Пушкина, Толстого, Лермонтова.

Дело в том, что большинство россиян знакомы с кавказской темой в произведениях этих авторов не в контексте творчества и не из их книг, а в контексте школьного курса, соответствующих учебников и хрестоматий. По способу функционирования эти тексты и дискурсы принадлежат, мы настаиваем, именно массовой культуре как особому социальному институту. Тем же каналом поступали и собственно исторические сведения — из учебников, школьных уроков! по истории, из курса «Истории КПСС», позже — из журнальных публикаций, заполнявших некоторые лакуны официальной истории.

Массовой же культуре принадлежат — что не встретит возражения — разнообразные фильмы, телеспектакли, эксплуатирующие символический фонд Кавказа как истории. Сюда, в свою очередь, относятся исторические по своей пометке сведения, 'получаемые на самом Кавказе теми, кто там побывал. Имеющийся фонд «ирошло-го», если угодно — «традиции», выполняет, как ему и полагается, роль обоснования сегодняшних позиций.

285

Здесь перед нами одна серьезная тема. Этические вопросы, которыми знаменита русская литература, которыми были озабочены в свои времена российские литературные классики, не включали вопроса о правах — правах человека, правах людей разных конфессий на благодать, правах наций на самоопределение, правах одной страны на территорию другой и пр. Для них эти вопросы еще не были актуальными вообще или же применительно к ситуации на Кавказе. Норма интернационализма, появившаяся из других парадигм, не говоря о нормах гражданских прав, плохо стыкуется с тем, как подходил к российской политике на Кавказе Пушкин и другие «наши все».

С появлением марксистской космополитической доктрины и выросшего из нее пролетарского интернационализма был выработан подход и к официальной картине современности, и к официальной картине истории. Не место излагать его здесь. Важно подчеркнуть, что этот подход достаточно складно увязывал все морально-значимые решения, которые могли встретиться на предсказываемом этой масскультурой жизненном пути советского человека.

В частности, переход в собственность России (сперва империи, а затем СССР) Кавказа,; населенного, что ясно, людьми из другой части мира, как и следующие из этого права «нас» на «их» ресурсы, там были тогда обоснованы не «нашими» эгоистическими (по нынешнему — национальными) интересами, а «их» интересом и пользой: «если бы не мы, они бы не приобжились...»

Другое дело, что наряду с этой официальной масскультурой существовала и существует некоторая фолк-традиция, особый дискурс, в котором также было свое историческое усмотрение, как и своя антропология, этнология и социология.

Именно этому принципиально бесписьменному современному «фолк-дискурсу», как ни странно, отвечает этика Пушкина и Лермонтова — в той части, в которой она отвечала этике казаков и генералов. В таком дискурсе нет сомнений, почему чечен — «злой», как нет вопроса, а можно ли объявлять злыми/добрыми целые народы и пр.

Такая «фолк-история» (этноистория, если угодно этномето-дологам) сообщает людям уверенность, в том, что нынешние обстоятельства не новость, что такое распределение ролей: «мы боремся с ними, они пытаются нам вредить» — нормальное, что «они всегда нас ненавидели», «они тысячу лет с нами воюют». Рассказами о том, что Кавказ был завоеван и притом в ходе длительных войн, обосновывается право на этот край.

Фолк-антропологический подход здесь объясняет «инаковость» кавказцев очень просто. Он принимает ее за данность, но не оставляет ее в статусе обстоятельства, которое надо объяснить, а наоборот, превращает ее в объясняющий аргумент. Именно потому

286

они к нам враждебны, что они иные. Асимметрия не смущает. На одной стороне мы — такие, какие мы есть, беспредикатные. Из того, какие мы, вообще ничего не следует — мы для себя прозрачны, невидимы. А на другой стороне они, не такие. Они, конечно, совершенно непрозрачны и не стоит их рассматривать изнутри, изучать как людей. Ясно, что их непохожесть на нас и есть причина того, что «они нас не любят» и «нам вредят».

А вот уже упоминавшееся «фолк-социологическое» усмотрение: «они все держатся вместе, все друг за дружку, один пролезет, всех за собой тащит». В полном виде оно включает такой разворот: «У них слушаются старших, уважают женщин, мстят за своих. У нас ничего этого нет. Эти качества чужие, но вызывают зависть, как вызывает ее чужое богатство. Они в этом смысле богатые, мы бедные. Потому у нас преимущество перед ними, которое бедный имеет в наших собственных глазах: «нам труднее». Они не пьют, у них такой закон, или — они пьют и не спиваются, а мы много пьем, спиваемся, нам и от этого труднее».

«Наше» превосходство доказано. Оно сохраняется и в тех случаях, когда признается, например, «их» (чеченов) неодолимость.

ЕЩЕ РАЗ К «ИСТОРИИ БОЛЬШЕВИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЗАКАВКАЗЬЕ»

Колонизация Кавказа после окончания военного сопротивления шла путем включения региона в общую имперскую рамку в качестве одной из провинций. Такая ситуация открыла перед обществами Кавказа определенные перспективы мобильности в относительно широких пределах той социальной системы, которую представляла собой Российская империя. Одна линия — это включение местных элит в состав имперской знати. Другая — подключение к одному из главных механизмов вертикальной мобильности: системе образования. Наконец, третья линия представляла собой включение в контрэлиту, оппозицию, оспаривающую власть у самодержавия. По такому каналу восходили на общеимперский уровень многие жители Кавказа, среди них — Иосиф Джугашвили. Империя на то и империя, что ее судьбу порой решают маргиналы, но всегда решают в центре. Для имперского Центра Джугашвили с Кавказа был в еще большей степени маргинал, чем Ульянов из Поволжья или Бронштейн из Новороссии.

Кавказскому происхождению Сталина надо уделить особое внимание. Из цивилизационных очагов, завоеванных российскими царями, Кавказ имел особое значение. Этот край исторически старше России, он же ее демографически моложе. Его народы располагают социальными ресурсами, которых нет у русских, но они в свою очередь, нуждаются в таких ресурсах, которые в сложившихся

287

условиях они могли найти только или прежде всего в ⁴геродах России. Кавказ имел совсем иную структуру социальных связей, нежели центральная часть империи. Сталин наложил сетку одних отношений на другие и обеими пользовался с выгодой для себя. Став во *тля*ве* империи, Сталин, не забудем, выступил и как «владыка» Кавказа. В своей провинции он уничтожал роды и кланы, переселял или изгонял народы, запрещал языки.

Однако он же дал оставшимся после его террора ренту (цены на природные ресурсы), которая после его смерти кормила этот край еще лет сорок, вплоть до распада советской империи. При нем были установлены такие закупочные цены на мандарины, лавровый лист и прочие уникальные продукты субтропического края, что туда потекли деньги со всего Союза. Он заложил основы кавказского феодального капитализма, обогнавшего русский.

Видимо, тогда выстроилась роль Кавказа, в первую очередь Грузии, — служить «экспериментальной площадкой» для всех главных социальных и экономических процессов, которые затем будут потрясать Россию. Тотальная коррупция, механизмы блага и дефицита, «теневики», подпольные «цехи» и «цеховики» — все это сначала появлялось на Кавказе, а позже проникало в Россию. Более того, и перестройка, как мы сказали, репетировалась в Грузии, при Шеварднадзе.

Прощавшийся с госсocialизмом корпус элементов бывшего СССР стоял перед выбором, какую модель капитализма принять. Одну предлагал наш Север, наш Запад ^- Прибалтика. Другую — наш Юг, наш Восток. Это Кавказ и Средняя Азия. Первая модель, будем считать, это классический капитализм ^ «по Веберу», Рациональность, эффективность, прозрачность, чистота.

Собственно; в России этой дорогой намеревались двигаться некоторые из кооператоров самой первой волны, пришедшие из НИИ, из вузов. Хотели выпускать недорогую добротную обувь или мебель и иметь честную высокую прибыль.

Вторая модель — капитализм, который можно назвать «кавказским» или «южным»; Для нас он «южный», потому что в своих прото-типических формах он закладывался одно-два поколения назад прежде всего на Кавказе, на так называемых «югах», а также в некоторых районах Средней Азии. Но расцвел он на просторах России и отчасти Украины. Его можно в широком смысле назвать «средиземноморским», но в Средиземноморье его зовут «левантийским». Это капитализм, который родился и живет вне лона протестантской этики.

Прошло какое-то время и пришлось констатировать, что выбор в России сделан, и сделан в пользу второго типа. В самом деле, бизнес, основанный на связях родства и знакомства, а не формальных -ролей, на устных договорах и угрозе расправ, а не на докумен-» тах и юридической урегулированности и т. д., и т. п., стал доминирующим в России. Излюбленная шутка «у нас базар, а не рынок*» самим

288

употреблением персидского слова указывала на «персиянскую», «азиатскую» родословную нашего кое-как сложившегося капитализма. Более ученые рассуждения о его мафиозно-бюрократической основе вели к тому же — к аналогиям с третьим миром, т. е. с той же «азиатчиной».

ДЕПОРТАЦИЯ

Здесь не будет обсуждаться роль Сталина в истории империи в целом и «го роль в отношении Кавказа. Мы ограничимся упоминанием репрессий, которые по его прямому указанию, но от имени советского (российского) государства осуществлялись на Кавказе и которые отрицательно повлияли на лояльность этому государству со стороны горцев, покоренных им менее чем два поколения назад. На эту «сниженную» лояльность Сталин ответил репрессиями теперь уже на уровне народов, в частности — чеченского народа. Рядовому составу и офицерам НКВД политорганы, по всей видимости, предложили некие объяснения, почему они должны депортировать мирных жителей. Можно полагать, что в этой носившей форму НКВД части общества был сформирован «образ врага», имевший объектом чеченцев (ингушей, калмыков). Однако для остального общества господствующей оставалась концепция дружбы народов и курортного имиджа соответствующей местности.

Не Ермолов, а Сталин создал для России ту проблему Кавказа, которой Россия мучается и теперь «которой мучает Кавказ. Не в си* лах справиться с чеченцами, она зовет тень Сталина, чтобы он снова их выселил.

Какую роль в мотивациях сторонников отделения Чечни от России сыграла депортация и реабилитация в той форме, в которой она прошла, мы не беремся оценить. Но наши исследования показывают, что через десятилетие после того, как была проведена реабилитация репрессированных народов, среди россиян, от имени которых действовала репрессивная власть, преобладала идентификация именно с этой властью, а не с той, которая провела реабилитацию.

!

По состоянию на 2000 г. около половины россиян *считали* «определенно правильным», или «скорее правильным» делом предпринятую Сталиным депортацию чеченцев. «Скорее неправильным» или «определенно неправильным» находили это лишь треть граждан страны. Итого в соотношении 48:34 мы наблюдаем торжество сталинских идей над решениями конституционных органов РФ о реабилитации репрессированных народов. И здесь на «старушек-стали-нисток» не сошлешься. В поколении от 18 до 24 лет за высылку выступают 52% — самая высокая доля среди всех возрастных групп. В студенчестве, которое пополнит ряды образованного сообщества, —

289

соотношение 48:42. Оно волеется, и рухнет хлипкое преобладание противников депортаций среди высокообразованных (44:46).

Остается добавить, что за счет этого в массовом сознании (чтоб не сказать: «подсознании») этой части общества складывается специфический комплекс нераскаянного преступления (но не комплекс вины!). Это сознание нагружено нормой, в соответствии с которой депортация является преступлением и подлежит осуждению, виновные — наказанию, а те, кто себя с ними отождествляет, дйлж-ны раскаяться и покаяться.

Но эта норма является внешней, идущей от так называемого «международного права», которое не

признает ни коллективной вины, ни коллективной ответственности.

Это же сознание придерживается другой, более архаичной, «местной» системы норм, в соответствии с которой отношения народов и племен персонализируются, и всем членам соответствующей коллективной «персоны» прескриптивно вменяются определенные «вины» или «заслуги», недостатки или достоинства. Отношения таких субъектов всегда асимметричны, ибо картина всегда строится эгоцентрически, с точки зрения коллективного Эго («мы»), для которого остальные — «они».

КАВКАЗ И «КАВКАЗ»

Кроме Кавказа, есть еще и категория «Кавказ» — часть российского массового социально-политического дискурса. Для наших целей удобно трактовать «Кавказ» как ту действительность, которая имплицирована категорией ЛКН.

Напомним, что в таком употреблении это категория далее не дробима, в ней неразличимы общности, которые, как известно, в рамках других дискурсов рассматриваются в качестве отдельных народов, государств, географических зон и пр. В частности, это понятие не различает Северный Кавказ и Закавказье.

«Кавказ», который задается подобным определением, как уже понятно, не является собственно географическим названием, и им не обозначается физическое, подлежащее измерению пространство. В повседневном употреблении, на которое мы будем опираться, «Кавказ» — это категория не столько географическая, сколько историческая, а также психологическая, политическая, геополитическая, криминологическая плюс еще культурная и социальная. Словом, это «место», «локал» по Гидденсу³. Таких «сверхгеографических» мест вокруг немало, взять хотя бы «Запад», «севера», и пересекающиеся с «Кавказом» — «юга».

³См.: Гидденс Э. Что завтра: фундаментализм или солидарность? // Отечественные записки. 2003. № 1. С. 43. 290

Это тоже не столько географическое, сколько историко-культурно-этно-экономическое понятие. Сказать: ««юга», «Кавказ» — это «место, где живут ЛКН» — теперь было бы неверно. Поскольку это место, откуда они приезжают. Тонкость в том, что там, где они живут, они суть армяне, или грузины, или чеченцы, или азербайджанцы и т. д. Там их этим лагерно-казарменным собирательным термином не назовешь.

Кроме того, «кавказ» существует не только в районе Кавказского хребта, но, по убеждению значительной доли россиян, *езде*. Выражение *нас тут сплошной кавказ* является ходячей формулой и встречается практически по всей России.

Будем педантами и объясним, что этой формулой обозначается разом несколько существенных для данной темы явлений.

Во-первых, она есть отражение таких процессов и событий на Кавказе, которые ведут к массовой миграции из этого региона.

Во-вторых, в ней отражен факт диаспорического расселения выходцев из Северного Кавказа и Закавказья по пространству бывшего СССР, в частности — России.

В-третьих, она фиксирует при этом факт их локальной концентрации, трайбалистические тенденции в характере их расселения.

В-четвертых, она указывает на относительно малую степень ассимиляции этих выходцев с Кавказа в прочие локальные и этнические общности, что переживается как их чуждость, неуместность.

Наконец, в-пятых, она отражает напряженность в отношениях между местным населением и «Кавказом» и говорит о враждебности в отношении к нему.

КАТЕГОРИЯ ЛКН. ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Своего комментария заслуживает базовая категория нашей системы понятий. Понятие «лица кавказской национальности», как показывали наши исследования, родилось в брежневскую эпоху. Местом его происхождения являются казармы и военные городки, точнее — кабинеты армейских политработников. Именно у последних появилась необходимость в специальных категориях для обозначения прежде неизвестного социокультурного феномена. Известным он стал много позднее и именуется с тех пор «развалом СССР». (Связь обсуждаемого локала «кавказ» с локалом «Запад» здесь прямая. По убеждению многих, развалили Союз демократы по наущению врагов СССР с Запада.)

Итак, в Советской Армии стали развиваться т. н. «неуставные отношения». Этот апофатический термин, как и явившийся вслед за ним термин «неформальные объединения», а далее — «незаконные формирования», регистрировал то, что социологи (в свою очередь, чисто отрицательным образом) дефинируют как «неформальные

социальные структуры», выросшие внутри формальных. Обыкновенная вещь, но в Советской Армии, где такой вид «неуставняка», как «дедовщина», подмял под себя значительную часть уставных отношений, ситуация была особой. В данном случае речь идет о таких «неуставных отношениях», которые на языке самих участников назывались то старым русским словом «землячества», то иностранным научным термином «национализм».

В отличие от института «дедовщины», который опирается*на временные отношения и связывает статус солдата со временем его призыва (создавая, конечно, свое собственное социальное время, отбываемое призывами), институт армейских «землячеств» распределяет статусы сообразно зонам некоторого социокультурного пространства. Само пространство в целом всегда существовало в неотмеченном виде, но оно совпадало с сущностью, которая называлась СССР.

Значимым здесь является словосочетание «в целом». Дело в том, что «землячества» возникли в Советской Армии именно тогда, когда треснула эта целостность.

Заслуживает хотя бы краткого рассмотрения вопрос о том, был ли этот процесс естественным. Можно стать на точку зрения, что распад — естественный удел любой империи, можно считать, что для Российской или Советской империи распасться тем более естественно. Пребывая в этой логике, надо также считать, что строить образ «врага» — естественное дело любой общности, а такой общности, как наша, в особенности.

Мы не будем сами полемизировать с подобным мнением. Скажем только, что нам известна и другая точка зрения, и ведомо, что она принадлежит большинству населения России. Эти люди думают, что Союз не распался, а что его *разводили*. Вину очень многие возлагают на Ельцина с Горбачевым. Иногда к ним добавляют других президентов, подписавших Беловежские документы. Есть мнение, что Советский Союз «растасили на куски» осмелевшие республиканские элиты. Не выбирая между опциями «неизбежная энтропия» и «злодейский заговор», мы укажем на то, что империи не хватило собственно-имперского начала в культуре и социальной практике, чтобы сохранить себя. Речь идет о том, что именно в империях появляется возможность практиковать то, что можно назвать «локальным универсализмом», «местным космополитизмом». Часть советских имперских институтов, как, например, гражданство, денежная система и др., в какой-то степени отвечала этим требованиям. Указанную роль способна была играть категория «советского», но не в тех случаях, когда она употреблялась центром для подавления зон периферии, а тогда, когда периферийные субъекты использовали ее для общения друг с другом.

Построение партийной, а с ней и всех остальных систем по территориально-национальному признаку, вопреки интернационалистской, универсалистической по своей интенции коммунистической идеологии, было тактическим выигрышем и стратегическим проигрышем большевистской власти в ее сталинском варианте. Отказываясь от универсалистических принципов в пользу пар-тикуляристических моделей, власть получала опоры. В одних случаях ими выступали системы родства-кумовства, в других — системы, построенные на лояльности «почве», местной традиции и пр. Особая роль отводилась понятию «нации» и «национальности». Расколдованное вроде бы большевиками, и в частности самим Сталиным, оно заново мистифицировалось, будучи молча признаваемым за базовое («природное») определение личности, общности, государства.

Основной жест власти был в любом случае ясен: универсали-стические начала — это демонстративная, внешняя, номинальная сторона дела. Все реальное везде и всегда опирается на партикуля-ристические и «природные» основания. Надо подчеркнуть, что от этой общей ценностной ориентации пролегла прямая дорога к соответствующим практикам, в том числе и практикам политического управления, а далее — контроля и воспитания.

Когда эти практики начали реализовываться в специфической среде армии, они дали причудливые результаты⁴. Напомним, что призыв на действительную службу в Советской Армии проходил по всей территории СССР, но неукоснительно соблюдалось правило экстерриториальности. Большая площадь страны позволяла любого призванного удалять от дома. За этим правилом, заметим, стояло представление, что местные связи и местные лояльности военнотружущего заведомо окажутся сильнее тех, которые ему предложит универсальный институт армии.

Собственно говоря, так и случилось. С той только разницей, что «местными», «природными» основаниями оказались такие, которые к местности были привязаны не больше, чем срок призыва к возрасту призывника. В конфликтной среде казармы стали формироваться противостоящие друг другу «виртуальные», как теперь говорят, общности, формируемые по смешанным расово-

культур-но-географическим и геополитическим признакам. Есть основания полагать, что первыми шагами были действия по статусной субординации призывников из неславянских этносов. Они дискриминировались как «чурки». Далее среди них стали различаться «урюки» и «шашлыки»: первые, соответственно, выходцы из Средней Азии, вторые — с Кавказа.

' Об эстетике насилия (армия и общество в СССР/России за последние 10 лет) // Неприкосновенный запас. 1999. № 2 (4). С. 10-20.

293

Вряд ли можно говорить о формировании в армии «полноценной» (с точки зрения соответствия теории) конструкции «образ врага», но образование жестокой и воспроизводящейся вражды несомненно. Более того, вражда эта обнаружила широкие возможности расширенного воспроизводства. Были найдены новые основания для консолидации и размежевания. Дискриминация москвичей происходила на внеэтнической основе, другие основания рассматривали себя как национальные. В военных городках или в отдельных подразделениях, иногда даже в отдельных призывах становилось обязательным размежевание по какому-либо сконструированному признаку.

Не следует заблуждаться относительно весьма нарочитой сконструированности и самих этих ситуаций. Концентрация призывников из одного региона или объединенных каким-либо еще значимым в армейских условиях признаком никогда не получалась «сама», «стихийно». Формирование состава частей и подразделений полностью было в руках соответствующих инстанций военного ведомства. Их стараниями в этих частях создавалось доминирование одной либо другой группировки. Другое дело, что признак, который становился основанием для солидарности или основанием для дискриминации, задавался не ими, а возникал в тесной казарменной среде, в сотни раз сгущавшей воздух империи. Следует упомянуть и то, что подчиненное положение «чурук», в силу хотя бы демографической ситуации в СССР, осуществлялось не во всех частях. Их контрдействия в иных случаях давали почувствовать на себе тяжесть казарменного террора «лицам славянской национальности» — недружным меж собой «кацапам», «хохлам» и «бульбашам». Иногда доминирующей стороной оказывались упомянутые «шашлыки» — не менее сложное и парадоксальное для внеармейской действительности объединение «хачей» с «азерами» и т. п.

Так или иначе, собранный в неволю казармы «весь советский народ» в своей молодой мужской части в семидесятые годы уже безусловно не желал поддерживать «дружбу народов», номинальный оплот якобы свободного отечества. А разделить призывные контингента и разрешить проходить службу на своей территории не соглашалось руководство, в первую очередь, военное. Так оно блюло целостность страны. Наверное, и до сих пор думает, что правильно делало.

Возникшая вражда межевала юношей 18—20 лет. Эксцессы вражды заботили политорганы армии, которым приходилось в той или иной мере отвечать за них. Для описания этих процессов был придуман, как говорилось, термин «неуставные отношения», в отличие от слов солдатского жаргона подчеркивающий дистанцию говорящего от самого явления. Таким же образом были придуманы вышеупомянутые названия для объединений, заданных внутриказар-

294

менной ситуацией. Основание, которые политработники старались положить в основу термина «неуставные отношения», было, как уже указывалось, предопределено несложившимся имперским контекстом, несостоявшимся «плавильным котлом».

Потому опорным термином стало слово «национальность». Собственно, так был дефинирован будущий образ «врага», закреплён принцип для его воспроизводства. Далее усмотрение политработников надолго положило на одну плоскость этнос, регион, конфессию. «Лица славянской национальности» vs «лица кавказской национальности» vs «лица мусульманской национальности».

Последнее определение, впрочем, ушло с распадом СССР, поскольку было предназначено для «урюков». Ни татар, ни чеченцев, ни других внутрироссийских магометан оно не имело в виду.

Единство «братских славянских народов» после распада СССР тоже не раз подвергалось большому риску. Опросы 1992—1993 гг. регистрировали нарастающее наличие среди россиян тех, кто готов был ради возвращения Севастополя или Крыма применять военную силу против Украины. От респондентов — выпускников военных учебных заведений, где курс набирался еще до 1991 г., приходилось не раз слышать рассказы о том, как прощались с однокурсниками-украинцами: «не дай нам бог встретиться».

Есть еще несколько косвенных свидетельств о том, что именно украинцев ладили на место «врага».

Переключение на Чечню остановило этот процесс.

Найденный новый «враг» был куда более подходящим. Одно из первых преимуществ было в том, что чеченцы принадлежали к упомянутым ЛКН.

ЗЛОЙ ЧЕЧЕН

Античеченские настроения образуют самостоятельную подтему в вопросе о враждебном отношении части жителей РФ к ЛКН.

С одной стороны, эти настроения наиболее резко и сильно выражают комплекс вражды к «кавказцам». В то же время, враждебные отношения с чеченцами развиты по ряду направлений куда дальше, чем с другими группами, относимыми к ЛКН. Против чеченцев (сепаратистов, участников незаконных формирований, бандитов, но все же — чеченцев) ведутся военные действия. Они для некоторой доли россиян — военнослужащих, направленных в Чечню — прямые военные противники. Это иной статус, нежели носитель образа «врага».

Но для большей части населения России они могут играть роль носителей образа «врага». В ряде случаев их не умеют отличать от грузин или азербайджанцев, они оказываются «хачами», но иногда они уточняются до «чехов». Хотя с чеченцами воюют в Чечне, а с «чеченской мафией» воюют повсеместно, и хотя чеченцев подверга-

295

ют иной раз насилию в отделениях милиции, насколько можно судить по слухам и прессе, против них не совершаются акты массового насилия — погромы. Жертвами погромов бывают азербайджанцы или армяне, но не чеченцы. Не исключено, что организаторы погромов опасаются их трогать. Во всяком случае, в общественном мнении у чеченцев репутация «злых», «мстительных» (практикующих кровную месть). Их не называют смелыми, но за ними безусловно признаются бойцовские качества, которые не приписываются ни грузинам, ни армянам, ни азербайджанцам. Более того, в последние годы, когда понадобилось найти оправдание неудачам федералов в Чечне, получила хождение формула: *они сами о себе говорят — мы умеем только воевать или грабить*. Такого противника «нормальной» армией не победить — в этом смысл использования формулы.

ОБРАЗ «ВРАГА» — ТРИГГЕР ВОЙНЫ

Советская армия после ухода из Афганистана отяготилась «афганским синдромом», который можно считать сложной реакцией общества (и военных как его части) на «большую и непобедоносную войну». В этой обстановке возникли так называемые «антивоенные настроения». У политиков, распорядившихся тогда бюджетом, появилась возможность сократить военные расходы, опираясь на согласие большинства жителей страны (в начале 90-х свыше 70% граждан считали нужным эти расходы сократить). В обществе начала действовать тенденция — требовать сокращения армии и военных расходов. К концу 1990-х она потеряла свою резкость, но тем не менее в 1997 г. сокращение армии поддержали 43% жителей страны. За сокращение выступали большинство предпринимателей и управленцев, специалистов, студентов, служащих, рабочих. Но треть жителей, прежде всего старшее поколение, были против сокращения. Правда, их останавливало не возможное снижение обороноспособности страны. Этот мотив выдвинули менее одной пятой населения (17%), а среди военных — лишь 11%. Не менее значимым доводом против сокращения в глазах общества в целом (16%), а для понимающих и прямо заинтересованных групп и гораздо более значимым (27% среди военных) было то, что «правительство не сможет обеспечить выходящих в отставку офицеров жильем и работой». Даже среди самых ярых противников сокращения (например, потому, что оно нанесет урон обороноспособности — это сторонники Г. Зюганова) и то последний мотив всего лишь равен по степени значимости мотиву «нечем обеспечить офицеров» (по 24%).

Иными словами, армия в глазах значительной части общества нуждалась в поддержке и сохранении по *невоенным* причинам. Армия как армия теряла авторитет. Происходило стремительное от-

296

теснение ее с позиций «осевого» института общества, каковым она — наряду с партией и «органами» — была при советском строе. В 1992—1993 гг. можно было зафиксировать «провал» даже на фоне более общего тренда падения доверия к армии и двум другим названным институтам.

Военные как корпорация пытались было защитить себя путем создания собственных общественных организаций, путем парламентских дебатов. Общество им не внимало.

Утрата авторитета означала, как мы показали, утрату не только символических благ, но и статусов, то есть власти, а также бюджетов, то есть благ материальных.

Быть может, первый ход сделали не собственно армейцы, а более тонко организованные структуры. Но на втором шаге армия подключилась с попыткой вновь предложить обществу «главное дело» — войну. Война с внешним противником по многим причинам была невозможна. Армия начала военные действия на территории собственной страны. Конечно, не против «своих», а против тех, кто наиболее подходил на роль «врага». Это были чеченцы.

Армия добилась общественного внимания. Но с отрицательным знаком. Деятельность армии в первой кампании оценивали как «очень хорошую» лишь 1—2% россиян. Относительное большинство в 40—45% считали ее неудовлетворительной.

В интервью о роли армии в первом чеченском кризисе россияне чаще всего выражали сочувствие рядовым военнослужащим, но об армейском командовании чаще всего заявляли, что оно заинтересовано в продолжении войны. Мысль о наличии глубокой заинтересованности верхушки, в том числе военной, в продолжении войны, была весьма распространенной в середине 1996 г.

А в чем было заинтересовано общество? В конце 1996 г. 35%, а в начале 1997 г. 29% заявляли, что «были бы только рады отделению Чечни от России». Немалая доля (21% и 29% соответственно) были «против, но готовы смириться», 24% и 22% заявляли, что «это не произвело бы на них особого впечатления», по 13% не знали, что ответить, и только 8% в обоих опросах говорили, что «отделению Чечни следует воспрепятствовать всеми средствами, включая военные». Следует заметить, что последний вариант ответа даже среди военных сперва избирали не более 12%. Что же касается варианта первого («был бы рад...»), то в некоторых социальных группах (например, студенты) его в конце 1996 г. давали более трети опрошенных, а среди предпринимателей — половина.

Мирный договор, заметим, не считали шагом к отделению (так думали лишь, 10%). В июне 1997 г. три четверти населения России (74%) одобряли подписание договора о мире и принципах взаимоотношений с Чечней (не одобряли 12%). Но цену мирному договору знали. Его сочли «историческим поворотом в отношениях между

297

нашими народами, знаком прекращения древней враждебности» лишь 7% россиян. Признанием поражения российской армии в войне 1994—1996 гг. сочли его 14%. Для четверти опрошенных это был не мир, а иллюзия мира, еще 24% полагали, что мир — малозначащий факт, поскольку руководство Чечни, полагали они, не контролирует положение в республике.

Эти данные свидетельствуют о том, что общественное сознание переживало очень сложные времена. Согласие на отделение Чечни для большого общества вытекало не из сочувствия к стремлениям одного из народов бывшего СССР к независимости. В октябре 1996 г. две трети российского общества (62%) заявили, что отнеслись бы отрицательно (а 33% — резко отрицательно) к включению в конституцию РФ права любого субъекта федерации (края, области, республики) на выход из состава России.

Согласие на отделение Чечни, выраженное к тому же в форме «был бы рад...», наподобие проявленного за несколько лет до того согласия на отделение прибалтийских республик от СССР, было реакцией глубоко уязвленного самолюбия страны-метрополии. Наблюдения за отношением к отделившимся республикам Балтии показывает, что дающееся метрополии очень большим внутренним напряжением согласие на уход одного из ее владений далее трансформируется в стойкую неприязнь и зачисление ушедшего в разряд недругов России — тех самых «врагов».

Как непроста по своей природе была терпимость к ожидаемому отделению Чечни, так непростым по природе был и пацифистский настрой общества в начале и в течение первой чеченской войны. Не следует забывать, что общество заявляло свой протест против ведения войны в Чечне достаточно явственно — таково мнение самого общества. В ноябре 1996 г. 61% россиян заявили, а в январе 1997 г., оглядываясь на законченную войну, 61% подтвердили, что главную роль в прекращении военных действий в Чечне сыграли действия А. Лебеда (главенство этого фактора подтверждалось и позднее, в сентябре 1997 г. — 40%). Но вторым по значимости фактором были сочтены «настойчивые протесты общественности, организаций солдатских матерей, прессы». Относительная значимость именно этого фактора росла в глазах общества по мере удаления во времени от самих событий. Его отмечали почти 30% в октябре, т. е. вполуполовину меньше, чем вклад А. Лебеда, уже 40% в январе 1997 г. — т. е., две трети, и 30% в сентябре 1997 г. — три четверти от «фактора Лебеда».

Сам факт того, что Россия потерпела поражение в «чеченской войне», в сентябре 1997 г. признавали 49%, отделение Чечни большинство россиян полагали решенным делом. Тогда, в сентябре 1997 г., более половины россиян выражали убеждение, что в будущем Чечня станет независимым государством. Что она останется в составе России, полагали менее четверти россиян (24%). Сущест-

298

венно, что в среде руководителей убежденность в достижении Чечней независимости была еще выше — 60%, а среди военных это было просто господствующим мнением — 68%.

Поход российских военных за общественным признанием и авторитетом окончился полным провалом. Единственно, что им удалось сохранить, — это тезис об идентичности армии и государства, страны, нации. Фиаско военного ведомства, поражение милитаристской корпоративной структуры от другой такой же было интерпретировано как национальное поражение, как глубоко переживаемый национальный позор.

На этом фоне неудивительно, что желания снова развязывать военные действия в обществе было немного. Прозвучавшее в начале 1998 г. «пробное» заявление министра внутренних дел о возможности превентивных ударов по базам боевиков на территории Чечни встретило отрицательную реакцию 53% населения и поддержку 30%. Окончание вывода российских войск из Чечни было чаще всех прочих названо главнейшим событием 1997 г. — так заявили 44% россиян в конце года. Между тем прерванная Хасавюртом чеченская война успела стать важным функциональным элементом многих экономических схем и политических комбинаций. Война, как это часто бывает, обнаружила свою полезность вне своих номинальных целей вроде разгрома противника, достижения превосходства над ним и т. п. По рассказам респондентов, война как процесс оказалась нужна нескольким институтам, как связанным с обороной и армией, так и на первый взгляд вполне мирным — вроде финансовых учреждений. Особую ценность представляло захваченное войной пространство Чечни, где практически были отменены законы и порядки, действующие на остальной территории РФ, но где поэтому оказывалось возможным многое из недоступного там. А хозяевами этого «мира больших возможностей» оказывались «силовики». Как говорили некоторые из респондентов, *они там делили власть с местными такими же*. В образе «врага» появлялись совсем новые черты партнера. Мир оказался большой помехой такому развитию дел, тем более что он фиксировал непочетную для федерального силового блока ситуацию в Чечне. И закреплял установку общественного мнения против войны и военных. Тем, кто хотел снова воевать, надо было либо действовать против общественного мнения, либо трансформировать его позицию. Вот здесь сработал образ «врага». Безымянные террористы, взорвавшие дома в Москве, в массовом сознании были опознаны как «кавказцы», как чеченцы. Вот результат: в октябре 1999 г. 65% населения поддерживали бомбардировку военных баз и промышленных объектов на территории Чечни. Отказ от мирных соглашений, подписанных А Лебе-

299
дем и А. Масхадовым, поддерживали более 50%. В декабре 1999 г. 44% поверили, что «боевики будут разгромлены и вся Чечня будет возвращена в состав Российской Федерации». Иначе говоря, общественное сознание повернулось на 180 градусов.

Те, кто полагал тогда, что «конфликт приведет к огромным потерям с обеих сторон и кончится так, как это было в 1996 г.», составляли меньшинство в 11%. Вдвое больше было ожидающих, что конфликт примет затяжной характер и распространится на другие регионы Северного Кавказа. Но и обе эти категории вместе уступали по численности тем, кто верил в быструю победу.

Отмеченное выше напряжение, с которым общество давало согласие на выход Чечни и отказывалось от того, чтобы препятствовать ему военным путем, можно считать своего рода выражением «афганского синдрома». Действительно, одним из главных антивоенных мотивов был «материнский» протест против гибели «наших мальчиков». За этим протестом стояло реже выговариваемое: «бессмысленная гибель», т. е. не ведущая к достижению поставленной геополитической цели — подчинить соперника, чужака. Теперь, в начале второй чеченской кампании, все изменилось. Сочетание боязни мести со стороны чеченцев, страха (его испытывали 60% в ноябре 1999) и желания собственной мести (61% признавались в чувствах «мести и ненависти к террористам и боевикам») нашли психологическую реализацию в начавшихся боевых действиях: 60% считали, что «чеченцы сейчас получают по заслугам».

Военным был дан карт-бланш со стороны общества. Проведение «широкомасштабной военной операции» поддерживали 75%. Это ли не триумф в использовании образа «врага» как инструмента для развязывания войны?

Как мы говорили выше, по своему назначению образ «врага» используется не для решения военных задач (победа над противником), а для достижения неких целей внутри того сообщества, в котором этот образ имеет смысл и хождение. Так получилось и на этот раз.

В начале второй чеченской кампании российское общество поверило в скорую военную победу. Абсолютное большинство поддерживало проведение военных операций. Иначе говоря, общество приняло конвенциональный сценарий «маленькой победоносной войны» и ожидало причитающихся от его реализации позитивных результатов — славы, чести и т. п.

Через недолгое время стало ясно, что вторая кампания полностью повторяет первую. Доля людей, считающих, что военные операции в Чечне преследуют какие-то иные цели, кроме объявленных, опять стала расти. Стала расти и доля убежденных в том, что военные действия в Чечне будут продолжаться долго или очень долго. Но еще значительно выросла доля выступающих за неприемлемый для военных вариант — переход к переговорам. Установилось хара-

300

ктерное для первой чеченской кампании соотношение сторонников прекращения и сторонников продолжения военных действий как 2:1.

Эти изменения не стали поводом для разрушения образа «врага». Но ушла важная компонента — возможность использовать его для мобилизации общества. Это доказано в страшном эксперименте, каким стали события на Дубровке. Для тех, кто хотел, чтобы общество затрепетало, узрев образ «врага», эти события открыли предельные возможности. Каков результат? В полтора раза увеличилось число выступающих за продолжение военных действий. Но это был всплеск, а не долговременная мобилизация, на которой можно было бы построить мало-мальски серьезную политическую конструкцию. Через два месяца восстановилось описанное выше соотношение 2:1. Затем последовали события в Ираке. Дезориентированное общественное мнение одновременно хотело бы быть вместе совсем богатым и цивилизованным Западом, к чему мы уже стали привыкать, и, по старой памяти, выступить вместе с бывшими друзьями СССР против привычного «врага» — США. Генеральское лобби помогло государственной политике реализовать второй вариант. Всплеск промилитаристского энтузиазма, на этот раз совсем короткий, сопровождал фазу столь долгожданных вестей о военных неудачах нашего бывшего главного противника. Потом оказалось, что все произошло наоборот. Наш бывший союзник, от которого ждали, что он «покажет» нашему бывшему противнику, сдался ему без боя, бросив наше вооружение... В массовом сознании наступило разочарование. За продолжение военных действий в Чечне теперь выступает менее 1/5. За переход к переговорам с чеченской стороной — свыше 70%. Фиаско кампании, развязанной с помощью образа «врага», оказалось таким же впечатляющим, как и ее триумф.

ГАЛИНА ЗВЕРЕВА (Москва) ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА В ДИСКУРСАХ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ:

формы репрезентации врага

Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется.

Федор Тютчев

ВВЕДЕНИЕ

ТЕМА войны в Чечне остра и болезненна для современного российского общества. Публичные дискуссии о размерах военных потерь и числе жертв среди мирного населения, как и общественные попытки толкования природы этой войны и ее воздействия на политические, экономические, этнокультурные аспекты жизни России, обнаруживают значительные проблемы, связанные с возможностями ее *правдивого* объяснения и *достоверного* представления. Еще с времен *первой чеченской* военная тематика остается одной из наиболее актуальных для российских политиков всех уровней власти. Она быстро «схватывается» газетной и журнальной публицистикой¹, активно осваивается популярной литературой², телевизионными программами и коммерческим кино³, запечатлеваясь

¹ К тематике чеченской войны по-своему чувствительны уважаемые периодические издания, позиционирующие себя внутри истеблишмента (например, журнал «Власть»), оппозиционные газеты и журналы («Новая газета», «Еженедельный журнал»), маргинальные националистические издания («Русский дом. Для тех, кто любит Россию»), военные специализированные журналы («Братишка: Ежемесячный журнал подразделений специального назначения», «Солдат удачи: Журнал для сильных и жестких мужчин») и многие другие.

² См., например: ПУЧКОВ Л. Кровник: закон гор. М., 2002 (серия «Спецназ в Чечне»); ПУЧКОВ Л. Кровник солдатский талисман. М., 2002 (серия «Спецназ в Чечне»); САМАРОВ С. Операция «Антитеррор». М., 2002 (серия «Спецназ ГРУ»); ТАМАНЦЕВ А. Чужая игра. М., 2002 (серия «Солдаты удачи»); РУДАКОВ А. Чеченская мафия. М., 2002; ЧЕРКАСОВ Д. Косово поле. Эпизод первый: Балканы. СПб., 2000 (серия «Солдаты России»); ОЛЫБКИ А. Президент. Донецк, 2002; УГРЮМОВ В. Боец. Чеченская хроника капитана

в различных формах вербальных и визуально-образных репрезентаций. В последние годы дебаты вокруг этой темы заметно смещаются в русло документальных жанров — свидетельств и воспоминаний участников войны⁴, личных впечатлений журналистов и общественных деятелей⁵, а также — в сферу работ профессиональных этнологов, историков, социологов⁶.

Мотивы обращения к чеченской войне самые разные — политические, идеологические, этические, социально-прагматические, коммерческие. Масштабы и ракурсы рассмотрения этой темы также многообразны: социально-политические и историко-культурные генерализации соседствуют с индивидуализирующим и конкретно-историческим подходами, повышенным вниманием к отдельному человеку и деталям войны. Точно так же сложен и противоречив идейно-политический спектр предлагаемых версий и интерпретаций. Однако, несмотря на широту диапазона оценок и конфронтацию мнений, слово *Чечня* все отчетливее выражает себя в коллективном сознании как совокупный образ *Войны в России* и начинает обретать символический характер.

Мне хотелось бы рассмотреть некоторые формы репрезентаций чеченской войны⁷ в российской массовой культуре в связи с использованием ею языковых и образных текстуальных стратегий, объяснительных матриц, доступных обыденному восприятию.

Влада. СПб., 2002; буш ко в А. Четвертый тост. СПб., 2002 (серия «Русский проект»); ДОЦЕНКО В. Бешеный жив! М., 2002 и др. ⁵ См.: «Мужская работа» (2000, реж. Т. Кеосаян); «Война» (2002, реж. А. Балабанов); «Чистилище» (1998, реж. А. Невзоров); «Спецназ» (2001—2002, реж. А. Малюков); «Штурм будет стоить дорого» (2001—2002, реж. Б. Соболев).

⁴ См.: МИРОНОВ В. Я был на этой войне. Чечня, год 1995. М., 2001; ТРОШЕВ Г. Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. М., 2002; МИХАЙЛОВ А. Чеченское колесо: Генерал ФСБ свидетельствует. М., 2002.

⁵ См.: Журналисты на чеченской войне: Факты, документы, свидетельства / Сост. О. Панфилов. М., 1995; НОВОДВОРСКАЯ В. Над пропастью во лжи. М., 1998; Россия — Чечня: Цепь ошибок и преступлений / Об-во «Мемориал». М., 1998; УМАЛАТОВ У. Чечня глазами чеченца. М., 2001; ПОЛИТКОВСКАЯ А. Вторая чеченская. М., 2002.

⁶ См.: Чечня и Россия: Общества и государства / Под ред. Д. Фурмана. М., 1999; Тишков В. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., 2001; Антропология насилия / Отв. ред. В. В. Бочаров,

В. А. Тишков. СПб., 2001; Россия и Кавказ — сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб., 2001; Гуд ко в Л. Чеченская война и развалившиеся «мы»: Статья вторая. К антропологии «зрителя» чеченской войны // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2001. № 2 (16). С. 31—47 и др.

⁷ В этой статье не затрагиваются дискурсивные практики, которые форми-

303

Такие стратегии по-своему разрабатывают различные группы общественно-политической элиты и команды политических технологов. Специальное же обращение к феномену «омассовления» чеченской войны дает, на мой взгляд, возможность лучше понять общие механизмы перевода новых реалий жизни России в русло «формульных» коллективных представлений, компенсирующих неразвитость института общественного мнения, и их социальной легитимации.

Создатели масскультурной продукции чутко реагируют на характер и смену общественных настроений и — в попытках преодолеть социальное безъязычие — идут по пути стереотипизации травматической реальности. Их стремление находить «своего» потребителя, улавливая динамику спроса, содействует быстрому разрастанию пространства вербальных и визуальных текстов, объединяемых общим словом *Война*.

ТЕХНОЛОГИИ ПРОИЗВОДСТВА МАССКУЛЬТУРНОЙ ПРОДУКЦИИ О ВОЙНЕ

Обсуждение конкретных практик литературно-художественных и документально-публицистических репрезентаций этой тематики в массовой культуре, особенностей бытования понятий *Война* и *Враг* в дискурсах о чеченской войне следует, на мой взгляд, начать с технологических аспектов создания образов «чужих» и «своих», негативных и позитивных стереотипов при построении «эффекта реальности».

Использование процедур дискурсного анализа текстов позволяет выявить приемы производства и закрепления культурных форм в популярной литературе, печатных средствах массовой информации, телевизионных программах и сериалах, коммерческом кино. Особый интерес представляет рассмотрение того, каким образом идейное и риторическое позиционирование производителей массовой продукции, выбор ими тех или иных эстетических (выразительных) и риторических, вербальных и визуально-образных средств определяют способы конструирования события, сюжета и повествования.

При создании масскультурных продуктов *событие* («что-то случилось») обычно определяется производителем-автором как то, что может быть (или стать) «значимым» для общественного потребления. В соответствии с выбираемыми дискурсивными стратегиями *событие* получает от автора определенное «имя», приобретает черты информационного высказывания и включается в *сюжет* и *пове-*

руются внутри военизированной Чечни. О них подробнее см.: Тишков В. Указ. соч. Гл. V. Чеченцы: внутренние образы; гл. XV. Чеченский дискурс как идеология крайностей.

304

ствование, которые задаются жанром и рамками вербального или визуального произведения массовой культуры⁸.

Селекция *событий* и выстраивание их в *сюжет* требуют от автора отбора эстетических средств, которые были бы доступны массовому восприятию, использования образов и словесных формул, легко опознаваемых потребителем (читателем, зрителем). Процедура максимального упрощения («усреднения») *сюжета* предполагает его соотнесение со стереотипами, привычными оппозициями *свое—чужое (другое)*.

Процесс «осюжетивания» *события* включает в себя поименование *персонажей*, определение их иерархии в соответствии с ролевыми (словесными и поведенческими) характеристиками, соблюдение «формульности» образов и поступков *персонажей*. Необходимым представляется наличие в *сюжете* центральных *персонажей* — Героя и Злодея, изображение их конфликта как драматической борьбы Добра и Зла с открытым финалом.

В процессе создания массового культурного продукта конструирование *повествования* также обусловлено выбором языка, определением риторики вербального и визуального письма. При этом происходит расстановка маркеров — базовых слов с одним («властным») значением и привычными коннотациями, отбор предпочтительных литературных тропов (метафора и проч.), фигур речи и умолчания, речевых интонаций, образных средств.

При формировании *дискурса* задаются направления и одновременно устанавливаются ограничения читательских (зрительских) стратегий. В технологическом процессе создания продуктов массовой культуры неизменно актуальны такие приемы, как «приведение к известному», обращение к коллективному обыденному опыту и конструктам социальной памяти, апелляция к готовым, разделяемым представлениям, использование образов и слов с «общим» (стереотипным, непроблематизируемым) значением и утверждение «прямого», бытового представления реальности⁹.

⁸ В этой связи уместно вспомнить суждение Жана Бодрийяра о «суперреализме нашего мира», в котором «реальные» события происходят в пустоте, выброшенные из своего привычного окружения и наблюдаемые лишь издали по телевизору... «Событие, о котором идет речь, было столь минимальным, что могло бы вовсе не иметь места, но его воспроизведение на экране получило максимальный размах. Никто не переживал связанные

с ним перипетии, но все получили его изображение. Оно сделалось чистым событием, существующим вне всяких естественных связей с окружающим, и его эквивалент вполне можно было бы представить в виде синтезированных изображений» (Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000. С. 118).

⁹ Жерар Женетт в работе «Правдоподобие и мотивация» характеризует такой феномен следующим образом: «Правдоподобное повествование — это

305

Продукты массовой культуры, как правило, претендуют на *изображения реальной Войны: Войны* как таковой. Игры с *Войной* на российском телевидении, в коммерческом кинематографе и популярной литературе провоцируют тесное переплетение художественности (литературности) и «документальности» а posteriori. В соответствии с общими установками производства масскультурных продуктов образно-символические и семантические аспекты репрезентации *Войны* в значительной степени формируются на основе «присвоения» элементов обыденных представлений и клише.

В процессе рефлексивного перевода нового коллективного опыта в определенные вербальные и визуальные формы авторы масскультурных произведений учитывают не только читательские и зрительские ожидания, но и стереотипы сознания, обыденные эмоции и переживания. Вместе с тем они постоянно стремятся соотносить выбираемые текстуальные стратегии с идеологическими и политическими установками безличного «федерального центра» — угадать и по-своему выразить их или, наоборот, вступить с ними в полемику.

Нередко в таких текстах утверждаются новые, постимперские и «русско-национальные» идеологемы-и мифы, побуждающие общество привыкнуть к *Присутствию Войны* в обыденной

жизни каждого человека и даже — *Полюбить Войну*. Таким образом *Война* становится частью привычной среды обитания.

Война постулируется как разрушение и отказ от «мирных» культурных правил. В процессе создания «правдоподобных» массовых продуктов их авторы расширяют границы «разрешенного» для восприятия и переживания. На первый план выдвигаются и эстетизируются насилие, ужасы, смерть, личный героизм и предательство. Огромное воздействие на технологии масскультурного продуцирования *Войны* в России оказывает продукция западной массовой культуры — кинематограф, телевизионные сериалы и ток-шоу, популярная литература. В российской продукции такого рода возникает возможность для формирования радикальных установок: «*Убивать можно, Убивать легко, Убивать весело*»,

ДИСКУРСЫ «ЕСТЕСТВЕННОСТИ» И «ДРЕВНОСТИ» ОБОЮДНОЙ ВРАЖДЫ

Объяснение природы чеченской войны — одна из главных тем в произведениях массовой культуры. В зависимости от идейных повествований, в которых события соотносятся как примеры или частные случаи с набором максим, полагаемых верными аудиторией, к которой оно обращено, однако эти максимы, именно потому что они общеприняты, чаще всего остаются имплицитными» (Женетт Ж. Правдоподобие и мотивация // Женетт Ж. Фигуры. М., 1998. Т. 2. С. 303).

306

ориентации их авторы выстраивают разные версии. Одна из самых простых — конструируемых в «антропологическом измерении» — связана с феноменом этнизации постсоветского общества, который в настоящее время активно культивируется в коллективном самосознании.

Исходной точкой здесь служит процесс переосмысления понятия *нация* как на бытовом уровне, так и в попытках философско-научной рефлексии. Вместе с отказом от мифологемы *многонациональная общность — советский народ* происходит утверждение в качестве *новой реальности* понятий *русский народ, российская нация (россияне)*, при этом из содержания последней нередко элиминируется (или сохраняется в стертom виде) идея многонациональности. Потребность переопределения былой формулы *многонациональной общности* как целого подкрепляется в структурах обыденного сознания обозначением новых водоразделов между слитным *своим* и слитным *чужим*. При создании масскультурных продуктов *о Войне* их авторы стараются не только согласовывать свою работу с умонастроениями потенциальных потребителей, но и опираться на академические примордиалистские (природно-естественные) концепции.

«Удревнение» чеченской войны в масскультурных произведениях происходит с использованием привычных национальных, этнокультурных и тендерных стереотипов и ролей. Одновременно совершается частичная их ресемантизация (фильм Бодрова «Кавказский пленник» одним из первых положил начало этому процессу). *Удревнение* в популярной литературе военного конфликта в Чечне (и шире — на Кавказе) и попытки обоснования его *естественности* идут параллельно с оформлением конкурирующих политических дискурсов федеральной власти и чеченских сепаратистов¹⁰.

Так, Лев Пучков, автор популярных боевиков (издаваемых громадными тиражами), выражает идею о *природной специфике* чеченцев (*кавказцев*) и *древности вражды* между чеченцами и русскими следующим образом:

За Стародубовском имеется обширная территория, на которой расположены разнообразные кавказские республики. Но независимо от статуса и сладкоречивых уверений политиков о тотальной интернациональной дружбе, эта территория для настоящего россиянина всегда была чужой...
...Банда... являла собой... образчик преемственности родоплеменных традиций, корнями уходящих в дремучую глубь веков и в почти неизменном виде сохранившихся по сей день. Прарпра и так далее деды Рашида грабили караваны купцов... угоняли стада

¹⁰ Подробно эта тема обсуждается в аналитической работе В. Тишкова «Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны».

307

скота у соседей казаков... И в результате в наше цивилизованное время мы имеем банду, специализирующуюся на тотальном разбое... [Это] обычный поселок, в котором каждый житель занят своим делом. Молодые и сильные мужчины занимаются непосредственно разбоем и грабежом. Женщины ударно рожают им новую смену. Смена эта потихоньку растет, впитывая нравы и обычаи * среды обитания, а престарелые аксакалы, которые уже не в состоянии прятаться в кустах и держать в руках тяжелые пулеметы, учат уму-разуму всех остальных, прививают передовую методику фун-

даментального бандитизма...

...По лицу видно, что не верит он [чеченец Сайд] в дружбу между народами. Ему с детства, как и каждому чеченскому пацану, прививали твердую уверенность в том, что основной враг Чечни — Россия... Мы враги пожизненно, так предначертано судьбой".

Сходная версия представлена в игровом фильме Алексея Балабанова «Война». Уже в первом эпизоде жестокого убийства пленных российских солдат чеченскими боевиками один из отрицательных персонажей в разговоре с главным героем (по сценарию — пленным-рабом) делает следующее «программное» высказывание: «Я потомок мюрида... Он сто пятьдесят лет ваших резал... Это моя земля, и я буду чистить ее от собак неверных, пока до Волгограда ни одного русского не останется...». По-видимому, для этого режиссера вполне приемлема мысль о *природной жестокости* чеченцев.

Поясняя мотивы создания своего фильма, в интервью газете «Аргументы и факты» Балабанов мимоходом замечает: «...Ребята, воюющие на Кавказе, чужих обычаев насмотрелись. Вот вы, к примеру, сможете барана зарезать? Не сможете. И я не смогу. А на Кавказе это считается достоинством»¹².

Антропология *Войны* находит обоснование и в других подобных произведениях, где констатируется *природная дикость и враждебность* чеченцев как народа, утверждающего свою социобиологическую несовместимость с теми, кто к ним пришел извне и желает им блага. Так, Александр Ольбик, автор приключенческого «романа» с претенциозным названием «Президент» (в основу повествования положены «формульные» бытовые репрезентации самосознания и личного поведения действующего президента России), полагает возможным для своих героев делать следующие высказывания:

— Как вы считаете, Владимир Владимирович, в чем дело, почему затянулась война в Чечне? Ведь у нас численное превосходство...

"Пучков Л. Кровник: закон гор. М., 2002. С. 6-7, 14, 74.

¹² Алексей Балабанов: «Брата-3» не будет!» // Аргументы и факты. 2002. № 10.

С. 14.

308

Причем по всем статьям — от автомата до реактивных бомбардировщиков...

— Боюсь, этот ваш вопрос останется без ответа. Я сам хочу разобраться во всем. Иногда у меня создается впечатление, что мы для этого народа словно инопланетяне, против которых они решили воевать до последнего человека. При этом не желая знать, что же эти инопланетяне им несут — добро или зло. Даже если инопланетяне построят им школы, больницы, будут выдавать пенсию, обеспечат работой...

— Прямо-таки какой-то дикий парадокс. Значит, они согласны на что угодно, чтобы только не быть бок о бок с инопланетянами? И это осознание дает им силы?

—Десятикратные! А может, стократные. Но здесь есть одно «но»: эти люди, как никакой другой народ, подвержены влиянию пророков... Пророков в кавычках, конечно... Они доверчивы, как дети, и верны своим пророкам, тоже как дети... А пророки-то — бандиты, кровопийцы, чего поклоняющиеся им не видят. И пока мы этих самозванных пророков не поставим на место, все будет продолжаться...

Постоянно подчеркиваемая авторами «одномерность» биологических и социальных ролей мужчин, женщин, стариков и детей также выполняет функцию объяснения Войны.

Владимир Угрюмов, автор популярной книги «Боец. Чеченская хроника капитана Влада», от имени своих героев, участников войны, говорит:

...С нами, конечно, проводили занятия об особенностях чеченского характера, как с ними вести себя...

Тогда мы мало что понимали в чеченцах, но где-то внутри чувствовали, чего стоит опасаться, а чего нет... В общем, воровство, бандитизм у «чехов», можно сказать в крови.

— Не уверен, что так можно говорить о всем народе, — возражаю я. — Не может вся нация ходить в бандитах.

— Все равно трудно об этом точно говорить, — с сомнением качает головой Славик. — Я помню, как шла наша колонна, бронетехника, и нам навстречу вывалила толпа женщин. Чеченских женщин. Они бросали своих детей прямо под колеса, под гусеницы, чтобы только остановить наше продвижение. И ты подумай — они не себя бросали на дорогу, а швыряли своих детей!.. Солдатики поспрыгивали с брони, стали баб отпихивать. А тут под шумок малолетки чеченские подрезали несколько наших бойцов. На смерть... Бабы, дети... Мы же не фашисты какие-нибудь, чтобы мочить мирное население, они этим пользуются и нас убивают¹³.

"Угрюмов В. Указ.соч. С. 100-101, 312-313.

309

В конструировании негативной *природной чеченскости* принимают деятельное участие и те производители масскультурной продукции, кто пытается выстроить более критическую дистанцию по отношению к чеченской войне. В массовых периодических изданиях нередко встречаются, например, такие суждения: «...Криминальные структуры чеченцев существенно отличались от иной орг-преступности. Тейповый уклад жизни сказывался и на взаимоотношениях

внутри структуры. А они изначально строились на принципах строжайшей иерархии и клановых (тейповых) взаимоотношений... Рядовых исполнителей «чечены» [чеченские мафиози], известные своей природной жестокостью, держали в страхе... Они разработали новый вид бизнеса, уходящий своими корнями в дикое доисторическое прошлое... похищение людей и работорговлю»¹⁴. «Этнизация» чеченской войны в продукции массовой культуры создает негативистскую тональность в российском обществе и автоматически переводит ее в одномерную плоскость конфликта между «чеченцами» и «русскими».

СПЕЦОПЕРАЦИЯ ПО НАВЕДЕНИЮ КОНСТИТУЦИОННОГО ПОРЯДКА, ВОЙНА, БОРЬБА С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ: КАК ЭТО НАЗЫВАТЬ?

В середине 1996 г. в Чечне обозначилась возможность перемирия между противоборствующими сторонами. В продуктах медиа-культуры и в популярной литературе эти события стали рассматриваться как завершение войны, хотя интерпретировались они по-разному.

На центральном телевидении тогда был показан «Дембельский альбом» — один из первых документальных фильмов о военных событиях 1994—1996 гг., позже названных в российском обществе *первой чеченской войной*. Он сложен из фрагментов оперативных съемок ее непосредственных участников, где представлены первые часы и дни войны, новогодний штурм Грозного, дальнейшее развертывание боевых действий. Документальные эпизоды сопровождаются комментариями одного из тех солдат, которые воевали и остались в живых, а также заголовками газет и заявлениями политиков того времени.

Авторы фильма избежали соблазна прямого воспроизведения смерти и насилия, что, впрочем, отнюдь не убавило драматизма в этом повествовании. Они намеренно поставили рядом конфронтирующие дискурсы о *Войне*. Официальный дискурс выстраивался

"ТИМЧЕНКО С. Преступный мир Петербурга имеет свои этнические лица // Независимая газета. 2000. № 12, 20 июля; Цит. по: Т и ш к о в В. Указ. соч. С. 186.

ЗЮ

вокруг *необходимости наведения конституционного порядка в Чечне, борьбы с сепаратизмом и против вооруженных бандформирований*. Финальным высказыванием в нем было оптимистическое заявление верховной власти об *окончании* военного периода и *восстановлении порядка*.

Однако параллельно шел другой, жесткий текст: кадры, в которых солдаты, впервые отправлявшиеся на Войну и вскоре убитые, говорили, что идут *на небольшую прогулку*, и собирались *вернуться домой к Восьмому марта*, или — кадры, запечатлевшие потоки первых беженцев (чеченцев и русских) из только что разрушенного *города-героя* Грозного. В прологе фильма за кадром звучала песня, одна из созданных российскими солдатами на этой войне. Рефреном в ней были слова: «Кому война работа, кому война беда».

Создатели фильма, как и многие другие противники войны в российском обществе середины 90-х гг., выступали с либерально-демократических позиций. Для них очевидным казалось одно: то, что происходило внутри России, должно быть названо *Войной*. Надеясь на скорое ее завершение, они не стремились найти ей какое-либо одно рациональное объяснение и акцентировали внимание зрителей на общих для всей страны трагических последствиях этой войны.

Осенью 1999 г. неясное и хрупкое перемирие в Чечне снова перешло в фазу полномасштабных военных действий. Для производителей массовой культуры это стало стимулом к созданию продукции, в которой была бы отражена возросшая потребность российского общества в осмыслении войны, ставшей к тому времени уже *первой чеченской*.

Издатели стали охотно публиковать воспоминания и дневники участников *двух чеченских войн*, обращая внимание потенциальных читателей на *достоверность* и *правдивость* сведений, ценность лично пережитого авторами. При отборе и публикации произведений учитывались определенные запросы и ожидания потребителей, такие процедуры обыденной рецепции, как соединение в процессе восприятия готовых формул *понятного рассказа*, занимательного или шокирующего сериала, «узнаваемой» ситуации (переживаний, эмоций) с поиском соответствия лично увиденного — *лично реальному* («так, как я и думал», «я так и знал»)¹⁵. Высшая степень доверия читателя (слушателя, зрителя) к документальным свидетельствам и «документально-художественным» произведениям, похожим на хронику реальных событий, оборачивалась усилением их скрытой власти над массовым потребителем.

¹⁵ Как отмечает Антуан Компаньон, «правдоподобие... — то, что приемлемо для общего мнения, что

соответствует коду и нормам общественного консенсуса» (КОМПАНИОН А. Демон теории. Литература и здравый смысл. М., 2001. С. 124).

ЗП

Однако по-прежнему способы репрезентации событий, как и дискурсы участников событий, формировались в широком диапазоне — от полного неприятия войны до ее оправдания: Книга, которую вы держите сейчас в руках, написана капитаном Российской армии, участником первой Чеченской кампании (как горько произносить слово «первой», это подразумевает — не последней). Она документальна, изменены лишь фамилии действующих лиц... это документ эпохи, в которой нам довелось жить. Читайте, думайте, делайте выводы¹⁶.

Геннадий Трошев — одна из ключевых фигур в событиях на Северном Кавказе. Родом из этих мест, генерал последние шесть лет руководил операциями «федералов» против чеченских бандформирований. Он считал долгом чести боевого офицера рассказать шокирующую правду об этой войне¹⁷. В короткое время российский книжный рынок заполнился популярными произведениями, которые были отнесены к жанру «приключенческих романов» и объединены в «военизированные» серии — «Спецназ», «Спецназ в Чечне», «Боец», «Солдаты удачи» и проч.

Прежде неизвестных авторов таких «романов» издатели рекламируют стандартно, используя беспроблемные ссылки на *правдивость личного свидетельства*. При этом производители новой популярной литературы сознательно эстетизируют военные практики армии и специальных подразделений. К последним обычно стараются причислить авторов боевиков в надежде придать большую авторитетность их произведениям в глазах читателей:

...Офицер внутренних войск, проходил службу на территории Северного Кавказа и Закавказья, на личном опыте изучил все особенности так называемых малых войн и локальных военных конфликтов. Увлекается боевыми искусствами, философией, музыкой, историей¹⁸.

...Дмитрий Черкасов — псевдоним. Вся информация об авторе является закрытой согласно конституционному праву на тайну частной жизни. Автор не комментирует свое отношение к описываемым в его произведениях событиям и не раскрывает меру своего участия в них. Издательство не располагает данными о месте и стране пребывания автора в период с января 1999 года¹⁹.

¹⁶ Из аннотации книги В. Миронова «Я был на этой войне. Чечня, год 1995».

¹⁷ Из аннотации книги Г. Трошева «Моя война. Чеченский дневник окопного генерала».

¹⁸ Из анонса книги Л. Пучкова «Кровник: закон гор».

¹⁹ Из анонса книги Д. Черкасова «Косово поле. Эпизод первый. Балканы».

312

Такая же стратегия была избрана российскими режиссерами и продюсерами телесериалов и массового кинематографа. Быстрота развития военных событий и возрастание опасности совершения террористических акций в городах, отдаленных от чеченского фронта действий, — все это содействовало появлению большого количества визуальных масскультурных продуктов. В их числе — сериал «Мужская работа-1» и «Мужская работа-2» Тиграна Кеосаяна, сериал «Спецназ» Андрея Малюкова, многосерийный телефильм «Штурм будет стоить дорого», кинофильмы «Чистилище» Александра Невзорова, «Война» Алексея Балабанова, «Дом дураков» Андрея Кончаловского и мн. др. В большинстве кино- и телетекстов заметно выражает себя та же тенденция к эстетизации Войны. Это характерно и для всей мас-культурной продукции, посвященной войне. Сами продукты часто маркируются как *национальные (русские), военные (военизированные, мобилизационные), военные мужские*. Особенно интересно последнее — спецификация *военного кино как мужского*.

Так, представляя зрителю фильмы российского кинофестиваля 2002 г. в Сочи, кинокритик Наталья Боброва разграничивает в корпусе кинотекстов *мужское, женское и подростковое* кино с использованием соответствующих тендерных клише и стереотипов. В разделе «Кино мужское» первостепенное внимание она уделяет фильму Балабанова «Война» (который получил на этом фестивале главный приз, обойдя конкурентный фильм «Звезда» о Великой Отечественной войне): «...Ленты, наполненные потными гимнастерками, драками, настоящей мужской дружбой и стойкой ненавистью. Это фильмы... «военные» — как «Война» Алексея Балабанова, лента честная, мужественная и страшная в своем анализе природы ненависти и отчаяния. Террор как философия этой войны, ее закон и порядок, ее бессмертное людоедское правило»²⁰.

Война представлена в дискурсах масскультурной продукции различными формулами: героизм и бесчисленные жертвы *российских солдат и офицеров* в ожесточенной борьбе с *чеченскими бандитами* (Невзоров); воинское противоборство *высоких профессионалов — российских бойцов спецподразделений* и подготовленных *чеченских боевиков и террористов* вкупе с *международными наемниками* (Кеосаян, Малкжов); *личная героика* и самоотверженность против *бандитизма, низости и предательства* (Балабанов).

Независимо от выбора ракурса репрезентации и изобразительных средств, практически все

производители масскультурной продукции (как и авторы военных мемуаров) упорно настаивают на двух, принципиально важных для них, позициях.

²⁰ БОБРОВА Н. Военное положение. Фильм Балабанова сорвал главный цветок // МК-Бульвар. 2002. 24-30 июня. № 26. С. 54.

313

Первая — в Чечне идет *Война*.

Вторая — предлагаемые изображения *достоверны* и соответствуют *подлинной реальности*.

В «воензированной» массовой продукции преобладает скептическое отношение к официальным наименованиям действий фе-деральной власти в Чечне: «...Я, — говорит главный герой В. Угрюмо-ва, — как и вся страна, конечно же, в курсе, что в одной из наших северокавказских республик идет война. Причем война натуральная, без дураков...»²¹; «...Только дурак может думать, что война идет на Северном Кавказе, — замечает персонаж из книги В. Рудакова. — Война идет по всей России, потому что похоронки получают и в Вологде, и в Хабаровске, и в Якутске...»²².

В дискурсах личного свидетельства о Войне эта тенденция выражена более откровенно, несмотря на то что они испытывают зависимость от властных стратегий масскультурной продукции (использование клише, бытовых формул, апелляция к расхожим обыденным представлениям и проч.). Характеризуя содержание самого вооруженного конфликта, авторы, придерживающиеся разных политических ориентации и этических установок, исходят прежде всего из индивидуального опыта и стремятся сохранить в текстах личное отношение к теме.

В итоге в текстах такого рода причудливо соединяются и нередко вступают в противоречие друг с другом элементы различных дискурсивных практик. Например:

[Геннадий Трошев-] ...Знания, полученные в стенах училища, а затем и в двух академиях, пришлось применять не только в повседневной жизни, но и на войне. Войне — особенной во всех отношениях. На войне, которую армия вела, в силу объективных и субъективных обстоятельств, на своей территории против бандитов и международных террористов. На войне, которая проходила на моей родине. На войне, которая шла по особым правилам и не вписывалась, по большому счету, ни в какие классические схемы и каноны... Я часто вспоминаю те декабрьские дни, когда военные предприняли первые шаги по наведению конституционного порядка. Журналисты сразу окрестили локальную операцию войной, правозащитники — геноцидом чеченского народа, политики — авантюрой. У меня свой взгляд на те события, и в этой книге я старался честно рассказать об увиденном и пережитом...²³ [Вячеслав Миронов-] ...Смысл войны я не могу понять, когда нет идеи. Нет идеи, так хоть платили бы, кормили бы по-человечески,

²⁴ Угрюмов В. Указ.соч.С.9. "РУДАКОВ А. Указ.соч.С. 153. "ТРОШЕВ Г. Указ.соч.С.4,10.

314

не вели сепаратных переговоров за спиной, не вывозили бы одним бортом и убитых, и награбленное, обеспечивали инвалидам и семьям погибших воинов достойную жизнь. Не устраивали бы во время этой бессмысленной кровавой бойни шоу, концерты, презентации, не целовались бы в засос с представителями тех стран, которые помогают боевикам... Мне бы только вырваться живым с этой бойни, и не просто вырваться, а выполнив свой долг. Я — русский офицер! Я выполню приказ. Приложу максимум сил, чтобы меньше солдатской крови осталось на этой земле... Кто-нибудь мне объяснит, ради чего мы разрушили этот город, убили столько людей, положили своих!... Бестолковейшая, бездарная война...²⁴

[Александр Михайлов-] ...За последние десять лет значительное число россиян стали реальными участниками. Тысячи погибших, искалеченных, сотни тысяч их родственников, сотни тысяч беженцев или, точнее, временных переселенцев... Страшно это. Потому что незначительный насморк октября 1991 года перерос в синдром иммунодефицита. Сегодня этот «насморк» не лечится... Автор не претендует на абсолютную правду. У каждого она своя. У президента, который мыслит глобально, своя. У полководца, ставящего задачу войскам, своя. У солдата, эту задачу реализующего, ... своя. У матери, потерявшей сына, своя... Если война затянется, увеличатся потери, если увеличатся потери, то в обществе изменится отношение к действиям властей²⁵.

[Анна Политковская-] ...«Чечня» как образ мыслей, чувств и конкретных действий гангренозной тканью расплзается повсюду и превращается в общенациональную трагедию с поражением всех слоев общества. Мы дружно и вместе озвереем²⁶.

Авторы, читатели (зрителю), критики в конечном счете выстраивают близкие друг другу позиции, когда стараются оценить свои (и другие) произведения о *Войне* не столько идеологической или политической меркой, сколько обыденным критерием *соответствия правде*. В репрезентируемых «военных» вербальных и визуальных текстах нередко происходит «возвышение» *информационных событий* как *правдивых*; и авторы, и персонажи текстов в равной мере представляются как участники Реальной войны.

В самосознании современного российского общества, которое все более приобретает черты информационного общества, складывается конвенция об объективности «нарративного знания»,

правдоподобных высказываний о *Войне*. Она базируется на прин-

²⁴Миронов В. Указ.соч. С. 371-372,413-414. "МИХАЙЛОВ А. Указ.соч.С. 3,6. ²⁶Политковская А. А. Указ.соч. 315

ципиальном неразличении критикой, создателями масскультурных продуктов и их потребителями военных, социально-культурных реалий и производимых культурных форм.

В одном из интервью журналистам Александр Невзоров излагает свое представление о правдивости фильма «Чистилище» следующим образом: «У меня очень удобная и хитрая позиция. Это действительно тот первый случай, когда я ничего не придумал, а просто все виденное своими глазами запомнил и воссоздал. У меня нет вымышленных героев, а все имена — подлинны. Я не мог допустить никакой фальши. Я требовал и создавал тот мир, который является Войной...» Журналист, который брал это интервью, высказывается в том же духе: «Можно сказать, что Такого кино у нас еще не было. Это картина о Войне, которую Невзоров показал буднично и правдиво»²⁷.

Противоречащие друг другу способы репрезентации *правды о Войне* в различных дискурсивных практиках побуждают авторов и потребителей массовой культурной продукции к бесконечным спорам о степени *достоверности* и, тем самым, — стимулируют продолжение поисков объяснения происходящему в Чечне (и, в связи с войной, — во всей России).

Авторы охотно обращаются к формулам социальной памяти, проводя вневременные аналогии между событиями исторического прошлого и актуального настоящего. Один из привычных приемов — отождествление войны российского государства за покорение Кавказа в XIX в. и чеченской войны внутри России на рубеже XX—XXI в.

Примером может служить телефильм «Штурм будет стоить дорого» (2001—2002). Его авторы, занимающие либеральную антивоенную позицию, напрямую соотносят опыт многолетней Кавказской войны с современным опытом войны в Чечне. При этом, независимо от авторских намерений показать бессмысленность этой войны, способы ее репрезентации провоцируют у зрительской аудитории возникновение (или укрепление) бытовой установки о вечности вражды между чеченцами, разбойными, чуждыми цивилизованным нормам жизни, и российским государством, которое во все времена преследовало одни и те же великодержавные цели.

Другой пример: Яков Гордин, решительный противник продолжения чеченской войны, представляя читателю документально-художественную книгу Вячеслава Миронова, находит между двумя историческими событиями, которые отделены друг от друга полтора века, «множество ситуационных совпадений. Причем совпаде-

²⁷ Александр Невзоров показал «Чистилище», которое страшнее ада // Комсомольская правда. 1997. 22 окт. 316

ний принципиальных». По его мнению, можно обсуждать лишь «разный психологический климат» этих войн прошлого и настоящего...²⁸

Общим местом при производстве масскультурной продукции стало использование аллюзий, реминисценций, цитат из *миметической* Великой Отечественной войны, объективированных в коллективной памяти, фольклоре, мифологии, литературных и кинематографических клише. Так, в «Войне» Балабанова важную функцию выполняют ресемантизированные цитаты из известного фильма Григория Чухрая «Баллада о солдате»; режиссер активно оперирует также советскими тендерными стереотипами.

Главный герой Балабанова — русский *юноша-воин* — после фронта и чеченского плена на короткое время оказывается в мирных условиях. При посещении семьи офицера, который все еще остается в плену, он слышит обращенные ко всем присутствующим патристические слова маленькой русской девочки, дочери друга: «Мой папа герой. Он нашу Родину защищает от бандитов». В том же эпизоде бабушка девочки говорит: «...Я никогда у них (у тех, кто в кепках) мандарины не покупала».

В разговоре с больным отцом герой получает дополнительную моральную поддержку своим будущим действиям, когда отец произносит: «Хорошо, что на войне был... Война из парня мужчину делает... Сейчас бы встать и — на войну».

Немаловажное значение для создателей массового продукта имеет прямое сопоставление опыта чеченской войны с опытом войны СССР в Афганистане. Оно «обречено на успех», поскольку вполне совпадает с обыденными коллективными представлениями и формулами «нарративного знания» («духи», «чехи», «моджахеды» — слова, введенные российскими солдатами в оборот с первых дней чеченской войны).

Так, в серии статей в аналитическом журнале «Власть» на тему «Послевоенные войны»

представлен своеобразный реестр «значимых» для современной России военно-исторических событий, которые включены в конвенциональное «документальное» повествование и объединены общей риторикой. Информационные события, соответствующим образом названные и выстроенные в определенном порядке, создают правдоподобную версию, по которой история участия СССР во Второй мировой войне (Япония) и войнах во Вьетнаме и Афганистане непосредственно сопоставляется с «внутренней» войной федеральных сил России в Чечне, а современная российская власть в полной мере наследует и продолжает амбициозные военные практики советского государства:

²⁸См.: Гордин Я. Войны, офицеры, история // Миронов В. Я был на этой войне. С. 6—7.

317

Когда в мае 1945 года Советский Союз закончил войну с Германией, очень многим казалось, что все войны остались в прошлом. Не получилось. Уже в том же году Сталин напал на Японию и ввязался в гражданскую войну в Китае. А потом были Корея и Египет, Вьетнам и Афганистан. Более 50 раз воевала Россия за 56 лет. И ни одно-го года на передышку. Условно все войны можно подразделить на пять больших групп: те, в которых СССР выступал в качестве одной из противоборствующих сторон; войны между третьими сторонами; гражданские войны за рубежом; операции по «наведению конституционного порядка» внутри собственной страны; операции по «наведению конституционного порядка» за ее пределами. «Власть» рассказывает только о самых крупных из них, где воевали наши регулярные части²⁹.

В других текстах того же журнала анализируются аналогии между смыслом военной операции США в Афганистане после известных событий 11 сентября и опытом двух других войн — советско-афганской и чеченской:

Американским военным удалось то, что в свое время не вышло у советских — тоже в Афганистане — и сегодня не выходит у российских в Чечне, — такой вывод делают многие.

..Досада российских военных понятна. После фиаско советских войск в том же Афганистане, российских войск — в первой чеченской кампании и весьма относительного успеха во второй результаты работы американских военных выглядят впечатляющим доказательством подавляющего преимущества американской армии над российской³⁰.

В период второй чеченской войны в официальном дискурсе и конкурирующих дискурсах массовой культуры почти одновременно возникла тенденция замещения формулы *Войны* формулой *Борьбы с международным терроризмом*. По мере ее утверждения из коллективных представлений стала быстро вытесняться установка о текущей «внутренней» войне.

Однако история захвата заложников чеченскими террористами в московском театральном центре (октябрь 2002 г.) и их освобождения с большими человеческими жертвами, немедленно переведенная средствами медиа-культуры в ранг *информационного события*, заставила российское общество вновь «вспомнить» о продолжающейся *Войне* в Чечне.

²⁹ Послевоенные войны // Коммерсант-Власть. 2001. № 17/18.4 мая. С. 47-64.

³⁰ См.: Победили штатские // Там же, 2001. № 21, 22 янв. С. 41.

318

Эти настроения определенно выражены в тексте Юлии Калининой, журналистки из «Московского комсомольца»:

Чечни нет, есть мировое зло... Совершенно очевидно, что власти сейчас стараются «замылить» первопричину происходящего — войну в Чечне. Равно как и всю политическую линию, которая проводится на протяжении многих лет в отношении республики. Стараются заместить ее в общественном сознании абстрактным врагом — международным терроризмом, который нападает на нас просто потому, что от природы так устроен. Ну, просто такое мировое зло — как в американском боевике, — а нам надо его победить, такая историческая миссия.

Но ведь если не смотреть правде в глаза и лечить не причину болезни, а ее последствия, то никогда не вылечишься. Последствия болезни так и будут проявляться и продолжать потрясать терактами — еще более страшными и уже с противогазами. А мы снова и снова будем решительно расправляться с «международными террористами», теряя сотни ни в чем не повинных людей, и ликовать, и восхвалять спецслужбы, и повторять, что «Рос-

КТО ВРАГИ: С КЕМ И КАК ВОЮЕТ РОССИЯ В ЧЕЧНЕ

В зависимости от выбора слов, обозначающих Врага, в дискурсах массовой культуры даются разные ответы на вопрос о том, против кого ведется война в Чечне. С самого ее начала процесс поименования Врага складывался противоречиво.

В середине 90-х гг., по мере разрастания военных действий в Чечне, в официальных текстах, произведениях популярной литературы, в теле- и кинопродуктах стали формироваться

характеристики *Врага* как чеченского бандита, сепаратиста (мятежника), мафиози, боевика. Риторика заявлений политической власти и характер армейских боевых действий в Чечне на первых порах породили в российском обществе феномен, который позже был назван в официозных изданиях *интеллектуальным террором*. Не вдаваясь в детальный анализ природы этого сложного явления, хотелось бы обратить внимание на один — дискурсный — аспект, который имеет к данной теме непосредственное отношение.

Интеллектуальный террор, выражавшийся в публичных попытках средств массовой информации и части либерально-демо-

³¹КАЛИНИНА Ю. Где мы? Чечни нет, есть мировое зло // Московский комсомолец. 2002. 28 окт.

319

кратической интеллигенции безаговорочно «защитить чеченцев», можно объяснить как их стремлением отстоять таким образом ценности создаваемого в постсоветской России поликультурного гражданского общества, так и коллективной неготовностью сразу отказаться от привычных (советских) стереотипов и веры в общность *советский народ*. В начале войны сходные умонастроения были характерны и для многих жителей Чечни (чеченцев, русских и др.), которые, помимо своей воли, оказались в эпицентре военных действий³².

Лихорадочный поиск в российском обществе языка объяснения событий, происходивших в Чечне, порождал многообразные дискурсивные практики. Часто они выстраивались с помощью простейших процедур «приведения к известному» и «присвоения» Другого, посредством использования готовых формул, клише и образов, привычных фигур речи³³.

Один из наиболее известных опытов такого рода — конфронтационное политической власти построение «романтического» дискурса о *чеченцах* и их *врагах* в произведении Валерии Новодворской «Над пропастью во лжи»:

Они — идеальные обитатели нашего воображаемого города, яростные, непохожие, презревшие грошовой уют, с серым волком вместо «Веселого Роджера» на мачте. Флибустьерское синее море заплескалось в Чечне. Война за независимость была как бригантина, и когда она подняла паруса, нас было не удержать. Печать

³² Например, у жителей Чечни, респондентов этнолога Валерия Тишкова,

в дискурсах обнаруживается их привычное обращение к общему советскому прошлому. Так, в рассказе старика-чеченца его апелляция к «общему прошлому» (личное участие в Великой Отечественной войне и боевые награды) выглядела как последний аргумент о неприменимости насилия против мирных жителей. Разрушение этого стереотипа российскими солдатами сопровождалось настойчивым конструированием образа чеченского врага. См.: Т и ш к о в В. Указ. соч.

³³ Ролан Барт говорит об адресности мифического понятия так: «Понятие точно соответствует функции, оно обладает строгой ориентированностью... Миф ничего не скрывает, его функция — не скрадывать, а деформировать... Форма и понятие проявляются по-разному. Форма предстает нам буквально, непосредственно и к тому же обладает протяженностью... Понятие дается нам глобально, как некая туманность, в которой более или менее зыбко сгущено знание. Его элементы связаны ассоциативными отношениями... (при деформировании смысла посредством понятия остаются жесты...). Миф — это похищенное и возвращенное слово. Просто возвращается слово уже не совсем таким, каким было похищено, при возвращении его поставили не совсем на свое место» (БАРТ Р. Мифологии. М., 1996. С. 242— 251).

320

избранничества лежала на вдохновенных лицах чеченских боевиков. Они были одеты так, как интеллигенты в турпоходе: в штормовки, на которые так похожи камуфляжи, и при бороде. Прямотаки форма фрондирующего интеллектуала. Вместо гитары были гранатометы и автоматы... Чеченцы были отголоском идеалов 1991 года... Свободный вооруженный народ без единого коммуниста — это была почти что Америка. Вашингтон (Джохар Дудаев). Минитмены. Ополчение. Бостонское чаепитие. Декларация прав чеченца, Человека и Гражданина. Билль о правах угнетенных народов. ...Армия, вторгшаяся в Чечню, была все той же — советской. С афганским стажем, после пражских и будапештских мостовых. Это была армия Врага — Империи зла, тоталитарного государства³⁴. Созидание автором такого повествования о *героях* и *злодеях* чеченской войны — с преимущественной опорой на собственный жизненный путь, личное знание, сложившиеся в индивидуальном сознании идеологические и литературно-художественные формулы — свидетельство невозможности немедленно опознать, поименовать *иную* социальную реальность, которая вторглась в систему привычных представлений.

К концу 90-х гг. в российском обществе (включая Чечню) стереотипы «общего советского прошлого», как и романтико-патерна-листские штампы, уступили место другим установкам сознания. Эти установки создавались официозными дискурсами при деятельном участии производителей масскультурных продуктов и учитывали ожидания потребителей информации в означивании (или — переозначивании) новых реалий.

Так, в период второй чеченской войны для определения *Врага* в текстах массовой культуры все шире стали использоваться формулы *террориста* и *наемника (международного, исламского, чеченского)*. В популярной «военной» литературе (Ц. Черкасов, А. Таманцев, В. Доценко, А. Ольбик и мн. др.) изменились *сюжетные* линии, и ход *повествования* приобрел более драматические очертания. Положительные герои борются с *чеченскими (и международными) террористами* не на фронте боевых действий, а главным образом — в российских регионах за пределами Чечни. Объекты внимания *террористов* — атомные станции, водохранилища, ядерные заряды, химические склады и пр. В своей борьбе они стремятся использовать массовый террор, насилие, зверства, взрывы зданий, химическое, ядерное или бактериологическое оружие и проч.

³⁴ НОВОДВОРСКАЯ В. Указ. соч. С. 375—376.

321

В приключенческом «романе» Андрея Таманцева «Солдаты удачи» герои — бывшие спецназовцы — сталкиваются с чеченскими террористами, в чьих руках оказалось опасное бактериологическое оружие, и побеждают их³⁵:

...Едва сунули нос куда не надо — и сразу нарвались на группу вооруженных чеченцев, переправляющих куда-то контейнер с бактериологическим оружием...

...Я потянулся к бочке, чтобы повернуть ее и как следует рассмотреть маркировку.

— Ты что! Осторожнее! — одернул меня Док — лучше к ней вообще не прикасаться голыми руками.

Вообще говоря, и стоять рядом с ней не следовало бы...

— А что там? — спросил я.

— Бубонная чума, — как-то очень буднично ответил Док, — в этой бочке сорок литров штамма едва ли не самого убойного бактериологического оружия в мире. Этого штамма, а проще культуры чумной бактерии, которую закатали в эту бочку сорок лет назад... хватит на все Поволжье.

В романе Д. Черкасова «Косово поле: Балканы» чеченские (и шире — исламские, международные) террористы собираются устроить в Санкт-Петербурге ядерный взрыв:

Арби по радиотелефону связался с встречающими и объявил расчетное время прибытия: двадцатое мая тысяча девятьсот девяносто девятого года. Ровно через месяц, двадцатого июня, боеголовка должна была выполнить свою миссию и поднять ядерный гриб над северной столицей России. Никто никого не собирался шантажировать. Атомная бомба предназначалась для непосредственного использования в соответствии со своим главным назначением...³⁶

В последние годы в дискурсах массовой культуры заметно выросло значение формулы *пособники Врага*. Ее составляющие внутри страны — *думские политики, журналисты (журналиги), правозащитники, солдатские матери, продажные офицеры и генералы, первый российский президент*. Внешние *пособники* — это *исламисты, грузины, спецслужбы Запада* и проч. Именно их действия, вместе взятые, по убеждению положительных героев, мешают успешному развитию и завершению борьбы с *чеченскими (международными) боевиками и террористами*.

"ТАМАНЦЕВ А. Указ.соч.С. 10,64. ^ЧЕРКАСОВ Д. Указ.соч. С. 364.

322

Типичными для авторов популярной литературы и телесериалов выглядят следующие высказывания персонажей «романа» Владимира Угрюмова:

...Как заваруха в Чечне началась, так мы оттуда и не вылезаем.

— А какого дьявола вы сейчас там все сдаете? — удивляюсь я, помня о том, что говорили теледикторы.

— Мы?! — тут же возмущается приятель... Дай нам волю, мы Чечню за сутки вдоль и поперек раскатаем. Это х... в правительстве вопят, что от армии ни черта не осталось, что мы все в дерьме сидим... Ты посмотри, что наши мальчишки умеют, стоит им лишь немного повоевать!.. Да мы всех и вся стереть можем вместе с Грузией впридачу! С нашим народом да войну не выиграть?!.. Когда такое было? Русские ни одну войну... не проигрывали!..

— Я видел по «ящику» — какие-то есть комитеты солдатских матерей. Раньше такого не было, даже когда Афган был. А теперь на войну ездят...

— Это точно. Мешают ужасно... Поначитались они газеток долба-ных, насмотрелись по телевизору... СМИ нас выставляют перед народом полными кретинами, захватчиками...

—...Мы «чехов» уже почти в горы загнали, били их, били, а какая-то сволочь в московских верхах взяла и все вдруг остановила, объявила перемирие. И духи теперь в округе ходят королями и победителями!³⁷

Отсюда и другая, не менее важная мысль: против *такого Врага* (профессионально подготовленного, коварного, жестокого, готового на все) *позволены все средства*.

Конструирование в масскуль-турных продуктах образов слитного «своего» и «чужого» соединяется нередко с идеей *оправдания Войны*, возможности обоюдного насилия, убийств, жертв, смерти.

В книге «Президент» Александра Ольбика его герои стремятся придать легитимность дозволенности любых действий против *Врагов*:

— ...У нас отличный резерв. Многие из хлопцев просто рвутся в дело. Один дагестанец Махмут Изербеков каждый день приходит с рапортом...

— Почему не посылаете?

— ...У Изербекова в дагестанскую кампанию погибла семья из восьми человек.. Мщение не всегда лучший поводьярь...

— Всегда! — президент сложил карту. — Если оно справедливое — всегда, и это могучая движущая сила... Зачисляйте этого парня, ему надо помочь облегчить душу...

³⁷Угрюмов В. Указ.соч.С. 22, 32-33,124. ³⁸Ольвик А. Указ.соч.С. 15-16.

323

Президент протянул полковнику руку, и они расстались. «Не был ли я слишком категоричен насчет мщения? — спросил он себя, когда остался один. — Боевики тоже многие свои преступления объясняют якобы благородной местью, иногда кровной... Не уподобляюсь ли я им? Не хотелось бы становиться с ними на одну ногу... Ну а все же — будь последователен: иногда месть может быть неплохим средством в достижении цели... Кажется, что-то об этом говорил двадцатый президент США Гарфилд: «Я не стал бы ничего предпринимать ради мести. Но ради уверенности в будущем я готов сделать что угодно».

И далее, когда по сюжету президент страны, главный персонаж «романа» Ольбика, лично отправляется в Чечню в составе спецгруппы для уничтожения особо опасных террористов, — размышления героя об отношении к Врагам приобретают в дискурсе такую форму:

Скажи себе прямо: «Я пришел в это ущелье, чтобы сотворить справедливое возмездие, и пока будет биться мое сердце, я от этой мысли не откажусь... Кто эти люди — твои граждане или твои враги и враги твоей страны? Враги! Однозначно враги. Кровь на них. Враги! Даже если это не чеченцы. И между тобой и ими идет война? Самая настоящая. Тогда в чем же дело: на войне никто никому не предъявляет обвинительного заключения и не проводит судебных заседаний, после чего и выносятся приговор — пулей из автомата или гранатой из гранатомета... Но, с другой стороны — ужесточая наказание, государство не устраняет жестокости. А только стимулирует ее. И государство не должно присваивать себе право Всевышнего — распоряжаться жизнью себе подобных. Но ведь око за око, зуб за зуб. Так всегда было, и ничто этого не изменит. Террориста ни святым словом, ни педагогикой, ни угрозой не остановить... Ни переговоров, ни компромиссов эти ребята не признают. А значит, вор должен сидеть, а террорист — лежать?»³⁹

В масскультурной продукции лидерами в этой борьбе с *врагами* выступают настоящие мужчины — либо герои-одиночки, либо команды высоких профессионалов из российских спецподразделений и спецслужб. Все они готовы применять любые средства во имя решения главной цели — искоренения терроризма.

Главный герой фильма «Война» Алексея Балабанова в своем одиночном противоборстве с бандитами и террористами делает осознанный выбор в пользу убийства без правил (по сюжету — это убийство женщины в автомашине, старика и ребенка в доме).

³⁹ОльБИК А. Указ.соч. С. 347, 372-373.

324

Поскольку *он работает* по собственной инициативе — вне армии и спецподразделений, — то в конечном счете оказывается под судом (здесь отчетливо просматриваются реалии «дела» полковника Буданова). Симпатии режиссера — на стороне героя.

Когда в фильме журналист задает герою, находящемуся в заключении, «бестактный» вопрос: «И Вы тогда уже были готовы убивать?» — то немедленно получает решительный отпор. В другом эпизоде англичанин — одна из жертв войны «без правил» и начинающий мститель — высказывает сомнение: «Мы их убили...» Герой, совершающий свои поступки для восстановления «справедливости», на эти слова отвечает: «Ты должен был убить их... Если будешь играть Достоевского... Война — это кровь. Я тоже не умел. Меня заставили».

Такие герои, действующие либо в одиночку, либо в составе групп «аутсайдеров» (тех, кто не признает «легитимных» форм борьбы), являются любимыми персонажами Пучкова, Черкасова, Угрюмова, Доценко и многих других авторов приключенческих «романов», в которых проходит тема чеченской войны. В этих дискурсах детально представлены *философия убийства на Войне* и конкретные *практики убийства* во имя справедливости или возмездия..

Так, главный герой Льва Пучкова рассуждает: «Какая, собственно, разница, как убить человека? Ты лишаешь его жизни — вот что главное, не важно, что способы его умерщвления могут быть самыми разнообразными»⁴⁰.

Соответственно такому высказыванию выстраиваются и поведенческие практики героев Пучкова⁴¹:

...На русско-чеченской войне 1994—1996 годов... я в совершенстве овладел искусством

организации спецопераций, приобрел умение профессионально убивать и начисто утратил цивилизованное отношение к такому понятию, как ценность человеческой жизни [одна из причин этого — по сюжету — похищение чеченскими бандитами жены героя и насилие над ней. — Г. 3./... В процессе поисков ухайдокал кучу более или менее причастных к этому делу товарищей ичкерского происхождения, взорвал между делом одну из горных баз «духов» и ограбил некоего Абдуллу Бе-каева — командира отряда чеченских «непримиримых» ни много ни мало на сумму в пятьсот штук «баксов»...

...Каждый из моих пацанов — а они уже давно перебиваются чем придется на гражданке — твердо знает, что любое зло наказуемо, а возмездие неотвратимо, несмотря на то что за спиной злодеев стоит могущественная криминальная страна...

⁴⁰ пучков Л. Кровник: солдатский талисман. С. 174

⁴¹ пучков Л.. Кровник: закон гор. С. 27-29, 72-73.

325

...Ситуацию тогда вытащил Лось. Он сумел обезоружить одного неловкого парнишку ичкерийского происхождения и в буквальном смысле перешелкал бандюков как утят... Теперь мы все испытываем неудобство оттого, что обязаны жизнью Лосю — киллеру по призванию, получающему острое удовлетворение от актов умер-щвления себе подобных. Нет, мы все — профессиональные убийцы — это непреложная составная часть ратного труда, но... но мы делаем это из-за суровой необходимости и под давлением обстоятельств: потом эти жмурики часто посещают наши сны. ..А Лосю ничего не снится. У него после каждой бойни заметно повышается жизненный тонус — жрет, сволочь, с невероятным аппетитом, ласково мурлычет под нос какие-то веселенькие мелодии и остервенело пользуется Ирку с Галькой. Короче, тащится он от этого...

Такую же позицию занимает герой «романа» Дмитрия Черкасова — «русский биолог, выступающий в одиночку против превосходящего его противника и против всей западной военной машины», который «работает» в Косово над искоренением международного терроризма: «...Л же не профессиональный спецназовец, законы устанавливаю сам для себя. Правила ведения войны на меня не распространяются. Просто я их не знаю и знать не хочу... У меня опыт другого рода. Я все время использую те знания, что крутятся у меня в башке. Можно сказать, что я диверсант с сильным интеллектуальным уклоном...»⁴².

Приемы такой «работы» детально представлены в тексте «романа»:

...Биолог метнул лом. Как копейщик с древней гравюры. С утробным хеканьем, вложив в бросок все силы. Стальной инструмент попал солдату точно в правую глазницу. Лом пробил мозговую оболочку, преодолел мягкие жировые ткани и вышел наружу. Выбив кости основания черепа...

Рокотов развернул вертолет вправо и прошелся из пушки по двум стоящим на открытой площадке машинам... «Жаль, ракет нет... Вот была бы потеха! Но и этого вполне достаточно», — подумал Влад и уже из чистого хулиганства нацепил наушники с микрофоном... и гаркнул:

— Serbian fields forever! — завершив свое краткое выступление имитацией смеха Вуди Вудпеккера.

В продукции такого рода последовательно выстраивается четкая оппозиция: страшный в своем праведном гневе (и справедливый) русский воин-красавец, интеллектуал, он же хладнокровный убийца-«профи», против врагов России — террористов, исламистов, че-

•"ЧЕРКАСОВ Д. Указ.соч.С. 117,197,234,241.

326

ченцев — умных, профессионально подготовленных, физически крепких и одновременно ущербных, похотливых, жестоких, вероломных. Центральный персонаж — супергерой, без этических ограничений, не забывающий о приумножении личного материального достатка. Отсюда и мысль о том, что *воевать и убивать есть дело мужчин*, т. е. *мужская роль* (образ жизни) подразумевает выполнение настоящей *мужской работы* (профессии).

Телесериал Кеосаяна «Мужская работа» подтверждает идею о необходимости выполнения *профессиональной работы* такого рода. Его герои — высокие профессионалы из российских спецподразделений — успешно противостоят деятельности и планам противника. По ходу повествования авторы дискурса вводят в него фигуры *врагов* — чеченских боевиков и бандитов, международных наемников и террористов, а также различных *пособников врага*, в числе которых есть и такой «формульный» персонаж, как продажный журналист.

Концепция «голой войны» с ее изощренными технологиями представлена Андреем Малюковым в телесериале «Спецназ» (2001— 2002). Эта война ведется на территории Чечни, и ее участники с обеих сторон — также высокие профессионалы (русские спецназовцы против чеченских боевиков и международных террористов). Походу фильма герои-спецназовцы и их враги говорят друг о друге с уважением как о «настоящих противниках», с которыми можно воевать, решая при этом интересные тактические задачи. В фильме проводится постоянное сопоставление опыта профессиональной *работы* в Чечне с *работой* в Афганистане. Сознательная «банализация» *Войны* в этом киноповествовании

провоцирует создание ментальной установки о возможности включения ее в «естественный» ход жизни.

В этом телесериале, как и в большинстве фильмов о чеченской войне, широко заимствуются готовые формулы и используются цитаты из западных кинопродуктов массовой культуры. Это прослеживается в сюжете, в повествовании, его стилистике и технологии изображения насилия. Примерами могут служить эпизоды, когда спецназовцы хладнокровно убивают пленного со словами «ответ неправильный — смерть», или когда после окончания короткого боя герои, по замыслу автора, материализуют профессиональное слово «танцуем» (т. е. «стреляем»), переводя его в жестокий и страшный танец, который выглядит в кадре одновременно как танец победы и смерти. При использовании западных образцов обычно совершается идеологическое переозначивание западных клише, происходит их включение в другие, «русские» контексты — изображаемые, но представляемые зрителю как *реальность*.

Создатели масскультурных продуктов стараются избегать включения в сюжет и повествование таких «чеченских» тем, которые по определению не вписываются в концепцию «профессиональной войны».

Прежде всего это тема, которая часто возникает в

327

документальных свидетельствах об этой войне (в репортажах журналистов, личных воспоминаниях участников, свидетелей и жертв войны) — о насилиях, зверствах, жестокостях, проявляемых всеми воюющими сторонами в Чечне. И одна из наиболее болезненных тем — страдания мирного населения как в самой Чечне, так и в российских городах, географически близких или удаленных от нее. *

В сериале «Спецназ» изображается такая *Война*, в которой по сюжету нет ни фронта, ни тыла, однако там не видно и мирных жителей (последние появляются лишь мельком, внимание автора на них не задерживается). В фильме «Мужская работа» авторы вводят сцены «мирной жизни» в Чечне. Однако они всецело подчинены авторской концепции, которая выражается в жестком разграничении, с одной стороны, патерналистского отношения героев — российских офицеров-федералов к «мирным» чеченцам и, с другой, беспощадного уничтожения федералами чеченцев-бандитов.

Женская роль в масскультурном продукте также представлена однообразно. Функции женщин (антропологические, естественные) сводятся к тому, чтобы быть либо жертвой (как в фильме Балабанова или в «романах» Пучкова и пр.), либо — пассивной участницей событий, покорной и ведомой сильной мужской рукой (например, в сериале «Мужская работа»). Роли стариков и детей обычно выглядят в масскультурных продуктах как фоновые: или они выступают в качестве слепых *пособников врага*, или становятся безгласными *жертвами войны*.

ЧТО ДАЛЬШЕ:

НАДЕЖДЫ И МИФОЛОГИИ,
ПЕССИМИЗМ И КРИТИКА

В дискурсах массовой культуры активно используются различные версии теории заговора против России для оправдания необходимости национального (русского) единства. При этом делается акцент на мобилизационную традицию советской истории (постоянное вражеское окружение, Великая Отечественная война) и русскую имперскую идею.

Укрепление в продукции массовой культуры установки, что *Война идет повсюду*, содействует выработке стратегии и тактики *национальной мобилизации*, всеобщего единения внутри России (с опорой на противников терроризма в других странах).

В наиболее радикальном виде эта стратегия выражена в текстах журнала «Русский Дом». Она базируется на концепции о необходимости выживания *русских* в войнах с *другими*.

Андрей Савельев, один из постоянных авторов этого журнала, представляет неизбежность «национально-русской» мобилизации для ведения успешных локальных и тотальных войн следующим образом:

328

Вопрос «Будет ли война?» является для общества насущным, и ответ на него формирует отношение к армии, мотивирует парламентариев на увеличение военного бюджета, утверждает молодых людей в решении посвятить себя службе Отечеству. Для будущего России и всего русского мира важно понимание того, что война не просто будет — война уже идет. Точнее, война не прекращалась никогда. Просто мы иногда не знали о ней, иногда старались ее не замечать. И в этом нашем неведении — причина резкого ослабления жизнеспособности русского общества. Перспектива выживания русского мира, русской православной цивилизации связана с воссоединительным процессом, который

не может идти безболезненно... Опасность войны, подобно чеченской, ждет нас на каждом шагу воссоединения русского мира... Опасность войны связана с агрессивными, «пантюркистскими» планами, уже в значительной степени затронувшими весь Северный Кавказ, Татарию, Башкирию и другие «внутренние» республики России. Если в ответ не возникнет сверхмобилизация русского населения как государствообразующего ядра, нас ждет затяжная война на собственной территории... ...Залог победы России в войне — это христолюбивое воинство: сто миллионов обученных военному делу граждан, десятиmillionная национальная гвардия и миллионная мобильная армия. Победа — это готовые к применению в любой момент ядерные вооружения, от тактических до стратегических... Победа — это Русская идея, зажигающая сердца горячей любовью к Родине. ...Русский мир стоит перед выбором между небытием и глубокой переоценкой ценностей. Последнее предполагает отказ от чуждых российским интересам либеральных принципов (как в советском, так и в «демократическом» вариантах) и обращение к традиционным ценностям православной цивилизации, примененным к задачам сегодняшнего дня.

...Хочешь мира — готовься к войне... Беззащитное миротворчество столь же губительно, как и милитаризация ради агрессии. В России миролюбивое отношение к изменникам [средствам массовой информации. — Г. З.] зашло столь далеко, что уже констатирована неспособность нашей страны вести войну даже на региональном уровне. Мы с большим трудом и крайне неэффективно ведем и единственную пока локальную войну в Чечне⁴³.

Для вербальных и визуальных текстов такого рода характерен орга-низмизм в понимании *нации* как коллективного тела и тендерных

⁴³ САВЕЛЬЕВ А. Условия нашей победы // Русский дом. 2001. № 5. С. 9; САВЕЛЬЕВ А. Условия победы русского мира в грядущих войнах // Там же. №8. С 44—45.

329

ролей внутри нации как природно и исторически обусловленных и подтверждаемых повседневным опытом. Отсюда идея *нового единства нации* — мобилизация российских (русских) мужчин, женщин, стариков и детей.

Вновь обратимся к дискурсивным практикам журнала «Русский Дом», в которых репрезентируются *национальные* (в данном контексте — *русские, православные*) установки отношения к чечен-, ской войне. Так, редакция журнала предлагает своим читателям подборку детских писем, которые были написаны для российских солдат в Чечне:

...Здравствуйте. Я, Тихонина Катя, ученица второго класса «б». Я думаю, что быть военным очень трудно: приходится убивать людей. А с другой стороны, если врагов не убивать, они сами могут кого-нибудь убить. Военные защищают нашу страну от врагов! Я желаю вам вернуться живыми домой! Всего вам лучшего, до свидания!

...Здравствуй, незнакомый друг.

Пишет тебе ученик б класса... Сиволобов Никита. Мне 11 лет, но я понимаю, что границы нашей страны должны быть защищены от врага и никто не может устанавливать свои бандитские порядки в нашей стране. Хотя я тебя и не знаю, я уверен, что ты классный парень. Ведь плохие ребята не защищают от врагов нашу Родину, жизнь и спокойный сон наших людей... Очень надеюсь, что нашему поколению не придется пережить войну и участвовать в боях, ведь все-таки лучше ходить в храмы и молиться, но если придется, то и мы сможем постоять за себя и за своих родных и друзей⁴¹.

Формулируемые редакцией «Русского Дома» и авторами текстов мотивы единения *русской нации* в борьбе с *чеченским (кавказским) врагом* подкрепляются конкретными доводами и примерами *т реальной жизни* России:

...Сегодня не только национальное сознание, но и сам русский дух находится в состоянии глубочайшего шока. Дикость, но факт, весьма распространенный в Российской армии: взвод кавказцев терроризирует целую воинскую часть, а русскому большинству нечего противопоставить национальной спайке, природной агрессивности и физической выносливости кавказского меньшинства. Этот пример... касается отнюдь не только атмосферы в армии и кавказцев...

Но вот, кажется, забрезжил огонек надежды на исправление этой весьма плачевной ситуации. И, похоже, опять богатырский дух

⁴⁴ Письма на войну и с войны // Там же. 2002. № 6. С. 25.

330

созревает в вотчине русского спасения — Троице-Сергиевой лавре, где в военно-патриотическом клубе «Пересвет» вчерашние дворовые мальчишки обучаются православной нравственности, мужеству и боевым искусствам... Сама идея об объединении патриотического воспитания молодежи с русскими боевыми искусствами на основе православного мировоззрения уже давно витала в воздухе... После окончания круглого стола (организованного отделом внешних церковных связей Московского патриархата совместно с военно-патриотическим клубом «Пересвет») ее организаторов, к их приятному удивлению, неожиданно пригласили в организационный отдел Управделами

Администрации Президента РФ, где им была выражена поддержка. Сначала моральная. А там — видно будет¹⁵.

Интересно отметить, что идеи созидания нового военизированного поколения в *воюющей* России отнюдь не замыкаются рамками текстов журнала «Русский дом» и других, подобных ему изданий. Примером может служить документальный телефильм «Детский спецназ» (2002), показанный на одном из каналов центрального телевидения в рубрике «Профессия — репортер». Авторы фильма представляют в качестве *информационного события* конкретный опыт обучения детей и подростков боевому искусству российского спецназа. Повествование разворачивается в единой стилистике: трудности и радости овладения *мужской работой*, размышления наставника ребят, бывшего спецназовца, о содержании обучения и возможностях практического применения полученных навыков, положительные суждения матери одного из подростков о занятиях сына и т. д. Не пытаясь определить намерения создателей этого фильма, заметим, что для массового потребителя такого телепродукта все актуальные маркеры военизированного сознания расставлены предельно четко.

Возрастание значимости мобилизационных стратегий заметно и в официозных дискурсах, где наряду с идеей о необходимости национального единения подчеркивается особая важность конвенционального участия разных социально-культурных групп в текущей информационной войне.

В российском обществе, которое все более вписывается в параметры информационного общества, битва дискурсов (насыщенных вербальными и визуально-образными формулами, клише, штампами) рассматривается прежде всего как борьба за содержание коллективных представлений. В этой связи официозные обращения к интеллигенции выглядят как настойчивое приглашение к сражениям такого рода. Так, Глеб Павловский говорит: «Я думаю,

⁴⁵ Полы некий А. Богатыри не мы?!//Там же. С. 6.

331

что интеллигенция должна помогать стране учиться убивать квалифицированно, интеллигентно, оптимально убивать врага, чтобы у него не было надежды сесть на стул, как Бараев — наподобие хана развалился, как в фильме «Андрей Рублев», и говорил нам, что мы должны делать»⁴⁶.

Эта интенция включения интеллектуалов в информационную войну практически не отличается от оппозиционной ей, такой же радикальной по смыслу, но высказанной гораздо раньше: вспоминая чеченскую войну 1994—1996 гг., Валерия Новодворская отмечает возможности эффективного «интеллигентного» участия в ней следующим образом:

...Российские демократы без налета государственной идеологии и посреднического позерства (те, кто не делал вид, что не правы обе стороны) поддерживали чеченцев с таким жаром и с такой нежностью, что аналогов ближе республиканской Испании мы не сыщем. И депутаты, и журналисты, и правозащитники... по сути дела, составили интербригады — на современном уровне, без оружия. Тем более что камеры и авторучки стреляли по вражеской федеральной армии почище «стингеров»⁴⁷.

Мысль о приоритетности информационной войны в противоборстве с *Врагом* отчетливо проговаривается и в популярной литературе о чеченской войне. Так, в тексте боевика Александра Ольбика «Президент» главные герои ведут следующий диалог⁴⁸:

— Мы сейчас одни: я — президент страны и вы — глава Антитеррористического центра... Скажите, положу руку на сердце, неужели у нас не хватает воли и сил задавить сволочей?..

— И воля есть, и силы немалые, но действует эффект спартанцев,

— сказал Платонов. — Не будем скрывать, мы для чеченцев — захватчики...

— Я понял вас, но давайте исходить из другой ситуации... Спартанцы никому не отрезали головы, не похищали даже своих врагов и уж тем более не взрывали жилища мирных жителей, не убивали женщин и детей... Есть разница?

— Безусловно! Но у сепаратистов другая психология, совсем другая...

— Хорошо, согласен, но что делать? Мы же с вами не психотерапевты.. Впрочем, может быть, как раз этого нам и не хватает. Наши СМИ на каждом углу должны кричать: войну ведет не Россия, вой-

⁴⁶ Цит. по: Московский комсомолец. 2002.4 ноября.

⁴⁷ НОВОДВОРСКАЯ В. Указ.соч. С. 374—375. ⁴⁸ Ольвик А. Указ.соч.С. 13.

332

ну ведут против России. И это надо донести до сознания каждой чеченской матери, каждой сестры и жены, чтобы они остановили своих воюющих мужиков.

В дискурсах массовой культуры, как и в дискурсах политической власти, имплицитно присутствует слоган «надо всем вместе участвовать в войне, потому что общий враг силен, а война будет идти долго». Война будет продолжаться немало лет. Это страшно, но... неизбежно, потому что *нам нужна победа*.

Нередко в популярной литературе на «чеченскую» тему можно встретить прямые апелляции героев к персонифицированной *высшей Власти* и надежду на *Чудо* в разрешении «чеченской проблемы».

Например, герои «романа» Владимира Угрюмова произносят такой коллективный тост: «Главное,

чтобы люди у власти были действительно за Россию, а не за деньги, и тогда все будет путем!.. Мы с вами все-таки русские мужики, и давайте выпьем за то, чтобы новый президент России был Русским, настоящим мужиком, который душой станет болеть за свою страну... Мы — русские?! ...За Родину!... За Россию!... За честь и славу русского оружия!...»⁴⁹

Еще более определенный, «победно-чудесный» способ завершения войны в Чечне представлен Александром Ольбиком в «романе» «Президент». Его издатель аннотировал это произведение следующим образом:

Президент — в отпуске? Так говорят средства массовой информации. Такова официальная версия. Но — где сейчас президент на самом деле? Там, где пылает в бесконечной войне Кавказ. Там, где президенту придется сражаться с боевиками-террористами. Там, где для победы ему понадобится весь его опыт, вся отвага, все умение рисковать... России повезло — наконец-то у нас есть не просто президент, а — настоящий мужик! Мужик, умеющий выполнять свою трудную «мужскую работу»... Характерно, что победный тон, присущий дискурсам популярной литературы, практически отсутствует в критических документальных свидетельствах о чеченской войне.

Александр Михайлов, генерал ФСБ-] Мы прагматики. Мы ждем простых и легких решений по самым сложным проблемам. И, наблюдая за происходящими событиями на Северном Кавказе, задаем себе и власти один и тот же вопрос: «Когда все закончится? Когда перестанет литься кровь не только там, но и в России?..» Не знаю. Не знают и те, кто сегодня ру-

⁴⁹ УГРЮМОЕ В. Указ. соч. С. 296—297.

333

ководит операцией в Чечне. Не знают и те, кому еще предстоит их сменить. Не знает и сам чеченский народ. За прошедшие десять лет воспитано целое поколение, единственными игрушками которого были автоматы, патроны и гранаты. И не только в Чечне. Дети погибших милиционеров. Офицеров и солдат армии и внутренних войск. Вдовы и матери никогда не забудут и никогда не простят ни власти, ни чеченцам смерть своих близких. Что же в итоге?⁵⁰

Одно из основных высказываний, определяющих критические дискурсы, — надо остановить войну, поскольку она разрушает всю Россию.

[Вячеслав Миронов, офицер Российской армии-] Пацаны бегали перед развалинами и играли в войну... Кроме войны они ничего не видят. Так и вырастут. И кроме войны и вот этих развалин ничего не увидят... Сомневаюсь, что народ, который мы пытались уничтожить и научили воевать, народ, вкусивший разбойной жизни и имеющий реального врага — нас, — сможет или захочет что-нибудь здесь возродить. Они поедут в Россию. ...Может, заставят население российских городов частично испытать тот ужас, что довелось им пережить. Кто знает? ...Я переоценил прожитую жизнь, стал смотреть на происходящее, на собственную жизнь несколько иначе. Стал ценить каждый прожитый день, минуту, радоваться всему. И я научился не прощать обид, нанесенных мне... Общество меня сделало таким, пусть и мирится с таким, какой я есть. Я осознал себя как личность, как Личность с большой буквы, а не винтик огромного механизма. Родине, обществу я сполна заплатил долги. Заплатил своей кровью и частью здоровья. Теперь мы квиты. Если общество и Родина давно считают себя свободными от обязательств в отношении меня, то теперь я также могу считать себя свободным, и все пропагандистские лозунги меня мало трогают... В свой народ стрелять или принимать на веру очередного надуманного врага, которого мне будут подсовывать, отвлекая от насущных проблем, — этот фокус уже не пройдет⁵¹.

Однако производители популярной литературы, коммерческого кино и телесериалов в большинстве своем предпочитают высказываться в пользу Войны, отказываясь от потенциальных возможностей массовой культуры продуцировать позитивную поликультурную дидактику и содействовать созданию толерантных моральных

⁵⁰ МИХАЙЛОВ А. Указ. соч. М., 2002. С. 256. "Миронов В. Указ. соч. С. 413—415.

334

установок в обществе, где бытуют и укрепляются ксенофобия и шовинизм.

В одном из своих «простецких» эссе, написанных с понятной массовому читателю позиции «здорового смысла», Юлия Калинина замечает:

Чем дольше идет война, тем больше я убеждаюсь в том, что люди странным образом делятся на две части. Одна часть где-то в глубине души своей искренне верит, что жизнь человеческая — это святое, главная ценность, и нет и не может быть никаких причин, оправдывающих убийство. Поэтому, если надо выбирать между жизнью и смертью (не своей, чужой смертью), люди всегда должны выбирать жизнь и больше ни о чем не думать. Другая часть, наоборот, считает, что такие причины могут быть. Бывают ситуации, когда людьми приходится жертвовать во имя высоких и нужных целей, потому что если ими не пожертвовать, последствия окажутся еще более страшными, чем сегодняшние потери...

«Святоши» видят только «отдельного маленького человека», его конкретные страдания, и в мыслях своих не могут подняться до «великого народа» и его исторической миссии. Впрочем, возможно, все дело в

воображении. Люди с сильно развитым воображением все время ставят себя на место других... А у «прагматиков» воображение не развито или большого горя у них никогда не случилось, но они не ощущают себя на месте других... Почему война в Чечне началась, мы не помним. Но зато теперь мы знаем, почему нам надо продолжать воевать. Потому что нужно защищаться от чеченцев. Если мы их не задавим до конца, они так и будут совершать вылазки и устраивать теракты, и покоя нам никогда не будет — это вам объяснит любой человек с государственным мышлением...

...Вот удивительно: весь род людской делится примерно на две части, а во власть почему-то попадает только одна часть — прагматики с государственным мышлением. Почему-то там никогда не бывает «святош», для которых жизнь человеческая — это святое, самая главная ценность. А ведь если бы они были во власти, никакие войны вообще никогда бы не начинались".

Может быть, все же стоит начинать с себя — остановиться, оглянуться, попытаться *найти другие слова для понимания Другого?*

Научное издание

ОБРАЗ ВРАГА

Выпускающий редактор Е. Савина

Ведущий редактор А. Бирюков

Компьютерная верстка: Г. Сенина

Обработка иллюстраций Ю. Конашков

Обложка: М. Авцин

ОБЪЕДИНЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

103051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 8

Факс: (095) 924-5761; тел.: (095) 744-3170

e-mail: info@ogi.ru

ЗАКАЗАТЬ книги ОГИ можно: тел. (095) 744-3171, 215-0101, e-mail: info@ogi.ru, astpub@aha.ru

ОПТОВЫЕ ПРОДАЖИ: тел. (095) 744-3171, 215-0101, e-mail: info@ogi.ru, astpub@aha.ru

ЗА ПРЕДЕЛАМИ России НАШИ книги можно КУПИТЬ: www.esterum.com

КНИГА ИЗДАНА ПРИ ТЕХНИЧЕСКОМ СОДЕЙСТВИИ ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ»

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж

Отдел продаж тел. (095) 215-0101, факс (095) 215-5110

e-mail: astpub@aharu

<http://www.ast.ru>

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.12.2004.

Формат 60 x 90^{1/16} Объем 21 печ. л. Гарнитура Garamond.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

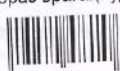
Тираж 2 000 экз. Заказ № 56.

ОАО «Санкт-Петербургская типография № 6».

191144, Санкт-Петербург, ул. Моисеенко, 10.

Телефон отдела маркетинга 271-35-42.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН **МОСКВА**
5-94282-159-3 201-007-001 050
Образ врага. (Гудков, Нация и кул

1752481

225.00

НАЦИЯ И КУЛЬТУРА
новые исследования

Образ врага

В этом сборнике представлены материалы круглого стола, посвященного «образу врага» в русской культуре. Сборник объединяет статьи, описывающие масонов и поляков, евреев и немцев, хазар и соседей по коммунальной квартире, всех тех, кого коллективное сознание зачисляет в чужаков, а следовательно, во врагов.

ISBN 5-94282-159-3

9 785942 821593

РОССИЯ/RUSSIA